

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Г. С. Смирнов

**ОБРАЗОВАНИЕ НООСФЕРЫ:
МИРОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И ГЛОБАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ**

Иваново

Издательство «Ивановский государственный университет»

2016

ББК 60.023

С 50

Смирнов, Г. С.

Образование ноосферы: мировая интеллигенция и глобальное сознание / Г. С. Смирнов. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. — 428 с. — ISBN 978-5-7807-1193-3.

Рассматриваются феномены российской, советской и современной мировой интеллигенции, затрагиваются актуальные вопросы философии интеллигенции, анализируется социокультурная дополнительность представителей интеллигентности и интеллигенции в условиях глобализации и ориентации на приоритеты устойчивого развития человеческой цивилизации.

Раскрыты пути формирования глобального сознания в контексте объективных, общечеловеческих, общецивилизационных ценностей. Представлена концепция сопряжения областей интеллигентоведения и ноосферологии применительно к региональным университетским и академическим традициям.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам, студентам, всем, кто интересуется проблемами интеллигентоведения и ноосферологии.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» № 15-03-00833

Рецензенты:

доктор исторических наук **С. М. Усманов**
(Ивановский государственный университет)

доктор философских наук **А. В. Брагин**
(Ивановский государственный энергетический университет)

ISBN 978-5-7807-1193-3

© Смирнов Г. С., 2016

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Retro-предисловие [Ноосферная парадигма духовности] ...	5
Введение [Мировое древо интеллигенции]	9
Раздел I. ИСТОРИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В XX ВЕКЕ	12
<i>Интеллигенция: новое социальное лицо накануне XXI века [12]. Прерванная нить: сознание русской интеллигенции [14]. «Вехи» как манифест общечеловеческих ценностей [17]. Интеллектуальные поиски российской интеллигенции: от «Великой России» к Ноосфере [24]. Интеллигенция и формирование субъективных оснований ноосферы [33]. Лики и лица российской интеллигенции [35].</i>	
Раздел II. ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО К ГЛОБАЛЬНОМУ	42
<i>Мировая интеллигенция и ноосфера: пространство философского дискурса [42]. Устои духовной жизни и ноосферная динамика России [65]. Ноосфера и духовная благотворительность [74]. Интеллигенция, ноосфера, устойчивое развитие: проблемы глобализации [79].</i>	
Раздел III. ФИЛОСОФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ИПОСТАСНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	90
<i>Философия интеллигенции: системный анализ проблемной области [90]. Интеллигенция как ноосферный аттрактор будущего [94]. Интеллигенция — фактор разрешения ноосферных конфликтов [98]. Философия интеллигенции: онтология, гносеология, аксиология, праксиология [108]. Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии в XXI веке [114]. Российская интеллигенция между Сциллой и Харибдой: история ноосферного разума [140].</i>	
Раздел IV. МИРОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	147
<i>Словарь В. И. Даля: система и образ ноосферной реальности [147]. Церковь и университет как элементы ноосферной истории [153]. «Новоправославная» и «старообрядческая» интеллигенция в России [156]. Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции [160]. Три разума в ноосферной истории [183]. Триадиалтика ноосферной истории [188].</i>	
Раздел V. НАРОД — ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ — ВЛАСТЬ	193
<i>От разума власти к власти разума [193]. Самоорганизация и самоуправление: становление субъективного фактора ноосферной цивилизации [195]. «Организационная интеллигенция» и/или «идеократия» [198]. Народная интеллигенция и власть: философия социального советования и общественной синергии [201]. Философия государственно-олигархического монополизма и будущее страны [249]. Декабристы XXI века: Кризис бинарного бонапартизма в России [253].</i>	

Раздел VI. СОЗНАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ МИРОПОСТРОЕНИЯ 256

Ноосферные искания российской интеллигенции [256]. Ноосферность в контексте теории устойчивого развития [258]. Социокультурная динамика ноосферной идеи: история и современность [260]. Социодинамика ноосферного универсума в категориальном дискурсе [263]. Проблемы устойчивого развития и социальной синергетики [270]. Российская интеллигенция и ноосферное миропостроение [274]. Российское глобальное сознание: великое противостояние интеллигентности и интеллигенции в России [289].

Раздел VII. МУЛЬТИВЕРСУМ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 294

В. И. Вернадский и традиции русской интеллигенции [294]. Биосфера, ноосфера и Роза Мира: опыт сопоставления идей В. И. Вернадского и Д. Л. Андреева [296]. Интегративный нравственный идеал российской науки [298]. «Великий синтез» В. И. Вернадского [300]. В. С. Соловьев как универсолог [304]. Россия Вернадского: сравнительный анализ моделей миропостроения В. И. Вернадского и В. И. Ульянова-Ленина [307]. Путешествие по метаисторическим мирам будущего России [313]. Софийность и ноосферность: парадоксы высокого соприкосновения двух гениев [318]. Три Владимира: размышления о ноосферной истории и ноосферном будущем России [322]. Большая Вселенная Даниила Андреева [327]. Российское глобальное сознание глазами Н. Н. Моисеева: евразийское измерение [329].

Раздел VIII. РЕГИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК 334

Н. П. Антонов: восхождение к ноосфере [334]. Антоновские яблоки познания [339]. Первый иваново-вознесенский философ [344]. Тихая глобальность провинции: И. В. Дмитриевская, Г. Н. Гумницкий, В. П. Раков [351]. Миф об «ивановском мифе» [361]. Зеркало Вселенского бытия [368]. Д. Г. Бурылин как тип иваново-вознесенского интеллигента [375]. Музейная культура везде-вечности [384]. 100 лет глобального сознания: виртуальная ноосферная история и музейно-софийное мировоззрение Д. Г. Бурылина [388].

Postmo-заключение [Мировая интеллигенция как синергийная субстанция глобального сознания] 395

Постскрипtum [Интеллигентоведение als ob ноосферология]..... 398

Библиографический список..... 403

Предметный указатель..... 421

Summary..... 426

НООСФЕРНАЯ ПАРАДИГМА ДУХОВНОСТИ (1994)

Современное российское общество, взятое как духовно-материальная сложность, вновь — как это было в начале XX века — входит в пору переосмысления жизни. Если экономические формы бытия, носящие относительно универсальный, цивилизационный характер, уже обозначились и обретают отчетливый вид, то духовные процессы в России находятся еще только в стадии становления. Сегодняшний выбор типа духовности по своим историческим масштабам может быть сравним разве что с духовным выбором начала русской истории.

Православие, целое тысячелетие формировавшее российский этнос, в начале XX века оказалось перед тяжелым испытанием, обнаружив как сильные, так и слабые стороны этого типа мировоззрения. Пришедший на смену марксистско-ленинский тип духовности и миропостроения знаменовал собой полный разрыв со старой традицией. Сегодняшняя духовная жизнь ставит вопрос о синтезе этих различных, и даже в чем-то противоположных, типов духовности и миропостроения.

Духовность как результат функционирования культуры предполагает бережное отношение ко всему творческому наследию народа. Актуальное бытие культуры — это один из важнейших моментов пассионарности народа, живущего в условиях постоянного обновления своего материального и духовного существования. Выявление взаимосвязей культуры и духовности вряд ли возможно в рамках ответа на вопрос об их первичности или вто-

ричности — гораздо более существенно то, что культура и духовность представляют собой ипостась космопланетарного бытия человечества. Культура — это видимый результат духовности.

Русская культура и русская духовность прошли несколько этапов в своем развитии. Логикой исторического развития духовная жизнь словно колеблется между двумя крайними положениями: приматом природы и приматом духа. Очень условно можно было бы говорить в этой связи о доминантах язычества и христианства. Будущая *российская духовность*, очевидно, будет кристаллизироваться как синтез предшествующих духовных парадигм. Можем ли мы смоделировать такую духовную культуру, в которой совмещались бы несовместимые, казалось бы, идеи — утилитаризм и красота, прагматизм и нравственность, экзистенциальность и космичность, духовность и телесность? Думается, что российская культура в период своего Серебряного века выносила, сформировала прообраз этой синкретической парадигмы. Чтобы обнаружить истоки и проследить метаморфозы её развития, вспомним, что Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве и многие другие русские мыслители прошли уже тот путь от марксизма, сциентизма к парадигмам высшей духовности, который предстоит пройти российской общественности сегодня.

Русская культура в своих широких контактах с мировой (европейской и американской) культурой в период своего наиболее интенсивного развития сформировала ноосферную парадигму духовности. Важной её особенностью является глубоко внутреннее, органичное сочетание телесного и духовного, материального и идеального, биологического и технического в жизни человеческой цивилизации.

Ноосферная парадигма духовности, возрожденная в русской литературе в преддверии XXI века, в известной мере совмещает в себе православный опыт строительства души и антропоориентированный (социалистический) опыт строительства социума и техносферы. Главное качество ноосферной парадигмы духовности — выявление меры соразвития геосферы и биосферы, социосферы и техносферы, информатосферы и пневматосферы в контексте глобального развития, организованности ноосферы.

В широком, философском смысле ноосферная парадигма духовности представляет собой системообразующий фактор ста-

новящейся ноосферы, факт глобального, геологического процесса перехода биосферы в ноосферу. Необходимо заметить, что в констатации общечеловеческого значения универсальности парадигмы нет и намёка на предустановленную российскую избранность, мессианский характер русской идеи, русской духовности, ибо ноосферная идея и генетически, и исторически, и логически есть квинтэссенция всей мировой культуры, в которой российская культура в начале XX века занимала одно из достойных мест. Ноосферная идея (идея установления гармонических отношений между природой, обществом, техникой и человеком на основе ценностей истины, добра и красоты), являющаяся ядром ноосферной парадигмы духовности, обрела в разные исторические эпохи специфические формы: «ноосферность» язычества, «ноосферность» христианства, «ноосферность» И. Канта, «ноосферность» В. И. Вернадского, «ноосферность» П. Тейяра де Шардена, «ноосферность» Рерихов, «ноосферность» В. И. Ленина, «ноосферность» Римского клуба — это лишь некоторые выбранные примеры.

Общечеловеческий религиозный, философский и научный багаж ноосферной идеи привёл к тому, что ноосферная идея в разных формах появилась в разных странах мира, в разных культурах. Ноосферная парадигма духовности, пронизывающая мировую культуру, есть следствие интернационализации, глобализации, планетарного характера функционирования человеческой цивилизации как единого целого.

Содержательная сторона ноосферной духовности связана с творчеством В. И. Вернадского. Его идеи, изложенные в работах «Научная мысль как планетное явление» и «Несколько слов о ноосфере», — это своеобразное «откровение Вернадского», рисующее в самых общих чертах ноосферный образ мира как научный, философский, художественный и в определенной мере даже религиозный факт. Ноосферная идея, в русской культуре существовавшая в нескольких вариантах, была проверена исторической практикой, и, хотя большевистский вариант коммунистической идеи, являющийся известной трансформацией ноосферной идеи, оказался неосуществимым, он открыл новые горизонты ноосферного миропостроения.

В ряду современных тенденций духовного развития российского общества — таких как воскресение ортодоксального православия, реанимация облагороженного марксизма-ленинизма, насаждение мистических доктрин — ноосферная парадигма выглядит как нечто более цивилизованное, лежащее в русле общечеловеческих процессов, а значит, она требует тщательного исследования научной и философской общественностью.

*Посвящается памяти
Александра Михайловича Беневоленского —
человека, учёного, писателя, гуманиста,
воплотившего в русской провинции
образ ноосферной интеллигенции*

Введение

МИРОВОЕ ДРЕВО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Великий мастер исторических миропостроений Василий Осипович Ключевский одним из первых ввел организмический подход в методологию той сферы историко-антропологических знаний, которую в XX веке стали называть «интеллигентоведение».

На мировом древе всемирной истории время от времени опадает листва — национальная интеллигенция, выполнившая свою миссию; ей на смену приходят со временем новые молодые листочки, которые превращаются в цветущую крону, символизируя очередное возрождение или даже новое «осевое время». В последнее время очень модно стало говорить и писать о «смерти интеллигенции», что силлогистически связано с констатациями заветного «конца истории» как «вечного возвращения».

Биосферно-организмический подход в современной гуманитаристике стал знаковым явлением, ибо в век «железной техносферы» напомнил о том, что человек неизбывен, что даже если для роботов и киборгов «Бога нет», то для человека он есть даже тогда, когда избранное человечество провозглашает, что «Бог умер».

В XX веке постепенно формируется ноосферная методология, позволяющая органически адекватно понять естественное развитие разума на планете Земля, для которого очень часто наступали зимние периоды подмораживания или весенние помутнения сознания. Но столь же закономерно приходили летнее плодоношение и золотая осень, они показывали результаты очередного летописного года эволюции человеческой мысли как планетного явления.

Интеллектуальная история человечества получила свое интенсивное развитие в работах российских историков, вынужденных уехать за границу в послереволюционный период, однако в своем широком выражении она обозначилась еще в дореволюционный период, в частности в работе В. И. Вернадского «1911 год в умственной истории России». Очевидно, именно эту ноосферную линию Вернадского-отца подхватил освоением евразийской и интеллектуальной истории Вернадский-сын, а ее сложные репрезентации обозначили себя уже значительно позднее — в конце XX века.

В ноосферной истории человечества наступает время, когда многообразные проявления разума и сознания — субстанциальные формы интеллигентной, интеллектуальной, интеллигентной жизни — оказываются совсем не рефреном кровавой истории столетних и мировых войн, а главным агентом пусть пока еще войн, но уже *войн разума* («ноомахий»). Интеллигенция и интеллектуалы, до поры до времени разведенные историческими коллизиями национальной и мировой истории, сплетаются в нечто едино-цельное, *интеллигентуалы* современности оказываются знаком порождения глобального (планетарного) сознания третьего тысячелетия, которое охватывает уже не только отдельные слои старого традиционного и посттрадиционного общества, но в целом все пространство нарождающегося «информационного общества».

XX век, век революций и мировых катастроф, открывался многообразными формами планетарного и предглобального сознания, но переход количественных изменений в качественные в значительной степени представлен выходом на простор нового тысячелетия, чья интенциональность еще только начинает просматриваться в формах консолидированного коллективного разума человечества, число носителей которого за последнее столетие увеличилось в шесть раз. Столь быстро увеличивающаяся «масса человеческого разума» привносит в мировую историю проблему человеческого качества, открывается эпоха «человеческой революции», о которой писал А. Печчеи. Содержание этой человеческой революции неразрывно связано с судьбами мировой интеллигенции и глобальных интеллектуалов, но в действительности этот процесс значительно шире и объемнее — он

предполагает включенность всего «человеческого материала», трансформации которого в значительной мере будут аналогичны метаморфозам разума в верхних слоях «ноосферы».

Глобальное сознание человечества нового тысячелетия — чрезвычайно существенный предмет для комплексного гуманитарного осмысления, он предполагает выход за рамки методологических трендов, принятых в философии сознания. В силу целого ряда причин ни религиозное, ни философское, ни художественное сознание не ориентируются по своей природе на некую целостность; такого рода виртуальная целостность складывается как мозаика. Как показал В. И. Вернадский, в начале XX века лишь научная мысль продемонстрировала себя как планетное явление, в силу этого мировой истории явилось сплоченное научное сообщество, орден интеллектуалов, определявший и определяющий донныне развитие мировых исторических процессов.

Начало XXI века открывает новую главу книги мировой истории — начинает формироваться иная, пролонгированная сознаниевая целостность, которую можно было бы назвать «глобальное сознание синергичного человечества». Именно от этого общечеловеческого идеального конструкта («человеческого качества») будет зависеть планетарная конкретика ноосферной истории.

Глобальное сознание мировой интеллигенции предстает как ноосферное сознание, его кристаллизация проходит длительный и мучительный путь в борьбе противоречивых тенденций интеллектуальных фантазий, утопического сознания, сна разума, порождающего реальных и виртуальных чудовищ.

Палитра интеллигентоведческих дискурсов, представленная в этой книге, весьма противоречива и разнородна, она дает представление об исторической логике размышлений в контексте современного интеллигентоведения и ноосферологии — сфер *глобальной гуманитаристики*, находящихся в сложном пересечении конкретности и сиюминутности. В силу этого некоторые сделанные выводы не носят генерализирующего характера, они лишь отражают эволюцию исследовательских программ, выступая эвристическими формами на общем методологическом пространстве, обнаруживая подчас существенные моменты личностной ноосферной истории.

Раздел I

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В XX ВЕКЕ

Интеллигенция: новое социальное лицо накануне XXI века (1991). Прерванная нить: сознание русской интеллигенции в XX веке (1991). «Вехи» как манифест общечеловеческих ценностей (1991). Интеллектуальные поиски российской интеллигенции: от «Великой России» к Ноосфере (1992). Интеллигенция и формирование субъективных оснований ноосферы (1994). Лики и лица российской интеллигенции (2009).

Интеллигенция: новое социальное лицо накануне XXI века

Спор о месте и роли интеллигенции традиционно актуален для последних периодов русской истории. В меньшей степени это справедливо для советской истории раннего периода. В 1920—30-е годы вульгарно понятое марксистское представление о роли народных масс в истории не оставило «маленькому» человеку практически никаких шансов, а интеллигенция стала рассматриваться как малозначительная «прослойка». Постулируя решающую роль народных масс в истории, руководство страны все больше и больше отдаляло трудящихся от реального полновластия. В теории и на практике стал проявляться субъективный идеализм. Наука и искусство были настолько идеологизированы, что в значительной мере потеряли свою общечеловеческую значимость, тем самым обозначила себя дегуманистическая направленность развития общества, которая в конечном итоге привела к блужданию в потемках без надежды найти практические выходы из постепенно формирующегося кризисного состояния.

Перестройка стала возвращением к утраченным научным и гуманистическим ориентирам в экономической, экологической, социальной, политической, международной областях жизни общества. Встал вопрос о необходимости научного осмысления происшедших изменений, представления о которых в течение долгого времени носили абстрактный, мифологический, мало связанный с реальностью характер. Важнейшую роль в этом не-

избежно должна была сыграть интеллигенция, которая предвляла перестройку при помощи идеологической и научной революций. Такое положение в свою очередь привело к тому, что интеллигенция осознала себя важнейшей силой перестройки, цивилизационных процессов в нашей стране. Именно в этот период отчетливо прозвучал тезис, что интеллигенция — тоже народ, и была сформулирована мысль о том, что она является не «прослойкой», а крупной социальной группой с явно выраженными признаками класса.

Развитые процессы духовного производства, выделявшиеся наряду с материальным производством в системе общественного производства в целом, позволили сделать вывод о том, что в конце XX века проявил себя социальный феномен, который связан с идеей К. Маркса о науке как непосредственной производительной силе, а также с представлением В. И. Вернадского о научной мысли как планетном явлении. Перестройка в нашей стране, происходившая в постиндустриальную эпоху, во многих своих проявлениях обнаруживает себя как социальная революция-трансформация, мозгом которой является интеллигенция, как осознавший свое истинное предназначение социальный слой. В политику интеллигенция вносит важнейший момент, который ранее находился в зачаточном состоянии, — достижение консенсуса в обществе, выбор таких методов, форм и темпов преобразований, которые сохраняли бы гражданский мир в обществе.

Рассматривая вопросы воздействия интеллигенции на современную политику, было бы несправедливо не заметить следующий важный факт политической истории: перестройку начала не партия в целом, не партийная бюрократия, а партийная интеллигенция. Как показали последующие события, перестроечные процессы осмысливались тем глубже, чем полнее привлекались к их анализу и планированию различные слои научной, технической, художественной интеллигенции. Не будет преувеличением сказать, что успех цивилизаторских процессов в нашей стране во многом будет зависеть от того, насколько интеллигенция окажется готовой выполнить свою критическую, прогностическую и созидательную роль.

Важнейшей функцией интеллигенции в современном обществе является формирование духовности, образованности, которые, как показывает опыт развития многих стран, являются главным критерием цивилизованности и культуры. Общество, лишенное культуры, теряет смысл своего существования, разлагается и гибнет. Возрождение духовности в ее общечеловеческом и национальном, историческом и логическом измерениях — фундаментальная задача современной интеллигенции. Демократия не может функционировать при недостатке культуры, ибо в этом случае выливается в формы диктатуры, тоталитаризма и охлократии. От общей культуры народа зависят сроки и темпы преобразований в стране.

На пороге XXI века интеллигенция как часть единого человечества превращается в международную силу, имеющую глобальное значение. Она становится принципиально «открытым» социальным слоем, который выполняет задачи эвристического поиска возможных вариантов прогнозируемого будущего, консолидации, объединения усилий всех стран и народов в оптимизации такой сверхсложной системы, какой является система «биосфера — цивилизация». В конце XX века мировой общественностью все глубже осознается тот факт, что человеческая цивилизация представляет собой единое целое, что ее самоуничтожению противостоит процесс перехода биосферы в ноосферу — сферу труда и разума цивилизованного человечества.

***Прерванная нить:
сознание русской интеллигенции в XX веке***

Начало XX века — Серебряный век русской духовности. Именно в этот период происходит высочайший взлёт философского и научного, художественного и религиозного творчества. Уникальные исторические коллизии создали фон для интенсивного философского и художественного осмысления исторических судеб России, вытекающего из мощных пластов духовности, формировавшихся в течение тысячелетней истории страны. Духовная жизнь России этого периода характеризуется цветистостью и многообразием, напряженной противоречивостью сложнейшей организованностью: социальная борьба определяла ха-

ракетер духовного единоборства различных течений, школ, направлений, стилей. Все это создавало слиток духовности высочайшей пробы. Российская интеллигенция — носительница общечеловеческих философских, научных и религиозных открытий, глубинных художественных интуиций, пророческих откровений; она являлась самым красивым и балованным ребенком русской предреволюционной жизни. Этому ребёнку предстояла труднейшая судьба, столь часто сопутствующая русскому народу, выдвинушему из себя плеяду святых великомучеников.

Со времени немецкой классической философии принято считать философию квинтэссенцией духовной жизни общества, поэтому ключевые вехи развития сознания русской интеллигенции можно обнаружить в философских сборниках «Вопросы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909). В последнем из них дано осмысление революционных событий 1905—1907 годов, полное предчувствий и в достаточной мере достойное именованная «Российский Апокалипсис». Традицию прямого и смелого анализа действительности, событий мировой войны и «всемирной» революции продолжил сборник философских статей «Из глубины» (1918). Вокруг этих полюсов притяжения и концентрировалась духовная энергия русской интеллигенции.

В большей степени сказанное относится к сборнику «Вехи», анализу которого посвящено более 200 публикаций современников, представителей самых различных политических партий и идейных течений. Казалось, революция отсекала от новой интеллигенции идеи «Вех», однако след, оставленный этим сборником, оказался глубоким, и его не удалось засыпать шелухой идеологических конструкций псевдомарксистского свойства.

Российская советская интеллигенция к концу 1990-х годов в результате кардинальных исторических сдвигов «доросла» до понимания тех реалий, которые прозрели русские философы начала века, мучительно продолжавшие поиски истины в послереволюционные времена, будучи высланными за границу, утверждавшие общечеловеческие ценности духовной свободы, демократизма в противовес любой диктатуре, законности в противовес насилию, разномыслия вместо тоталитарности.

Отдавая приоритет духовному началу в жизни человека, авторы «Вех» выступали за эволюционный путь развития. В

революции они видели только зло, раскрепощение звериных инстинктов людей: она наносит тяжелейший удар по всему народу, приводит не к ликвидации несправедливости, а к ее усилению. Ответственность за эти тяжелейшие последствия авторы статей в значительной степени возлагают на русскую интеллигенцию.

Многие беды, потрясшие Россию, веховцы выводят из явления, получившего название «правовой нигилизм». Он был связан с непониманием роли права, правовых институтов для общества, неосознанием того, что «социалистический строй с юридической точки зрения есть только более последовательно проведенный правовой строй»¹. Последствия недооценки значения права были для нашей страны катастрофическими. Как и предсказывали «веховцы», неразвитое правосознание русского общества привело к утверждению полицейского государства.

Весьма критическое отношение высказывали философы относительно теории классовой борьбы. Они видели в ней только повод для разжигания вражды между людьми, для вытравливания представления о государстве и нации как едином целом. Вооруженный сознанием классовой ненависти человек идет не вперед — к свободе и равенству, а назад — к состоянию первобытного зверя. Кроме того, даже возобладавшие классы могут извлекать из своего положения только временные выгоды, т. к., если ненависть становится в центр жизни, она одинаково ударяет и по победителям, и по побежденным.

Многие опасения и предупреждения авторов сборников, к сожалению, сбылись. Поэтому, несмотря на то, что с некоторыми выводами «веховцев» можно полемизировать, насущной потребностью представляется обращение к трудам русских интеллигентов, для того, чтобы с учетом пройденного нашим обществом пути, понять, где мы находимся сейчас, куда идём, и что нас ожидает впереди.

Восстановление прерванной нити, возвращение к первоисточникам — трудный, но неизбежный путь развития сознания современной интеллигенции, всего общества — подтверждение

---

¹ Вехи. М., 1990. С. 113.

слов Н. А. Бердяева, что «...последствия творческого духовного подъема начала XX века не могут быть истреблены, многое осталось и будет в будущем восстановлено»².

«Вехи» как манифест общечеловеческих ценностей

За последние годы перед духовным взором широких слоев общества появилось огромное количество таких феноменов прошлого, которые требуют не только понимания в контексте исторического прошлого, но и осмысления их во взаимосвязи и преемственности воздействия на современность. Разом открывшееся историческое прошлое требует от историка многолетней кропотливой работы: пройдет время и будут расставлены акценты, обрисованы этапы с их конкретно-историческим содержанием, именами, поступками, книгами и документами. Сейчас же даже такой небольшой, по сравнению с машиной исторического процесса, фрагмент, как духовный путь русской и советской интеллигенции можно проследить лишь в самых общих чертах, только попытаться прорисовать пунктиром его движение на карте русской духовности. Вехами на этой столбовой дороге, несомненно, явятся такие работы о русской интеллигенции, как «Вехи», «Из глубины», «Из-под глыб», выделяющиеся из ряда других по уровню теоретического осмысления, по многосторонности взглядов и разнообразию подходов, по степени глубины и смелости.

Художественные пророчества Ф. М. Достоевского, оставленные нам в «Бесах», к началу XX века отлились в конкретные социально-философские идеи, которые, тем не менее, не смогли остановить Россию от стремления испытать свою судьбу. Пройдя выбранный путь до конца, осуществив индустриализацию страны некапиталистическими методами, поднявшись на новую ступень экономического, социального и духовного прогресса, страна вновь возвращается к революционному началу века в условиях новых социальных потрясений.

---

² Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991. С. 166.

Сумеет ли общество осознать то, что было сказано накануне и после революционных событий начала века и перенести этот духовный багаж на опыт сегодняшнего дня? Останется ли интеллигенция на той высоте, которой требует от неё ситуация, или опять стихийный, деструктивный ход событий похоронит надежды на вхождение в общий дом — мировую цивилизацию?

В связи с обсуждением этих вопросов о судьбе России в последние годы обнаружился взрыв интереса к «Вехам» — сборнику статей крупнейших мыслителей Серебряного века русской духовности. Такой интерес не случаен, он определяется обращением к проблемам, оставшимся актуальными вплоть до сегодняшнего дня. Прежде всего, речь идет об анализе общечеловеческих ценностей. Сущность «Вех» прекрасно выразил С. Л. Франк в ответе С. В. Лурье: «... "Вехи" подняли восстание против традиционных ценностей русской интеллигенции»³.

Обсуждение общечеловеческих ценностей в философской и социологической литературе стало чуть ли не общим местом, период «перестройки» позволил заговорить о них не только в абстрактно-философском плане, но и с ориентацией на конкретно-исторический, социальный и политический контекст. Тем более интересно проследить истоки рассуждений об общечеловеческих ценностях, вскрыть социальные и духовные причины их возникновения.

Интеллигенция, как отмечал С. Л. Франк, «стоит перед величайшей и важнейшей задачей пересмотра старых ценностей и творческого овладения новыми»⁴. Взрыв социальных бурь, беспрецедентное в российской истории ускорение исторического времени определили заметное отставание сознания интеллигенции от общественного бытия. Это явление довольно типично, но в российской ситуации начала XX века такое «опаздывание» было чревато огромными потрясениями. Фактически сознание русской интеллигенции не соответствовало надвигающимся на Россию общецивилизационным процессам. В революционных условиях сошлись две крайности: маниловско-созерцательное отношение старой обломовской России, с одной стороны, и насильст-

---

³ Франк С. Культура и религия: (По поводу статьи о «Вехах» С. В. Лурье) // Философские науки. 1991. № 7. С. 68.

⁴ Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990. С. 210.

венно-разрушительное, с другой. В этом обнаруживала себя реальная трагедия русской интеллигенции, для которой, несмотря на эти различия, были характерны одинаковые черты.

Со времен «вокругвеховских» батальей⁵ сохранилось стойкое убеждение, что «обвинительный акт, подготовленный веховцами в отношении русской интеллигенции, оказался предельно мрачным и явно тянул на высшую меру наказания»⁶. На наш взгляд, более точно социальный смысл «Вех» выражается в терминах «покаяние» и «самопознание». Одна из главных идей «Вех» (если не самая главная) осталась непонятой современниками, ослепленными идеями социальной борьбы; пройдя по кунсткамере «Вех», многие так и не заметили «слона», которым, на наш взгляд, оказались общечеловеческие, объективные, общеобязательные ценности. Это непонимание сквозит у отдельных авторов и в современной литературе. Вульгарно-материалистическое толкование главного противоречия, вскрытого «Вехами», до сих пор «актуально». «Веховцы рекомендовали, — пишет В. Шелохаев, — интеллигенции раз и навсегда отказаться от "классовой науки марксистов" и "субъективной науки народников" и признать, что именно "буржуазная" наука и есть настоящая, объективная наука. Причем при разработке научных доктрин следовало стремиться к поиску универсальной истины, синтезу знания и веры, "правды-истины" и "правды-справедливости". Этот призыв означал на практике отказ от материалистических идей...»⁷ Этот традиционный подход в оценке «Вех» явно устарел. Следуя принципу «большое видно на расстоянии», приходится признать, что высший смысл «Вех» не укладывается в классовые, национальные или этнические рамки, он может быть найден лишь с учетом сегодняшней реальности, которая устами своих философов и политиков уже не робко, а твердо и убедительно говорит об общечеловеческих ценностях⁸.

---

⁵ См.: *Время «Вех»: к истокам дискуссии* // *Философские науки*. 1991. № 6; *Лурье С.* Жизнь и идеи: (Ответ С. Л. Франку) // *Философские науки*. 1991. № 1. *Франк С.* Культура и религия // *Философские науки*. 1991. № 7; *Вехи. Интеллигенция в России*: сб. ст. М., 1991.

⁶ *Шелохаев В.* Предисловие // *Вехи. Интеллигенция в России*. М., 1990. С. 16.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ См.: *Печчи А.* Человеческие качества. М., 1960; *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1990.

На наш взгляд, главное в «Вехах» — это смена вех, переход от классовых и национальных систем ценностей к ценностям общечеловеческим.

Проблема общечеловеческих ценностей пронизывает весь «веховский» сборник. Уже в заглавной статье «Вех» Н. А. Бердяев использует термин «общечеловеческое», смысл которого убедительно расшифровывал еще В. С. Соловьев. «В философии Вл. Соловьева, — писал Бердяев, — и родственных ему по духу русских философов живет универсальная традиция, общеевропейская и общечеловеческая, но некоторые тенденции этой философии могли бы создать и традицию национальную»⁹. Бердяев призывал отрешиться от кружковой отсебятины и настроиться на серьезную философскую культуру, которая фактически вела к философскому осмыслению проблем общечеловеческого и общечеловеческих ценностей. Появление этой новой социально-философской парадигмы в межреволюционную эпоху и эпоху назревания мирового военного конфликта очевидно и не могло быть понято современниками. Более того, даже сами веховцы вряд ли могли в полной мере оценить тот переворот, который они совершали в европейском общеполитическом и в еще большей степени политическом процессе. Общечеловеческая проблематика стала своеобразным центром притяжения, на неё нанизывались все остальные проблемы; вместе с тем они были скорее интуитивно угаданы, чем выведены как эмпирическое обобщение.

Наиболее фундаментально проблема общечеловеческих ценностей рассмотрена в статье С. Л. Франка, которая не только завершает сборник, но и подводит главные итоги. С. Л. Франк — по признанию современников, один из самых блестящих и глубоких философов того времени — обозначит этот феномен терминами «общеобязательных ценностей» и «объективных ценностей». «Если в мире нет общеобязательных ценностей, — пишет Франк, — а все относительно и условно, все определяется человеческими потребностями, человеческой жадностью счастья и наслаждения, то во имя чего я

---

⁹ Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990. С. 19.

должен отказываться от удовлетворения моих собственных потребностей?»¹⁰. «Непризнание абсолютных и действительно общеобязательных ценностей, культ материальной пользы большинства основывают примат силы над правом, догмат о верховенстве классовой борьбы и "классового интереса пролетариата", что на практике тождественно с идолопоклонническим обоготворением интересов партии; отсюда та беспринципная, "готтентотская" мораль, которая оценивает дела и мысли не объективно и по существу, а с точки зрения их партийной пользы или партийного вреда; отсюда — чудовищная, морально недопустимая непоследовательность в отношении к террору...»¹¹.

Столь пространный цитата неизбежна, т. к. в ней блестяще, кратко и точно дана философская и социальная оценка сложившейся в начале XX века ситуации с соотношением общеобязательных (общечеловеческих) и классовых ценностей, в ней также намечаются основные моменты расхождения классового (партийного) и общеобязательного.

Философская разработка феномена «общечеловеческого» осуществляется С. Л. Франком в рамках анализа понятия «объективные ценности». Эта идея фактически является лейтмотивом всей статьи. «Под нигилизмом, — пишет Франк, — я разумею отрицание или непризнание абсолютных объективных ценностей»¹². К объективным ценностям Франк относит теоретическую научную истину, или художественную красоту, или объект религиозной веры, или государственное могущество, или национальное достоинство и т. п.

Переноса философские построения на русскую интеллигенцию, С. Л. Франк делает вывод о том, что «умонастроение, в котором мораль не только занимает главное место, но и обладает безграничной и самодержавной властью над сознанием, лишенным веры в общечеловеческие абсолютные ценности, можно назвать морализмом, и именно такой нигилистический

---

¹⁰ Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990. С. 202.

¹¹ Там же. С. 206.

¹² Там же. С. 182.

морализм и образует существо мировоззрения русского интеллигента»¹³. Поразительно то, что в статье С. Л. Франка столь всесторонне обсуждаемые сейчас проблемы культуры напрямую связываются с объективными ценностями, и культура определяется им «как совокупность осуществляемых в общественно-исторической жизни объективных ценностей»¹⁴. Борьба же против культуры «есть одна из характерных черт типично русского интеллигентского духа»¹⁵.

Выводы С. Л. Франка говорят о том, что найдена ахиллесова пята русской интеллигенции. Прозорливость веховцев убедительно подтверждается всей дальнейшей историей страны: отрицание ценностей культуры привело к трагическим последствиям. Рассуждение о признании объективных ценностей — это нерв всех рассуждений о судьбах русской интеллигенции.

«Вехи» дали нам, по крайней мере, пять основных идей: идею демократизма в противовес любой диктатуре; примат законности и права в противовес революционному насилию; разномыслие вместо прямолинейности и одномыслия, права человека, стоящие выше прав государства; трансформационные, а не революционные изменения в обществе. Именно они в полной мере и с полным правом называются сейчас общечеловеческими и общецивилизационными ценностями.

В «Вехах» русская интеллигенция осознавала себя как явление мирового порядка, как «класс для всех», выполняющий важнейшую задачу осмысления жизни. «Вехи» — это не просто итог мыслительной деятельности, это прецедент, это поступок. Русская интеллигенция, посмотрев на себя в «Вехи», как в зеркало, обнаружила совершенно не тот облик, который ожидала увидеть. В этом заключается трагедия «Вех». С другой стороны, «Вехи» как феномен духовной жизни — это факт преодоления марксизма в его русской форме, очень похожее на процессы преодоления в русской духовной жизни кантианства, гегельянства, а также фихтеанства и шеллингианства.

---

¹³ Там же. С. 183.

¹⁴ Там же. С. 186.

¹⁵ Там же. С. 187.

Русская интеллигенция в передовой, авангардной ее части обнаружила несостоятельность марксизма как концепции, необходимой России для выхода ее на мировой простор, ее движения к общеевропейскому и общечеловеческому. Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и многие другие мыслители, будучи в начале своего духовного пути марксистами, преодолевали марксизм в его большевистской форме, предупреждали о возможных последствиях превращения этой идеи в материальную силу, выстраивали иные возможные пути дальнейшего развития духовной жизни в истории страны. «Вехи» — это путь, вернее, начало пути преодоления марксизма в сознании русской интеллигенции. Не будет преувеличением сказать, что сейчас эта проблема становится как нельзя более актуальной и, возвращаясь к истокам зарождения этого процесса, нельзя не заметить, что он происходил в более цивилизованных формах. Преодолеть марксизм — не значит отряхнуть его, а подняться выше его, вобрать его в новую духовную жизнь на уровне диалектического отрицания — снятия.

Невозможно не обратить внимания на то, что «Вехи» вышли в один год с книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Эта работа на философском материале решала узкопартийные задачи и во многом уходила от российской действительности. Книга классических русских интеллигентов ставила задачу профессионального поиска истины, добра и красоты в условиях российской послереволюционной действительности. В. И. Ленин и «Вехи» по-разному осмыслили опыт революции 1905—1907 годов. В. И. Ленин сделал практические выводы для дальнейшего развития революционного процесса в России, в «Вехах» предпринята попытка выйти на социально-практический уровень теоретических обобщений, связанных с предчувствием общечеловеческого в эпоху нарождающихся и грядущих социальных катаклизмов.

Даже достаточно жестко оценивая роль «марксистской» идеологии с современных идейных позиций, нельзя не признать, что потенциал общечеловеческого в марксизме, имеющий в нем место как и в любой другой социально-философской системе, к сожалению, полностью не был реализован. На наш взгляд, именно уход марксистов XX века от общечеловеческого в марксизме и привел к столь трагическому финалу.

Для понимания сегодняшней духовной ситуации необходимо обратиться к коллизиям духовной жизни начала XX века. Процесс преодоления марксизма, но только в более широком масштабе предстоит нашему обществу и сейчас. Позитивное преодоление марксизма, расставание с насажденным силой духовным менталитетом — это объективный процесс развития сознания сегодняшней русской интеллигенции. Опыт «Вех» позволяет глубже понять закономерности отказа от деструкции «марксистско-ленинского наследия» и его духовного преодоления.

Начало и конец XX века незримыми нитями духовности связываются в единое целое. Эта связь жила подспудно, трансцендентно, но период перестройки позволил ее осмыслить, и оказалось, что советская интеллигенция 1960—80-х годов «самостоятельно», естественным ходом исторических событий была подведена к тем проблемам, которые в начале века ставило поколение интеллигенции Серебряного века русской духовности. Волны истории хлынули в сознание современной интеллигенции, проделав за короткий срок колоссальную работу по его изменению. Феномен возвращения духовных ценностей, до которых общество доросло, поставил на совершенно иной, более высокий уровень понимание путей преобразования России.

Предупреждения, прозвучавшие в начале XX века и тогда не услышанные, не оцененные, не понятые, оказались сейчас не мечтательной метафизической философичностью, а «пособием» по вхождению в цивилизованность, в этику ненасилия, в философию перестроек и реформ, в мировоззрение «всеединства» и «богочеловечества», общечеловеческих ценностей.

***Интеллектуальные поиски
российской интеллигенции:
от «Великой России» к Ноосфере***

Поиски разумного устройства мира вот уже более двух тысяч лет сопутствуют истории человеческой цивилизации, вот уже более тысячи лет шагает великая Русь, предваряя появление Великой России, но осмысление ноосферы начато лишь в XX веке. Фактически же человечество, само того не подозревая, искало

ключи к ноосфере постоянно, вплоть до прошлого века — самого противоречивого и самого многообещающего века.

Чем пристальнее вглядываешься в историю XX века, тем больше убеждаешься в том, что она не столько детище слепых сил ее величества судьбы и железных законов истории, сколько результат воплощения идей отдельного человека, партии, класса, народа. История все настойчивее обнаруживает свое субъективированное лицо, и глазами этого лица, самой выразительной его частью является наиболее подвижный, эмоционально-волнительный, чувственно-колебимый, понятийно-отражательный слой общества — его интеллигенция.

Интеллигенция общества — не просто его часть, и тем более не его прослойка, — это его ипостась, его атрибутивная характеристика, окрашивающая его в любой мыслимый цвет: и черный, и красный, и коричневый, и даже звездно-полосатый. Интеллигенция — это «святой дух» общества.

В. И. Вернадский очень метко подметил, что интеллигенция тогда начинает заниматься своим делом, когда начинает осмысливать жизнь. Осмысление жизни — это важнейшая функция интеллигенции, ее родовое качество. Причем очень важно достаточно широко понимать значения слов «осмысливать» и «жизнь». Осмысливать — это и чувствовать, и переживать, и понимать, и описывать, и объяснять, и провидеть; жизнь — это и история человека, и история общества, и история природы, и история планеты, и история космоса. Человечество только тогда и становится человечеством, когда оно осмысливает самое себя в контексте бытия в природе. В полной мере эта функция проявила себя лишь в XX веке, когда разум человека проник в космические просторы, а сознание приобрело вселенские масштабы.

Трудно переоценить роль интеллигенции, как плюсов, так и минусов ее творческой и социальной активности, ибо она не только творец нового мышления и сознания, но и творец культуры. В XX веке проявилась и другая, новая функция интеллигенции — ноосферная. Интеллигенция в настоящее время фактически играет роль генератора, превращающего энергии мысли в космическом масштабе в энергию деятельности в масштабе планетарном, это «локомотивы ноосферы» в экономической, политической, культурной и других сферах жизни общества.

Для XX века стали очевидными в гораздо большей степени чем раньше «интернациональность», общечеловеческое единство интеллигенции, превращение её в единый планетарный мозг по выработке общечеловеческих ценностей и согласованию многообразия интересов. Вместе с тем ясно обнаружила себя паритетность двух групп интеллигенции — научной и художественной, гуманитарной и технической, в полной мере проявилось фундаментальное значение интеллектуально-гуманистической личности в новообразовательном, творческом, и, следовательно, в ноосферном процессе.

Противоречив и многозначен вклад российской интеллигенции в интеллектуальные поиски нового видения мира в контексте истории и культуры XX века. Центральным вопросом этих поисков является вопрос разумного, справедливого, законосообразного устройства мира. Поиски ответа на него увязывают в единый треугольник идеи «Великой России», «коммунизма» и «ноосферы».

К сожалению, история, как нашей страны, так и всего мира полна примеров того, что сплошь и рядом «тойнбиевская» элита общества в условиях резкого ускорения социально-экономических процессов оказывается неспособной к решению задач, вырастающих перед ней. Индивидуальное и в еще большей степени общественное сознание отстают от реальных планетарных процессов. Примером тому может служить интеллектуальная и культурная ситуация в предвоенную и предреволюционную эпоху начала XX века. Последующие поколения философов, социологов, историков настойчиво ставят и пытаются решить вопрос о том, почему достижение Россией, ее интеллигенцией высочайшего взлета в духовной жизни не стало формой, в которую могла быть отлита кипящая магма народного брожения, почему эта форма оказалась подобной воску и при первом ее соприкосновении с жидким металлом, расплавленной сталью — испарилась, оставив за собой, место тугоплавкой «большевистской» форме.

Традиционный ответ на вопрос о злоключениях русской интеллигенции связывается с колоссальным провалом, пропастью между народом и элитой, тем, что она страшно далека была от народа, что и привело к изоляции того пласта культуры, который, выпестывался тысячелетним развитием русской народности.

Этот ответ, однако, лишь ставит все новые и новые вопросы. Ленинская формулировка «верхи не могут управлять по-старому» в этой связи может быть понята не только в лоб, в прямом смысле; она требует и непрямого понимания: «верхи» не смогли воспринять новые политические, экономические, культурные парадигмы, которые интенсивно создавались в начале века и особенно после победы русской революции 1905—1907 годов. Но действительно ли, что накануне рубежного 1917 года уже была создана новая парадигма формирования «Великой России»?

П. А. Столыпин, выдвинувший социальный заказ на создание теории движения к «Великой России», не только улавливал интеллектуальные потоки осмысления положения России, но и пытался найти пути их реализации. Новая парадигма «Великой России» интенсивно формировалась не только в либеральной среде, но и в высших эшелонах власти. Не только «Вехи», но и весь спектр публицистических материалов предреволюционной эпохи доказывает, что после первой русской революции начался беспрецедентный по своей активности и разнообразию поиск решения экономических, социальных и даже религиозных проблем, перед которыми стояла Россия. Лучшие интеллектуальные силы России почитали за честь участвовать в этом уникальном исследовании. Поразительно, что история распорядилась иначе — в условиях бурного начала века российская буржуазия, чьи интересы фактически совпадали с интересами рождения «Великой России», не смогла родиться как социальная сила. Однако сама идея «Великой России» не могла исчезнуть, она трансформировалась в идею великой революционной России. Решение этой задачи требовало совершенно иных социальных сил и политических методов.

В начале века, таким образом, пересеклись и схватились в ожесточенной борьбе не только две политические, экономические, социальные, но и две интеллектуальные линии — линия «Великой России», объективно носившая буржуазный и национальный характер, и линия «России социалистической», носившая антикапиталистический и планетарно-мессианский характер. Исторические условия склонили чашу весов в пользу России революционной.

Размышления о двух интеллектуальных «чашах» ставят целый ряд вопросов. Во-первых, о том, какой проект был более фундаментально, т. е. философски и научно, обоснован? Во-вторых, на какие социальные силы должны были воздействовать живительные соки из обеих «чаш»? В-третьих, насколько эти «чаши» соответствовали «вкусам» других стран мира, которые испытывали вслед за Россией свою судьбу?

Первый вопрос лишь на первый взгляд кажется простым. Марксизм и впоследствии ленинизм узурпировали право на истинно верное, научное толкование исторического процесса. Эта уверенность в умении предсказывать будущее копилась в колоссальных масштабах гегелевских спиралей истории природы и истории общества, но она больше являлась ослеплением, нежели просветлением. Совпали две крайности: сюррационализм с историческим мистицизмом. Гегельянская традиция спекулятивных размышлений на основе законов диалектики, которые во многом выступали неадекватными инструментами познания социально-локальной действительности, отчетливо противостояла кантианской традиции «мягкого» осмысления как природных, так и социальных процессов. В. И. Вернадский, анализируя применимость гегелевских конструкций к естествознанию, вынужден был отказаться от них, склонившись в сторону И. Канта. При всех конкретно-исторических условностях этого вывода, сделанного под впечатлением полемики с деборинской школой в советской философской науке, этот вывод носит более глубокий смысл, и думается, что относится он не только к естествознанию, но и социальным наукам. Школа Санкт-петербургских философов, социологов, историков, создававших веховскую платформу, базировалась в основном на кантианской методологии.

Правильно оценить методологическую и содержательную альтернативность двух концепций «Великой России» поможет и тот факт, что в большинстве своем представители веховской интеллигенции, в частности П. Б. Струве, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, сами вышли из купели марксистской идеологии, причем не столько вышли, сколько преодолели марксизм теоретически. Обратим внимание на то, что противостояние Ленин / Струве началось еще в 90-е годы XIX века, а к 10-м годам XX века В. И. Ле-

нин становится главным идеологом революционной парадигмы преобразования России, а П. Б. Струве — одним из ведущих аналитиков столыпинской парадигмы «Великой России»¹⁶.

Опыт революционной России показал, что теоретическое преодоление марксизма и большевизма оказалось недостаточным, слишком заманчива была перспектива разрубания «гордиевого узла» всех экономических, политических, культурно-исторических проблем России.

Веховская струя осмысления будущего России не только содержательно, но и методологически выходила на иное решение проблемы «Великая Россия — мировое сообщество». В его основу было положено естественное вхождение России в Европу посредством последовательного отстаивания своих государственных интересов, поступательного экономического развития, доминирования объективных общечеловеческих ценностей, в том числе правовых, нравственных и эстетических.

Следует признать, что в России столкнулись две концепции создания «Великой России», две философские концепции и две теории миропостроения¹⁷. То, что несмотря на сложнейшие исторические условия, жесточайший психологический прессинг, авангард русской интеллигенции осветил дальнейший общецивилизационный путь когерентным пучком общечеловеческих ценностей — это следствие великого взлета русской культуры эпохи Серебряного века. Путь был найден, он был теоретически обоснован, и не вина русской интеллигенции, а скорее ее великая беда, что глас вопиющего в пустыне не был услышан. Сегодня наблюдая из «прекрасного далёка» эпоху великого духовного противостояния, мы в полной мере можем оценить тот духовный подвиг, который был совершен русской интеллигенцией накануне эпохи «великих потрясений».

---

¹⁶ См.: *Струве П. Б.* Великая Россия. Интеллигенция и народное хозяйство. Индивидуализм и социализм // Вопросы философии. 1992. № 12.

¹⁷ Следует отметить, что эти, в известной мере, противоположные концепции не являлись единственными. В то же время и немного позднее активно развивается евразийство, оказавшее сильное влияние на русскую общественную мысль и нашедшее отзвук даже в проекте конституции А. Д. Сахарова. Неполной была бы картина поисков без упоминания нетрадиционных концепций исторических судеб России Н. К. Рериха, Д. Л. Андреева и др.

Второй вопрос — вопрос о социальной детерминации двух линий «Великой России» — берет свое начало с ленинских представлений о двух культурах в каждой национальной культуре. Прямолинейно жесткая дихотомия — «буржуазная культура — пролетарская культура», «прогрессивная культура — реакционная культура» — оказалась неработающей в эпоху мирового синтеза культур, в эпоху «мирового расцвета». На поверку оказалось, что национальная культура едина, что она не столько разъединяет, сколько соединяет, а так называемая «пролетарская культура» выглядит теперь, как огромный протуберанец, который, вспыхнув, вновь возвратился в лоно огромной массы более чем тысячелетней культуры. Современная интеллигенция в своих пристрастиях возвращается к вековым традициям, преодолевая наносные явления, реальным ходом события превращаясь из советской в российскую и мировую интеллигенцию.

Вывод о том, что «веховская парадигма» оказалась не менее научна, чем противостоящая ей «парадигма социалистической России», что каждая из них по-своему права, что в результате открытого и подспудного столкновения в борьбе противоположностей рождалась и рождается реальная политика, напрямую связан с третьим вопросом. Российский эксперимент без сомнения носил не только локальный, но всемирно-исторический характер. «Моление о двух чашах» уготовано было не только России, но и многим другим странам мира: анализируя опыт России, мир должен был сделать свой выбор. Две парадигмы, у истоков первой из которых стояли «168 высланных», а у истоков второй — «когорты выславших», с переменным успехом боролись на протяжении всего XX века. В этом смысле показательно, что в 1974 году появился сборник «Из-под глыб», продолживший линию «Вех» и «Из глубины», а З. Бжезинский обозначил эту борьбу формулой «рождение и гибель коммунизма в XX веке»¹⁸. Россия, ее интеллигенция, говоря без патетики, в начале XX века стояли у черной пропасти неизвестности — выбора пути для всей человеческой цивилизации и за верификацию этого выбора пришлось заплатить очень дорогую цену.

---

¹⁸ См.: *Бжезинский З.* Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. New York, 1989.

Исторические судьбы русской интеллигенции трагичны. Традиционно считается, что великое влияние русских революций 1917 года на Запад связано с тем, что буржуазия всех стран осознала реальную возможность разрушения буржуазного государства в определенных исторических условиях и выработала защитные механизмы против сил объединенного народа, что в конечном итоге привело капиталистические государства к социальным ориентациям. Но в неменьшей степени влияние на мировой интеллектуальный процесс оказал «русский исход» послереволюционного периода. Волны эмиграции, набегавшие на Европу и Америку, — это преимущественно представители интеллигенции. Революция, выслав выпестованную веками российскую интеллигенцию, заставила обратить внимание на происходящие в России процессы, сильно воздействовала на интеллектуальный климат на западе.

В XX веке стало ясно, что реальное развитие биосферы и цивилизации напрямую связано с переходом биосферы в ноосферу. Процесс осознания и деятельности, вытекающий из этого, представляет собой ноосферное поступательное движение. Парадоксально, но факт, что обе противоборствующие линии, о которых шла выше речь, удивительно причудливо переплелись в учении о ноосфере. В нем видно завершение важнейших идей идеологии прокадетской интеллигенции, и вместе с тем обнаруживается тенденция глубинного осмысления российских и мировых проблем, связанных с отголосками «марксистского влияния».

Выбор, совершаемый русской интеллигенцией, имел не только всемирно-исторический, но и ноосферный характер. Он отвечал на вопрос о том, что представляет собой разумный путь развития человечества, на каких основаниях должна строиться новая человеческая цивилизация «пострационалистического периода».

Достаточно образно охарактеризовал этот период в истории человечества В. И. Вернадский, заметив, что «в буре и грозе» рождается ноосфера¹⁹. Эта фраза, записанная ученым в период второй мировой войны, является символом всего XX века. Особенно

---

¹⁹ *Вернадский В. И.* Несколько слов о ноосфере // *Вернадский В. И.* Проблемы биогеохимии. М., 1980. С. 220.

глубокий смысл она обнаруживает в связи с тем, что слова «в буре и грозе» взяты из Откровения Иоанна Богослова²⁰. Стараниями лучших своих представителей человечество преодолевало социальный и исторический апокалипсис, минуя опасные повороты и препятствия на пути к свободному развитию каждого как условию свободного развития всех.

Качество интеллигенции как интеллектуальной силы в конечном итоге определяется ее способностью провидеть временной лаг, отделяющий реально текущий процесс от его результата. История XX века показывает, что, несмотря на пророческие предупреждения интеллигенции, человечество чаще всего плетется в хвосте событий, слишком поздно обнаруживая грозно вставшую проблему, как это, например, случилось со всем комплексом глобальных проблем современности.

В 1990-е годы вновь заговорили о возрождении «Великой России». Фактически эта идеология становится в разряд важнейших геополитических явлений. Состоялась ли Великая Россия в лице Советского Союза или ей еще только предстоит это сделать? Коммунистический эксперимент превратил Россию в военную сверхдержаву, но наступило ли время превратиться России в Великую Россию, встав на тот путь, который был намечен в начале XX века, или она выберет иной — ноосферный путь своего развития? Обращаясь к опыту российской интеллигенции, мы обнаруживаем, что она предвидела ход событий на 30—50 и даже 80 лет вперед, интеллектуально выстраивая новый мир как для «Великой России», так и для человеческой цивилизации в целом.

Интеллектуальное строительство нового мира для российской интеллигенции — это фактически родовое ее качество, другое дело, что в своих миропостроениях она увлекалась, обнаруживала и исчерпывала тупиковые пути. В этой связи уровень интеллигенции являет собой ответ на вопрос о потенциальных возможностях самой нации, народа, а по большому счету и всего человечества.

Перед сегодняшней российской интеллигенцией встает задача не менее сложная, чем та, которая стояла в начале века, — поиски путей возврата в систему мирохозяйственных связей,

---

²⁰ Об этом см.: *Морозов Н. А.* История возникновения Апокалипсиса. М., 1991.

в систему мировой культуры. Перед современной интеллигенцией встает задача ноосферного строительства, которое по своей сложности, системности, комплексности превосходит все предшествующие задачи, ибо в ней сосредоточен клубок противоречий социальных и экологических, технологических и информационных, биосферных и космических.

Для современной интеллигенции миростроительство — лишь по форме строительство национального дома, сегодняшний мир фактически строится по единому проекту, а архитектором нового ноосферного дома выступает мировая интеллигенция.

Интеллигенция и формирование субъективных оснований ноосферы

В историческом процессе интеллигенция занимает важное место. Она формирует образ мира и систему ценностей, которые лежат в основе самых разнообразных сфер деятельности народа. Интеллигенция является не только своеобразным механизмом передачи знаний, но и трансформатором системы знаний, в каждый конкретный исторический момент адаптируя ее к эпохе.

Интеллигенция как страта, как слой людей, занимающихся преимущественно духовным производством, выполняет несколько общественно значимых функций: передает из поколения в поколение накопленное знание (информацию), приобщает к поведенческому опыту (формам общения в пределах определенных систем ценностей) и вырабатывает новые знания, новые формы общения, системы ценностей и смыслы феноменов культуры. Чем сложнее система, в которой функционирует интеллигент как субъект осмысления жизни, тем многограннее переплетение этих ипостасей его бытия, тем более на передний план выдвигается задача создания новых систем ценностей и смыслов, новых систем миропостроения.

В XX веке большинство развитых стран уже имели достаточно отшлифованную систему ценностей. Западная система ценностей, основы которой заложены эпохами Возрождения и Просвещения, определяет развитие европейской и американской цивилизации. Устойчивость системы ценностей рано или поздно

приводит к тому, что вторая и третья функции духовного производства начинают отмирать, а это значит, что национальная система ценностей становится универсальной, приобретает общечеловеческий статус. Таким образом «горячая» интеллигенция превращается в «холодных» интеллектуалов.

Россия в этом плане стоит особняком: она не остановилась на какой-то завершенной системе ценностей. Ценности западного мира были отвергнуты Великой российской социальной революцией начала XX века, система так называемых социалистических ценностей в той форме, в которой она утвердилась в нашей стране, не выдержала испытания временем. Все это привело к тому, что современная Россия оказалась в состоянии цепной реакции духовной жизни: сложнейшим образом в ней пересекаются пласты ортодоксального православия, старого и нового «западничества» и «почвенничества», разнообразные религиозные, мистические и философские системы.

В начале прошлого века именно эта проблема очень остро стояла перед российской интеллигенцией, уже в то время создавался проект целостной системы ценностей, включавший в себя как объективные, общечеловеческие ценности, так и национально-государственные приоритеты. Российская интеллигенция в интенсивном двухвековом диалоге — со времени Петра до начала XX века — смогла сформулировать главные идеи нового видения мира. На наш взгляд, эта мировоззренческая система предстает в форме ноосферной парадигмы миропостроения. В начале века отчетливо обозначилась конкуренция трех главных идей русской цивилизации — национальной («Великая Россия»), социальной («социализм и коммунизм») и общечеловеческой («ноосфера»). В силу конкретно-исторических условий, в которых оказалась страна, победила идея социальная, «вытащившая» вслед за собой идею «Великой России» в форме России социалистической. Россия оказалась в прокрустовом ложе узкоклассовых, а позднее и узкопартийных задач, что привело в конечном итоге ко всеобщему (экологическому, экономическому, демографическому, политическому, духовному) кризису в конце столетия.

Логика такого развития закономерно приводит к осмыслению современной российской интеллигенцией механизмов вхождения страны в общецивилизационный поток, к необходимости

создания такой системы ценностей, в которой органично были бы соединены национальные и общечеловеческие идеи. Эта беспрецедентная задача подразумевает синтез идей православного христианства, инверсированных социалистических ценностей в направлении постоянно усиливающегося общечеловеческого — в русской традиции ноосферного — сознания.

Перспективной задачей современной российской интеллигенции, таким образом, является выработка субъективных оснований становления ноосферы, включающих в себя создание моделей демографического, экологического, экономического, социального, политического и культурного развития страны в соответствии с теми научными, философскими и художественными высотами, которых достигла российская культура. Этим российская интеллигенция внесет свой вклад в общепланетарные поиски маршрутов в будущее.

Лица и лики российской интеллигенции

В 1920 году В. И. Вернадский в путешествии тяжело заболел тифом, две недели находился на грани жизни и смерти, но опытный врач правильно поставил диагноз и обеспечил правильное лечение. Великий ученый выжил, а врач, лечивший его, заразившись, умер. Судьба врача схожа с судьбой российской интеллигенции, которая ставит диагноз уже не отдельному человеку, а всему обществу, пытается его лечить и надеется, что горькие лекарства помогут выжить тому будущему, которое, как она в тайне верила, станет реальностью.

Как показывает отечественная история двух последних столетий, образованный слой всегда выполнял свой профессиональный интеллектуальный или интеллигентский долг, поэтому российская интеллигенция всегда оказывалась страдающей субстанцией: царское, большевистское и, наконец, партократическое всевластие видели в народной интеллигенции «опасный класс». В эпоху современного либерально-олигархического режима, планомерно разрушающего организационные (в том числе образовательные) формы становления народной интеллигенции в России, тоже мало что изменилось.

Миссия народной интеллигенции — сохранение («сбережение», по А. И. Солженицыну) телесного и духовного здоровья народа, именно поэтому, как обычно считается, народная интеллигенция — это, прежде всего, учителя и врачи. Народ, особенно такой, как российский, — живущий на гигантском, необозримом пространстве, — самостиеен (самостихиен), т. е. существует по законам многотысячелетней самоорганизации. Интеллигенция включается в этот процесс как необходимое рефлексивное звено.

Государство, с точки зрения социальной синергетики, — это наднародная структура, обеспечивающая согласование интересов основной этнонациональной общности с интересами многоликой массы обитающих рядом народов, функционирующих по своим законам самоорганизации. Если между государственной властью и народом возникают сильные противоречия, то всегда обнаруживается «адвокат народа» — интеллигенция, которая подает знаки высшему и низшему чиновничеству об опасных напряжениях в материальной и духовной жизни общества. Не только закон (право), но и социальная справедливость являются императивами деятельности интеллигенции, они обеспечивают процесс исторического самовыражения (самовыговаривания) народа. Интеллигенция в этом смысле выступает в качестве барометра: если барометр показывает бурю, то «человек государственный» обязан из этого делать соответствующие выводы.

К сожалению, «неуслышанные предупреждения» (термин П. П. Гайденко) встречаются гораздо чаще, чем услышанные, а «глас вопиющего в пустыне» очень часто не позволяет избежать катастрофического исхода. Любимый художник Александра III — Ю. Ю. Клевер еще в 1896 году написал картину «В парке осенью»: в старом запущенном красивом парке — тишина и покой, в заводинке догнивает лодка, медленно падают золотые и красные листья <...> А в далекой вышине собираются черные тучи приближающегося урагана и в воздушных потоках реют буревестники. Будущее неотвратимо — об этом художник знал в год вступления на престол Николая II.

100 лет прошло со времени выхода «Вех» — книги, которая философски, социологически и культурологически во весь рост сформулировала проблему соотношения власти, народа и интеллигенции. Веховцы размышляли об интеллигенции, но, может

быть, было бы лучше, если бы они столь же глубоко и смело сказали о власти: образ власти вряд ли был более привлекательны, чем образ нигилистической интеллигенции, ибо именно власть сделала русскую интеллигенцию такой, какой она реально была в революционные годы. Пудовая царская власть не смогла адекватно ответить на вызовы приходящего железного века, поэтому столь трагической и оказалась история российского народа в XX веке. Не менее интересно было бы услышать веховский приговор и русскому народу, который не только «сдавал» народников-пропагандистов в руки полиции, но и веками тренировал свою способность «противления злу насилем», что так масштабно обнаружило себя в эпоху Великой социальной революции в России. Однако заметим, что ни власть, ни народ, ни интеллигенцию «не выбирают» — они такие, какие есть: в этом в известной мере и состоит непредсказуемая тайность истории.

Место интеллигенции в метаисторической триаде «власть — интеллигенция — народ» в значительной степени определяет «янусность» российской интеллигенции: лицо и лик русского интеллигента сосуществуют как дополнения, при этом не всегда соответствуют друг другу. Впрочем, в этом мире, очевидно, иначе и невозможно.

За прошедшее время интеллигенция стала народной, и народ стал более интеллигентным, интеллигенция претендует на свою долю власти-авторитета, и власть обладает уровнем интеллектуальности выше среднего. Но власть в России практически никогда не была народной, не есть народная. И станет ли когда-нибудь народной, реализуется ли русская идея советской власти и народной самоорганизации? Очевидно, еще долго — нет, а значит, веховская стратегия осмысления общественного развития еще долго будет сохранять свою актуальность. Что изменилось за сто лет в нашем сознании, понимаем ли мы мыслителей «Вех» накануне новой — теперь уже глобальной — социальной революции?

К числу самых современно звучащих проблем «веховской» саморефлексии относятся следующие: множественность интеллигентских культур, софийная функция интеллигенции, динамика ценностей консолидированной российской интеллигенции, модусы народности интеллигенции и формы ее диалога с властью, антропологическая реальность воплощения высших ценностей.

Центральной проблемой «Вех» является типология и классификация интеллигенции, которая, на первый взгляд, носит характер второго плана, но в теоретическом ключе позволяет глубоко понять функции интеллигенции в российской ноосферной истории. Оказалось, что в кризисные эпохи не параметры материально-организационной власти определяют тенденции дальнейшего исторического развития, а самоорганизация интеллигентских дискурсов (В. П. Раков) торит дорогу самым неожиданным идеям, которые, как геологические стихийные явления, врываются в мировую историю и сметают на своем пути самые, казалось бы, неприступные редуты старого государственного механизма. Эта особенность развития цивилизации приобретает еще большее значение в эпоху нынешнего ноосферного информационного общества. Это и есть главная проблема интеллигентской истории.

Двигаясь дальше в направлении уточнения главного вопроса, скажем, что специфика интеллигентского дискурса в значительной степени зависит не столько от религиозного компонента (религиозная интеллигенция, священничество), не столько от научной составляющей (самый значительный слой по своей численности и влиянию современного интеллигентского класса), сколько от сопряжения (как в русской тройке, есть коренная и две пристяжные) между ними — философской ипостаси культуры и мировоззрения.

Вопрос о (пред)назначении российской интеллигенции сейчас стоит не менее остро, нежели это было 100 лет назад. Как и прежде, она не только формируется синергетикой мировых культур, но и обретает себя на перепутьях религии, философии и науки.

Критикуя веховскую методологию разрушения феномена интеллигенции, некоторые авторы показывают, что русская интеллигенция не вся была нигилистической (т. е. революционной), в ее числе находилось огромное количество людей, которые спасали страну в самые тяжелые периоды ее существования, ибо они не отделяли себя от народа. Это огромное количество «белой» и «черной» интеллигенции (в том смысле, в котором эти прилагательные применяются к духовенству). Ее подвиги лишь отчасти (и, по преимуществу, романтично) отражены в литературе, они

раскрывают вековую миссию советской интеллигенции — той интеллигенции, которая не только «советовала», но лечила и учила, спасала тела и души, оставшиеся после «восстания масс». Но была и другая интеллигенция, благословлявшая власть, «которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». И, наконец, была интеллигенция будущего «философского парохода», «спасенная» большевиками ленинской формации от большевиков сталинской формации.

Интеллигенция — разная, поэтому, если не признать этот факт, невозможно будет понять место и роль интеллигенции в «либеральной революции» XXI века: ибо есть интеллигенция, проплаченная долларами, есть интеллигенция, дотируемая «евро», а есть «рублевая интеллигенция» (как раньше говорили интеллигенция, получившая образование на «медные деньги»), которая, делая свое дело, не может претендовать на высокий уровень благополучия, но не лишает себя права и возможности озвучивать свою точку зрения, понимая при этом, что власть очень часто не хочет слышать тех, кто призывал и призывает «жить не по лжи». Может быть, главный урок методологии «Вех» заключается в том, что социальная реклама и антиреклама практически никогда не дает представления о реальности, она лишь привлекает внимание к проблеме, которая настолько перезрела, что неразрушительного выхода из ситуации уже не остается: в лучшем случае — кризис, в худшем — катастрофа.

Проблема «формальной» и «реальной», «классической» и «постнеклассической» интеллигенции — это еще и проблема интеллигенции и прединтеллигенции, интеллигенции и «околоинтеллигенции», интеллигенции и «после(пост)-интеллигенции». Оказывается, что, к сожалению, более и менее зная, кто такие крестьяне и кто такие рабочие, «сапожники остались без сапог»: интеллигенция так и не смогла в течение долгого времени глубоко раскрыть свою собственную природу.

Первая гигантская подвижка, которая произошла за сто лет, связана с превращением российской интеллигенции в интеллигенцию евразийскую. Не будет преувеличением сказать, что это и есть главный итог столетия союзно-советского и духовно-экономического эволюционно-революционного развития. Открытие евразийской ипостаси российской интеллигенции началось

бегством староверов-раскольников, было продолжено высылками декабристов и революционеров-разночинцев, а сакральным знаком движения с запада на Восток стало путешествие А. П. Чехова на Сахалин — событие не столько покаяния, сколько выбора будущего в канун революционной (и по сути своей — ноосферной) истории. Но тогда эта насильственно-вынужденная и жертвенно-героическая экспансия русской интеллигенции не была замечена, она стала заметной лишь с советской историей, индустриально-социалистической «подвижкой на восток» в Сибирь и далее (не в последнюю очередь в связи с «натиском на восток»), которая в полной мере отвечала пророчествам М. В. Ломоносова, предвидениям Д. И. Менделеева и размышлениям теоретиков евразийства. Мы хорошо знаем об освоении целины (о материально-экономических процессах), но советское освоение зауральского пространства, создавшее новую формацию российской интеллигенции — евразийскую интеллигенцию — одна из неявных рефлексий современного интеллигентоведения.

В этом геологическом ракурсе движения многомиллионной советской интеллигенции можно увидеть главный результат социалистической культурной революции — интеллигенция стала деятельной, а не только размышляющей силой. То, что предвидел В. И. Вернадский, говоря о научной мысли как планетном явлении, в евразийской истории советского периода проявилось в значительной степени в создании сибирских научных центров (прежде всего, новосибирского), которые со все большей силой влияют на формирование современного евразийского сознания теперь уже новой российской интеллигенции.

Русская философия на протяжении веков росла и развивалась в двух средах: первая — высокая европейско-христианская, вторая — народно-природническая. С развитием российского общества эти две тенденции лишь расходились в своем геодуховном пространстве. Беспочвенность (точнее сказать инопочвенность) и почвенность мировоззрения как основ и устоев бытия — подоплека русской революции начала XX века. Если дворянская культура росла-жировала на переизбытке черноземной почвы, то народная культура выживала на ограниченных по площади суглинках, и обе эти интеллигенции не могли рассматриваться как носители «общего дела». В свое время философ А. И. Введен-

ский, иронизируя по поводу несоразмерности двух культур, говорил: «Ведь я на медные гроши воспитан»²¹. Возникшая после революции в XX веке советская интеллигенция как раз и представляла собой то срединное звено, которое являлось продолжением земской интеллигентской традиции.

Размышляя о роли интеллигенции в ноосферной истории современности, закономерно вспомнить Платона, который говорил о том, что руководить обществом должны философы. Очевидно, особенное место философа в системе общественных отношений проявляется в том, что именно философ является соединительным звеном между научной и религиозной интеллигенцией. В этом процессе философского опережающего отражения, может быть, и заключается главный общественный смысл бытия фигуры интеллигента.

Западное общество давно осмыслило эту платоновскую (но, может быть, следует сказать не только платоновскую, но и еще более древнюю — герметическую) мысль, а российское общество и российская власть по-прежнему считает, что философы много-разномыслием приносят много вреда, а вот польза чаще всего не обнаруживается. Этот архетип самодержавной (тоталитарной и монистической) власти и до настоящего времени господствует в надстроечных механизмах, заставляя вновь и вновь осмысливать причины такого положения. В своем влиянии на власть интеллигенция может быть эффективной только в том случае, если существует структура адекватного отражения всего многообразия, интеллигентского сознания во всех ветвях системы власти. Это в значительной степени может служить способами предохранения общества от перегрева, а также утверждения ноосферных путей устойчивого развития не только системы «Человек — Общество», но и сверхсистемы «Человек — Общество — Природа».

---

²¹ Цит. по: Лосский Н. О. Воспоминания: Жизненный и философский путь. СПб., 1994. С. 130.

Раздел II

ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО К ГЛОБАЛЬНОМУ

Мировая интеллигенция и ноосфера: пространство философского дискурса (2001). Устои духовной жизни и ноосферная динамика России (2001). Ноосфера и духовная благотворительность (2002). Интеллигенция, ноосфера, устойчивое развитие: проблемы глобализации (2001—2002).

Мировая интеллигенция и ноосфера: пространство философского дискурса

Человечество вступает в третье тысячелетие. Этот факт сам по себе настолько значим, что не нужны никакие оценочные характеристики. Однако, если все-таки задать вопрос: «Что является самым существенным в мировой динамике?», то ответ может звучать так: «Третье тысячелетие — *ноосферное тысячелетие*, так как оно пройдет под знаком интенсивного процесса перехода биосферы в ноосферу».

В условиях быстрого и радикального обновления мира особое значение приобретает наиболее образованная и культурная часть человечества. Эта часть постоянно увеличивается и, как считают многие современные философы, именно от ее деятельности зависит будущее человечества и человеческой цивилизации. Формирование субъективного фактора процесса перехода биосферы в ноосферу напрямую связано созданием национальной интеллигенции, которая является отрядом единой мировой интеллигенции.

Два понимания термина «интеллигенция». Традиционно термин «интеллигенция» понимается как слой населения, занимающийся преимущественно умственным трудом. Однако понятие «интеллигенция» имеет еще и философский смысл. Понимание термина «интеллигенция» требует не только конкретно-исторического, но историко-философского осмысления. В этом случае окажется, что понятия «интеллигенция», пришедшее к нам из «Германии туманной», проделало длительный путь в общественном сознании российского общества. Сначала оно из фило-

софской абстрактной категории в немецкой классической философии (И. Кант, Ф. Шеллинг) превращается в работах отечественных авторов в термин, обозначающий социальный слой «носителей духа» (что согласуется с господствовавшими объективно-идеалистическими традициями), а затем, фактически через столетие по закону цикла возвращается на круги своя в лоно чистой философии с учетом универсальных подходов, апробированных философией XX века.

Современное понимание термина «интеллигенция» требует расставания с советской традицией понимания интеллигенции в узком социально-политическом контексте, когда последняя по инерции свертывания (или развертывания) смыслов превращается в «прослойку», фактически потерявшую философско-методологическую содержательность. Возникновение интеллигентоведения возвращает термину интеллигенция ту полноту содержания, от которой он постепенно уходил в предшествующие десятилетия. Таким образом, существует «интеллигенция» как форма духовного (одухотворенного) бытия и «интеллигенция» как социальный слой носителей интеллигенции.

Следует обратить внимание на соотношение категорий интеллигенция и менталитет. На наш взгляд, философское значение термина «интеллигенция» включает в себя не только менталитет (стандартные формы теоретического гносеологического характера, «штампы умствования»), но также сенсуалитет (формы чувствования), аксиолитет (иерархии ценностей) и праксиолитет (наработанные формы внешнего миропостроения). В этом случае происходит еще большее расширение пространства смыслов, их структурирование и тем самым сближение категорий «интеллигенция» и «ноосфера».

Рассмотрение интеллигенции через призму феноменально-ноуменального в еще большей степени подчеркивает взаимодополнительность двойственности термина «интеллигенция»: интеллигенция как социальный феномен и интеллигенция как духовно-телесная субстанция человеческого бытия, обладающая характеристиками ноумена, позволяют анализ проблемы передвигать по шкале более сложных философем в сторону универсальной философской традиции.

Социкультурная динамика термина «интеллигенция». Перекочевав из немецкой классической философии термин «интеллигенция» стал обозначать духовную сущность русского человека, ставящего выше всех земных благ свое духовно-нравственное существование и совершенствование. Дальнейшая его социализация и политизация на протяжении второй половины XIX века привела к тому, что в его смысловой структуре, наряду высшими духовными ценностями, формируется аксиологический блок социально-исторического и социолого-политологического порядка. Проблемы «интеллигенция и власть», «интеллигенция и народ» приводят к метаморфозам содержания и объема понятия «интеллигенция». С точки зрения формальной логики увеличение содержательной стороны приводит к значительному уменьшению объема понятия, а значит, постепенно совершается смысловая дивергенция. В эпоху споров о «Вехах» термин «интеллигенция» уже носит конкретно-исторический характер и как бы ничего кроме «русской интеллигенции» не означает. Но и в этом контексте внутри феномена «интеллигенции» развертывается реальное противоречие — с одной стороны, за ним прячется «экстремистская революционная интеллигенция», против которой вышли в поход веховцы, с другой, — «плачущая (гнилая) интеллигенция», сохранившая свою принадлежность к «интеллигенции в широком смысле», но не имеющая и не желающая иметь связи с реальной жизнью, чреватой социальными потрясениями и революциями («чеховская интеллигенция»).

В условиях советской действительности термин «интеллигенция» коллапсирует, он свертывается в «советскую интеллигенцию», которая, как видно из размышлений А. И. Солженицына, ничего кроме феномена «образованщина» не содержит. В этот период и происходит подмена тезиса: вместо понятия «интеллигенция» стало вполне возможно использовать понятие «прослойка». «Все» стало «ничто», — такова деструкция, явившаяся следствием философской деградации.

Возрождение термина «интеллигенция» связано с возрождением роли интеллигенции в перестроечном и постсоветском российском обществе, а также с тем, что «интеллигенция» постепенно обрела *«интеллигенцию»*, полноформатную духовность и интеллигентность. «...Интеллигентность, — пишет А. Ф. Лосев,

— почти всегда бессознательна...»²², «интеллигентен тот, кто блюдет интересы общечеловеческого благоденствия»²³, «интеллигентность существует только там, где есть вооруженность против всякого рода природных, общественных и исторических несовершенств»²⁴. Такого рода подход к пониманию сущности интеллигенции—интеллигентности чрезвычайно близок к ноосферному контексту. Более того, в этом смысле ноосфера и есть форма реализации интеллигентности интеллигенции.

Впрочем, до настоящего времени понятие «интеллигенция» не просветлено глубиной мировой философской традицией, оно еще не обрело достойного места в системе бытия общества. На наш взгляд, важную миссию в этом направлении могут выполнить западная (немецкая, испанская, французская) философская традиция, а также русская (российская) философская мысль и восточная философия.

Термин «интеллигенция», рассматриваемый в самом широком философском смысле, позволяет совершенно иначе понять термин «социальная интеллигенция», или интеллигенция в узком — классовом — смысле слова. Более того, появляется возможность построения системы родственных категорий, включающей два подуровня. Первый (универсумный) — включает в себя понятия «универсумная интеллигенция», «абсолютная интеллигенция», «определенная интеллигенция», «мировая интеллигенция»; второй (социальный) — «общественная интеллигенция», «индивидуальная интеллигенция», «национальная интеллигенция», «столичная интеллигенция», «провинциальная интеллигенция», «сельская (деревенская) интеллигенция», «народная интеллигенция», «советская интеллигенция», «космополитическая интеллигенция», «мировая интеллигенция».

Обращение к корням термина «интеллигенция» позволяет иначе осмыслить ее роль и значение в условиях глобальных изменений — процесса перехода биосферы в ноосферу. Современная интеллигенция выступает системообразующим фактором будущего, при этом будущее как форма качественного изменения,

---

²² Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1988. С. 316.

²³ Там же. С. 315.

²⁴ Там же. С. 317.

еще в XVIII—XIX веках, отделявшееся от настоящего десятилетиями, оказывается стремительно приближающимся. В известном смысле у интеллигенции как бы нет настоящего, она строит из прошлого будущее на основе везде-вечного — абсолютного всеобщего бытия. Важной функцией интеллигенции является опережающее отражение ускользающего и исчезающего настоящего. Помимо того, что интеллигенция выстраивает «видимый» образ знания, зафиксированный в материальных носителях культуры, она является носителем и духовной ауры будущего, которую можно истолковать и экстрасенсорно, но в то же время и интенционально-телеологически. Эмоционально-чувственная устремленность интеллигенции может рассматриваться как самое значительное и самое действенное в социальной практике, ибо как показывает опыт российской революционной интеллигенции ей удавалось достичь результата даже в том случае, когда «среднестатистическая историческая традиция» опровергала возможность воплощения. Нереализованность понетциала российской революции в значительной степени была связана с тем, что в условиях физического истребления, элиминирования разумного живого вещества, являющегося носителем культурной биогеохимической энергии, исчезла духовно-энергетическая подпорка поступательного движения, а исчезновение структуры смысла привело к переходу в стадию броуновского движения культурной традиции.

К началу XX века российская интеллигенция как универсальная, духовно-телесная субстанция оказалась сложившимся социальным феноменом, в ней проявились все признаки системного образования, фактически она оказалась теми дрожжами, на которых всходила история страны и история мировой цивилизации. Величайший социальный взрыв, который когда-либо в истории мировой цивилизации имел место — Великая российская социальная революция — разметал по миру осколки взорванной российской культуры. Революционное извержение не только потоками лавы, но и тучами пепла разнесло свое духовно-экологическое воздействие на весь мир. Может быть с максимальной силой в мировой истории проявила себя мощь направленной культурной биогеохимической энергии, объединенной высокими идеалами соци-

альности. Интеллигенция и ее носитель интеллигент (наряду с народными массами, о чем говорили значительно чаще) стали существенным фактором мирового развития.

На первый взгляд, в советский период проблемам интеллигенции, которую обозначали как прослойку, не уделялось достаточного внимания, в силу того, что главной проблематикой являлось изучение рабочего класса. Однако при ретроспективном рассмотрении оказывается, что исследования по партийному руководству могут быть рассмотрены как исследования роли советской интеллигенции и прежде всего советской партийной интеллигенции, которая выполняла одновременно и функции стратегического и тактического управления и одновременно функции формирования аксиологического духовного климата. В этом плане модель коммунистической партии можно рассмотреть как уникальный пример всеобъемлющего тотального организационного воздействия на всю систему духовного производства страны, т. е. такого духовного производства, которое построено на основе задаваемых целей и ценностей.

В 1990-е годы этот факт всегда рассматривался как явление негативное, однако в этом имеется и позитивная сторона. Думается, что опыт такого порядка не получил еще должной оценки, оценки вне контекста свержения идеологии духовного производства в советское время. Трагедия советской интеллигенции, на наш взгляд, заключается в том, что в ней обнаружился раскол между партийной интеллигенцией, которая преследовала, по преимуществу, кастовые, партийно-государственные (выдаваемые за народные) интересы и цели и социальным слоем (классом — если применять вариант расширенного марксизма, признающего науку в качестве непосредственной производительной силы), для которого даже в условиях партийной диктатуры постепенно вызревали общецивилизационные и общечеловеческие ценности все более высокого — глобального уровня.

Всплеск интереса к проблемам интеллигенции отмечен в 1990-е годы. Выделим основные тенденции теоретической работы отечественных ученых. Во-первых, значительно усилилась философско-методологическая работа, во-вторых, расширилась палитра затрагиваемых проблем, интенсивно росло категориальное древо интеллигентоведения, в-третьих, были закрашены

многие исторические и культурологические белые пятна, связанные с изучением отечественной и зарубежной интеллигенции, в-четвертых, рассмотрение интеллигенции через призму демографии, гендерных подходов, социологии, культурологии и других дисциплин позволило увидеть новые проблемы и новые пути их решения.

Истоки современных интеллигиенциоведения и интеллигентоведения. В сфере культурологического и философского знания постепенно сформировался предмет новой гуманитарной дисциплины. На обозначение предметной области, связанной с интеллигенцией могут претендовать термины «интелигиенциоведение» и «интелигентоведение». Интелигиенциоведение — дисциплина философско-культурологического плана, она рассматривает феномен интелигиенции в разнообразных его аспектах. Интелигентоведение — дисциплина историко-культурологического плана, ее предметом являются носители духовной жизни в различные конкретно-исторические эпохи. Возникновение «интелигентоведения» закономерно в силу того, что накопился значительный материал, касающийся социальной стороны функционирования духовности человека и человечества.

Философское осмысление интелигиенции в современной России связано с постепенным переносом центра тяжести с рабочего класса²⁵ и крестьянства на работников умственного труда. Этот процесс произошел постепенно и незаметно, так как в связи с ростом культурно-технического уровня рабочего класса ставились задачи анализа той части рабочего класса, которая получила название «синие воротнички» и «белые воротнички». Таким образом, изучение интелигиенции в 1980—90-е годы имело значительные «родимые пятна» оставшиеся от истории советского рабочего класса.

Другая традиция в изучении современной российской интелигиенции берет свое начало от особенностей исследования народнической (народной) интелигиенции и советской интелигиенции. Особое значение эти моменты имеют потому, что под-

---

²⁵ См.: *Смирнов А. В.* Главный источник нашей силы: Рабочие промышленности СССР, 1945—1970 гг. М., 1984; *Социальное развитие рабочего класса и крестьянства Ивановской области.* Иваново, 1989.

спудно на новый предмет исследования переносилась старая методология, прежде всего — диалектический и исторический материализм.

В настоящее время сложилась ситуация, когда исследование интеллигенции невозможно развивать дальше не попытавшись в важных и существенных моментах расстаться со старыми философско-методологическими позициями. В чем можно видеть недостатки прежних подходов? Во-первых, в том, что интеллигенция рассматривалась как нечто «вне-существующее»: статус «прослойки» и до настоящего времени остается приписываемым тому родовому социальному слою, который сейчас называется нами интеллигенция. Во-вторых, интеллигенция и до настоящего времени, пока из общественного сознания и государственного мышления не ушел методологический миф о первичности и вторичности, рассматривается как нечто «идеальное», не имеющее важного (ведущего) значения в общественной системе.

Человек своей двойственной природой обречен жить в двух мирах — материально-телесном и идеально-духовном, поэтому для любого человека главной его миссией оказывается нахождение гармонии между двумя этими мирами — не соскользнуть, а пройти «по лезвию бритвы». Чем взрослее человек, тем труднее ему усидеть на двух стульях, и он неизбежно опрокидывается либо в мир материально-экономического социума, либо в мир духовно-делательного производства. В обществах с низким уровнем экономического благосостояния происходит или умаление роли интеллигенции (как это было, например, в истории советского общества), или придание большого значения очень узкой группе — элитарной интеллигенции. В какой-то степени интеллигент — это человек, который постоянно теряет баланс и «наклоняется» в сторону духовности, интеллигент — это одухотворенный человек, ищущий образ духовного бытия применительно к условиям своего конкретно-исторического бытия.

XX век обнаружил новое для человеческой цивилизации состояние — каждый человек оказался в состоянии и получил право быть «духовным по преимуществу». Уровень общественного благополучия в целом ряде стран уже сейчас достиг такого предела, который позволяет формировать особую формацию — человека образованного, интеллигентного, культурного, духовно-

го. Думается, что в этом проявляется глубинный смысл истории — восхождение человека к универсумной духовности, приближению к соответствующей человеку сущности.

Смена философских приоритетов. Для философского переосмысления места и роли интеллигенции, во-первых, и прежде всего, очень важно отойти от жестких гносеологических традиций, характерных для советской философии 1950—70-х годов. Не будет преувеличением сказать, что углубление понимания роли интеллигенции (прежде всего советской интеллигенции) в отечественной литературе связано с изменением философского климата, с постепенным переходом от гносеологизма к праксиологизму, а затем к аксиологическим и онтологическим подходам.

Во-вторых, сущностные изменения в понимании интеллигенции связаны с особенностью развития философского мировоззрения российского общества, когда наметился постепенный крен от чистых философских методов к философско-культурологическим, в том числе литературоведческо-философским и художественно-философским. Вне того контекста, что современная интеллигенция есть хранительница, созидательница и распространительница культурных форм бытия человека и человечества, невозможно понять главные задачи, стоящие перед той частью человечества, которая в максимальной степени несет в себе будущее, осуществляет «опережающее отражение». Интеллигенция, рассмотренная в контексте культурологического подхода, оказывается в такой же мере производится, как и рабочий класс, но она предстает созидательницей культуры в ее самых высоких (нетехнизированных) формах. Этот второй момент носит еще отпечаток и «материалистического» цивилизационно-культурологического подхода, в рамках которого роль и значение интеллигенции по-прежнему толкуются несколько отстранено, т. е. вне времени и пространства, как, например, некой духовной элиты, которая может быть сколь угодно далеко отстраненной от реальной (материальной и духовной) жизни общества.

В-третьих, пересмотр философско-методологических подходов к анализу интеллигенции связан с обращением к самым древним историко-философским идеям (эйдосам), которые в своем глубоком синтезе разрушают построения «дифференциальной

философии», берущей свое начало в эпоху античности. Этот максимально высокий философский этаж (этаж интегральной и синтетической философии) можно было бы назвать универсумно-ноосферным осмыслением телесно-духовного феномена социальной интеллигенции. Эти три момента, на наш взгляд, определяют смену методологических приоритетов в предметных областях интеллигентоведении и интеллигенциоведении.

Некоторые итоги философского анализа интеллигенции. Наиболее значительный прорыв в сфере *философского анализа* интеллигенции сделан в 1990-е годы. Об этом свидетельствует то, что конференции по проблемам интеллигенции содержат разделы, посвященные философским и методологическим проблемам, а в 1997 году прошла конференция, посвященная этим проблемам²⁶.

Опыт исследования проблем интеллигенции позволяет выделить несколько парадигм осмысления интеллигенции. Среди них, с одной стороны, — православная, организационная, веховская, идеократическая, пролетарско-революционная, с другой стороны, — идеалистическая, идеал-реалистическая, экзистенциальная, персоналистическая, диалектико-материалистическая (в различных вариациях), межпредметная, комплексная, системная и, наконец, ноосферная.

Марксистские и неомарксистские подходы в осмыслении роли и значения интеллигенции. Как известно марксистский подход в зависимости от политической конъюнктуры существенно видоизменялся. Он приобретал последовательно ленинский, сталинский, хрущевский, брежневский и горбачевский вид. В каждом из них имели место как негативные, так и позитивные стороны. Условно их можно было бы объединить в два блока: первый — идейно-теоретический характерен для взглядов Г. В. Плеханова и М. С. Горбачева; второй — утилитарно-прагматический характерен для политологической мысли большевистского толка. Быстрый переход от изучения роли партийного руководства к изучению проблем интеллигенции свидетельствует о том, что в советские годы был создан хороший методологический и фактологический задел.

---

²⁶ См.: Интеллигенция России: традиции и новации. Иваново, 1997.

Так исторически сложилось, что только недавно стал доступен классический марксистский анализ интеллигенции, проделанный в 1918 году Г. В. Плехановым. Он выпадает из выше перечисленных форм, но следует сказать, что горбачевский вариант понимания интеллигенции может быть представлен как последняя ступень для понимания и принятия плехановского взгляда. Горбачевско-яковлевский курс — это не только теоретическое переосмысление проблем, но это иная политика по отношению к интеллигенции. В рамках горбачевской парадигмы формировался *социал-демократический* взгляд на интеллигенцию, берущий свои истоки в Политическом завещании Г. В. Плеханова²⁷, которое показывает, что нередуцированный (творческий) марксизм классической российской социал-демократии оказался очень плодотворным для осмысления не только роли интеллигенции, но и исторических судеб развития России в целом.

Партии большевиков потребовалось пройти восьмидесятилетний путь, чтобы действительно осознать правоту плехановского социал-демократического сознания в понимании перспектив развития страны. Анализ плехановского текста позволяет высказать осторожное предположение о том, что Россия последовательно прошедшая эпохи крестьянского социализма, пролетарского социализма, развитого («общенародного», т. е. партийно-номенклатурного) социализма закономерно движется в сторону социализма интеллигенции — социализма тружеников умственного труда. Ноосферное развитие, ноосферная цивилизация в одном из своих аспектов могут быть описаны именно через призму социальной организации субъектов духовного производства²⁸.

Комплексный подход к анализу интеллигенции. Лозунг «Вперед к междисциплинарному, комплексному исследованию» оказывается модным²⁹. Однако сложилось несколько традиций, несколько вариантов понимания комплексного подхода. Самый

---

²⁷ Плеханов Г. В. Политическое завещание // Независимая газета. 1999. 30 ноября.

²⁸ См.: Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998.

²⁹ См.: Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии. Иваново, 1993.

распространенный связан с попытками связать две или три гуманитарные дисциплины. В этом случае возникают философско-культурологический, историко-культурологический, социолого-культурологический варианты осмысления проблем интеллигентоведения. Однако имеет место явная тенденция широкого понимания комплексности. Такая междисциплинарная сфера знания как интеллигентоведение требует привлечения психологов, педагогов, философов, литературоведов, историков, культурологов, религиоведов, социологов, феминистов, андрологов, экологов. На наш взгляд, комплексный подход к интеллигентоведению может сложиться лишь в результате конкретного сотрудничества специалистов разных областей знания в рамках научно-исследовательского подразделения. В этом случае комплексный подход будет носить не гносеологический, а конкретно-деятельностный, прагматический характер. Какие же аспекты при этом выдвигаются на первый план? Во-первых, «никто не должен тянуть одеяло на себя», или все специалисты должны осуществлять натяжение полотна проблемы в равной степени, с равной силой. В этом случае возникает поле сосуществования проблем интеллигентоведения, что приводит к выводу всей проблематики на новый уровень.

Приведем пример. Изучение интеллигенции должно носить и теоретический и прикладной характер, а это значит, что базовой проблематикой может оказаться социологическая. Исследование особенностей сознания и поведения, целей и ценностей современной российской (в рамках конкретного региона с его определенными социокультурными особенностями) интеллигенции позволяет обнаруживать векторы развития, построить пространство и обнаружить возможные точки бифуркации. Специфика современной российской интеллигенции, на наш взгляд, заключается не в том, что она дезориентирована, или растерялась, или деморализована, а в том, что она в настоящее время выполняет сложнейшую работу по переоценке ценностей, новому духовному синтезу, который объемлет в себе не только эпохи развития страны, но и опыт мировой культуры. Таким образом, интеллигенция каждого региона формирует свой собственный образ «глобальности для региона», мировой культуры для устой-

чивого регионального развития. Без социологического материала, касающегося «качества региональной интеллигенции» невозможно строить модели социального развития. Таким образом, социологическая проблематика притягивает к себе как полюс педагогику, историю, психологию и другие науки.

Однако, не в меньшей степени актуальна и другая полнота комплексности — философская. Вне выявления философско-методологического статуса категорий интеллигентоведения нет возможности выйти за рамки устоявшихся, общепринятых, а, значит, одновременно и полезных, и мешающих традиций. Современный феномен интеллигенции настолько противоречив и многообразен, что вне полифилософской методологии не могут быть разрешены такие проблемы как политическая, культурная, экономическая разноинтенциональность в обществе, выявление критериев качества субстрата образовательного пространства, взаимодействие глобального и локального в сознании и деятельности носителя информации, целостности, системности, ценностей и целей.

С точки зрения комплексного подхода можно рассматривать современного интеллигента, представителя интеллигенции как носителя и выразителя целей, ценностей, приемов, методов, форм реализации целостности и системности при решении задач ноосферного миропостроения. Комплексный подход к интеллигентоведению в настоящее время может рассматриваться как выработка общего направления движения, но он предполагает и выстраивание конкретных путей достижения этой целостности. В силу этого необходимо рассмотреть системный, синергетический и универсально-ноосферный подходы к анализу предмета рассматриваемой дисциплины.

Системный подход к анализу интеллигенции. В настоящее время системный подход к анализу интеллигенции достаточно хорошо развит. Традиционно системный подход включает в себя субстратный, структурный и концептуальный аспекты. Наибольшее внимание обращено на структурный аспект, в 1990-е годы именно в этом направлении трудились философы, историки, культурологи. Их усилиями интеллигенция не только обнаружило свое законное место в общественной системе, но и перестала рассматриваться как паразитическая непроизводящая. В конеч-

ном итоге сложилась сложная система интеллигенции, зависящая от различных критериев, задаваемых авторами. Так, *праксиологический критерий* структурно организует интеллигенцию в зависимости от видов деятельности, от видов интеллектуального труда: художественная, вузовская, учительская, медицинская, управленческая интеллигенция.

Главным при выделении сущности интеллигенции является *аксиологический критерий*. Интеллигенция как хранительница общечеловеческих ценностей, прежде всего общечеловеческих культурных ценностей, выступает гарантом целостности человеческой цивилизации. Без этого невозможно представить себе смысл бытия интеллигенции. Так появляются категории национальная интеллигенция, патриотическая интеллигенция, провинциальная интеллигенция, столичная интеллигенция, «гнилая» интеллигенция, классическая интеллигенция.

Не менее важны и *гносеологические критерии*. В зависимости от того в какой сфере познания мира работает представитель высокой сферы рефлексии выделяется религиозная, художественная, научная интеллигенция.

Применение многокритериальности к анализу структуры интеллигенции играет очень важную роль, так как страхует от примитивности, от однозначности, позволяет полифонично представить не только интеллигента, но и субстанцию, которая определяет его бытие — интеллигенцию. Такая подмена тезиса может показаться некорректной, однако, именно такой подход позволяет показать, что в термине интеллигенция пересекаются множественные смыслы, которые и определили столь большую устойчивость термина, который не сдается перед наскоками терминов «интеллектуалы», «образованцы». В русском языке он обрел тот широкий смысл, который можно было обозначить ноосферным и универсумным уровнем.

Синергетический подход к анализу интеллигенции. В конце XX века синергетический подход интенсивно проникает в сферу гуманитарного знания³⁰. Это связано с тем, что сложность социально-гуманитарных процессов представляется в ее

---

³⁰ См.: Синергетика и социальное управление. М., 1998; Синергетика и учебный процесс. М., 1999.

полноте, противоречивости, детерминированностью мышлением, сознанием и деятельностью каждого человека — субъекта деятельности. Процесс ускорения исторического времени приводит к тому, что возникновение поливариантности социоприродного развития происходит непрерывно, вне контекста узловых моментов исторического развития. Современное развитие мира опосредованное предварительным, опережающим созданием возможных миров, требует подходить к анализу процессов, происходящих в духовном человеческом субстрате — интеллигенции, с позиций синергетического понимания мира.

Применение синергетического подхода к анализу интеллигенции ставит следующие проблемы: выявление особенностей инновационного поведения; специфика возникновения творческой энергии, «жизненных порывов»; соотношение сознания и информации; анализ точек бифуркации сознания; процессы становления ноосферного сознания. Особое место занимает изучение процессов формирования «виртуальных реальностей» и формы их трансформации в «лучший из миров».

Интеллигенция и духовное производство: ноосферный аспект. Проблема духовного производства связывает феномены интеллигенции и ноосферы. Ноосфера — это сфера духовного производства, а значит, и сфера функционирования интеллигенции. Когда В. И. Вернадский рассматривал научную мысль как планетное явление³¹, то он акцентировал онтологическое измерение процесса перехода биосферы в ноосферу. В социальной действительности научной мыслью является интеллигенция, а это значит, что силлогистически следует вывод о ведущей роли интеллигенции в процессе становления ноосферы.

Экономико-социологическое измерение ноосферы связано с диалектикой материального и духовного производства. В свое время в работах Ф. Энгельса постулирована мысль о двух видах производства — материального производства и производства жизни (т. е. воспроизводства людей). В этом контексте духовное производство должно занять весьма существенное место. Когда естественноисторический процесс подводит к тому, что духовное производство оказывается доминирующим, то этот факт

---

³¹ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

свидетельствует о новых критериях формационного порядка — на первый план выступают спецификации духовного производства и марксизм поворачивается другой своей стороной. Когда способ производства определяет характер общественно-экономической формации, то это фактически распространяется и на способ духовного производства. Переосмысление марксизма в контексте диалектики материального и духовного производства позволяет выдвинуть тезис о формировании *ноосферного способа производства*, в основе которого лежит духовное производство. В этом смысле интеллигенция выступает важнейшим ноосферным фактором.

Проблема духовного производства в отечественной литературе обсуждается в течение нескольких десятилетий, что подготовило почву для выхода ее на исследования в области интеллигентоведения и ноосферологии. Обвал духовности постсоветского общества свидетельствует о том, что общество вновь заинтересовано в подобной модели организации духовного производства. В формировании общественной интеллигенции важно не столько управленческое воздействие, сколько ориентация на *направляемое развитие духовной жизни*.

Процесс становления ноосферы в социально-философском смысле это последовательный процесс формирования интеллигенции как социального слоя связанного с духовным производством. Такой взгляд позволяет обнаружить в становлении ноосферы критерий качественного порядка. Становление интеллигенции (в широком смысле слова), исторические эпохи ее формирования и можно спроецировать на эпохи становления ноосферы.

Мировая интеллигенция: интеллигент и (или) интелектуал. Мировая интеллигенция — формирующийся постепенный широкий слой, осуществляющий духовное производство (как образование, так и внешнее миропостроение).

Самым важным фактором становления ноосферы является формирование значительного социального слоя, связанного с внутренним и внешним миропостроением на основаниях, способствующих сохранению экологических оснований функционирования и устойчивого развития человеческой цивилизации, утверждению общечеловеческих ценностей, сохранению мировой культуры (в исконном понимании этого термина — возделыва-

нию, выращиванию, воспитанию) во всем многообразии этнического, народного, национального содержания. Мировая интеллигенция — это феномен, который существует независимо от того, что мы о нем думаем. В отечественной литературе получило распространение и утвердилось мнение, что термин «интеллигенция» связан, прежде всего, с российской историей, что на Западе этого подвида homo sapiens не существует, что там на теле общества «паразитирует» слой интеллектуалов, главной функцией которых является продуцирование, добыча и трансляция информации вне ее ценностного содержания. В этом значении интеллектуал превращается в форму человечески-онтологического бытия информации³². Считается, что для России подобное превращение интеллигента в интеллектуала дело ближайшего будущего, и что это — позитивная тенденция. Думается, что такой прогноз потребует более обстоятельного рассмотрения по двум причинам. Во-первых, указанный смысл превращения современного постсоветского интеллигента в интеллектуала в значительной степени предполагает деидеологизацию сознания российского представителя умственного труда. Во-вторых, «чистого» интеллектуала в принципе быть не может: историческая и современная социальная практика показывает, что даже «технические интеллектуалы» не лишены своих взглядов на дальнейшее развитие человеческой цивилизации и в силу процессов интенсивно происходящей глобализации не могут «выпасть» из пространства интеллигенции — духовного видения мира. (Так возникают два смысла термина «интеллигенция», имеющих момент дополнительности и задающих пространство философского дискурса).

Тем не менее, поиски моментов синонимичности «интеллигентного» и «интеллектуального» не должны закрывать существенные аспекты различия. Интеллектуал — прежде всего личностно-персоналистическая монада, а интеллигент — явление соборного порядка, интеллигенция в полной мере коллективный разум (включающий коллективное сознательное и коллективное бессознательное). Имеется еще одно очень важное отличие: интеллектуал «живет» в гносеологическом и онтологическом изме-

---

³² См.: Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы. Иваново, 1999.

рениях философского отношения человека к миру, интеллигент обладает полным набором качеств отношения к миру, т. е., помимо двух выше перечисленных, еще и аксиологическим и праксиологическим. Для интеллигента воля к деятельности не опосредуется волей к власти, а дается непосредственно, и именно поэтому российская интеллигенция внешне всегда оказывалась оппозиционной по отношению к власти. Такая оппозиционность была вызвана по большому счету социальными моментами оторванности власти. В условиях, когда с помощью механизмов реальной демократии этот антагонизм перестает быть таковым, деятельностно-праксиологическое измерение бытия интеллигенции оказывается важнейшим фактором интеллектуально-интеллигентного (т. е. ноосферного) развития.

Рискнем высказать тезис о том, что феномен интеллигенции всегда присутствовал в истории мировой цивилизации и культуры, ибо вне этого свойства социум теряет качество духовности, т. е. фактически перестает быть социумом. Возникновение столь широкого значения термина интеллигенция не является результатом умозрительных упражнений, а следствием возникшего нового *глобального пространства*, в котором реализуются духовные потенции человека и человечества. В этом смысле интеллигенция, с одной стороны, субъективный фактор становления ноосферы, а с другой, — результат естественноисторического процесса перехода биосферы в ноосферу.

Мировая и мировая интеллигенция. В изофилософском творчестве П. А. Филонова есть термин «мировой расцвет», который обозначает возрождение мира из праха, его революционное преобразование, изменение на гуманистических началах. Мировая интеллигенция и представляет собой обобщенный образ человеческого сознания, которое способно преобразовать мир, сделать его соответствующим глубинной человеческой сущности. Мировая интеллигенция — это не форма «вечной философии», это скорее образ синтетического сознания родового человека. Максимально точно характеристики, атрибуты мирОвой интеллигенции как субстанции можно выразить принципами творческого бытия человека (по В. И. Вернадскому), которые включают *свободу, истину, сомнение и гуманизм*. Феномен мирОвой интеллигенции не аналогичен общечеловеческому созна-

нию, он близок к категории ноосферного сознания, но это скорее — деятельностная субстанция общемирового разума.

Взаимосвязь интеллигенции и универсума. Термином интеллигенция широко пользовались представители немецкой классической философии, обычно понимая его как «познавательную способность». Познавательная способность толкуется в очень широком смысле, включающем в себя как философскую так и любую другую рефлексию, но и формы деятельности Духа. Шеллинг вступает в спор с Б. Хайером, говоря о том, что тот «ищет в Я только *чистое Я*, или *интеллигенцию*, не Я, обладающее действительным сознанием или какой-либо модификацией, а лишь сущность и форму интеллигенции (чистый субъект-объект)»³³. Им различаются абсолютная и определенная интеллигенция. По Шеллингу, «при устранении всех границ индивидуальности остается только абсолютная интеллигенция. При устранении же границ интеллигенции остается только абсолютное Я... Даже устраняя из Я всякую индивидуальность и сами границы, в силу которых оно и есть интеллигенция, я все-таки не могу устранить основную особенность Я, заключающуюся в том, что оно есть одновременно субъект и объект для самого себя»³⁴. Понимание интеллигенции в контексте единства субъект-объектности чрезвычайно важный аспект и современного понимания термина интеллигенция. Философский анализ взаимосвязи интеллигенции и универсума Шеллинг дает следующим образом: «Если бы интеллигенция пребывала единой с абсолютным синтезом, то универсум бы, правда, был, но интеллигенции бы не было. Для того, чтобы была интеллигенция, она должна иметь возможность выйти из этого синтеза, чтобы затем воссоздать его сознательно, но и это невозможно, если к первому ограничению не присоединяется особенное, или второе, ограничение, которое уже не может состоять в том, что интеллигенция вообще созерцает универсум, но требует, чтобы она созерцала универсум именно с этой определенной точки»³⁵.

³³ Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 22.

³⁴ Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 358.

³⁵ Там же.

Обращение к методологии немецкой классической философии не самоцель возрождения системы трансцендентального идеализма, а попытка посредством последующего опыта философского дискурса XX века взглянуть на категории «универсум», «абсолют» в их ноосферном содержании, тем самым адаптируя и одновременно актуализируя к формам современной глобальной духовности, которая оказывается настолько сложным явлением, что в рамках традиционного категориального дискурса многие ее аспекты оказываются совершенно неуловимыми.

Интеллигент — это человек Универсума. В философском плане невозможно сказать, какая из сторон человеческой воплощенности интеллигенции (как Духа) более важна. Представляется, что интеллигенция как субстанциональность есть неразрывность менталитета, аксиолитета и праксиолитета личности, и в этом случае интеллигентность — это онтологизация вселенского развёртывания живого разумного вещества в космической перспективе. К слову «интеллигентность» мы привыкли в его узком значении (некое качество нравственно-этикетного порядка), но расширение смысла понятия интеллигенция приводит к расширению смысла и понятия «интеллигентность». Для понимания корневой сути понятия «интеллигенция» важно видеть, с одной стороны, линию восхождения от дикости к варварству, цивилизованности, образованности, интеллигентности и культурности, с другой, — стремление к расширению локальных ценностей до общечеловеческих³⁶, глобальных, универсумно-вселенских.

В свое время В. И. Вернадский определил смысл существования интеллигенции — «осмысление жизни», однако этот гносеологический момент лишь «повод» для реализации форм внешнего миропостроения. Революционная интеллигенция руководствовалась марксистским тезисом: не понимать (объяснять), а изменять, так постепенно российская интеллигенция из «интеллигенции маниловской» стала «интеллигенцией советской» — активно-деятельностной. XX век продемонстрировал множество вариантов самореализации интеллигенции в различном соотношении главных частей Духа-интеллигенции.

---

³⁶ См.: Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.

Социально-исторические особенности личностного воплощения культурности (и, значит, ноосферности) в интеллигенции — предмет достойный внимательного изучения не только в филогенетическом, но и онтогенетическом аспектах: он показывает, как вырастает «человек-духовный» (интеллигент) из человека родового («человека-земного»). В постперестроечное время в отечественной философской литературе часто идет речь о необходимости «превратить» интеллигента в интеллектуала, что рассматривается как возможный способ преодолеть проблемы дизъюнктивного бытия современного социума, однако, на наш взгляд, интеллектуал западного образца иногда предстаёт остановившимся в своем мироцелостном духовном развитии человеком. Российская история показывает, что в русской культуре собран огромный массив знаний о том, как не ограничиться, как не отгородиться от мира, а жить в мире, быть (находиться) в Универсуме. Русская философия доказывает, что интеллигент — это человек Универсума, это ноосферный человек.

Ноосферно-универсумный подход к анализу интеллигенции. Рассмотрение интеллигенции в качестве субъекта духовного производства открывает новые стороны социального развития. Современное материальное производство отличается от форм материального производства XIX века, оно требует большей свободы, соревновательности, конкурентности, т. е. рассмотрения в контексте синергетических подходов. В еще большей степени это касается духовного производства. Специфика эффективного духовного производства предьявляет иные требования к социальным формам организации.

Особое значение представления об интеллигенции в контексте ноосферологии приобретают в связи с рассмотрением *ноосферного закона*, который устанавливает управляющий характер информации по отношению к энергетическим процессам. Ноосферная роль интеллигенции заключается в том, что она, особым образом организовывая информацию, управляет энергетическими, а значит и вещественными потоками в современной биосфере. На место биосферной организованности приходит ноосферная организованность, творение которой и связано с важнейшей функцией интеллигенции в ноосфере. Естественно, что информация — лишь часть (хотя и очень значительная) духовности в це-

лом, поэтому проблема исследования интеллигенции в ноосфере — только открывающаяся, очень сложная и перспективная проблема.

Мировая интеллигенция — субъективный фактор становления ноосферы. Возвращение к корням термина «интеллигенция» позволяет иначе осмыслить ее роль и значение в условиях глобальных изменений — процесса перехода биосферы в ноосферу. Современная интеллигенция выступает системообразующим фактором будущего, при этом будущее, отдалявшееся ранее десятилетиями, оказывается сильно приближающимся. В известном смысле у интеллигенции как бы нет настоящего, она строит из прошлого будущее на основе вездевечного — абсолютного всеобщего бытия. Важной функцией интеллигенции является опережающее отражение исчезающего и ускользающего настоящего. Помимо того, что интеллигенция выстраивает «видимый» образ знания, зафиксированный в материальных носителях культуры, она является носителем и духовной ауры будущего, которую можно истолковать и экстрасенсорно, но в то же время и интенционально-телеологически. Чувственная устремленность интеллигенции может рассматриваться как самое значительное и самое действенное в социальной практике, ибо как показывает опыт российской революционной интеллигенции, ей удавалось достичь результата даже в том случае, когда среднестатистическая история опровергала возможность воплощения. Гибель российской революции в значительной степени была связана с тем, что в условиях физического истребления, элиминирования разумного живого вещества, являющегося носителем культурной биогеохимической энергии, исчезла духовно-энергетическая подпорка поступательного движения, а исчезновение структуры смысла привело к переходу в стадию броуновского движения культурной традиции.

Качественная характеристика интеллигенции определяется ее интелектуальностью: в российской истории были святоотеческая интеллигенция, религиозно-художественная, веховская, организационная, партийная, советская интеллигенция, в настоящее время складывается новый тип интеллигенции — *ноосферная интеллигенция*, носительница ноосферного сознания, которое ориентировано на оптимизацию взаимодействия общества и природы, гармонизацию системы «Человек — Общество —

Природа» на основаниях общецивилизационных и общечеловеческих ценностей при сохранении национальных особенностей и реализации культурного своеобразия субъектов — носителей ноосферной духовности.

В этом широком смысле интеллигенция понимается как синкретическое единство духа и его носителя, не вычленимого из контекста или среды социокультурного бытия. Такое экологическое толкование интеллигенции предполагает и дальнейший шаг — переход к ее ноосферному толкованию, и впоследствии — к универсумному толкованию.

Социальное значение продолжающейся вот уже целое столетие дискуссии о роли и смысле российской и мировой интеллигенции невозможно переоценить. Именно сейчас происходит фундаментальная духовная трансформация, определяющая дальнейшее развитие человеческой цивилизации.

Философский анализ социальной действительности позволил сделать выводы о том, что, во-первых, наиболее адекватно социальную роль российской интеллигенции отразила политологическая доктрина социал-демократии, изложенная в «Политическом завещании» Г. В. Плеханова; во-вторых, в социально-экономических условиях XX века интеллигенция обозначила себя как социальный «класс», ибо является субъектом духовного производства, выступающего наряду с материальным производством и производством жизни как существенная ипостась социо-природного развития; в-третьих, для российской интеллигенции наиболее органичной, «оптимальной» идеологической ориентацией в условиях социальной нестабильности и масштабной общественной трансформации может стать социал-демократическое сознание, предполагающее создание условий, максимально ориентирующих на такие ценности как свобода, справедливость, солидарность, способствующих оптимальным формам духовного развития общества; в-четвертых, постепенно микшируются различия в среде интеллигенции, усиливаются процессы глобализации духовной жизни и формирования глобальной и мировой интеллигенции; в-пятых, особая роль мировой интеллигенции в духовном производстве свидетельствует о том, что она выступает важным системообразующим фактором становления сферы труда и разума цивилизованного человечества — ноосферы; в-шестых,

наиболее соответствующей методологической основой рассмотрения социолого-праксиологических аспектов развития интеллигенции является системный подход, получающий дальнейшее свое развитие в комплексном подходе, а высокие — онтологический и ценностный — уровни осмысления роли мировой интеллигенции требуют универсумно-ноосферного подхода; в-седьмых, современная интеллигенция в значительной степени становится носительницей «ноосферного сознания», ориентирующего на гармонизацию и оптимизацию внутреннего и внешнего миропостроения.

Устои духовной жизни и ноосферная динамика России

Родовое Призвание российской интеллигенции — думать о жизни, об обустройстве все расширяющегося пространства, которое из европейского постепенно превращается в евразийское, а затем в планетарное, в силу того, что обретает качество heartland — «сердца мира». Начало подобному геополитическому видению мира положил автор «Слова о полку Игореве», а затем автор теории «Москва — третий Рим» старец Филофей; схожие идеи в рамках русского космизма обрели название «евразийство» и позволили постепенно сформировать представления о самоидентичности «русскости» и «российскости» в космопланетарном (ноосферном) пространстве обитания современной цивилизации. Географическое тело российского этноса, непрерывно расширяясь, заставляло думать о себе и государственных мужей (собирателей земель), и представителей интеллигенции (блюстителей Духа), и народ, который оказывался «наполнителем» геосубстанции российского этнобытия.

Объективная необходимость сохранения единого пространства формирующегося российского этноса определила единство и борьбу противоположностей — власти, народа и интеллигенции. Государственная власть всегда делала ставку на мощь, а интеллигенция — на свои духовные и душевные силы. Власть — по преимуществу — энергия управления и организации, народ — субстанция самоуправления и самоорганизации. Софийность власти

(совмещение в ней элементов народного анархизма и разумности интеллигенции) — несбыточная российская мечта, своеобразная утопия, нашедшая свое теоретическое воплощение в триаде «Самодержавие — Православие — Народность». Российский геополитический императив — сохранение российской (имперской, союзной) оси мира — всегда оказывался выше судеб отдельной личности и индивидуальной свободы. Геополитическая несвобода «срединной земли» определила доминанту выполнения исторического, сакрального духовно-религиозного долга, проявлявшую себя на протяжении многих столетий, что стало возможным лишь в условиях формирования в сознании русского человека архетипов вселенскости-космичности, соборности-коллективности, альтруизма-патриотизма, понимания исторической избранности, чувства заботы о гигантском неорганическом теле российского хронотопа.

Задача «держать пространство» стала для Российской державы формой вселенского служения. Эта непосильная задача решалась не только властью, которая иногда подламывалась на трудных исторических дорогах, но и народом, который в условиях всеобщей смуты всегда поднимался из глубин вселенской стихийности бытия-экзистенции (самостийности). Однако осуществление выбора направления развития (духовного созидания состояния-аттрактора) всегда лежало на интеллигенции. В этом можно усмотреть ее абсолютную задачу, задачу подчас неразрешимую по своей трудности, но непереложимую на другие плечи и обязательную к выполнению. Служение Духу для интеллигенции столь же естественно, как естественно служение Богу для священника и служение Державе для солдата и офицера.

В истории российского *стояния* на рубежах Запада и Востока сформировались *парадигмы устойчивости* российского колосса: идеи софийности и троичности, самодержавия (великокняжеского и народного, «вечевого») и православия, рационализма и коммунотарности (коммунизма), соборности и ноосферности. Российская «вселенная» как сверхсистема в максимальной степени отвечает образу хаосогенности (меональности) и как ноосферная реальность любого типа внутренне стремится к поиску самоидентичности с Вселенной-Космосом, а значит, вызывает духовно-информационные потоки огромной силы, выражающие-

ся в социальном и историческом времени в формах революций и разрушительных катаклизмов. История российской духовности³⁷ в известном смысле история поиска моделей миропостроения, адекватных сложности все-российского бытия.

Русский перевод термина «sustainable development» (устойчивое развитие) будет более точен (как считают некоторые авторы), если к смыслу «устойчивости» будет добавлен смысл «самоподдерживания» (самоподдержания)³⁸. Устойчивость не всегда самоцель в историческом и социальном процессах: смысл устойчивости в удержании от катастрофы, от абсолютного распада, обеспечении самозарождения в рамках преемственности новой жизненной системы. Проблема устойчивого развития России возникла в связи с катастрофой, которую иногда называют «социальным чернобылем» — распадом СССР. Период «социального полураспада» империй имеет свою размерность, поэтому задача остановить дальнейший распад России — *глобальный императив* не только геополитического, но и духовного порядка. Российское мировоззрение, российское сознание может существовать лишь в рамках соответствующего ему социоприродного организма. Распад СССР стал прелюдией духовной деконструкции, а значит, устойчивость духовного развития есть форма сохранения устойчивости российской государственности и российского этнохронотопа.

В известном анекдоте утверждается, что «Россия — родина слонов», с таким же успехом можно сказать, что Россия, как показала история XX века, — родина катастроф: военных, политических, революционных, экономических и даже духовных. В чем причина «катастрофичности» российской истории? Для ответа на этот вопрос попробуем использовать синергетический подход.

Поиск нетрадиционных подходов к анализу истории России ведет к смене философских парадигм в тех случаях, где на место

---

³⁷ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: Социокультурная динамика России. Т. II. Теория и методология. Новосибирск, 1998.

³⁸ Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М., 1995; Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001. (См.: Лавров С. Б. Концепция устойчивого развития: возражения науки и трудности практики // Вехи. 1996. Вып. 5. С. 5—11.)

одной движущей силы встает другая: рабочий класс (как субъект материального производства) уступает историческое место интеллигенции (как субъекту духовного производства). История России в XX веке поставила под сомнение марксистский постулат об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию. Феномен сообщающихся сосудов общественного бытия и общественного сознания в рамках реалистической парадигмы оказался более адекватным и работающим: он более соответствует ноосферному видению мира, в котором внутреннее и внешнее миропостроения неразрывны и определяют смысл ноосферной динамики.

В России как нигде может быть велико значение духовной жизни и сознания людей для исторического процесса, в ней максимально обнаруживает себя синергетическая подоплека духовно-исторического процесса. Процессы самоорганизации запускаются как только гигантский евразийский heartland, скрепленный обручами государственной власти, начинает испытывать внешнее и внутреннее давление, ощущать геологические исторические подвижки.

Наряду с синергетическим подходом к осмыслению геополитической (геодуховной) специфики положения России целесообразно использование экологического подхода, который дает возможность очертить параметры «организма» (базового компонента России) и его среды обитания — кругов ближнего и дальнего окружения, в целом его глобального планетарного и космического пространства. Россия в XX веке оказалась точкой средоточения мирового исторического процесса, для нее как для молодого государства характерны «исторические землетрясения». Причиной этой вулканической деятельности оказываются магматические потоки Духа, поэтому размышления о духовной (интеллигентной) составляющей истории России носят не академический, а сугубо практический характер.

В вышеприведенной метафоре можно обнаружить иновыражение ноосферного подхода к истории. Развертывание истории России — это, прежде всего, борьба теорий, гигантская схватка супер-идей. В центре этой схватки оказывается интеллигенция (концепт исторического процесса), которая и определяет в конечном итоге лицо ноосферной динамики России.

История России прошедшего века с достаточной степенью абсолютности свидетельствует о том, что история — это развертывание народного духа в пространстве, с возможной полнотой выраженное профессиональным универсальным интеллигентским сознанием. Видимая история оказывается выражением невидимой истории Российского Духа и Российской Веры. Впрочем, этот тезис не должен сводиться к идеалистическому пониманию. Для его правильного включения в широкий контекст следовало бы применить реалистическую парадигму, в которой не противопоставляются, а соединяются материальное и идеальное, субъективное и объективное, духовное и телесное, историческое и логическое, теоретическое и эмпирическое.

Корневые исторические события про-являются тогда, когда возникают флуктуации в материальной и духовной жизни народа и оказываются поколеблены *устои духа*. В самом этом термине есть внутреннее противоречие, ибо если сознание по определению спонтанно, то разум — целостен и монолитен, Дух безусловен и «безустоен», хотя бесконечно текуч и разнообразен. И все-таки устои Духа существуют, особенно в России они максимально тверды и в известной мере именно это является причиной катастрофизма российской истории. «Катастрофизм Кювье» обычно противопоставляют материалистической диалектике, рассматривая его обычно как «голое, зряшное отрицание», однако в рамках синергетических представлений это эмпирическое обобщение имеет смысл в сфере гуманитарного и обществоведческого знания.

Мир в своем развитии уходит вперед, этно- и техносоциальное тело народа кардинально изменяется, и дух, оставаясь прежним, оказывается в положении «неполного соответствия», тогда начинается эпоха его выкорчевывания в ходе революционных исторических процессов. Ноосферный (реалистический) взгляд на исторический процесс позволяет выявить более сложную детерминацию — синергетическую основу взаимодействия личностного и общественного, социального и природного.

«Насаждение» древа государства Российского оказывается оборотной стороной насаждения духа: никоновский раскол, петровская секуляризация, октябрьская (пролеткультовская) революция — симпатические процессы, обладающие общими генами социального действия.

Кризисность духовной жизни молодого этноса, преодоление им переходного возраста — так можно обозначить эпоху XX века в истории России. Двенадцатый (столетний) год жизни Российского государства и русского Духа оказался огромным испытанием. Проживая его, российский народ совершил «гегелевское отрицание отрицания»: от Духа, в котором приматом являлась идеально-религиозная жизнь на небе, был совершен поворот к Духу, в котором доминантой стала материально-деятельностная жизнь на земле. Антиномия «на земле как на небе» или «на небе как на земле» оказалась настолько асимметричной, что возможности такой инверсии и тем более ее результаты в полной мере не могли представить себе даже великие русские писатели-философы, предупреждавшие о ее опасности.

Столетняя духовная трансформация заканчивается, приходит время отрицания отрицания, время синтеза: общинно-коммунные идеи проверены уже не только оружием критики и критикой оружия, но и «огнем, водой и медными трубами». Российская интеллигенция в XX веке поставила на себе великий самоотверженный социальный эксперимент — осуществила духовную трансформацию Разума и, понеся при этом неисчислимые потери, выходит в начале нового тысячелетия обогащенная огромным опытом духовных геологических подвижек. Одной из линий такого осмысления духовной истории столетия является путь «от Вернадского к Моисееву», который предстоит проделать в своем духовном развитии не только современной российской интеллигенции, но и всему российскому обществу.

Проблема «интеллигенция и власть» имеет свое продолжение: она оборачивается такими категориальными парами как «интеллигенция — народ» и «народ — власть». XX век дал ответы на эти три доминанты российской истории: триада «народ — интеллигенция — власть» больше не «вещь-в-себе», великая тайна исторического процесса в его реалистическом измерении приоткрыта, и значит, современная Россия может смотреть на свое собственное будущее с точки зрения консолидированного опыта своей истории.

Обновление России в «купели катастрофизма» можно рассматривать как порок, как генетический сбой, ведущий к гибели, но его можно интерпретировать и в качестве доказательства воз-

можности гигантской, глобальной «человеческой революции» (по А. Печчеи), перед необходимостью свершения которой оказывается не только Россия, но и вся человеческая цивилизация. Опыт России дает материал для ответа на вопрос: имеются ли у человечества «человеческие ресурсы» для выживания и дальнейшего развития или человеческая природа обречена несовершенством разума? Возможен ли ноосферный прорыв современной цивилизации в будущее?³⁹

В отечественной философской литературе очень часто можно обнаружить пафос самобичевания, связанный с фактом «желания России преподать урок миру», но может быть в мировоззренческом самоотверженном поиске не надо искать повода для «сомнительного сомнения». Исторические эксперименты в духовной жизни являются самыми типичными и самыми трагическими, а когда они перерастают локальный уровень и становятся планетарными, вселенскими дерзаниями Духа, то историческая их ценность, несмотря на трагические последствия, — непереоценима. Российская интеллигенция поставила на себе эксперимент (который в конечном итоге оказался коммунистическим экспериментом) для того, чтобы с высот духовного опыта понять реалистический смысл своего ноосферного (пневмосферного) будущего, понимание которого сейчас приходит уже не для отдельных лиц (выдающихся ученых или философов), а и для мужей государственных и для широких слоев общества.

В чем же могут состоять духовные устои современной российской интеллигенции, обеспечивающие устойчивое, а не катастрофическое развитие страны, ноосферную динамику России?

Во-первых, *интеллигенция должна быть культурной*. В свое время Н. К. Рерих выстроил такую цепочку духовного развития (ноосферной динамики): цивилизованность — образованность — интеллигентность — культурность. Культурность определяется по крайней мере двумя существенными характеристиками: отзывчивостью национальной культуры к достижениям культуры мировой и пониманием того, что ни одна ипостась

---

³⁹ См.: «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвященный обсуждению книги Н. Н. Моисеева «Быть или не быть ...человечеству?» // Вопросы философии. 2000. № 9.

культуры (религия, философия, наука, искусство) не должна быть элиминирована из форм внутреннего и внешнего миропостроения. В этом смысле интеллигенция не может быть художественной, научной или религиозной; социальный субстрат является либо интеллигенцией в широком смысле слова, либо называется так, в действительности не будучи таковым.

Во-вторых, *интеллигенция служит* не только *государству* (ибо власть или «покупала», или брала на службу, или принуждала интеллигенцию), но *и народу* (интеллигенция только тогда интеллигенция, если она искупает свой «флирт» с властью жертвенным отношением к субстрату истории — народу), а также «обслуживает» созданную совместным трудом и разумом техносферу. Однако есть еще один уровень бытия, без выхода на который интеллигенция не выполняет предначертанности и теряет свое качество — это осмысление жизни, существование в космопланетарном универсуме. Интеллигентский труд без этого вселенского существования превращается в сизифов труд бессмысленности всеобщего повторения.

В-третьих, *интеллигенция является трудовым* (а не паразитическим) *классом*, носителем духовного производства, она строит всеобщее здание науки; она — хранительница и созидательница научной мысли как планетного явления. Сущность интеллигенции — внутреннее миропостроение ноосферы, — всеобщей сферы труда и разума цивилизованного человечества.

В-четвертых, *интеллигенция является подвижным* (социально и пространственно мобильным), *постоянно расширяющимся* *слоем*, который в максимальной степени «подчиняется» законам самоорганизации, поскольку интеллигенция может существовать только в открытой (свободной) экологической (информационной) среде. Любое посягание на свободу мысли чревато катастрофическими последствиями и для самой интеллигенции (она увядает и гибнет), и для того общества, которое не смогло осознать «спасительную» функцию интеллигенции. В. И. Вернадский выделил следующие императивы, которые можно было бы отнести к условиям существования интеллигенции: *альтруизм, свобода, истина и сомнение*.

В-пятых, *интеллигенция в своем развитии неизбежно оказывается в лоне* *творимой ею ноосферной реальности* и несет ответственность за содеянное. При этом расплата подчас оказы-

вается жестокой и несправедливой, ибо интеллигенцию судит не столько история, сколько время (конкретно-историческая действительность). Интеллигенция в своем духовно-интеллектуальном труде подлежит Божьему суду и в этом ее внесоциальность, а точнее ее вселенскость; она имеет не столько социальную, сколько ноосферную укорененность.

Все эти особенности позволяют выявить особую роль интеллигенции в социальном универсуме: она может быть как фактором устойчивого (от слов «устой», «устоять»), так и катастрофического развития социума, в котором она живет. Исповедуя высшие ценности, она может войти в конфронтацию с властью и тогда очень часто приносит себя в жертву для того, чтобы погибла и несправедливая власть. Культурная власть, власть, *умеющая* наладить правильное отношение с духовной (религиозной) и светской (образовывающей) интеллигенцией, власть, *позволяющая* интеллигенции выполнять свою родовую функцию, может создать условия для того, чтобы интеллигенция, как консолидированная духовность общества смогла («оказалась смочь») тонкими нитями сопрягать внешнее и внутреннее миропостроение, а значит обеспечить «естественное», ненасильственное, устойчивое развитие посредством просвещения, образования и воспитания самой себя и всего общества, которое ее породило.

Таким образом, представление об устойчивом развитии предполагает, с одной стороны, опору на вековые устои, с другой, — опору на устойчивость как некатастрофичность (умение превратить революционный процесс в эволюционный «темпованием» реформаторской деятельности власти в сфере материального и духовного миропостроения).

В XX веке российская интеллигенция многому научилась в деле планирования поступательного развития и вынесла для себя очень важные уроки. «Реалистическая (народническая) интеллигенция» конца XIX — начала XX века в ходе революционных событий превратилась в светскую (народную) интеллигенцию, проделав огромную работу по культурному обогащению (насыщению) российского этноса, а затем обозначила свою претензию превратиться во власть, сначала лишь в «четвертую власть», а затем и в главную власть ноосферного общества — информационную власть. Особенность этой власти связана с

действием ноосферного закона, согласно которому информация управляет энергией, а энергия управляет веществом⁴⁰. Власть интеллигенции — это форма виртуального управления посредством образования — главного вида духовного производства современной интеллигенции.

Новый XXI век открывает реальные перспективы для того, чтобы вековая российская триада «власть — интеллигенция — народ» постепенно переросла в троичность, трехипостасность, став Единством и обеспечив тем самым реальную ноосферную динамику, создающую предпосылки для разрешения глобальных противоречий современности. Для мира третьего тысячелетия в интеллигентском сознании нет уже альтернативы «революция или реформа», «оптимизм или пессимизм», но есть сложнейший выбор: «устойчивая неустойчивость» или «неустойчивая устойчивость», «оптимистический пессимизм» или «пессимистический оптимизм».

Развитие интеллигентского сознания в XX веке, постепенное это превращение в ноосферное сознание, формирование на этой основе нового ноосферного мировоззрения человечества является существенным фактором устойчивого развития России.

Ноосфера и духовная благотворительность

Благотворительность — корневая структура всей истории становления и развития человечества. В известной степени можно сказать, что восхождение к человеческому качеству осуществлялось благодаря развитию тех генетически заложенных традиций «благотворительности», которые достались человеку от его братьев меньших. На протяжении многомиллионного пути развития родового человека (человечества) феномен благотворительности имел разный смысл и понимался по-разному. И. Кант, сформулировав категорический императив, показал непознаваемую глубину природы человеческой нравственности и сопоставил загадку звездного неба с загадкой нравственности-

---

⁴⁰ *Дмитревская И. В.* Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново, 1997.

духовности. Такая постановка вопроса позволяет выявить статус космической роли благотворительности. «Благо-Творительность» — это не просто бескорыстное, но и *творческое* деяние, т. е. деяние человека как Творца. Благотворительность — это игра с Универсумом как всеединством духовно-телесного космопланетарного бытия. Благотворительность как феномен выходит за пределы большинства всех сегодня существующих экономических форм. Философия, экология и экономика (праксиология) благотворительности — это проблема не столько сегодняшнего техноориентированного знания, сколько категория будущего развитого ноосферного бытия человечества.

Человек — это орган Вселенной, который осуществляет самопорождение информации. Культурная биогеохимическая энергия, о которой писал В. И. Вернадский, — особый тип энергии, за которым фактически стоит то, что называется сознанием, т. е. формой воплощенности образа Вселенной. Человек — это результат отражения Вселенной в форме живого вещества, как наиболее сложной форме субстратности Вселенной. Именно поэтому можно говорить о том, что человек — космическое, вселенское «существо-вещество». Под универсумом в данном случае понимается вся та «божественная среда», в которой обитает человек и к которой он причастен (*при-частен*) как всеединство.

Приобщённость (*при-общённость*) к Богу и причастность (*при-частность*) к Универсуму — своего рода песочные часы человеческого бытия, которые даже своей формой бесконечности подчеркивают тончайший переход из одного пространства в другое. Можно ли по аналогии говорить о переходе биосферы в ноосферу сказать в этом случае трудно, но вырастание человека одновременно есть и форма развития Вселенной. Человек — живая точка, чувствилище Вселенной, монада Лейбница, именно потому, что для нее действительно нет окон в тот мир, который является причиной человеческого бытия.

В термине благотворительность обычно скрывается смысл материальной благотворительности, однако в условиях формирования ноосферной реальности все большее значение приобретает *духовная благотворительность*. Сфера, в которой человек обретает себя, — это сфера обмена знаниями, информацией. Человек представляет собой особый этап в эволюции живой природы, ха-

рактизирующийся появлением организма, способного перерабатывать все большие объемы информации, идущей из окружающей среды (космической, космо-планетарной, глобальной, региональной, индивидуальной).

История свидетельствует о том, что родовое качество государства (особенно социалистического и современного социального государства) — это ориентация на материальную благотворительность (не уточняем в чью пользу, т. к. помимо благотворительности есть еще и феномены сродни протекционизму), ибо государство вынуждено выступать экономическим арбитром в процессе дележа прибавочного продукта и исходит, прежде всего, из (по крайней мере) интересов самосохранения. Государство как «социальное государство» обязано так построить модель социального бытия (общественного бытия), чтобы обеспечить минимальный уровень жизни каждой разумной и неразумной живой твари, идущей вселенской дорогой жизни.

Церковь выполняла функцию духовной благотворительности, обретая в этом не только смысл для самой себя, но и государственный смысл. В силу этого взаимосвязь государства и церкви может рассматриваться как *фактор устойчивости общественного развития*, даже в том случае, если церковь отдалена (или отделена) от государства.

Собственно — главная сущность христианства, мировых религий вообще и социальных религий (социализма и коммунизма) заключается в том, чтобы каждый получил право на вселенское бытие, на вселенскую экзистенцию. Однако, социальное существование чаще всего расходится с существованием Вселенским.

Эпоха материальной благотворительности, обретшая высшее свое проявление в формах социального равенства, которого добивались великие социальные революции XVIII—XX веков, завершается (хотя и не заканчивается, а, наоборот, входит в свою самую «акме»-фазу). Концепция устойчивого развития может быть понята именно как философия материальной благотворительности. Эта благотворительность не означает, что перераспределение совершается в какую-то одну сторону — это сложный взаимный процесс: развитые и развивающиеся стороны находятся в отношениях рынка материально-вещественных и человеко-

информационно-технологических ресурсов. Тогда эта философия благотворительности приобретает характер «философии нищеты», а иногда и «философии нищенства» (попрошайничества). Благотворительность рождает иждивенчество и подчас приносит больше вреда, чем пользы. Философия (праксиология) цивилизованной благотворительности — одна из сложных социально-психологических проблем «диссипативного сообщества», в котором мера благотворительности определяет переход «агонизирующего» общества в «агонирующее» («играющее полнотой своих физических и духовных сил»).

Философия благотворительности и философия «чучхэ», на первый взгляд, антагонистичны, однако в них есть нечто общее — форма перерастания в ориентацию на духовную благотворительность. «Можно постоянно приносить рыбу для питания, а можно дать удочку и научить ловить рыбу».

Благотворительность в российской истории всегда занимала очень важное место, ибо она выполняла роль своеобразного критерия нравственного отношения к человеку, обществу, природе. «Благотворительность» в русском языке по смыслу значительно шире, чем добро-де(я)тельность, добро-любие, до-братолюбие, добро-склонность, — те формы отношения к миру, которые нашли отражение во многих русских фамилиях.

Духовная благотворительность — сложнейший аспект деятельности российской интеллигенции. Когда проводят границу между интеллектуалами и интеллигентами, то в меньшей мере ищут различия в сфере бескорыстного (бесплатного) служения, а может быть именно здесь кроется существенное различие — интеллектуал получает деньги за свою интеллектуальную деятельность. Интеллигент осуществляет духовную деятельность, которая не приносит никакого дохода, не оплачивается (и может быть и не может быть оценена по достоинству, ибо ее цена стремится к бесконечности) и более того — может быть причиной бедствий и даже гибели субъекта интеллигентской деятельности. Духовное бескорыстие в стремлении к достижению и отстаиванию высших ценностей — «Истины — Добра — Красоты» — одна из главных черт любой национальной интеллигенции.

Имеет ли отношение к проблемам становления ноосферы вопрос о духовном бескорыстии (духовной бескорыстности)? Думается, что имеет и самое прямое. Если материальная благо-

творительность — необходимое условие для устойчивого развития ноосферы (как сферы самопорождения культуры — творческой деятельности свободного человека), то духовная благотворительность — необходимое и достаточное условие для развертывания ноосферной реальности.

Какое же содержание вкладывается в термин «духовная благотворительность»? Какова типология духовной благотворительности? Самый яркий пример духовной благотворительности являет собой религиозная деятельность С. Радонежского. Не обладая «материальным достатком», даже отказываясь от самого необходимого, святой Земли русской дарил духовную силу (энергию). Да и сам Сергей знал, что такое «духовная благотворительность» на собственном примере, известном многим по картине М. Нестерова «Видение отроку Варфоломею». Однако духовная благотворительность имеет не только религиозный, но глубоко художественный смысл. Она научает человека попробовать «прикоснуться» к Богу и ощутить Универсум духовно-телесного прототипа Вселенной. Искусство с большой буквы — может быть одно из самых значительных проявлений духовной благотворительности. Искусством человек научается преодолевать искушения и делается человеком родовым — вселенским — *везде-вечным человеком*. Если религиозная благотворительность — это свет, то искусство — это цвет человеческой экзистенциальности.

Духовная благотворительность не обязательно носит гуманитарный характер ни в том смысле, что имеет отношение к человеку, ни в том, что касается лишь гуманитарного знания. Она касается «природы в целом». «Экология духовной благотворительности» — проблема, позволяющая понять казус В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, получилось как всегда». Духовная благотворительность бескорыстна, в ней нет хотения, в ней есть искренняя радость желания, не измеряющаяся в формуле «лучше — хуже». Духовная благотворительность в этом смысле — ноосферное дело, это «общее дело» Единого человечества (Всеединого Богочеловечества). В теоретическом плане духовная благотворительность может быть очерчена лишь в формулах традиционного категорического императива и золотого правила нравственности как регулятивность духовного поведения человека.

Вся подлинная человеческая культура — есть результат духовной благотворительности в индивидуальной или коллективных формах. Там, где культура рождается в формах товарно-рыночных отношений, там пропадает и доподлинность (духовность) культуры. Феномен ноосферности культуры, т. е. вписанности человеческой культуры во Вселенский универсум, — один из важнейших аспектов становления земной Ноосферы (посюсторонней ноосферы).

Соотношение «духовного производства» и «духовной благотворительности» — весьма трудная теоретическая философская проблема, ибо «разведение» этих понятий предполагает смену парадигмальности. Феномен духовной благотворительности может быть эксплицирован из форм духовного бытия лишь посредством универсумной философии, в которой пропадает формула разделенности мира и остается лишь значимость единого телесного Универсума субъектно-человеческого бытия. Человек делает духовное движение «не для», а «просто так» (по велению свыше), не спрашивая разрешения и не требуя вознаграждения.

Интеллигенция, ноосфера, устойчивое развитие: проблемы глобализации

Вопрос устойчивого развития России — ноосферной динамики — трудный для научного исследования вопрос, ибо подчас невозможно определить, сама она движется в сторону своей самоидентификации или ее повелительно толкают к этому внешние обстоятельства. Вселенско-космические, планетарные, всемирно-исторические факторы развития России — особая проблема историософии России, которую ставили перед собой В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, Д. Л. Андреев, Л. Н. Гумилев, И. А. Ефремов.

Развитие разума на планете в формах конкретно-исторического социума, в условиях коэволюции общества и природы — это проблема ноосферной динамики цивилизованного человечества. Как и любой процесс, ноосферная динамика подчиняется текучим формам «порядка и хаоса». Дихотомичность этой формулы не всегда точно раскрывает смысл «социальной

синергетики», процессов общественной самоорганизации: в ее пространстве имеют место многообразные варианты устойчивого развития. Социум редко достигает состояния атомарности или абсолютной тотальности, чаще всего он находится в состоянии творческого беспорядка (полураспада) или полупорядка, виртуального порядка, порядка, который находится в умах, но еще не реализован на субстрате социальной реальности. Фиксация того или иного состояния социума («обдумывание жизни»), а также создание условий для «мироустойчивости» — одна из самых важных, родовых функций интеллигенции вообще и национальной интеллигенции в частности. Эта культурная работа по «выделке» социума и определяет качество интеллигентности, от которого, как показывает исторический опыт, зависит будущее любого консолидированного субъекта исторического процесса. Широкий контекст рассмотрения этой проблемы позволяет сформулировать вывод о том, что интеллигенция — это социальная (цивилизационная) форма развития разума, в которой отражается конкретно-исторический, духовно-деятельностный человеческий потенциал.

Ноосферное измерение порядка и хаоса до известной степени напрямую связано с рассмотрением проблемы устойчивого развития, и, наоборот, сам термин «устойчивое развитие» в этом случае обретает не технократический, а ноосферный смысл. Последний связан в значительной степени с формами развития разума, при этом феномен разума, рассматриваемый в рамках системного подхода, предстает и как субстрат, и как структура, и как концепт Мира (Вселенной). В синергетическом понимании системности разума ноосферная динамика обретает характер фундаментальной социально-философской проблемы.

Изменения, произошедшие в России в XX веке, выводят страну на стратегический простор, она реально обретает свое место в системе мировой цивилизации. Проблема «интеллигенция и глобализация» в настоящее время приобретает очень важное значение в силу того, что родовое качество интеллигенции — «обдумывать жизнь», а нет сейчас более трудной и жизненно значимой проблемы, чем «Россия и цивилизация», а значит и «Россия и глобализация».

Выбор пути. «Пойдешь в град Китеж, придешь в город Глупов»⁴¹, — заметил Б. Немцов, подводя итог советской и российской истории. Весьма показательная мысль, учитывая, что современная Россия перманентно ищет все новые и новые пути своего развития в этом сверхсложном мире. Классический западник никогда не сможет признать, что до настоящего времени Россия только и делала, что неудачно повторяла образцы опробованных на Западе теорий: и «марксизм Ленина», и «американизм Столыпина», и «общечеловеческие ценности Горбачева», и «монетаризм Ельцина» — все это редуцированные модели, так и не доведенные до адаптации к российским условиям. Россия пока еще не приступала к апробированию *своих собственных* моделей, основы которых создавались интеллектуальной элитой России в начале XX века и сейчас возрождаются не только как формы теоретического, но и практического решения.

Поиски идентичности. В конце XIX — начале XX века в российской культуре сложилась уникальная ситуация, которая свидетельствовала о возможности решительного прорыва в понимании российской самости, в поиске аутентичных путей развития. Основу новой — «не царской» — модели России приуготовляли В. С. Соловьев, Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, П. А. Кропоткин, и многие другие. Помимо большевистской модели развития России, существовали и другие возможные варианты (стольпинско-государственнический, меньшевистский, эсеровский, анархистский, кадетский и другие).

Социальная синергетика в условиях широчайшего общественного кризиса выбрала самый простой, «очевидный», и потому нереализуемый в дальней перспективе, план. В силу этого наиболее интеллектуальная программа (модель ценностей-аттракторов), разработанная не на уровне общего, народного (В. И. Ленин), а высшего университетского образования (Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский) оказалась оставленной «про запас». Как показала история развития нашей страны общество постепенно поднималось до понимания сложности развития и саморазвития. К модели «общественного развития по Вернадскому» советское

---

⁴¹ См.: Немцов Б. Пойдешь в град Китеж, придешь в город Глупов // Общая газета. 2000. № 20. С. 7.

общество обратилось только в 1960-е годы, когда значительно вырос культурный уровень народа, а в практическую плоскость ее реализация была переведена лишь в начале нового века, когда изменилось качество государственной власти.

Фундаментальная Духовная революция, подготовленная культурным расцветом России в XIX веке, была «свернута» в 1920—30-е годы в «культурную революцию». В силу целого ряда конкретно-исторических условий российская интеллигенция не смогла довести до практического варианта наметившуюся модель демократической России, которая превратилась в абрис «советско-светской политической графики». Оставшаяся в России — невысланная и неухавшая — интеллигенция мужественно пыталась довершить дело до конца, осуществить прорыв в будущее, несмотря на отъезд главных «рецензентов» и «оппонентов» большевистских социальных проектов. Не только плеяда великих умов «философского парохода», но и великие представители российско-советской интеллигенции⁴² старались сделать все, для того, чтобы «спасти Россию». История не дала возможности продвинуться дальше, чем было положено в рамках гигантского маятника исторических циклов. Откат маятника оказался очень трудным для народа страны, но он сохранил до настоящего времени ощущение колоссального геологического прорыва в «Новое», а возрожденная историческая наследственность духовности позволяет вновь приступить к грандиозной попытке общественного самопознания уже в новых, гораздо более льготных условиях и мощной информационно-технической вооруженности. Современная Россия интенсивно обретает человеческий фактор философско-социологической рефлексии для завершения фундаментальной работы прояснения роли России в контексте планетарной цивилизации. Для этого в начале XXI века созданы и созрели все условия.

Предчувствие глобализации: первые подступы к проблеме. Проблемы, которые сейчас получили название глобальных, в полном объеме возникли в середине XX века, однако ощущение прихода глобальности обнаруживало себя уже на ру-

---

⁴² Например, И. П. Павлов, А. А. Богданов, А. Лосев, П. Флоренский, Н. Кондратьев, П. Савицкий, П. Филонов, А. Платонов, А. Чижевский, К. Циолковский, Н. Гумилев и многие другие.

беже XIX—XX веков. *Первые шаги* глобальности, связанные с социальными революциями евразийского масштаба и мировыми войнами, становились «шагами командора», и их не могли не слышать своим чутким ухом философы нарождающейся эпохи модернизма. Одними из первых в русской традиции «шаги глобализации» услышали Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, В. И. Вернадский. Русский космизм — своеобразное предчувствие вселенского бытия, наступления века глобализации, несущего с собой и великие надежды, и чудовищные разочарования. В. И. Вернадский с научной точностью поставил диагноз движения цивилизации в сторону планетаризации-глобализации: научными основами для этого стали учение о биосфере (1926) и учение о переходе биосферы в ноосферу (конец 1930-х годов).

Вторая волна осознания «глобализации» связана с освоением атомной энергии и наступлением космической эры. Государственно-партийная элита «просмотрела» эту поворотную точку в развитии общества, не смогла выработать новый курс, хотя много сделала для достижения космических приоритетов. Глобализация долгое время понималась как форма военно-политической экспансии («Доктрина Брежнева»). Тем не менее, эпоха «оттепели» породила новую генерацию «внутренних диссидентов-космополитов» (Д. С. Лихачев, А. Д. Сахаров, И. Р. Раушенбах). В этот период имелись все шансы для выработки российской стратегии глобализации, которая вытекала из трудностей энергетического кризиса, разразившегося в первой половине 1970-х годов. Именно в этот период обнаруживает себя рост интереса к творчеству В. И. Вернадского, разрабатываются марксистско-ленинские диалектико-материалистические подходы к осмыслению глобальных проблем современности. В конечном счете, идеологическое в осмыслении путей решения глобальных проблем современности пересилило научное, шанс был упущен. Не смогло исправить положение и горбачевское видение вхождения в эпоху глобализации — перестройка для нашей страны и для всего мира. Однако эти шаги в сторону осмысления идущих процессов глобализации подготовили почву для ее современного глобально-ноосферного конструирования.

Третья волна осмысления «миро-глобальности» открывается в середине 1990-х годов. Ее ключевой фигурой стал

Н. Н. Моисеев, который положил начало развитию современной биосферно-ноосферной глобалистики, используя и развивая фундаментальное наследие В. И. Вернадского.

Категориальный курс. В понятие «глобализация» может быть вложен различный смысл, но это не отменяет тот факт, что глобализация предстает сразу во всех своих измерениях и ипостасях — «глобализация глобальна». Этот фундаментальный, геологический, онтологический процесс неустраним, как неотменимо существование и развитие самой Вселенной. Обычно, когда говорят о глобализации, используют самый узкий смысл, который определяется «как если бы» противоположностью — «антиглобализмом». В этом случае в понятии фиксируется одна из версий глобализма — «глобализация для золотого миллиарда». Внутреннее противоречие этой версии в том, что, как считают отечественные и зарубежные ученые, именно эта количественная характеристика наиболее оптимальна для биосферы Земли, но приближение к ней приобретает различные исторические формы, и в том числе ту, которая инициируется «западноцентризмом» и «американским геополитическим моноцентризмом». Однако, есть и другая (не атлантическая) версия глобализации — «евразийская», которая вытекает из того, что не Америка как «потусторонняя» для Азии реальность, а именно Россия объединяет Восток и Запад естественным многотысячелетним культурно-историческим процессом. Третья версия, предполагающая самый широкий смысл термина глобализация, фиксирует взаимосвязь (до известной степени отождествление) глобализации и ноосферизации.

Мировость глобализации как процесса конструктивного (т. е. полицентричного, многокультурного, интерцивилизационного) оказывается связанной с переходом биосферы в ноосферу, а не с частным случаем доминирования в биосфере глобальной техносферы. Техносферная (технократическая) глобализация обрекает биосферу на постепенное уничтожение, разрушение, а саму человеческую цивилизацию (как заложницу «технического прогресса») на гибель. Американский технократический вариант глобализации опирается на *фундаменталистский технооптимизм*, и, до известной степени, — эта модель отвечает «геооптимизму» (ноооптимизму), однако, помноженная на геополитический моноцентризм, она носит эгоистический,

«эксплуататорский» характер, неприемлемый для остальной части цивилизованного мира. «Современная глобализация» — это «глобализация для США», о чем хорошо сказал З. Бжезинский, размышляя о «Великой шахматной доске»⁴³. У глобализации как «планетного явления» (В. И. Вернадский) есть не только национальная, но интернациональная сторона: т. е. глобализация предполагает не американский, западный, японский, китайский и т. д., а именно общецивилизационный, общечеловеческий, ноосферный вариант.

Процесс глобализации — *естественное* продолжение великих географических открытий в других сферах человеческого бытия. Становление *глобальной ноосферы* начинается с освоения научной мыслью земного планетарного пространства, а затем возникает глобальная техносфера как результат опредмечивания научного знания. Однако абсолютизация техносферного развития вне фундаментального контекста универсума мировой культуры приводит биосферу к черте деградации. «Принудительная» трансформация биосферы в условиях гипертехницизма оказывается разрушительной, а не созидательной. Глобализация как форма превращенного и (превратного) «прогресса» требует ограничения критерием «ноосферного императива». Ноосферная мораль, экологическая этика в этом смысле представляет собой своеобразный регулятор темпов преобразования. Торможение объемов материальных потребностей в силу невозможности функционирования биосферы в форсажном режиме предполагает смещение акцентов в сторону развития духовных потребностей, что находится в полном созвучии с общеэволюционным вселенским процессом.

Смысл ноосферного характера процесса глобализации. Человеческая цивилизация в XXI веке проходит одну из важнейших в своем развитии точек бифуркации — она вырабатывает систему ноосферных ценностей, строит модель ноосферного устойчивого развития, вытекающую из тенденций уже имеющейся ноосферной динамики (как это показали исследования Н. Н. Моисеева, А. Л. Яншина, А. Д. Урсула и других отечест-

---

⁴³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999.

венных ноосферологов). Такими факторами являются заселение человеком планеты, резкое преобразование средств связи и обмена между разными странами, усиление связей между государствами, преобладание геологической роли человека, расширение границ биосферы и выход человека в Космос, освоение новых мощных источников энергии, равенство людей всех рас и религий, увеличение роли народных масс, свобода научной мысли и научного искания, подъем благосостояния трудящихся, разумное преобразование первичной природы Земли и т. п.⁴⁴ Осмысление процесса глобализации требует хорошо разработанной методологической базы, опирающейся на учение о биосфере, экологический, системный, синергетический подходы, учение о переходе биосферы в ноосферу.

Глобализация и ноосферная коэволюция (кореволюция) Всеединства. Для осмысления проходящих сейчас *ураганных* процессов глобализации русская философия создала «карту космо-глобальности», ею заложены методологические основы мировоззрения новой эпохи, пришествие которой В. И. Вернадский сравнивал с периодом античности — становлением «осевого времени».

Современный выход цивилизации в хронотоп «вездечности» ставит, прежде всего, глобальные проблемы «инверсии Духа». В числе глобальных проблем современности пока нет для них места. Бурное начало XXI века свидетельствует, что осознание «первичности» *глобальных духовных проблем* по отношению к проблемам материально-вещественности не за горами. По этой причине так ярко проявляют себя спонтанные подвижки в сторону философии русского космизма.

Приближающаяся ноосферная кореволуция по своей масштабности вероятно бесконечно фундаментальнее, чем географические, социальные, ресурсные, экономические, энергетические, демографические, информационные войны вместе взятые. При всей ее «озоновой (освежающей) сущности» она может оказаться по законам эмерджентности фактором разрушительно-миропостроительной тотальности.

---

⁴⁴ Янин А. Л. Учение В. И. Вернадского о биосфере и переходе ее в ноосферу // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

Современное человечество экономически, организационно и духовно-мировоззренчески готовится к смене форморазвития, проведению (прохождению) перманентной глобальной кореволуции, которая может носить симультанный — одновременно-параллельный разрушающе-созидающий характер. В этом смысле огромный социально-мироустроительный опыт разных моделей цивилизационного развития окажется абсолютно необходимым. В рамках поиска национальных моделей устойчивого развития каждая страна объявляет о своем реальном потенциале для глобально-планетарного развития — формирования цивилизационного Всеединства. Современный философский процесс интуитивно ориентируется именно на такого рода планетарное будущее. Представления о «человеческой революции» (А. Печчеи)⁴⁵, «глобальной революции» (Римский клуб)⁴⁶, «столкновении цивилизаций» (С. Хантингтон)⁴⁷ — свидетельства всеобщей обеспокоенности приближения человеческой цивилизации к *точке ноосферной бифуркации*.

На повестку дня становятся не эсхатологические предсказания «конца света», «конца истории» или «столкновения цивилизаций», а разработка методологии и технологий проведения ноосферной кореволуции, основывающейся на формирующейся ноосферной картине мира, синергетических представлениях о космопланетарных и биосферно-цивилизационных процессах, моделях ноосферной реальности и ноосферного сознания⁴⁸, которые формировались в каждой национальной культуре и только сейчас обнаруживают свою абсолютную будущее-значимость. Система общечеловеческих ценностей, наработанных каждой особой культурой, оказывается ноосферным аттрактором происходящих процессов.

Ноосферная геополитика. Одна из самых фундаментальных теоретических проблем футурологии — это предсказание, предвидение моделей и форм совокупного поведения человеческой цивилизации при прохождении ноосферной революции-

---

⁴⁵ См.: Печчеи А. Человеческое качество. М., 1980.

⁴⁶ Первая глобальная революция: Доклады Римского клуба. М., 1991.

⁴⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1, 2.

⁴⁸ Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность. Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998.

трансформации, временные рамки которой не могут быть слишком большими. Как показывает опыт предшествующего развития в XX веке, этот временной промежуток не растягивается больше, чем на 10 лет. По прогнозам Н. Н. Моисеева человечество достигнет времени кризиса к середине текущего века, поэтому философско-методологическая (а также психологическая, демографическая, экономическая, ресурсная, военная, мировоззренческо-идеологическая) подготовка к ноосферной коэволюции становится важнейшим фактором будущего выживания этно-исторических субъектов, их кооперации в полицентричном мире ноосферно-ориентированного развития. Эта задача на языке государственных деятелей и политиков называется выработкой «национальной идеи». В действительности речь идет не столько о национальной идее, сколько о выработке модели этно-национально-государственного поведения в условиях всеобщей планетарной трансформации, которая называется глобализацией. Для России христианская, социалистическая (коммунитарная), евразийская, ноосферная идеи переплетаются и дают тот эмерджентный эффект, который, выражаясь традиционным языком, формирует «национальную идею» России.

Миссия российской интеллигенции. Выработка такой стратегии и поиски адекватной аутентичности коллективного поведения — важнейшая задача российской интеллигенции (как и любой национальной интеллигенции), если она хочет отвечать той миссии, которую выполняет элита общества, «давая ответ» на «формулу вызова», в этот раз — *глобального вызова*.

Российская интеллигенция с честью выходила из трудных ситуаций по осмыслению «точек бифуркации», другое дело, что к ней не прислушивалась (и, наверное, не могла прислушаться) государственная власть. Советская интеллигенция не стала исключением: начиная с 1960-х годов, откликаясь на «духовную оттепель», она шаг за шагом разрабатывала наследие российских философов и ученых, в том числе научное и социальное творчество В. И. Вернадского, пытаясь показать формы перехода с моделей социалистического и коммунистического развития на ноосферные модели развития. Прошедшие четыре десятилетия интенсивного изучения ноосферного творчества В. И. Вернадского позво-

лили сделать вывод о том, что российская интеллигенция I четверти XX века смогла нащупать основные нити будущего развития России — социальные ориентации, евразийское пространство, соборная духовность, кооперативные ценности, ноосферная сущность. Современное российское общество осваивает и пытается синтезировать их в действующую модель потребного развития. Образ Левши (русского патриота-самородка) как альтернатива Ивану-Дураку — трагическое свидетельство наличия русского архетипа «жизни-для», «для народа и государства». Доказательство тому — эпохи «веховского завета», «космополитического импульса», «диссидентского движения», «перестроечной устремленности». Интеллигенция всегда предупреждала власть и общество о грозящей опасности и наступлении новой эпохи, и этот факт, как важное эмпирическое обобщение, должен заставить государственную элиту пересмотреть свое недоверчивое отношение к интеллигенции.

Феномен интеллигенции — субъективный фактор становления ноосферы. В настоящее время интеллигенция (и отечественная и мировая) превращается из «класса» в постоянно растущий социальный слой, приобретая новые качества, постепенно оказывая все более сильное воздействие на эффективность государственной власти, определяя формы опережающего отражения и находя лучшие варианты сопряжения процессов самоорганизации и управления. Становление и развитие ноосферы, развертывание глобализации — стихийные и стремящиеся выйти из-под контроля процессы. Сделать их адекватными особенностям антропологического и биосферного развития — центральная задача мировой интеллигенции как слоя, обеспечивающего управление, самоуправление и самоорганизацию на всех уровнях функционирования сверхсложной биосферно-ноосферной системы.

Раздел III

ФИЛОСОФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ИПОСТАСНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Философия интеллигенции: системный анализ проблемной области (2002). Интеллигенция как ноосферный аттрактор будущего (2003). Интеллигенция — фактор разрешения ноосферных конфликтов (2003). Философия интеллигенции: онтология, гносеология, аксиология, праксиология (2007). Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии в XXI веке (2008). Российская интеллигенция между Сциллой и Харибдой: история ноосферного разума (2011).

Философия интеллигенции: системный анализ проблемной области

В начале XX века основная работа специалистов-историков сконцентрировалась на *логическом анализе* термина интеллигенция. При этом оказалось, что он в силу своей полисемантической и омонимичности не может быть определен однозначно. Более того, это направление исследований оказалось своеобразным тупиком для интеллигентоведения как важной отрасли гуманитарного знания. Выход из сложившейся ситуации был подсказан авторами, предлагавшими применить к этой предметной области *концептуалистский подход*⁴⁹. Вместе с тем, проблема заключается не в борьбе за «правильное определение», а в том, чтобы «развернуть» (распаковать) проблемную область интеллигентоведения, создать ее систему категорий.

Общетеоретические проблемы интеллигентоведения связаны с выявлением предметной его области, что осуществимо лишь в контексте установления межпредметных связей с философией, психологией, политологией, социологией, культурологией, информатикой, кибернетикой, искусствоведением и теорией литературы, эниологией, ноосферологией и другими дисциплинами. В связи с этим создаются предпосылки для появления в будущем не только социологии, политологии, культурологии интеллигенции, но и философии интеллигенции.

---

⁴⁹ См.: *Ледяев В. Г.* Понятие интеллигенция: проблемы концептуализации // Интеллигенция и мир. 2001. № 1; *Ледяев В. Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001.

Многогранная работа историков, культурологов и философов привела к перерастанию стихийных философских исследований интеллигенции в систематические. В настоящее время можно говорить о следующих актуальных проблемах *философии интеллигенции*: 1) системность категориального аппарата интеллигентоведения, 2) представления об интеллигенции в истории философии, 3) современная методология исследования интеллигенции, 4) историософия интеллигенции, 5) место интеллигенции в системе культуры, 6) ноосферная динамика интеллигенции.

Система категорий интеллигентоведения. Назрела сущностная необходимость создания словаря предметной области интеллигентоведения и интеллигентоведения, в котором целесообразно, на наш взгляд, во-первых, отразить такие разделы как «Классификация определений интеллигенции», «Типология интеллигенции», «Философия интеллигенции», «Социология интеллигенции», «Психология интеллигенции», «Социальные функции интеллигенции», «Особенности сознания и деятельности интеллигенции»; во-вторых, включить такие понятия как «русская интеллигенция», «национальная интеллигенция», «феномен интеллигенции», «прединтеллигенция», «идеократия», «человеческое качество», «интеллигенция как прослойка», «интеллигенция как класс», «общечеловеческие ценности», «духовность», «сознание», «ноосферное сознание», «амбивалентность сознания», «субъективный фактор», «человеческий потенциал», «стратиграфия интеллигенции», «интеллигенция как система», «мировая интеллигенция», «ноосферная интеллигенция» и другие.

Интеллигенция в контексте истории философии. Термин «интеллигенция», как показывает изучение первоисточников, имеет важное философское значение. Изучение особенностей употребления в философском контексте (в рамках герметической, китайской, индийской, античной философии, национальных философских традиций) категорий «ум», «разум», «душа», «сознание», «интеллигенция», «универсум», «абсолют» могут многое прояснить в рамках углубленного рассмотрения категории «интеллигенция».

Историософия интеллигенции. Отечественный опыт гуманитарных исследований позволяет отчетливо сформулировать проблему «Мировая интеллигенция и всемирная история», показать ее не только в конкретно-историческом, но и историософском аспекте. Для того, чтобы сделать шаг в этом направлении необходимо обратиться к началу XX века, к «веховской» традиции «философии интеллигенции». В спорах между «веховцами», «профундистами» и «сменовеховцами» оказалась развернутой вся палитра возможных философских подходов, что в конечном итоге позволило незашоренно, недогматически, неидеологически взглянуть на роль феномена российской интеллигенции в великой русской социальной революции. Оказалось, что, *во-первых*, российская интеллигенция «сама на себя донесла» революционной власти, «сама себя прилюдно высекла», в результате получив «ленинское определение»; *во-вторых*, интеллигенция оказалась настолько разнородной, что не смогла себя защитить в условиях надвигающихся событий; *в-третьих*, она не смогла создать прагматическую модель потребного будущего, поставив перед собой совершенно другую задачу — поразмышлять над тем, что есть феномен интеллигенции в рамках идеала будущего. В этом и сила и слабость интеллигенции, рефлектирующей над собой: она оказалась очень требовательной и бескомпромиссной.

Интеллигенция начала XX века послала философское письмо интеллигенции конца века, чтобы та не забывала о своей общероссийской и общечеловеческой (планетарной) миссии. Современная российская интеллигенция постепенно двигалась к пониманию своей роли: сначала не смирилась со статусом *прослойки*, затем потребовала (вслед за Г. В. Плехановым) пусть хотя бы теоретического признания интеллигенции как особого *класса*. (Самое поразительное, что, обретшая власть команда Б. Н. Ельцина обнаружила фундаментальный исторический идеализм и признала в «Указе № 1» претензию на это «де-юре». В условиях последовавшей за горбачевской «перестройкой» ельцинской «ломки» интеллигенцию вновь возвратили на ее законное, характерное для примитивного общества место, но это не помешало ей под воздействием полученного импульса двигаться в сторону осмысления своей планетарной миссии.)

На протяжении XX века мы можем видеть три пассионарных подвижки (с циклом, приблизительно, в 40 лет) в среде российской интеллигенции — 1910—1925, 1955—1965, 1990—2002 годы. Последний этап можно уже сейчас назвать (вслед за этапами «интеллигенции зарубежья», «космополитической интеллигенции») этапом превращения российской (советской) интеллигенции в интеллигенцию общепланетную (мировую) — *ноосферную интеллигенцию*. Современная тенденция «отъезда» российской интеллигенции — лишь проявление дальнейшего совершенствования той культурной формы, которая была характерна для нее (как получающего или получившего образование слоя, реализующего свои ментально-духовные потенции) по крайней мере на протяжении трех последних веков.

Интеллигенция в этом смысле слова — та социальная субстанция, которая рождает такое идеальное, которое *«обречено»* воплотиться в материальное и универсумное. Российская власть при этом знает, что разбудить пассионарность российской интеллигенции можно двумя путями — «прикормить» или «оттолкнуть». Прикормленная интеллигенция рано или поздно оказывается несостоятельной, трусливой, неэвристичной и продажной, отторгнутая интеллигенция выполняет свою миссию более эффективно и в изгнании за границей, и в ссылке, и в заключении. Таким образом, находясь между Сциллой и Харибдой, российская интеллигенция фактически выполняет мировую функцию, она реально-исторически становится *планетной интеллигенцией*.

Собственно философский подход к предметной области *интеллигеноведения* предполагает выделение *онтологии интеллигенции* (анализ проблемы взаимосвязи интеллигенции и культурной биогеохимической энергии), *гносеологии интеллигенции* (изучение методов анализа интеллигенции), *аксиологии интеллигенции* (построение моделей и иерархий систем ценностей, характерных для определенных исторических эпох) и *праксиологии интеллигенции* (осмысление процессов внешнего миропостроения, наработка миросистем, путей изменения мира).

Методологические проблемы современного изучения интеллигенции лежат в русле прежде всего различных форм *межпредметного, междисциплинарного, «попроблемного», комплексного* анализа. Опыт работы ученых-интеллигеноведов по-

зволяет сформулировать основные парадигмы осмысления интеллигенции, показать работу принципа дополнительности в эволюции дискурсов, использовать *ноосферно-экологический подход*, рассмотреть некоторые аспекты развития интеллигенции в контексте информатиологии и эниологии. Одна из самых значимых задач — методологическое актуализирование *системных и синергетических* представлений в проблемной области интеллигентоведения — сознания и деятельности интеллигенции, ее взаимодействия с народом и властью, формы их взаимопревращений.

Футурология интеллигенции. Для будущего России нет более важной теоретической проблемы, чем реализация своего потенциала духовной пассионарности, воспитанной *духовным сродством с природой* и закаленной мечтаниями о лете во время трескучих русских морозов. Именно этнос такого типа продуцирует («угадывает») новую гармоническую реальность будущего. Российская интеллигенция уже, по крайней мере, дважды в XX веке удивляла мир. Во-первых, когда дерзнула в самых невыгодных условиях реализовать идею социального равенства для развития духовности общества, и, во-вторых, когда породила евразийскую идею, пытаясь, будучи на западе — в Европе, остаться в своей стране — в Азии. Евразийская идея появилась как ностальгическая идея, хотя ее архетипический смысл был закодирован еще в принятии византийского православия (и, таким образом, «случайность» принятия православия оборачивается «закономерностью» будущего евразийского развития России). Но есть и третья идея, которая лежит в основе будущего самоопределения России, — это *ноосферная идея*.

Интеллигенция как ноосферный аттрактор будущего

Н. К. Рерих, размышляя о духовной эволюции человечества, рисовал следующие ступени восхождения: от варварства к цивилизации, от цивилизованности к образованности, от образованности к интеллигентности и от интеллигентности к культурности. Эти этапы можно рассматривать как духовные формации развития человечества. Две последних напрямую связаны с особым «человеческим качеством» — интеллигенцией.

Интеллигенция является родовым признаком всемирного исторического процесса развития. Сначала, на самых первых этапах исторического процесса возникали спорадические «единицы интеллигенции», затем процесс шел очень неравномерно, то затухая, то вновь интенсивно двигаясь вперед. В. И. Вернадский прекрасно показал это движение, носящее планетный характер, на примере развития научной мысли и феномена науки⁵⁰. Но такого рода движение характерно не только для науки, но и для всех форм культурного подвижничества. Процессы интеллектуальной (образовательной) и интеллигентской эволюции происходили параллельно, один из них лидировал, но, сыграв свою роль, уходил в тень и вновь набирал силы для нового рывка вперед.

Главная роль интеллигенции в историческом развитии человечества в сохранении культурного генофонда и передачи его другим поколениям. Специфика этой метафоры станет лучше понятна при обращении к современным моделям генетики, в частности к «расшифровке генома человека». Культурология и интеллигентоведение в известном смысле слова решают одну и ту же очень важную задачу — расшифровывают «геном культуры человечества». Человечество как единый организм, как всеединство обретает формы жизни не столько в формах биоразнообразия, сколько в исторически и культурно апробированных формах человеческого поведения, интеллектуальной целеполагающей деятельности, которая сопровождает и в то же время сопровождается формами внешнего и внутреннего миропостроения. Задача современного культурного человечества эксплицировать все «имевшие место и время» актуальные и потенциальные формы человеко-бытия. Без этой огромной работы человеческая цивилизация так и не сможет понять, для чего она существует, не сможет обнаружить вселенский вектор своего развития.

Обратим внимание на то, что интеллигенция сохраняет «информацию человеческого бытия» не только в «информационной форме», но и телесно-бытийной форме. Не случайно говорят, что максимум пассионарности род достигает на третьем поколении своего развития, а затем (как показывает история) чаще всего прерывается, ибо, скорее всего, энергия растрачивается как

---

⁵⁰ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

«взрыв сверхновой звезды». От отца к сыну передается не только генетическая и культурная (образование) составляющая, но и форма «вселенского поведения», постепенный охват все более широкой среды обитания. При этом следует иметь в виду, что интеллигентность, несмотря на свое родовое (мировое) качество, всегда имеет не только свое этнонациональное, но и конкретно-историческое лицо. Такого рода многоликость интеллигенции, это не ошибка философского дискурса, а реальный факт многозначности реального исторического процесса.

В трудах К. Маркса тщательному анализу были подвергнуты, прежде всего, моменты материально-экономического измерения общественного развития, в трудах В. И. Вернадского происходит осмысление процессов духовно-интеллектуального измерения человеческой истории. В силу этого и возникает проблема сближения ноосферного и интеллектуального, культурно-развития.

Рассмотрение процесса формирования интеллигенции в контексте деятельностного подхода представляет собой известную сложность в силу того, что в отечественной историографии интеллигенция не рассматривалась как субъект материально-экономической деятельности, ее статус прослойки выводил ее за рамки фактора исторического процесса. Лишь в последние годы субъект *духовного производства* — техническая, научная, образовательная интеллигенция оказалась в центре внимания. В условиях технотронного (информационного) общества логика и философия духовного производства оказывается той сферой интеллектуальной работы, без которой невозможно осмыслить синергетику духа, самоорганизацию человеческого сознания.

Для понимания роли интеллигенции в общественном развитии целесообразно обращение к синергетическому подходу, ибо он помогает рассмотреть интеллигенцию как ту человеческую субстанцию, которая живет в другом времени, нежели современное ей общество. Вся проблема в том, настолько данная интеллигенция «отрывается» от своего времени, *становится аттрактором ноосферного развития*. Думается, что российская интеллигенция начала XX века опередила время не меньше чем на полстолетия, если учитывать возможность сопоставительного измерения истории, или, может быть, на столе-

тие, если учитывать наши реалии. Интеллигенция в историческом процессе всегда выступает как *катализатор развития* в направлении становления общечеловеческого состояния и общечеловеческих ценностей.

Геологически процесс становления интеллигенции может быть представлен как движение к точке Омега⁵¹. Интенция стремления к постижению божественных возможностей человека и человечества — главное в интеллигенции как субстанции. Иными словами рассмотрение интеллигенции оказывается возможным на уровнях единичного, особенного и всеобщего. Форма всеобщего — это субстанциальное измерение, на уровне особенного порождается этнонациональная специфика интеллигенции, но самый важный уровень рассмотрения данной проблемы связан с проявлением единичного, т. е. конкретного (ноосферного) человека, в котором посредством образования и самообразования развивается качество интеллигентности.

Универсумное понимание исторического процесса создает условия для полноформатного осмысления феномена интеллигенции, ибо становится возможным акцентировать внимание не только на материальных, или только духовных аспектах, а искать формы взаимообусловленности материального и идеального, телесного и духовного, субъективного и объективного, социального и природного в разворачивании исторического процесса.

Осевое время в этом смысле — это время интенсивного становления качества интеллигенции, когда совпадают разнородные условия, способствующие образованию уникальной самоподдерживающей структуры, дающей обществу взглянуть на мир в целом, на мир как единое целое, слиться с миром. Интеллигенция как духовное состояние — это конкретно-историческое ощущение и понимание своего единства с миром, который постоянно расширяется, заставляя тем самым расширяться и человеческую субъективность; это духовная возможность совпадения масштабностей субъекта и объекта. Чаще всего общество живет в состоянии, когда этого совпадения в принципе не может существовать; в ощущении стояния включенности в универсум, находятся лишь единицы. В некоторых случаях общество, лишенное

---

⁵¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.

попечительства интеллигенции как способности стремления к соединению, раскалывается и тем самым уничтожает ту реальную интеллигенцию, которая не смогла обеспечить единение. В этом смысле интеллигенция — это формула единения человеческих общностей, субъективный фактор, обеспечивающий центростремительное движение исторического процесса. С точки зрения физики можно было бы сказать, что в истории также действует «принцип тяготения», где интеллигенция — форма «духовного тяготения».

Социальная философия интеллигенции — это область размышления о предельных основаниях человеческой духовности в конкретных условиях социально-экономического развития, в сиюминутных формах исторического. В этом смысле настоящая история — это история интеллигенции, *а история человечества — это история развития интеллигенции на субстрате человеческого.*

Интеллигенция — фактор разрешения ноосферных конфликтов

В отечественной литературе начала XXI века речь чаще всего идет о том, что интеллигенция (русская интеллигенция) исчезает и, может быть, даже уже окончательно исчезла, умерла. Однако возникает вопрос о том, а остались ли какие-либо зерна той самой интеллигенции, которая подарила России и всему миру новое понимание процессов общественного развития и новую парадигму будущего? Духовные семена остались, и они ждали своего времени для того, чтобы прорасти — в новое время в новую эпоху, в новых людях. Значимость современного периода развития страны, несмотря на все, очень негативные тенденции, сопровождающие взрывной рост страны, в том, что это период нового русского Возрождения — возрождения Серебряного века.

В историческом смысле этот вывод неопровержим, ибо того слоя, того класса, который назывался «русской интеллигенцией», больше не существует, ибо он вымер как результат естественной социальной эволюции. Современная интеллигенция (уже и не российская, и не советская) примеряет одежды донкихотов-

ской российской интеллигенции дворянского образца и прекрасно понимает, что она не только не может, но и не хочет предстать на подиуме современного мира в этом театральном одеянии. В «археологическом» смысле русская (российская) интеллигенция действительно умерла. Возможно ли вообще, чтобы интеллигенция умерла? Для этого нужно выяснить какую функцию (функции) она выполняет в мировой истории и в чем смысл ее родового существования.

Одним из самых значимых выводов, касающихся размышлений *о природе и сущности интеллигенции*, является вывод, берущий свое начало в формах рассуждения от противного. В историко-культурологическом контексте есть формула диалектического «отрицания отрицания» — «Интеллигенция умерла! Да здравствует интеллигенция!»

Интеллигенция — власть — народ. Интеллигенция не может исчезнуть из всемирного исторического процесса, ибо является родовым признаком духовного развития человечества, поэтому усилия многих историков и политологов по «ампутации» интеллигенции из исторического процесса, думается, обречены на неудачу. Более того, как показывают современные исторические ноосферные процессы, роль интеллигенции становится все более значительной, она оказывает мощное воздействие не только на народ, но и на власть.

Воздействие интеллигенции на народ осуществляется посредством образования, а эта сфера в большей степени, чем какая-либо другая, не подлежит регулированию и контролю, ибо учитель и преподаватель — представитель образовательно-интеллигентской сферы — всегда найдет способ довести до сознания своих слушателей, то, что может оказаться непонятым контролирующим инстанциям. В своем воздействии на народ интеллигенция чаще всего оказывается сильнее, чем власть и очень часто потом раскаивается в чрезмерной силе своего воздействия, ибо вырвавшийся из бутылки «исторического торможения» джин не щадит никого, в том числе и саму интеллигенцию.

После того как в XX веке была разрушена последняя (советская союзная) империя, власть должна понять, что государственная (геополитическая) эволюция возможна только для тех государственных организмов, которые не последуют в историче-

ское небытие вслед за динозаврами. Значит, сама культурно-историческая эволюция требует усиления и увеличения интеллектуального и интеллигентского качества в решении задач управления этнохронотопом и формами его устойчивого развития в соответствии со спецификой «субстрата развития». «Интеллектуальное государство» с неизбежностью рано или поздно волею исторического процесса вынуждено будет превратиться в интеллигентское государство, которое уже по своей сути перестанет быть государством, а станет сложной самоорганизующейся системой («империей разума»).

Интеллигенция и интеллигентность. Превращение конкретного понятия в абстрактное всегда сопровождается смысловыми подвижками. На первый взгляд, переход от конкретного понятия «интеллигенция» к абстрактному «интеллигентность» приводит к тому, что появляется возможность обратиться к одному единственному признаку и не пытаться совместить множество признаков воедино. Однако, поскольку существует множество определений термина «интеллигенция», то и образование абстрактного понятия приводит к тому, что тот самый один единственный признак оказывается в каждом случае «своим собственным». Теоретически проблема не разрешается, а, может быть, еще более усложняется. Из этого следует очень важный методологический вывод: для того, что бы дать определение интеллигентности необходимо определиться с определением «интеллигенции». Но можно поступить и наоборот: сначала попытаться дать определение абстрактного понятия, а затем перейти к конструированию конкретного.

Давая определение абстрактному понятию, важно иметь в виду, что оно образуется оборачиванием конкретного понятия с набором очень тонких и многообразных свойств и отношений. Это означает, что понятия «интеллигент» и «интеллигенция» обретают смысл только лишь в конкретной исторической ситуации (как, например, только в определенном историческом ракурсе получают смысл понятия «разум», «разумность», «рациональность», а также «моральность», «эстетичность»).

Интеллигенция как родовое качество человека и человечества. Этот вывод вполне закономерен для XXI века, ибо, до известной степени, «снимает» все предшествующие этапы ос-

мысления человеческого развития, которые утверждают себя в идеалистических и материалистических (в частности, марксистских) формах. Философы истории в постижении смысла исторического процесса шли от идеальных оснований к материальным, затем, вновь возвращались к идеальным, но с большим пониманием глубины неразрывности духовного и телесного, стихийного и сознательного. Универсумное понимание исторического процесса создает условия для полноформатного осмысления феномена интеллигенции, ибо становится возможным акцентировать свое внимание не только на материальных, или только духовных аспектах, а становится возможным искать факторы взаимообусловленности материального и идеального в развертывании исторического процесса.

Философия интеллигенции — это область размышления о предельных основаниях человеческой духовности в конкретных условиях социально-экономического развития, в сиюминутных формах исторического. В этом смысле настоящая (реальная) история — это история интеллигенции, история человечества — это история развития интеллигенции (как разума, веры, чувства) на субстрате человеческого. Интеллигенция — это форма воплощения человеческого измерения императива высших ценностей.

Интеллигенция в филогенезе и онтогенезе. *Интеллигенция в филогенезе* — это особое человеческое качество, которое пестуется в результате культурной, довольно длительной, работы, охватывающей несколько поколений; *интеллигенция в онтогенезе* — уникальное соединение генетического и культурного пластов в одном человеке, возникающее в конкретно-исторических условиях и формах деятельности. Развитие интеллигенции проходило в родовых, семейных, групповых, классовых и, наконец, в наше время — общечеловеческих формах.

Общество возникает там и тогда, где и когда рождается интеллигенция. В. И. Вернадский подходил к осмыслению становления интеллигенции через фиксацию процессов *цефализации* и *сапиентации*. Рост головного мозга в процессе многомиллионнолетней эволюции был осмыслен наукой XIX века как важнейшее эмпирическое обобщение естествознания. Дальнейший путь восхождения к формам разумно-интеллектуальности определялся развитием культурного, а не биологического процесса; совершал-

ся процесс качественного роста процедур мышления на уже готовом биологическом субстрате.

На каждом историческом этапе формировалась своя модель высокоинтеллектуального человеческого продукта (субстрата «духо-тела»), а это качество осмысливалось обществом как высокая ценность, способствующая самосохранению живого разумного вещества. Старейшины, может быть, — одна из самых первых форм интеллигенции (периода родового строя). Освещение процессов бытования племени — это глубоко интеллектуальная морально-аксиологическая процедура. Так в историческом процессе постепенно формировалось качество интеллигентности. «Ген интеллекта» («интелигентность») — предпосылка такого культурного феномена как интеллигентность. Ген интеллекта силен сам по себе, но он слаб в социальной среде (прежде всего на этапах ее раннего формирования). Вспомним мудреца Лао-цзы и подивимся той не востребованности, которую продемонстрировало древнекитайское общество: лишь один *государственный человек* — привратник «Великой китайской стены» — не дал утечь в бесконечность Вселенной мудрости китайского гения. Государство, таким образом, призвано сохранять свою главную ценность — мудрость народа, его интеллигенцию. Особенно сейчас этот пафос древнекитайской притчи о Лао-цзы становится актуальным.

Процесс формирования интеллигенции может служить показателем качества системы образования. Российская модель образования в многообразии ее парадигм всегда была нацелена на формирование самого высокого качества образования — интеллигенции. Возьмем ли мы традиционные педагогические школы или такие индивидуальные как яснополянскую школу Л. Н. Толстого, мы обнаружим, что, в них, прежде всего, имеет место личностный аспект образования, т. е. приобщение к учителю как личности и, соответственно, построение своей личности как формы подобного бытия. Интеллигентность в этом смысле может рассматриваться как культурный генокод, который передается по наследству в процессе культурного общения. Школой (в широком смысле слова) как раз и задается *модус интеллигенции*, который потом отшлифовывается в процессе многоуровневого общения.

Исторический контекст позволяет сделать вывод о том, что феномен интеллигенции имеет общесторический смысл, что он

должен быть рассмотрен как важнейший фактор исторического процесса в его антропологическом измерении. Идеалистический подход к истории лежит в русле утверждения внеисторических факторов, лежащих в основании исторического процесса; то, что предлагается в этом случае не может истолковываться как идеалистический подход, поскольку речь идет об интеллектуально-духовном *человеческом* факторе.

Методология элиты А. Тойнби — один из весьма важных вариантов обоснования роли интеллигенции в историческом процессе. Ответ на вызов истории дает не просто правящая верхушка (она лишь переводит сформированный интеллектуалами образ потребного будущего в формы организационного исполнения), а та интеллигентная и интеллектуальная элита, которая была выпестована соответствующей образовательной и воспитательной системой общества.

«Периодическая таблица» интеллигенции. Феномен интеллигенции необычайно разнообразен в силу того, что им обозначается специфика совмещения чистого знания и его ценностной окраски. Эта окраска не может быть только «эгоистичной» (т. е. индивидуальной, групповой или классовой), в ней обязательно должен присутствовать момент общечеловеческого, понятого как человеческое (или, наоборот, человеческого, понятого как общечеловеческое).

Важнейшей проблемой философии интеллигенции является соотношение «интеллигенции» и «сознания», более конкретно — «интеллигенции» и «общественного и индивидуального сознания». Теория интеллигенции (теория формирования интеллигенции) в этом случае обретает более системный характер. Она позволяет не только выявить экономические, исторические, социальные факторы формирования феномена интеллигенции, но и на основе уже хорошо разработанного знания обнаружить духовную его аспектацию.

Интеллигенция — это *особое состояние сознания*, но и не собственно сознание. Интеллигенция предстает как единство сознания и поведения, деятельности и среды обитания. Эта особенность интеллигенции в значительной степени сближает феномены интеллигенции и ноосферы. В ноосфере как сфере труда и

разума цивилизованного человечества создается особая сфера — интеллигентосфера.

Модели интеллигенции предполагают рассмотрение этого феномена как своеобразной матрицы, «периодической таблицы интеллигентности», в которой *по горизонтали* фиксируется роль материально-вещественных факторов культуры, *по вертикали* формы духовного развития. В зависимости от сложности и объема знания, которое несет с собой исторически-локальная интеллигенция, строится своеобразная окраска этого знания, она может быть не только «черная» или «белая» (т. е. одноцветная); она может оказаться многоцветной, при этом пространственное ее положение может быть и одномерным, и двухмерным и трехмерным и многомерным.

Опыт исследования интеллигенции в иконописном искусстве позволяет сформулировать вывод о том, что интеллигенция (интеллигентность) — это своеобразная обратная перспектива видимого, точного, однозначного. То, что далеко, представляется близким и, наоборот, близкое рассматривается как отдаленное, как «везде-вечное». В принципе, так строится любая культура, ибо культура предполагает универсальный взгляд на мир, универсумное понимание места человека в мире.

Интеллигенция, пневмосфера, интеллигентосфера. Соотношение интеллигентосферы, пневмосферы и ноосферы одна из актуальных проблем философии интеллигенции и ноосферологии.

Очень важно определить место интеллигентного человека в пневмосфере. Собственно, пневмосфера — это и есть та «сфера», которая творится интеллигенцией, как постоянно усложняющейся субстанцией человечества. Пневмосфера, как следует из идей П. А. Флоренского, — глобальная многоуровневая структура, чем-то похожая на биосферу (а значит и ноосферу В. И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена). Пневмосфера — это православный аналог ноосферы П. Тейяра де Шардена. Пневмосфера — это духовно-душевная субстанция человеческого развития; ее социально-антропологическое измерение — интеллигентосфера. Сам термин *интеллигентосфера* необходим для того, чтобы показать складывающийся субъективный фактор становления ноосферы, продуцирования ноосферной реальности.

К развитию интеллигентосферы можно применить формационный и цивилизационный подход. Однако при этом надо учитывать, что на каждой ступени материально-экономического развития происходит качественный и количественный рост интеллигенции, а это означает, что экономические формы могут не совпадать с формами интеллектуального и интеллигентского развития. *Эта проблема поворачивается актуальной стороной — переходом современной цивилизации в третьем тысячелетии к формам преимущественно духовного производства, которые и отвечают в достаточной мере устойчивому ноосферному развитию.*

Как формируется интеллигентосфера в различные исторические эпохи? То, что процесс формирования интеллигентосферы неотделим от исторического процесса и представляет собой важнейший фактор прогрессивного исторического развития не вызывает сомнения и, более того, может служить критерием и показателем исторического прогресса и регресса. С одной стороны, формирование интеллигентосферы представляет собой процесс роста численности и дифференциации социальных групп, которые занимаются преимущественно духовным производством; с другой, — этот термин важен в силу того, что даже в XXI веке интеллигент не может позволить себе исключительно умственный труд, и по причине необходимости искать дополнительный заработок, и по причине необходимости физического развития. Количественный и качественный рост интеллигентосферы на протяжении исторического времени можно рассматривать как своего рода эмпирическое обобщение.

Интеллигентность — это ярко выраженная интенциональность. Термин «интенциональность» связан с философией сознания и обозначает направленность сознания на восприятие и понимание. Интенциональность обнаруживает не только гносеологическое и ценностное измерения, но и известную онтологичность, вызванную «принципиальной координацией» Я и среды обитания, взаимообращенность субъекта и объекта. Если перевести интенциональность как устремленность, то интенциональность интеллигенции — это, прежде всего, «ноосферная устремленность», устремленность к Всеединству, высшим ценностям. Устремленность организации «духовно-телесной» субстанции человека к высшим ценностям (выражаясь словами П. Тейяра де Шардена к «точке

Омега») и есть суть интеллигенции как социально-философского понятия. Это проявление духовной природы человека максимально соответствует формам ноосферно-экологического развития биосферы как точке приложения сил Вселенной.

Интеллигентность выражает не только целерациональность, но и *целеценность*, поэтому по своей природе это качество недостижимо в своей великой полноте, но оно может быть открыто в какой-то форме в конкретном человеке. Образованный человек постепенно может превратиться в интеллигента «под воздействием посыла интеллигентности», который, как заряд энергии, передается от одного одухотворенного человека другому. (Вспомним сюжет из жития Сергия Радонежского, получивший название «Видение отроку Варфоломею».) Интеллигентность — это и «высокая неопределенность» и «высокое соприкосновение». *Интеллигентность как общественная характеристика* — это доминация духовного над материальным, духовных ценностей над материальными, духовного производства над материальным.

Возникновение ноосферного конфликта. Интеллигентность — это культура открытости, это способность поддерживать принципиальную открытость системы для ее возможной эволюции в «рамках» более сложной системы или общности. В некоторых случаях система принципиально отгораживается от внешних воздействий или пытается навязать свои формы поведения и жизнедеятельности окружающей среде вне контекста адаптации или ассимилирования, тогда может возникнуть случай, когда внешнее осуществляет насильственное воздействие, вторжение, экспансию. В таком случае естественность коэволюции разрушается, возникает отторжение — ноосферный конфликт. *Ноосферный конфликт — это противоречие между материальной (экономической) и духовной (интеллектуальной) составляющими всемирно-исторического процесса, проявляющимися на уровнях «природа и общество», «биосфера и цивилизация», «человек и Вселенная».* В философском смысле ноосферный конфликт проявляется на уровне единичного, особенного и всеобщего.

Как создать условия для духовной коэволюции разных культур народов? В известном смысле можно сказать, что речь идет о толерантности и терпимости, т. е. о том качестве, которое становится особенно важным сейчас.

Интеллигентность — это культура самоорганизации. Важная особенность современного развития — это усиление моментов социальной и социоприродной самоорганизации. Возможность личностного воплощения социальной самоорганизации — своеобразный аналог гегелевской «свободы» как главного фактора прогрессивного развития.

Способность к самоорганизации личности — результат значительной культурной работы (образовательной, воспитательной, научной, художественной, педагогической) над личностью и впоследствии (в процессе взросления) самой личности. «Личностный хаос» — обратная сторона интенционального процесса ноосферной самоорганизации.

История полна примеров удивительной силы культурной самоорганизации. Книги «Дальняя дорога» П. А. Сорокина, «Воспоминания. Жизнь и философский путь» Н. О. Лосского, «Бывшее и несбывшееся» Ф. А. Степуна, дневники В. И. Вернадского, М. М. Пришвина и многие другие сокровенные тексты деятелей отечественной и мировой культуры — свидетельство гигантской силы «интеллигенции» (высших духовных потенций) в формировании сознания и перестройке общества.

Природа-Вселенная «как бы» сама помогает торить дорогу в будущее тем представителям интеллигенции, которые обнаруживают возможности проявления духовной самоорганизации, будучи вовлеченными в мировые процессы всемирной истории.

В этом смысле можно было бы сказать, что интеллигенция — это «*тихий аттрактор*» духовно-онтологического развития: максимальная польза для общества от личности — в формах духовной самоорганизации, за которой следует внешнее — материальное — миропостроение.

В. И. Вернадский, который в течение долгого времени анализировал процессы, происходящие в руководстве советской России, вынужден был признать, что уровень большевистского руководства оказался значительно ниже среднего культурного уровня в стране. Этот вывод, думается, справедлив и для более позднего времени. Итак, степень интенсивности развития государства во многом зависит от уровня интеллектуальности и интеллигентности управленческого аппарата.

Только сейчас российское общество подошло к той черте, за которой вполне реальны к осуществлению те фундаментальные идеи, которые родили мыслители «философского парохода». Невозвращенцы, наконец, приплыли к своим берегам. Совершился акт восстановления исторической справедливости и поэтому можно говорить о том, что именно это и была «та российская интеллигенция».

Постперестроечная Россия волна за волной отправляет самых лучших представителей своей интеллигенции за рубежи своего пространства и тем самым обрекает это пространство на все большее сокращение. Очевидно, один из самых важных законов геополитики заключается в том, что государство обязано хранить как зеницу ока тот интеллектуальный и интеллигентный потенциал (продукт), который рожден почвой земли в рамках космических процессов. Не в том ли слабость современной России, что на протяжении прошлого века интеллектуальный потенциал страны становился меньше: те народные силы, которые поднимались, были еще недостаточно образованы, а те, которые обладали значительным образовательным потенциалом, были выдворены за пределы страны.

Личностная, конкретно-историческая гармония материального и духовного бытия человека, совпадение в формах его феноменологической и персоналистической деятельности (экзистенциальности) может рассматриваться как важнейшая характеристика интеллигентности, а феномены интеллигенции и интеллигентности могут служить критериями ноосферного устойчивого развития.

***Философия интеллигенции:
онтология, гносеология,
аксиология, праксиология***

Область *философии интеллигенции* открылась отчетливо в последнее десятилетие, когда сформировались предпосылки для всестороннего изучения феномена интеллигенции. Теоретическое осмысление многообразия проявлений интеллигенции стало не только возможным, но и необходимым, ибо современная цивилизация вступает в новый период своего развития, когда тенденции ее развития определяются процессами духовной самоорганизации и диалектикой внутреннего и внешнего миропостроения.

Истоки философии интеллигенции берут свое начало в истории мировой философии, ибо разум как привилегия интеллигенции (как бы ее не называли в те или иные эпохи) всегда стоял в центре внимания философской мысли. Начиная с эпохи египетского герметизма, берет свое начало концептуальная, а не только опытная, профессиональная умственная деятельность. В этом смысле интеллигенция — это всегда слой общества, находящийся на более высоком образовательно-духовном уровне, чем современное ему общество.

Собственно философский подход к предметной области *интеллигеноведения* предполагает выделение *онтологии интеллигенции* (проблемы взаимосвязи интеллигенции и культурной биогеохимической энергии), *гносеологии интеллигенции* (изучение методов анализа интеллигенции), *аксиологии интеллигенции* (построение моделей и иерархий систем ценностей, характерных для определенных исторических эпох) и *праксиологии интеллигенции* (осмысление процессов внешнего миропостроения, наработка миросистем, путей изменения мира).

Философский формат интеллигеноведения. Структура философского знания спроецированная на область интеллигеноведения позволяет выделить четыре ипостаси философии интеллигенции — онтологию, гносеологию, аксиологию и праксиологию интеллигенции (вертикальное философское измерение интеллигенции). Кроме того, имеет место и ее горизонтальное философское измерение, связанное с социальной философией и философской антропологией интеллигенции. Философия интеллигенции сопрягается с такими вновь рождающимися дисциплинами как социология интеллигенции, культурология интеллигенции, психология интеллигенции, политология интеллигенции.

Одна из самых сложных сторон философии интеллигенции связана с философским анализом интеллигенции на уровнях всеобщего, особенного и единичного.

Онтология интеллигенции. Изучение онтологического измерения интеллигенции, прежде всего, вытекает из двух существенных аспектов бытия интеллигенции — социально-материально-телесного и интеллектуально-духовно-сознаниевого. В последнее время проблемы онтологии сознания оказались в центре внимания философской общественности. Эта проблема

вывела проблематику сознаниеведения на новый уровень, ибо позволила рассматривать сознание как форму детерминации. Этот прорыв в сфере философии сознания позволил по иному взглянуть на феномен интеллигенции. Выделим основные проблемы онтологии интеллигенции: 1) планетарная эволюция интеллигенции (термин используется в философском, а не узко-социальном смысле), 2) социальное бытие интеллигенции, 3) ноосферный (биосферно-цивилизационно-культурный) аспект интеллигенции.

Гносеология интеллигенции — достаточно новая сфера исследований в современном интеллигентоведении. Она связана с тем, что традиционные для отечественного обществознания прошлого века «материалистические» методологические подходы в эвристическом плане исчерпали себя. Для изучения феномена интеллигенции потребовались самые разнообразные методы, в том числе органицистский, сферный, системный, экологический, информационный, синергетический, универсумный, ноосферный и другие. В этой связи для прояснения познавательной ситуации в области интеллигентоведения целесообразно рассмотреть *эпистемологические* и *собственно гносеологические* вопросы интеллигентоведения. Эпистемология предполагает изучение адекватности применения тех или иных методов для исследования специфических предметных областей. На наш взгляд, существует **две основные группы** методологических средств, используемых в литературе по проблемам интеллигенции.

Во-первых, это органицистский и экологический, диалектический и системный, знаниевый и информационный подходы, ориентирующие на познание самого предмета исследования в контексте его внутреннего устройства и отношений с окружающей средой в формах «ближнего действия», «ближнего круга». Органицистский подход в российской традиции укрепился еще в XIX веке, но особую роль стал играть с возникновением биосферного и ноосферного подхода. Думается, что самым эффективным методом освоения феномена интеллигенции может стать хорошо разработанный для самых различных сфер бытия системный подход.

Во вторых, это «дальнодействующие» методы — ноосферный, синергетический, универсумный. Они ориентируют на

изучение феномена интеллигенции в контексте абсолютности, вселенскости.

Опираясь на универсальный эволюционизм, можно раскрыть важные аспекты эволюции интеллигенции как формы разума и как социального феномена. В работах Н. Н. Моисеева закладываются основания для рассмотрения интеллигенции с точки зрения универсального эволюционизма.

Аксиология интеллигенции. Аксиологический подход к анализу интеллигенции один из наименее разработанных в интеллигентоведении, поэтому любые попытки его использования могут оказаться не совсем убедительными, тем не менее вне аксиологического контекста вряд ли возможно решения сложных вопросов.

Интеллигентность — это личностная способность своим собственным примером вести тот или иной социальный субъект (человека, общество, человечество) к постижению и реализации все более высоких (в конце концов, высших) ценностей (даже в том случае, если эти ценности не принимаются, и более того, их проповедь оказывается смертельно опасной для самого носителя интеллигентности). Такому определению интеллигентности отвечают многие конкретно-исторические ситуации: это касается и пророка Моисея, и Иисуса Христа, и тех святых, которые подчас ценою своей жизни отстаивали восходящие ценности. История знает много примеров того, что были люди, которые самоотверженно фанатически отстаивали «свои ценности». Можно ли называть их интеллигентами? В данном выше определении существенным является акцент на обращение к высоким и высшим ценностям. Только в том случае, если человек поднимается чуть выше (а не опускается ниже по лестнице ноосферных ценностей) над той системой ценностей, которая характерна для общества, в котором он живет, если он выходит за рамки традиционного жизненного уклада, который накладывается на человека системой принятых ценностей, то в этом случае он отвечает критериям интеллигентности.

Все выше обозначенное позволяет говорить об эволюции интеллигенции как одном из главных параметров развития человечества, неотъемлемого от исторического материального и духовного процессов. Эволюция интеллигенции — фундаментальный общеисторический процесс, который является своеобразной

«тенью» процесса материальной жизни (экономического, социального, технического и т. д. ее измерения). (В онтологическом смысле технический прогресс есть лишь «тень» космического геологического процесса развертывания духовности как единство интеллигентности и интеллектуальности).

Интеллигентность — это тонкая духовность, вырастающая на субстрате материального достатка (или даже сверхдостатка), это своеобразная культурная избыточность, которая своей пассионарностью оживляет общественные связи, обеспечивает гармонизацию интересов самых разнообразных групп и классов в обществе. Интеллигентность выполняет важнейшую функцию обеспечения устойчивости общества, утверждая специфику и рамки социальной справедливости и, тем самым, создавая ощущения единства социальной общности. Этот момент хорошо прослеживается на примере российской интеллигенции конца XIX — начала XX века. Российская интеллигенция отчетливо сознавала огромный вред для быстрого развития общества той пропасти, которую создавали социально-экономические отношения, господствовавшие в российском государстве, и поэтому постепенно вынуждена была перейти от конструктивной оппозиции власти к деструктивной, революционной борьбе.

Интеллигенция в историческом процессе всегда выступает как *катализатор развития* в направлении становления общечеловеческого состояния и общечеловеческих ценностей. В этом ее значительное отличие от интеллектуалов, которые по своей природе создают форму устойчивости для поддержания существующих отношений. Интеллектуал — предстает как незрелый, «не выросший» в культуру будущий интеллигент. В любом образовательном коллективе всегда можно найти две группы учителей-педагогов: первая — это консерваторы-оберегатели, те, кто очень тщательно следит за нормой воспроизведения «старого», устоявшегося, «законного», вторая — это пассионарии, ищущие новую целостность, которая пока еще не видна в системе школы, но уже забрезжила в общественной системе, требует своего озвучивания в культурных формах.

Праксиология интеллигенции. Праксиология интеллигенции ориентирована на изучение многообразных форм интеллигентской деятельности и может рассматриваться как одна из самых су-

шественных сторон теоретического интеллигенто-ведения (может быть, точнее в этом случае сказать — интеллигентологии).

Деятельность интеллигенции предстает как внутреннее и внешнее миропостроение. Внутреннее миропостроение связано с разработкой теоретических моделей представления мира в формах общественного и индивидуального сознания.

Интеллигенция выполняет важнейшую социальную работу, которая до известной степени не ценится и не оценивается ни государством, ни обществом (и соответственно не оплачивается). В России интеллигентский труд — это труд, который выполняется человеком ради его природы («божественной природы человека»).

Функции интеллигенции. *Образовательная функция* — самая главная, ибо передача знания в закрытых и открытых формах представляется механизмом выживания человеческой цивилизации. Творение знаниево-информационной реальности представляет собой самый значимый, сущностный фактор общепланетарного развития человечества. Эта мысль применительно к научному знанию была обоснована в трудах В. И. Вернадского. Рассмотрение научной мысли как той части мысли человечества, которая отвечает реальности и поэтому может изменять мир, позволяет сделать вывод о том, что интеллигенция — прежде всего носительница научной мысли, которая никогда не выступает в одиночестве, но всегда окружена ореолом религиозного, философского и художественного мерцания.

Синергетическая функция интеллигенции. Виртуальное бытие интеллигенции — одна из самых сложных сторон ее жизни, ибо модель балансирования в объективной реальности позволяет человеку реализовать свой инстинкт самосохранения. В силу того, что для выпадающего из вяло текущей реальности интеллигента, становится опасным продуцирование новой мысли он, с одной стороны, осуществляет и, прежде всего, ориентируется на формы «социальной» верификации и фальсификации, а, с другой, ищет обоснование духовной жизни как высшей ценности. Создание внутренних форм миропостроения имеет камертональную природу, поэтому общество интуитивно старается войти в виртуальные модели для оценки возможности воплощения их в жизнь. Интеллигенция играет роль духовного аттрактора общественного развития.

**Новая молодая российская интеллигенция:
философские проблемы ноосферной экологии,
антропологии и персонологии в XXI веке**

Университетский профессор по призванию Юрий Михайлович Серов любит рассказывать студентам (которых иногда называют прединтеллигенцией) на лекциях по философии интересный эпизод из жизни артистов. Однажды известный московский театр был приглашен в Японию для того, чтобы сыграть для лицейстов пьесу А. П. Чехова «Вишневый сад». Спектакль шел на русском языке, в зале сидело несколько сот молодых людей. После спектакля директор театра поинтересовался у лицейского руководства, зачем были потрачены такие гигантские деньги, ведь мало кто из сидевших в зале понял смысл происходившего на сцене. Ответ поразил: «Если хотя бы один из них через двадцать лет вспомнит об этом спектакле, Япония станет чуточку лучше». Вот, очевидно, в этом и состоит смысл ноосферной экологии и ноосферного образования молодой интеллигенции.

Об этом сюжете вспомнилось при чтении книги «Герменевтика драматургии А. П. Чехова» И. В. Дмитриевской, которая в заключении делает вывод: «Чтобы душа была жива, нужно о ней заботиться, "кормить" любовью и добром, заставляя трудиться сознательно, творчески, не тратить время на бездуховные занятия, творить добро»⁵². Пришло в России то время, о котором уже перестали было мечтать, вновь стало значимо обращение к *вечному*, а значит, есть повод писать о новой молодой российской интеллигенции.

Рождение новой духовной формации. XX век странным образом вобрал в себя трагический финал русской интеллигенции в начале XX века и «трагический катарсис» советской интеллигенции в конце XX века. Начало XXI века — своеобразная точка бифуркации, в которой особым образом *сплавляются* виртуальный феномен старо-русской и реальный феномен советской интеллигенции (В. И. Вернадский, И. П. Павлов, Д. С. Лихачев,

---

⁵² Дмитриевская И. В. Герменевтика драматургии А. П. Чехова. Иваново, 2008. С. 174—175.

Н. Н. Моисеев), которая как это ни покажется странным, но стала продолжательницей дела народной российской интеллигенции.

Не все согласятся с тем, что главные диссиденты СССР — это представители «советской» интеллигенции, но в действительности это именно так, ибо их интеллектуальным трудом и «умным деланием» сформировался в 1960—80-е годы новый образ новой России начала XXI века. Сохранение в российской культуре, которая стала в XX веке мировым и глобальным феноменом, высочайших духовных интенций богочеловека и богочеловечества в почти естественных народных формах, это результат жизнебытия «высокой российской и советской интеллигенции».

В условиях триумфального шествия доллара по России интеллигенция мало нужна государству, но ее следы в корневом народном сознании неискоренимы. Чем сильнее прессинг «всеобщей монетизации» России, тем значительней, по закону «социального противодействия», тяга к народной культуре и культуре общечеловеческого естества.

Процесс самоорганизации современной российской интеллигенции имеет, прежде всего, культурно-информационный контекст, а современная версия молодой российской интеллигенции может быть названа «интеллигенция.ru», чтобы подчеркнуть реальную неустранимую открытость молодой российской интеллектуальной субстанции глобальным космопланетарным вызовам третьего тысячелетия и формальную способность реализовать потенциал этно-национальной пассионарности не только для национального, но и общемирового (глобального) миропостроения.

До середины XX века мировая история развивалась по линии *военного разрешения* возникающих геополитических интервенций и социокультурных экспансий, связанных с фундаментальными противоречиями неравномерности этно-национального развития. Эта традиция особенно ярко проявила себя в двух *горячих* мировых войнах. Вплоть до настоящего времени эта материально-эгоистическая форма развития техногенной цивилизации еще хочет доказать свою доминантность, что ярко проявляется в евразийской истории нового тысячелетия. Однако следует признать, что объявленный «конец истории» в этом смысле состоялся, ибо любой *военный передел мира под гегемона* в по-

стиндустриальную (ноосферно-информационную) эпоху окажется самоубийственным.

Третье тысячелетие открывает эпоху ноосферно-информационного синтеза человеческой цивилизации в формах диалогового (и полилогового) разрешения ноосферных конфликтов главных субъектов исторического процесса — этнонациональных и этноконфессиональных общностей (сообществ). *Конвергенция* в этом ключе может рассматриваться как первый политический намек на новое синтетическое общебытие (общежитие) человеческой цивилизации, а *коэволюция* как первая глобально-экологическая теория способов миробытия в двух смыслах (*мирного бытия мира*). Ноосферная концепция «мирового устойчивого развития» (В. И. Вернадский) предполагает устранение войн не только потому, что горячая война — это всегда экологическая катастрофа, но и потому, что сублимация средств, направляемых на вооруженную деструкцию, в мирные модели трансформаций позволит решить те же самые вопросы с гораздо меньшими финансовыми и людскими затратами. Мирная социальная коэволюция и глобальная социоприродная коэволюция могут стать важнейшими аттракторами общемирового развития в ближайшее столетие.

Такой сценарий планетарного развития ставит перед формирующимся сейчас поколением российской (и мировой) интеллигенции чрезвычайно масштабные задачи. Любая недооценка со стороны государства роли и значения образовательной, интеллектуальной, художественной, информационной составляющих ноосферного развития этноса чревата потерей интеллектуального лица в ноосферном сообществе стран третьего тысячелетия. Геополитический императив «кто владеет информацией, тот владеет миром» на самом деле выражает лишь долю правды, ибо в будущем коэволюционном отборе (выживании не посредством «борьбы всех против всех» по Т. Гоббсу и Ч. Дарвину, а посредством «сотрудничества и солидарности» по П. Кропоткину) высота культурного со-общесития и цивилизационного всеединства может оказаться соответствующей информационно-семиотической организованности ноосферного человечества.

Современная молодая интеллигенция в своем новом качестве «вываривается» в особом кросскультурном (в рамках гло-

бального диалога культур) и транскультурном (в формах совмещения прошлого, настоящего и будущего) синтезе. Иногда это «вареву» пенится, иногда «дурно пахнет», но качество самоорганизации (эмерджентности) уже проявляет себя, происходит постепенная кристаллизация феномена «интеллигенция.ru». Два момента в этом смысле являются чрезвычайно значимыми: экстенсивный и интенсивный рост культурности-образовательности.

Экстенсивный момент проявляется в тяге родителей к обучению-образованию детей, которая в наше время по своей силе сравнима с инстинктом *выживания-самосохранения*: стремление выучить «свое родное будущее» становится *современным российским императивом*. Второй момент — *интенсивное развитие* антропо-ноосферной реальности зависит в значительной степени от воспитательно-образовательных и социокультурных моделей, господствующих в конкретный исторический период.

Такого рода видение мирового развития заставляет обратить особое внимание на ноосферно-антропологическое содержание этно-нацио-конфессионального всеединства, характерного для, с одной стороны, самоопределяющихся, а, с другой стороны, интенсивно интегрирующихся стран современного мирового сотрудничества. (Особенно ярко эта динамика проявила себя в процессах постсоветского распада и евразийской интеграции.)

Сможет ли формирующаяся современная молодая российская интеллигенция обеспечить выживание российского хронотопа (духовного, ноосферного синклита) в условиях умирающего, но именно поэтому столь опасного, концепта тоталитарного техногенного гегемонизма (однополярного мира)? Каковы плюсы и минусы *новой рождающейся духовной формации*?

Сначала о плюсах. *Во-первых*, самым значительным ресурсом молодой российской интеллигенции является ее культурная принадлежность. История последнего столетия показывает, что российская культурная мировая экспансия может рассматриваться как самая эффективная *форма культурного освоения* не только ближнего (постимперского или постсоветского), но также дальнего (европейского) и сверхдальнего (американского) пространства. (К сожалению, современная историческая и культурологическая наука не очень склонна разрабатывать эти направления исследования.) Постсоветская «челночная миграция», несмотря

на все негативные ее стороны, может оказаться весьма полезной для отработки способов культурной коэволюции в условиях интенсивного информационно-ноосферного развития.

Во-вторых, совершился реальный поворот к ревитализации всех форм российской культурности (общегосударственной, региональной и, особенно, краевой и местной). Провинция, в значительной степени «под спудом» сохранившая реликтовые культурные формы, оказывается культурным донором для формирующейся «новой российской интеллигенции», дистанцирующейся от форм «новорусской» культурной деградации, возникшей на субстрате денежного излишества и дегуманизации (декультурации) потребностей. Думается, что *новая молодая российская интеллигенция* (как это было и в эпоху формирования советской интеллигенции) придет из провинции, деревенские корни которой уже ослабли, но районные центры продолжают оставаться хранителями традиционной русской духовности и культуры.

В-третьих, каждая территория (даже, несмотря на свою достаточную близость к столице — «центру давящей депрессивности») сохраняет свое особое культурно-образовательное лицо, обеспечивающее достаточную разнообразность для форм биосферно-ноосферного выживания. Образовательное пространство региона пытается защитить даже местная властная и бизнес элита, понимающая свою кровную заинтересованность в сохранении культурных приоритетов, охраняющих от олигархического эгоизма и глобального паразитизма.

В-четвертых, для всех локусов современного российского пространства характерно интенсивное создание информационно-компьютерных условий реализации глобального императива «мыслить глобально, действовать локально». Это создаст возможности для *естественного дистанционного образования*, соответствующего масштабности задач, которые уже сейчас встали перед страной не как виртуальные проблемы, а масштабные угрозы «вживания в будущее».

Однако есть и негативные факторы. *Во-первых*, это непонимание нынешним российским чиновничеством самых существенных факторов ноосферного развития страны. До сих пор приоритеты материального и духовного производства не рассматриваются в такой же императивной мере, как раньше в советское время рассматривались приоритеты «группы А» и «группы В».

В условиях технического (техносферного) отставания России приоритеты должны быть выставлены именно в интенсивном духовном производстве всего российского общества. Культурный рост провинции может обеспечить возможности «духовной (ноосферной) мобилизации» российского общества, в той же мере, в которой «народная мобилизация» в годы отечественных войн (1609, 1812, 1941) спасла страну от вражеского порабощения.

Во-вторых, современная недалёковидная политика в области народного образования, которая ведет к разрушению в основных чертах сложившейся системы «лично-обращённого» российского образования, о которой мечтали Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский, С. И. Гессен и многие другие деятели российской культуры. «Западнизация» («болонизация по-русски») может нанести непоправимый вред в деле формирования *опережающего образования* третьего тысячелетия — ноосферного образования, опирающегося на корневые культурные природно-языческие и религиозно-православные традиции, из которых выросли мировоззрение русского космизма и праксиология русской народной интеллигенции.

В-третьих, существенным фактором, способным разрушить «народную образовательную мобилизацию», может оказаться *коррупционная коммерциализация* получения образования, а также «зашлакованность» управленческих каналов «эффективными» менеджерами, получившими «утилитарное образование» для выполнения корпоративных задач «ресурсной» эксплуатации страны.

«Голосование образованием» свидетельствует о том, что стремление к самоорганизации и самодостаточности локусов российского пространства становится важнейшей тенденцией российского устойчивого развития. Готовится новое культурно-интеллектуальное качество свободного проживания в глобальной культуре III тысячелетия. Формула Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв» готовится к осуществлению на наших глазах в неожиданных виртуально-ноосферных формах — формируется новая духовная формация, когда мысль и действительность почти не различаются в разноликости форм своего бытия: *мысль для всех становится делом для всех*.

От техногенной деантропизации к духовной коэволюции. Проблема места интеллигенции в ноосферной истории может оказаться одной из самых трудных в методологии изучения исторического процесса. Значительно проще увидеть детерминацию тех или иных событий в материальных проявлениях. Такого рода умозаключения предстают как убедительные верификации. Значительно труднее увидеть невидимое — человеческую мысль, которая вдруг стала причиной того или иного события. Но самое парадоксальное в историческом процессе именно то, что мысль оказывается исходной причиной всего.

Самое сильное воздействие американизации (западнизации) на культурное самостояние других этноцивилизаций проявляется в настоящее время именно в модели «окна»: пользование компьютером формирует новое сознание — сознание разбитого зеркала, разрушения целостности миробытия. Цивилизация, превратившая биосферу в глобальную техносферу, как показали гуманисты XX века, «вывела человека за скобки» его духовного бытия. В свое время П. Г. Кузнецов посчитал размерность распределения социального времени для самообслуживания и саморазвития человека. Теперь необходимо считать время, которое цивилизация и человек тратит на свое духовное развитие, позволяющее развивать не только техносферу и социосферу, но антропосферу и культуросферу, т. е. на обнаружение (экспликацию) реального процесса перехода биосферы в ноосферу, то, что можно назвать ноосферной историей.

Русская культура XIX века, может быть, потому и считается всемирным достоянием, что она показала всем (прежде всего европейским) культурам, что для российского этноса так же характерно дерзание в области духовного развития, как и в области пространственного освоения мира. Однако, как это бывает очень часто, за «удачным прыжком» может последовать целая череда падений и катастроф. XX век для русского мира оказался именно такой катастрофой техно-сциентистского заблуждения, выход из которой потребует воссоздания всех программ социальной памяти. Матушка-Русь вынуждена была на короткое время стать «Жанной Д'Арк», облачиться в железо и взять в руки меч, чтобы защитить пространство своей культуры. Две мировые войны продемонстрировали не только факт «дегуманизации искусства»

(Х. Ортега-и-Гассет), но реальность «тотальной деантропизации», которая фактически получила название «геноцида». Современный человек все больше предстает как своего рода «техноантроп», ибо в нем *вооруженность* занимает значительно больше места, чем *одухотворенность*. В этом смысле человек вдруг заблудился на какое-то время, чтобы, очутившись в дремучем лесу, понять, что надо искать поляну света. «Чистый разум» превратился в «чистое знание», которому также не хватает «жизни» («живого знания»), как «чистому разуму» не хватает «разума практического».

«Вымороченная интеллигенция» — важнейший результат техногенного развития человеческой цивилизации в XX веке. Биосфера за очень короткое время — за сто лет — оказалась поработана техносферой. Техносфера не только унифицирует (редуцирует) биосферу, но и превращает человека в техноуправленца со всеми вытекающими из этого последствиями. Именно в этом заключается феномен «разчеловечивания» («деантропизации» и «деинтеллигентизации»).

Потеря качества в шахматной партии иногда позволяет осуществить интересное и выигрышное продолжение. В этом смысле потеря «человеческого качества» в определенный момент отечественной истории всегда позволяла сделать гигантский технический и промышленный рывок. Мировые войны, революции и экстремальные индустриализации в XX веке убедительно показали, что социально-экономическая конкретика может использовать «человеческий материал» в целях саморазрушения. Власть предрержащие, как убедительно показано уже в «Новом Завете», всегда найдут аргументы, чтобы вновь и вновь распять людей, пытающихся в себе реализовать образ Христа. Человек постдвадцатого века отчетливо понял, что для того, чтобы выжить необходимо (хотя бы иногда) снимать «розовые очки», мешающие правильно воспринимать не только формы и модели социальной природы, но и модусы антропо-гуманистического содержания самого человека. Перманентное распятие — вот содержание человеческой истории, но у человека всегда есть возможность еще, и еще раз перечитать «Новый завет», чтобы обнаружить, несмотря ни на что, ноосферный потенциал своей трагической истории. Христианская идея значительно опередила возможности соци-

ально-технической коэволюции, в той же самой мере, как и коммунистическая идея К. Маркса, выросшая из немецкой классической философии, а вслед за ней и ноосферная идея великого иезуита П. Тейяра де Шардена, имеющая свои истоки в неотомизме.

С точки зрения современных синергетических представлений можно было бы сказать, что ноосферные аттракторы человеческой истории определены еще в глубокой древности (в том числе не только в мировых религиях, но еще раньше — в «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста). Процессы самоорганизации человеческого порядка и хаоса, миро-бытия и войно-бытия, в каждый конкретный момент обретают свое выражение в порядке экономического, социального и культурного Всеединства, обреченного на Хаос, или социоприродного хаоса, предполагающего стать в трудах человеческой самоорганизации формой порядка, дерзающего интеллектуального и интеллигентского сообщества. В этом смысле интеллектуалы строят из кубиков техносферу (кубики более устойчивы и конструкции из них сохраняются достаточно долго), а интеллигенты строят из пирамид и шаров ноосферу, заведомо обреченных на текучесть и подвижность. Чем быстрее бежит историческое время, тем менее устойчивыми оказываются духовные конструкции. Особенности преодоления социально-экономического *трения* в организме цивилизации позволяет сделать следующий шаг в социально-духовном (ноосферном) развитии, связанном с преодолением ноосферных коллизий и конфликтов. *Ноосферная трибология* в каждой культуре своя: в одной культуре шестерни цивилизации «смазаны» воздействием носителей широкой культурной платформы, в другой, фундаментализм и ортодоксия оказываются песком, насыпанным в буфеты поезда локальной цивилизации. Из искр, сыплющихся в этом случае, и возникают войны и революции.

При всем этом в XX веке обнаружили себя два неожиданных этапа, способствующие формированию интеллигенции — это эпоха НЭПа начала 1920-х годов века и оттепель «шестидесятников». Может быть, есть некая закономерность, что через 30—40 лет (через поколение) возникает пассионарный толчок: материальный

ориентир внезапно сменяется духовной ориентацией, затем вновь возвращается логика материального обогащения.

Последние десятилетия оказались решающими в ответе российской цивилизации на глобальные вызовы — наконец-то после третьей попытки оказался удачным НЭП, задуманный еще В. И. Лениным. 1990-е годы в России из разряда именно таких времен. Может быть, именно по итогам этого трагического времени сформируется новая молодая интеллигенция, которая обеспечит для великой России возможность ноосферного развития.

Ярчайший пример формирования феномена интеллигентности и глобальной духовности — жизнь Андрея Арсеньевича Тарковского, оставившего мировой культуре незабываемые образы глубинной русской провинциальной культуры, имевшей почти тысячелетние корни, которым он был свидетелем в самый эмоционально-восприимчивый период детства и юности. Место А. А. Тарковского в ноосферной истории ждет своего глубокого исследования.

Очень важно, чтобы современный человек ощутил не расколотость мира (а на то имеются значимые факторы цивилизационного развития, связанные со спецификой отношения к пространству и времени), а единство (и даже всеединство) пространства. Гениальность В. С. Соловьева в значительной степени проявляется именно в том, что он показал через образ религиозно-философской (и, конечно, художественной) картины мира возможность мыслить мир как единое-целое. В значительной степени именно эта интенция и определила продуктивность будущих ноосферных построений, характерных для ноосферно-глобального мира. Интеллигенция, таким образом, не только форма фиксации абсолютности общечеловеческих ценностей, но и утверждение абсолютности общечеловеческого пространства и времени, а также всеобщности антропологической и персоналистической коэволюции.

Экология молодой интеллигенции. Для понимания смысла порождения молодой российской интеллигенции очень важно остановиться на проблеме «экологии молодежной культуры», формирование которой зависит не столько от *виртуальной* (компьютерной), сколько от создания (воссоздания) *ре-*

альной среды обитания. Некоторые специалисты в области образования думают, что такая среда создается прежде всего техническими условиями, но в действительности главная среда обитания, где только и может существовать интеллигенция, — это исконная культурная среда, помещенная в естественный архитектурно-ландшафтный синтез, формировавшийся столетиями. Только в этом случае сможет существовать то, что называлось русской интеллигенцией, — неразрывность гения места и гения культуры. Не случайно именно в дворянских усадьбах медленно складывалась исключительно тонкая по своей природе субстанция одухотворенной материи. Интеллигенция проявляет себя, прежде всего, в реальном соприкосновении субъективности и среды бытия, и наоборот, вынужтая в актуальную среду обитания универсумность (вселенскость) прошлого имплицитно содержит в себе интеллигенцию как живую субстанцию человеческого духа, как вселенскую конгенциальность.

Поводом для оптимизма относительно возможности выживания интеллигенции в новых условиях — в информационно агрессивной среде — является великое стремление восстановить порушенную русскую и российскую культуру, или хотя бы обозначить концепты русскости и российскости, в формах создания гигантской сети больших и малых, федеральных и региональных музеев, возрождения народной культуры и народных промыслов, оживления в тексте биографий «бедных гениев», которыми так богата русская провинция. Примером такого рода оживления затившейся на время «геологической» космической духовности может служить музейный центр «Палех иконописный», в котором представлены не только артефакты ушедших эпох, но многообразные формы поведения, общения и деятельности людей, в силу своей профессии постоянно общающихся с миром невидимых посясторонностей, закрепленных не столько в *образах*, сколько в *образах*. Перегруженность невидимым и создает ауру, подталкивающую от чистой интеллектуальности к живой интеллигенции, которая была столь характерна для народного бытия «акватории старого обряда». Немного о другом, но, в сущности, о том же в поэтических строчках сказал Л. Мартынов.

Вода благоволила литься,
Она блистала столь чиста,
Что ни умыться, ни напиться,
И это было неспроста.
Ей не хватало ила, тала
И горечи цветущих лоз,
Ей водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.

Ей не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде,
Ей жизни не хватало чистой,
Дистиллированной воде.

Это все об интеллигенции, которая, как гениально угадал поэт, может стать, является самым главным хранителем информации, которую оставила культурная биогеохимическая энергия, порожденная всеми предшествующими поколениями.

Интеллектуалы и интеллигенция в информационном обществе. Русская интеллигенция умерла для того, чтобы воскреснуть в советской интеллигенции, советская интеллигенция умерла, чтобы, в свою очередь, воскреснуть в новой российской интеллигенции. Таков исходный тезис. Но вполне естественно спросить: возможно ли вообще, чтобы интеллигенция как особая человеческая формация сформировалась в интенсивно развивающемся информационном обществе? Этот вопрос касается не частных проблем философии сознания, а предстает как глобальная проблема современности — формирование субъективного фактора перехода биосферы в ноосферу.

Интеллектуал иногда считается ключевой фигурой современности. На самом деле, с точки зрения взгляда из ближайшего ноосферного будущего, он — остаточный феномен развитого технообщества, в котором механизм социального функционирования построен по законам механики, отвечает смыслу жесткого детерминизма классической картины мира. Интеллектуал — результат техно-тоталитарной модели господства над природой (в том числе и природой человека). Когда говорят о том, что главная фигура современной цивилизации — интеллектуал, то оказы-

ваются в плену ушедшего XX века, планомерно истреблявшего энциклопедистов и интеллигентов, оставляя возможность выживания лишь за хорошо управляемыми интеллектуалами, которые в любой момент могли быть выведены за границы своих функций силовым (государственно-чиновничьим) решением.

Интеллектуал — субстанция, обслуживающая техносферу, от нее целиком и полностью зависящая, почти рабски ей подчиняющаяся. В действительности среда современного «направляющего развития» вовсе не ограничивается техносферой или техногенной средой, более того, смена технопарадигмы, уже обозначенная XX веком, свидетельствует о завершении этапа господства несовершенной (прежде всего экологически и эргономически) техники. Былые техносферы уходят так же, как сменяются «былые биосферы». На первое место выходят вынужденно сопряженные с техносферой сферы, объединенные в ноосферной теории термином «универсум»⁵³ (или Ноосфера с большой буквы), который, устранив из мировоззренческих доминант антропоцентризм, вытесняет и разнообразные формы техноцентризма. Апофеоз последнего ярко проявил себя в научной фантастике (которую в известной ее части точнее было бы назвать «научно-технической фантастикой»). Техническая интеллигенция фактически выродилась в интеллектуалов, а новая интеллигенция вызвана к жизни именно тем, что становление ноосферы входит в свою интенсивную фазу, связанную с формированием нового человеческого качества, высокого уровня развития субъективного фактора, вобравшего в себя в эпоху информационного доминирования все великие достижения предшествующих эпох космопланетарного развития.

В чем же можно увидеть уже сейчас факты становления новой российской интеллигенции? *Во-первых*, новая интеллигенция — это результат естественного развития советской интеллигенции, народной по содержанию и многонациональной по форме. Интеллигенция питается не только и не столько соками «научной жизни», сколько «живым знанием» народной (общенародной) жизни, совокупным соборным жизне-бытием евразийского этноса. Интеллигенция, в отличие от интеллектуалов,

---

⁵³ См.: Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М., 1995.

— это результат формирования особого синтеза культурных биогеохимических энергий, порожденных многовариантным бытием человечества.

Во-вторых, новая российская интеллигенция — это способ удержания «термоядерной энергии» неуправляемой человеческой деятельности (как это пытаются осуществить для удержания плазмы в «Токамаке») посредством синтеза многообразных религиозных форм (прежде всего, мировых религий), которые выступают универсальным способом самоограничения человека в его выраженной в технических средствах безмасштабности.

В-третьих, новая российская интеллигенция — это новая эволюционная форма человека, свидетельством бытия которой лишь отчасти является феномен «детей-индиго» — ноосферных детей, органично совмещающих в себе в полной мере не только модели лево- и правополушарного мышления, но также лобного и теменного отражения реальности. Они, в свою очередь, может быть, лишь в первом приближении рисуют многообразие проявлений «разумного живого вещества», сосредоточенного в пространстве биосферы Земли и ее окружения.

Молодая российская интеллигенция: «новая сборка».

В свое время в палитре марксистской мысли функционировал термин «шулятиковщина», который обозначал, что социальное развитие в соответствии с материалистическим пониманием истории жестко следует за развитием технологическим. В логике общественного развития это практически всегда не так, ибо современные синергетические подходы убедительно свидетельствуют о том, что любая незначительная причина, и необязательно техническая инновация, может оказаться фактором, кардинально меняющим особенности социального развития⁵⁴. Для правильного понимания логики и диалектики истории важно точно определить меру техновоздействия на антропологическое и социальное развитие. Еще более сложно определить особенности воздействия техники на развитие человеческого сознания, в котором биологические детерминанты чрезвычайно сильно дов-

---

⁵⁴ См.: Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003; Урсул А. Д., Урсул Т. А. Универсальный эволюционизм: концепции, подходы, принципы, перспективы. М., 2007.

леют над всеми возможными технотрансформациями. Поэтому при всей кажущейся апробированности идея о том, что субстанция русской интеллигенции была разрушена технопрогрессом, не совсем корректна.

Русская интеллигенция была девальвирована капиталистическими механизмами социальной деструкции, о чем убедительно свидетельствуют произведения А. П. Чехова⁵⁵. Как только российское общество осталось с вымороченной религиозностью и цензурированной духовной жизнью, страна вступила в эпоху тяжелейших исторических испытаний. Для ревитализации организма российской бытийности необходимо оживление не только религиозной жизни во всех ее личностно-персоналистических проявлениях, но и свобода научного, философского и художественного искания. Постоянное обновление человеческой субъективности в соответствии с беспрецедентными темпами технического обновления (изменения структуры и концептов искусственной среды вообще) предстает как институт образования. Атрактором такого рода развития может служить модель ноосферного образования, в существенных чертах сформулированная академиком В. И. Вернадским⁵⁶.

Русская интеллигенция сформировалась на стыке двух культур — западной и восточной. Может быть, следует сказать, что это даже не собственно российский феномен, а результат общемирового взаимодействия двух модусов человеческой культуры западной — рационалистической (эмпирической, утилитарной, прагматической) и восточной — иррационалистической (интуитивной, вселенско-чувственной, соборно-всеединой). Именно по этой причине говорить о смерти российской интеллигенции в широком культурологическом смысле неоправданно. Наоборот, только сейчас, может быть, и создаются важные условия для того, чтобы феномен русской (российской) интеллигенции из эфе-

---

⁵⁵ *Дмитревская И. В.* Ноосферный текст: системно-герменевтический анализ // Реалии ноосферного развития. М., 2003; *Дмитревская И. В.* Герменевтика драматургии А. П. Чехова. Иваново, 2008.

⁵⁶ *Вернадский В. И.* О науке. СПб., 2002. Т. 2. Научная деятельность. Научное образование; *Вернадский: pro et contra: Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898—1998).* СПб., 2000.

мерных дворянских форм стал формой реально действующей — ноосферной. Этот важный социокультурный вывод ставит вопрос о динамике молодой российской интеллигенции, ее реальном формировании в региональных пространствах России с учетом встраивания страны в процессы глобализации, перехода биосферы-техносферы в ноосферу⁵⁷.

Самое глубокое человеческое качество интеллигенции это феномен «везде-вечности»: интеллигенция в этом смысле внепространственный и вневременной организм, она предстает как своеобразная пневмосфера, по П. А. Флоренскому, — единый духовный организм, как вселенское, природное, социальное, антропологическое, культурное, личностное, персоналистическое Всеединство. *Аксиома всеединства* в философском плане убедительно обоснована В. С. Соловьевым, в контексте философии науки (учения о науке как планетном явлении) эта работа проделана В. И. Вернадским⁵⁸. В действительности аксиома всеединства, которая проявляет себя на духовном уровне в той же самой мере, как и на материальном уровне, может рассматриваться в качестве исходной позиции философии интеллигенции и, одновременно, как важная основа формирования ноосферного мировоззрения, ибо самое сложное в складывании ноосферного сознания — *образование* в различных субъектах ощущения и понимания Всеединства. Русская философия Всеединства, берущая начало в самых древних семиотиках, выражает подлинный и самый высокий смысл человеческого бытия.

Интеллигенция.ru: вхождение в синергию знания о ноосфере. Превращение интеллигенции.ru в ноосферную интеллигенцию — процесс еще только начинающийся и поэтому требующий внимательного изучения, в нем много подводных камней, которые сведут на нет все возможные позитивные сдвиги.

В чем особенность становления молодой российской интеллигенции, какую роль она будет играть в истории будущей евразийской России? Ноосферная составляющая заключается в том, что ноосферное миропостроение возможно лишь в том слу-

---

⁵⁷ Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. Иваново, 2003; Баландин Р. К. Техносфера и ноосфера // Вопросы философии. 2005. № 8.

⁵⁸ Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991.

чае, если имеет место не только норма информации, и даже не просто ее переизбыток, а абсолютный переизбыток информации, который дает возможность кристаллизации новой картины мира.

Как же достигается (в том числе и применительно к России) насыщенность раствора информации в образовательной и социокультурной среде? Во-первых, речь идет о *ревитализации* всей информации, которой обладала человеческая цивилизация на протяжении своей ноосферной истории. Эта информация носит этнонациональный и личностно-персоналистический характер. Она естественно не лежит на поверхности, более того, для ее экскавации и экспликации потребуются археологические культурологические и высокие гуманитарные технологии⁵⁹. Современные средства массовой информации очень хорошо почувствовали тягу пострелигиозного человека к архетипическим формам знания: стремление к герметическому знанию, обращение к древнейшим мировым культурам — все это признаки *воскрешения* прошлого, которое очень часто оказывается малой или большой *неправдой* и, тем самым, мешает правильному пониманию реальной истории бытия человека во Вселенной. П. Коэльо — яркий симптом этой ситуации.

Пострелигиозный человек в такой же мере и человек постатеистический. «Дисциплинарные» мировые религии (т. е. религии, наполненные поведенческой, обрядовой дисциплиной) постепенно размягчаются — дефундаментализируются. Пострелигиозный человек — это результат утверждения *знаниевого всеединства*. Второе тысячелетие — время разведенности знания, оно могло существовать в преимущественно технических формах поддержки («книжный носитель словесного энциклопедического знания») только как попредметное. В третьем тысячелетии речь идет о всеобщем синтезе знания (Знания), которое и предстает как основа ноосферного сознания и ноосферного мировоззрения.

Второй необходимый знаниевый ресурс ноосферного универсума — это персонознание. За редчайшим исключением человек закрыт, но *культура открытости* (а это и есть интеллигенция) позволяет возникнуть феномену таланта или гениальности. В XXI веке произошел взрыв «личностного знания» (о чем в тео-

---

⁵⁹ Джелли Дж. Цирцея. Иваново, 2005.

ретическом плане говорил М. Полани⁶⁰), которое впервые на сакральном уровне заявило о себе в апостольских Евангелиях, а в человеческих формах проявилось в «Исповеди» Августина Блаженного. Сейчас оно начинает занимать главное место в общественном бытии, и тем более в бытии индивидуальном. Именно поэтому появляется возможность утвердить *лично-персоналистическое ноосферное знание*. В дневниках и воспоминаниях проявляется ценностно-ноосферный потенциал человека, который в своей реальной деятельности вынужден ориентироваться на усеченные, а порой и просто неноосферные императивы, навязываемые государственной элитой, которая чаще всего ориентируется на геополитические, а не антрополого-гуманистические аспекты. Именно личностное знание и предстает главным проводником *ноосферного взросления* любого социального субъекта (не только человека, но и этноса), а также дает нам возможность получить истину из первых рук, что делает знание о мире «очеловеченным». Чрезвычайно важно, что в XX веке проблема маленького человека переросла из проблемы человеческой судьбы в проблему человеческого творчества, которое только и может рассматриваться как ноосферное бытие человека (*нообытие*). Ноосферная бифуркация в человеке (то, что фактически и делает человека представителем интеллигенции) — самое сложное для понимания явление ноосферной истории. Зримая фиксация этого в тотальных биографиях Г. Галилея, В. И. Вернадского, А. Эйнштейна и многих других мировых гениев. Очень показательно, что *ноосферное ветвление* начинает проявлять себя и в жизни «малых сих» — людей большой глубинки. Ноосферное обновление приходит в мир все чаще и все неотменимеей.

Помимо информационной полноты ноосферной интеллигенции в еще более значительной степени необходимы ноосферные технологии интериоризации и экстериоризации знания. Как показывает история образования, в условиях глобальных проблем неработающие (тормозящие) технологии требуют серьезного обновления, прежде всего за счет значительного философско-культурологического усложнения компьютерной информации.

---

⁶⁰ Полани М. Личностное знание. М., 2000.

«Детская болезнь» компьютеризации, несущей в колоссальном объеме неживую информацию, может в значительной степени изуродовать и мир человека. Переход от интеллигенции.ru к ноосферной интеллигенции должен предполагать, что для последней мертвая информация чрезвычайно губительна. Как говорится в сказках, для оживления человека сначала омывают мертвой водой, а затем живой, так и в этом случае: сначала человека омывают «мертвой информацией», а затем, для оживления — «живым знанием». Для включения ноосферных концептов человек должен осознать и понять смысл «онтологического знания» (*онтогнозис*), превратив его в знание аксиологическое.

Самый значительный сдвиг, происходящий (или уже произошедший) в информационном обществе, — это вхождение в *синергетику знания*. То, что ранее рассматривалось как *естественное образование*, оказалось механистическим (схоластическим) образованием, т. е. таким, которое навязывается, навешивается. Более того, когда такое жесткое детерминирование широкого народного сознания переходит с уровня парадигмального (сформированного научным сообществом) и социокультурного (создаваемого системой архетипов и традиций) на государственный (идеологический) уровень, то знание постепенно превращается из развивающегося в застойное, и в конечном итоге вообще умирает. Вслед за этим умирает и само общество, позволившее государству перейти допустимые рамки (это в яркой форме свершилось в последние десятилетия коммунистической истории России).

Самоорганизация знания, осуществляющаяся в формах развитого (открытого) демократического общества, и есть действительное естественное образование, обеспечивающее вхождение в ноосферно-развивающееся общество. В этом смысле термин «демократия» приобретает еще один очень значимый смысл: *ноосферная демократия* — это равный доступ к информации, знанию. Заметим, что именно в этом смысле советское общество на определенных этапах своего развития (при всем его тоталитаризме) представало как общество знаниево-демократическое, и обеспечившее, тем самым, новый рывок вперед, несмотря на эгоизм и предельную антинародность и антисоветскость правящего партийно-чиновничьего класса.

Ноосферная персонология. Ноосферная персонология — крайне интересная философская и культурологическая предметная область. Она занимается такими вопросами, как подспудно формируется в человеке ноосферное содержание и ноосферная ориентация, какие гносеологические, аксиологические и праксиологические механизмы запускаются и на каких этапах они наиболее эффективны, как проявляется *личная ноосферная динамика*, какие мыслители наиболее сильно влияют на эти процессы. Думается, что в современных условиях компьютерной и информационной революции социальная революция (в полном соответствии с размышлениями Л. Н. Толстого) с общественного уровня переносится на уровень личностно-персоналистический, и в силу этого такая революция может быть названа «знаниево-антропологической» (семиотической). Подобная человеческая революция формирует невидимо для наших глаз *новое человеческое качество*. Именно поэтому процесс изменения личности и формирования индивидуальности столь незаметен, но именно он определит дальнейшее развитие человеческой цивилизации, подходящей в своем развитии к новой точке бифуркации. Иногда говорят, что иллюстрацией такой эволюции служат «дети индиго», но фактически речь идет о формировании ноосферной интеллигенции, эмбриональные процессы зарождения которой связаны со сменой эпох и тысячелетий. Проблема ноосферной самоидентификации (ноосферной идентичности⁶¹) может рассматриваться как центральная проблема ноосферной персонологии: ибо в свободном обществе человек обязательно размышляет о том, по каким калкам, меркам, лекалам строится ноосферная личность и индивидуальность, и как человек сам себе отвечает на вопрос о возможной своей ноосферности.

В работах И. В. Дмитриевской эта проблема решается в контексте системного подхода, феноменологии и герменевтики на многочисленных примерах, в том числе на ноосферной истории периода Серебряного века российской культуры. Ноосферный текст и ноосферный диалог⁶² как инструменты ноосферной само-

---

⁶¹ Смирнов Д. Г. Ноосферная идентичность // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость. Иваново, 2008.

⁶² Дмитриевская И. В. Ноосферный текст: системно-герменевтический анализ // Реалии ноосферного развития. М., 2003; Она же. Ноосферный диалог: путь к созданию ноосферы // Ноосферные исследования. 2002. Вып. 2.

идентификации оказываются важнейшими условиями становления ноосферного человека, ноосферной личности, ноосферной индивидуальности, выходящими за рамки обычного образования. В этой точке персонология и антропология встречаются, чтобы объяснить метаморфозы *ноосферной субъективности*.

Опираясь на многочисленные примеры из жизни великих людей, следует признать, что человек чаще всего *становится* не благодаря, а вопреки существующей системе образования, которая всегда опаздывает за темпами развития миро-бытия.

Весьма сложной проблемой ноосферной персонологии является конструирование ноосферной картины мира в сознании молодого человека эпохи ноосферно-информационной цивилизации. Ноосферная картина мира предстает на тех же уровнях сложности, как и собственно научная картина: классическом, неклассическом и постнеклассическом⁶³. Наиболее сложной является последняя, ибо она вбирает в себя те открытия, которые пока еще не включаются в научную картину мира на равных правах, поскольку проходят процедуры верификации и фальсификации. Сложность ее заключается в том, что сейчас, как никогда раньше, оказываются размытыми границы между научной реальностью и научной футуральностью. В формировании ноосферной картины мира, как показывают работы В. П. Казначеева⁶⁴, Л. В. Лескова⁶⁵ и других, уже невозможно обойтись без «безумных» идей, совершающих переворот в понимании, преодолевающих уже уходящие парадигмы.

Искушение бесконечностью информации. Современные псевдоинтеллектуалы рождаются не в капусте, а в сети. Легкость доступа к любой информации чаще всего дополняется отсутствием контекста, необходимого для понимания, псевдоинтеллектуал общается с «мертвым знанием», знанием, которое не вырастает из магии знака, откровения слова и ощущения все-

---

⁶³ Условно говоря, модель В. И. Вернадского, модель Н. Н. Моисеева, формирующаяся на основе универсального эволюционизма, и складывающаяся в наше время синтетическая модель ноосферной картины мира.

⁶⁴ Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск, 2004.

⁶⁵ Лесков Л. В. Нелинейная Вселенная. М., 2004.

ленского бытия («вселенского чувства», по И. И. Лапшину⁶⁶). Информация в сети может быть искусственным удобрением для роста субъективности, но *главное* фактически находится вне контекста этого косного («неживого») знания. Главное в формировании ноосферного мировоззрения и ноосферного сознания находится в реальной (в том числе и Вселенской, и космопланетарной, и региональной, и местной) среде обитания. Это реальное бытие, тождественное сознанию, и составляет суть процесса формирования нового качества.

В духовном развитии у человека всегда есть возможность в точке бифуркации выбрать два пути развития (на самом деле их значительно больше, но пока абстрагируемся от них): в направлении интеллектуализма и в направлении интеллигентности. Заметим, что в русском языке «интеллект» фактически фиксирует мужской гендер, а «интеллигенция» — женский. Применительно к моделям научных картин мира это похоже на формы жесткого и мягкого детерминизма, что показывает специфику корневых противоположностей, составляющих не самую простую, хотя и не самую сложную ноосферную коллизию. Очень часто проблема разумности социального действия обнаруживает себя именно в этом развивающемся миллионами лет дискурсе.

Не претендуя на социологическую точность, выделим три группы интеллектуальной российской молодежи: во-первых, это собственно интеллектуалы (10—20%), во-вторых, становящиеся интеллигенты (прединтеллигенция) (1—5%), в-третьих, «ноосферный меон», т. е. субстанция, из которой реально формируются *дополняющие друг друга* типы интеллектуалов (высший и средний слой представителей естественнонаучной культуры) и интеллигентов (высший слой представителей духовной культуры). Одна из важнейших задач «ноосферного общества» (или «рационального общества», по Н. Н. Моисееву⁶⁷) заключается в формировании и сохранении этого тончайшего пласта и целенаправленном его расширении в особым образом сориентированной системе образования. Именно в этом и заключается, на наш взгляд, главный ресурс выживания современного человечества.

⁶⁶ Лапшин И. И. Вселенское чувство. СПб., 1911.

⁶⁷ Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 2000.

Как возможна молодая ноосферная интеллигенция?

Центральный вопрос рассматриваемой проблематики возможна ли в современных условиях торжества техносферы (техно-производительного насилия) молодая (ноосферная), в том числе и российская, интеллигенция? Первый и самый простой ответ отрицательный, так как современный человек поработен техносферой и шансов на сохранение духовно-ноосферной идентичности у него на сегодняшний момент нет. Однако следует признать, что собственно философская работа и начинается, прежде всего, там, где возникают вопросы: «Как это возможно?» и даже «Как возможно невозможное?». Применительно к рассматриваемой проблеме следует спросить: «Как возможно ноосферное?». Трудность ответа заключается в том, что ноосферная сложность всегда имеет возрастающий характер, на сегодняшний момент таких ограничений, которые существуют применительно к производству энергии, по отношению к производству информации не существует. Экологическое лимитирование информации в биосфере, в силу того, что эти процессы носят пока зачаточный характер, — проблема далекого будущего, но именно феномен интеллигенции как своеобразного регулятора потоков информации (процессора) свидетельствует о том, что такая проблема имеет место с самого начала антропоинформационной эпохи человеческой истории.

В российской культурной традиции в течение всего XX века шло последовательное разрушение всех составляющих культуры как на общественном, так и на индивидуальном уровнях. Тотальное разрушение старой (новоправославной) религиозной инфраструктуры и религиозной памяти — не единственный пример того, что в точке бифуркации происходит потеря системной памяти. То же имеет место и в отношении к искусству, философии, а также к науке. Думается, что одна из самых глубоких, важнейшая причина (в методологии ноосферной истории) распада СССР — духовная и культурная несвобода. И именно поэтому, говоря о молодой российской ноосферной интеллигенции, следует помнить о необходимости создания экологических ниш духовности (по образу и подобию «пушкинского» лица). Большая часть этой образовательной работы по определению не может не быть духовной благотворительностью, которая всегда была характерна для русского учительского и преподавательского сообщества и которая

(как сейчас отчетливо видно) никак не может вписаться в реалии «болонского процесса».

Главная задача молодой ноосферной интеллигенции состоит в преодолении тех трагических коллизий, которые принесла человечеству техногенная цивилизация, гигантским смерчем разметавшая идеалы ноосферной человеческой самоорганизации. Важнейший проективный результат становления новой российской интеллигенции заключается в выходе из состояния *нигилизма и экстремизма*, характерного для времени самодержавной российской истории, и *двойного сознания и двойной морали*, которые формировались в эпоху однопартийной тоталитарности. Архетипы «нетерпение» и «фига в кармане» становятся в значительной степени ненужными для выживания свободы духа в открытом обществе, ибо процедуры верификации и фальсификации виртуальных моделей устойчивого будущего могут осуществляться не силовыми действиями правящих элит, а «естественной демократией» свободного самоопределения духовной (ноосферной) личности в зоне деятельности наибольшего благоприятствования. Такая нежная субстанция социокультурного бытия возможна лишь при создании целой системы условий, способствующих возникновению феномена духовной эмерджентности, без которой не осуществима сознаниевая когеренция, просвечивающая темные углы и тупики будущностной неопределенности. Версия ноосферной коэволюции чаще всего и не возникает в истории цивилизации, ибо «Роза Мира»⁶⁸ (вселенская духовность) социоприродной самоорганизации распускается только в часы максимального проявления света и тепла (в «осевое время»), но чаще всего она находится в состоянии нераскрывшегося бутона. Будем надеяться, что современная российская мода на фито-дизайн дорастет до понимания необходимости «духондизайна» в садах большой и малой российской государственности, что «насаждение древа государства российского» будет иметь не только прямой, но и переносный иконописный, пневмосферный смысл.

---

⁶⁸ Андреев Д. Л. Роза Мира. М., 1995.

Ноосферный университет как общенациональный проект формирования молодой российской интеллигенции. Европеизация российского образования — процесс, интенсивно длящийся уже 300 лет. *Первый его этап* связан с «открытием окна в Европу». Волна дворян, посланных Петром I для обучения за границу, обеспечила первую — научную и техническую модернизацию России.

Вторая волна europeизации сознания и образования российского общества связана с разгромом армии Наполеона и походом в Европу российских войск: запускается политико-идеологическая модернизация, которая оказалась необходимой для дальнейшего развития модернизации технической. К сожалению, николаевские времена погасили надежду на естественное эволюционное развитие страны. Социально-политическое и политико-идеологическое обеспечение модернизации России было отодвинуто даже не на 1861 год, а на эпоху русских социальных революций 1905 и 1917 годов.

Третья волна («девятый вал») europeизации России пришлось на начало XX века, затем мировая война фактически смела российскую имперскую организованность и поставила на ее место тоталитарный механизм обеспечения функционирования страны как военного лагеря. Эпоха так называемой Советской России обеспечила *самостное* (начально-евразийское) развитие страны, которая «отошла» как от Европы, так дистанцировалась и от Азии.

Нынешний *четвертый этап* (*ежестолетней*) модернизации сознания и образования российского общества связан не просто с europeизацией (формированием «европейскости» или «западнизма»), но и мощными процессами «овосточивания». Такой «геовселенский универсализм» в полной мере отвечает модели ноосферного образования, ибо геополитическое положение России как «хартленда» бросает Российской Евразии (как говорил А. Д. Сахаров — Союзу евразийских республик) вызов, от которого она не имеет права отказаться, как не имела шансов отказаться от евразийского вызова в эпоху Второй мировой войны. Именно поэтому современное российское образование требует совершенствования не только в технико-методической, но и геомировоззренческой ипостасях⁶⁹.

---

⁶⁹ *Сумина Т. Н.* Ноосфера: поиски гармонии. М., 2005; *Смирнов Г. С.* Интеллигенция и ноосфера: Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново, 2007.

Формирование нового типа европейского университета в России по модели В. Гумбольдта, включение «Космоса» А. Гумбольдта в научное российское мировидение, воздействие кантианства, фиктеанства, шеллингианства, гегельянства, ницшеанства и марксизма на мировоззрение российского общества — все эти и многие другие веяния шли в Россию в контексте образовательных технологий. Отметим, что это образовательное европейское влияние обычно осуществлялось через высокий — научно-философский — уровень. Современная европеизация российского образования в контексте болонского процесса осуществляется на низком — технико-методическом — уровне. В результате этот в целом позитивный процесс для большинства работающих в сфере образования предстает как упрощение или даже деградация. (Не случайно поэтому, что для значительной части университетской интеллигенции России характерно осторожное, и даже негативное, отношение к процессам «болонизации» российского образования, ибо в этом случае отчетливо видна «игра на понижение».)

Современный этап развития ноосферного образования (обозначивший себя в 2002 году) неразрывно связан с реализацией решений мирового саммита по устойчивому развитию (WSSD) в Йоханнесбурге (2002). В этот период прошли международные конференции, посвященные проблемам ноосферного развития и ноосферного образования. Появились монографические исследования по проблемам ноосферного образования. Сформировались крупные образовательные структуры, использующие методологические и организационные концепты модели ноосферного образования⁷⁰. Эффективно действуют такие организационно-интеллектуальные структуры, обеспечивающие региональные и общероссийские модели ноосферного образования и ноосферного развития, как Неправительственный экологический фонд им. В. И. Вернадского.

Существенным шагом в развитии теории и практики ноосферно-экологического образования стало рассмотрение его в контексте стратегии устойчивого развития. Ноосферное образование интенсивно вовлекает в сферу своих интересов не только историко-философские, общефилософские, социально-философ-

---

⁷⁰ Международный эколого-политологический университет, Международный университет природы, общества и человека «Дубна», Объединенный университет им. В. И. Вернадского.

ские, психологические, педагогические, организационные, но и философско-антропологические, информациологические, семиотические аспекты⁷¹. Общественная апробация показала, что ноосферная парадигма образования может рассматриваться как важная часть системы экологического образования, а также в контексте моделей развивающего образования.

Российские разработки рубежа веков в области ноосферного образования⁷² создают мировоззренческие, теоретические, методологические и методические основания, а также практические условия для переосмысления тенденций развития современного российского образования и его перехода на новый уровень, соответствующий сложности тех задач, которые стоят и еще только встанут перед страной в ближайшие десятилетия.

Российская интеллигенция между Сциллой и Харибдой: история ноосферного разума

Вхождение в третье тысячелетие для любого государства, для любой страны, для современного мира в целом — огромное испытание на прочность духовной конституции субъектов ноосферной истории человечества.

Коллективному сознанию людей, разобщенных географическим пространством, уровнем экономического развития, особенностями культуры придется пройти в очень узком проливе Дар-да-не-ллы между Сциллой и Харибдой — между разумом и верой, экономикой и политикой, региональным и глобальным, светским и религиозным, национальным и интернациональным, западным и восточным, плановым и рыночным. При этом, чтобы не сесть на мель, нельзя причаливать к тому или иному берегу, а

---

⁷¹ Дробжнев М. И. Учение В. И. Вернадского и реалии XXI века. Тамбов, 2007; Ноосферология: наука, образование, практика. Симферополь, 2008; Шимельфениг О. В. Живая Вселенная. Саратов, 2005.

⁷² Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново, 1997; Маслова Н. В. Ноосферное образование: Научные основы, концепция, методология, технология. М., 2002; В. И. Вернадский: ноосферология и образование. М., 2002; Смирнов Г. С. Ноосферное образование: «мыслить глобально, действовать локально» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Вып. 3.

нужно сохранять состояние противоречия, при этом обеспечивая «срединность», адекватную национальной специфике, не поддаваясь соблазну сразу решить все возможные проблемы. (В российской истории на протяжении XX века это метание от одной крайности к другой было осуществлено дважды, и оба раза это было связано не столько с российским способом бытия, сколько с направленным европейским влиянием.)

Человечеству предстоит второе пришествие «Одиссеи». Заметим, что гибель поджидает корабль Аргонавтов на каждом шагу, в каждый момент времени путешествие в диссипативное будущее может обернуться неожиданными поворотами, в том числе и теми, которые окажутся губительными или даже смертельными.

Античному Одиссею хватило разума спасти и сам корабль, и жизнь путешественников, в этом смысле *одиссея* в полной мере является ярким примером ноосферной истории. Сила разума нынешних людей, отправившихся за познанием дальне-глобального, может стать таким же фундаментальным мифом, если будущее человечество сможет обернуться, чтобы посмотреть, как человеческая цивилизация прошла, может быть, самый крутой вираж в своей начальной космопланетарной истории.

Античная традиция дает нам еще один пример человеческого поведения в экстремальном состоянии: Геракл, вынужденный замаливать свои грехи, совершил свои подвиги, каждый из которых может найти соответствующую интерпретацию в современной бифуркационной действительности. Например, расчистка авгиевых конюшен — это уникальный аналог наступающей *экосоциальной революции* — освобождения цивилизации от наслоений вынужденного человеческого безумия, копившегося в течение миллионов лет эволюции человека и тысячелетий столкновений цивилизаций и этносов. Как будет проходить этот процесс в форме глобальной социальной революции, геологической или космической катастрофы человечество пока не может знать, но «потoki воды», как это было в случае с Гераклом, человечеству обеспечены.

Итак, античная традиция позволяет видеть два варианта мирового разума — «технологического разума» Геракла и «хитрого разума» Одиссея. История России XX века показывает, что

методика Геракла хорошо просматривается в событиях Великой российской социальной революции, когда «партийный Геракл» очистил водным потоком революции российско-евразийскую площадку от устаревших социальных отношений, которые волею судеб влекли страну в сторону хаотизации и распада, а коллективный «хитрый Чубайс» смог обмануть «силы прошлого» и «изменить курс».

Мировой разум (интеллигенция) пронизывает всеобщую историю, хотя труженики философии истории, рассматривая этот факт как самообман, находят геополитические, экономические, организационные и другие причины неравномерной поступи исторического процесса. Когда интеллигенция анализирует мировой разум («нус» Анаксагора) истории, она фактически занимается самоанализом и самоидентификацией, именно поэтому она часто ошибается в своих ментальных возможностях⁷³.

Российская интеллигенция, таким образом, оказывается в достаточно тяжелом положении, ибо она должна выбрать стратегию развития, которая позволила бы обеспечить семиотическую и ноосферную безопасность поликультурного и многоконфессионального этноса. К сожалению, «столичная политика» в отношении значительного числа регионов носит эгоистический, а иногда и системно-деградационный характер, о чем свидетельствуют не только демографические и экономические показатели (уходящие в отрицательные значения), но и реальное *раскультивание* регионального духовно-интеллектуального пространства.

Политика удушения региональной интеллигенции как не соответствующей евромодернизации, проявляется в различных организационных формах. В частности это касается специфики государственной образовательной политики, смысл которой фактически состоит в выхолащивании «лица необщего выражения», создания анклавов американскости и европейскости при элиминировании русскости и российскости. Таким образом, глобализация приходит в Россию в самом неприглядном своем выражении

---

⁷³ Очень образно этот историософский сюжет выразил А. С. Пушкин в стихотворении «Бесы»: «Видно бес нас водит кругом...». Иногда это «видно» совсем не видно, как показывает очередное «основное заблуждение» советской интеллигенции в 80—90-е годы прошлого века.

как форма экономического, социального и культурного угнетения, а не как форма самоорганизации и ноосферной динамики, в значительной степени комплементарная стратегии устойчивого развития. Результаты такой политики обнаруживают себя в следующих социологических данных: «Исследования современного российского общества... показали, что оно может быть разделено на две неравные части: 82 % и, соответственно, 12 %. В первую группу входят те, кого принято называть "народом" или "населением". Эта часть переживает стремительную депопуляцию (около 800 тыс. в год по официальным данным), активно спивается и формирует "призывные" места по таким показателям как детская смертность, потребление спиртосодержащих продуктов на душу населения, потребление наркотиков, количество аборт, низкая продолжительность жизни, а также отличается высоким уровнем конформизма, внушаемости, социально-психологической зависимости, патерналистским мировоззрением пассивным типом реагирования... и т. п. Другая часть представляет собой т. н. "активное меньшинство", ориентированное на достижительные ценности. Здесь иное мировоззрение и образ жизни дают совершенно другую, гораздо более оптимистическую статистику по всем показателям, начиная с демографического. Между означенными частями общества — пропасть экзистенциального отчуждения»⁷⁴.

Естественно, что народная интеллигенция (учителя, преподаватели и врачи) в большей своей части входит в первую группу. В некотором смысле ей проще выживать, ибо и в советское время она не была привилегированным классом, а являлась только маргинальной прослойкой, при этом она сохранила по мере возможности культурную преемственность со старой российской интеллигенцией, и в значительной степени определяет и сейчас поступательное развитие региональной культуры, еще не раздавленной до конца в процессе ее рыночной девальвации.

---

⁷⁴ Пахомов С. А. Малые сообщества в современной России: проблемы культурной идентичности и самоорганизации // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 2. № 48/49. С. 205. Весьма показательным, что этот факт признается лидером правящей в регионе политической партии, которая, не претендуя на звание «ум, честь и совесть нашей эпохи», использует методы либерального большевизма, по образу и подобию тоталитарного большевизма прежней однопартийной эпохи.

Трагедия русских «бедных гениев» думается не только культурная и культурологическая проблема, но прежде всего проблема социологическая. В советское время некоторые таланты из народа, даже не получив достойного образования, выживали и оставляли после себя культурно-семиотический след, очевидно и прежде всего в силу того, что сохранялась сельско-деревенская, культурно-родовая и природно-наследственная среда обитания. Культурная биогеохимическая энергия постоянно подпитывалась почвенной биогеохимической энергией. Феномен М. В. Ломоносова многократно мультиплицировался в дореволюционное время и, может быть в еще более сильной степени, в послереволюционное время. Не будет преувеличением сказать, что великая народно-социальная революция 1917 года связана, прежде всего, со взрывом накопившейся народной энергии стремления к культуре и знаниям в условиях конфронтационности имперско-городской и сельско-деревенской культур.

Насилие евро-западной культуры (евроиги) носит в российской истории не менее, если не более губительный смысл, нежели татаро-монгольское иго. Потеря идентичности в силу подавления корневой русской культуры имело место в XX веке и продолжается еще более успешно в XXI веке. При этом вряд ли следует обманывать себя и общество тем, что в постперестроечное время произошла смена декораций, наоборот, «коммунистическая идея» («блаженный остров коммунизма» для немногих) в ее партийно-бюрократическом варианте была доведена до логического конца. То, что обычно называют ельцинизмом, это доведенная до логического конца стратегия *нэ*лизации страны, которая была прервана сталинской индустриализацией, но которая на протяжении десятилетий грела номенклатурную душу и обрела свое вожделенное воплощение в партийно-комсомольской приватизации «общенародной», которая всегда была только государственной, собственности. Ельцинский переворот, думается, предстает как победа одной части партии над другой ее частью. Поражение Горбачева — это поражение партийного идеалиста, слишком быстро отказавшегося от хотя бы некоторых оков догматизма. Простонародный реализм Ельцина в системе партийной фракционной борьбы оказался сильнее, нежели столично-либеральный идеализм, возникший на руинах опрокинутого геронтократического

брежневизма. Власть сильна только тогда, когда она одновременно слушает интеллигенцию и народ, а если она в потребительском раже не слушает никого, то она обречена судом ближней или дальней истории.

А. С. Пушкин, введя социологическую формулу «народ безмолвствует», позволил понять в некоторой степени и позицию современной провинциальной интеллигенции. Она тоже безмолвствует, ибо ждет, сможет ли нынешняя власть, насытив свой еще более безразмерный партийный желудок, сменить приоритеты с паразитического материального развития за счет продажи природных ресурсов на интеллектуальную (ноосферную) стратегию развития страны, на приоритеты духовного производства в сфере человеческого потенциала и человеческого качества. Власть пока рассчитывает на иноземный инновационный контингент, а, значит, в распоряжении современной российской народной интеллигенции остается только стратегия «у-вэй»: «делай, что должно, и будь, что будет».

Исторический выбор между Сциллой и Харибдой, поставленный перед интеллигенцией, она пытается преодолеть хитростью разума, стараясь не попасть в прихлоп то открывающегося, то вновь захлопывающегося европейского окна. При этом стратегия «между Сциллой и Харибдой» имеет и свое персоналистическое выражение: политические приоритеты эмоционального славянофильского почвенничества и кондового либерального западничества оказываются одинаково дискомфортными для культурной евразийской русскости, в действительности сформировавшейся как «вещь-в-себе», но почему-то не воспринимаемой властью как ценность цивилизационного развития.

Складывается впечатление, что в новом Законе об образовании, заложены условия для формирования модели регионального образовательного расизма, ибо образовательное неравенство субъектов федерации трагически отзовется на стратегии самоидентификации регионов (губерний) как реальных субъектов глобализации и этнонационального развития. Региональная (провинциальная) интеллигенция всегда являлась и до настоящего времени остается хранительницей специфики развития региона вне зависимости от исторических особенностей складывания географии региона. Потеря этого регионального потенциала для

гармонического соприкосновения глобального и регионального окажется губительной для синтетического ноосферного сознания, формирующегося на географических и культурных стыках этнонациональных культур и этноконфессиональных образований. В этой связи целесообразно создание в каждом субъекте федерации центрального (головного) регионального университета, деятельность которого была бы по статусу приравнена к национальному университету, определялся объем государственного задания по подготовке кадров и давалась возможность правительству субъекта федерации самому определять показатели подготовки кадров для соответствующего региона.

Главная миссия национальной системы образования в век определения этнонациональных и этноконфессиональных выборов заключается не столько в формировании интеллектуального обслуживания мировой техносферы (на что нацелена фурсенизация российского образовательного пространства), сколько на создание условий устойчивого ноосферного развития страны (а значит, и современной интеллигенции, прообразом которой раньше являлись духовные сословия, образовательные и научные сообщества) как фактора интенсивного духовного производства человеческого качества и человеческого потенциала новой цивилизации.

Раздел IV

МИРОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Словарь В. И. Даля: система и образ ноосферной реальности (2001). Церковь и университет как элементы ноосферной истории (2004). «Новоправославная» и «старообрядческая» интеллигенция в России (2004). Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции (2006). Три разума в ноосферной истории (2010). Триалектика ноосферной истории (2011).

Словарь В. И. Даля:
система и образ ноосферной реальности

Рождение словаря представляет собой великую тайну Вселенной, ибо это описание Вселенной самой Вселенной, это своеобразное опровержение агностицизма в сути течения мирожизненного процесса существования человеческой цивилизации. Слово — в начале, начало — в слове. Разумная Вселенная (Ноосфера), очевидно, именно так строит процессор своего существования. Вселенная говорит словом для себя самой и для других.

Словарь как единство смыслов, символов и звуков, описывающих наличность человека в мире, может рассматриваться как главная реальность — абсолютная реальность. Для ее освоения годны не все философские парадигмы: думается, это не должны быть собственно идеалистические или собственно материалистические подходы; для описания абсолютной реальности (в том числе ноосферной реальности) оптимальными являются реалистические парадигмы. Обращение к философскому потенциалу органицизма, системному и экологическому подходам, биосферно-ноосферному видению мира (в рамках идей русского космизма) позволяет осуществить онтологический подход к «реальности слова (Слова)».

Органицизм как интенсивно развивавшийся в XIX веке философский метод оказался чреватым особым пониманием мира, философский смысл которого был раскрыт Н. О. Лосским в понятии «мир как органическое целое», а в дальнейшем привел к био-

сферным и ноосферным построениям В. И. Вернадского. Этот аспект настолько значим, что, не боясь ложного пафоса, можно было бы сказать: «не будь "Толкового словаря живого великорусского языка" Владимира Ивановича Даля, не могло бы родиться и учение о ноосфере Владимира Ивановича Вернадского».

Философия русского космизма дает возможность взглянуть на процесс формирования словаря как на процесс *геологический* (не в смысле ограниченности планетарной средой обитания, а в смысле его субстанциональности, материализованности). В. В. Докучаев в рамках естественнонаучного русского космизма создал учение о почвах, которое оказало влияние не только на развитие географической, но и геополитической мысли, что в свою очередь позволило осмыслить особую роль русского чернозема в существовании русско-российской цивилизации. Творчество В. И. Вернадского обращено к выявлению роли сознания (а значит и языка), научной мысли в биосфере, которая является единством живого и неживого вещества. Развитие Духовной жизни, строительство языковой реальности предстает как часть космопланетарного процесса перехода биосферы в ноосферу, а словарь представляется в качестве возможной полноты выраженности ноосферной реальности, которую создает для себя каждый народ. В этом своем качестве словарь становится вселенским бытием этноса: чем «изошреннее» субстрат живого вещества, тем более разнообразным и вычурным, синтетическим и аналитическим, космическим и антропным становится язык, выражающий совместное (соборное) соприкосновение народа с естественно неотделимой от человека реальностью космоса. Феномен почвенности обретает в этой связи несколько иной смысл: «почва» рождает язык «точно так же», как она рождает траву, деревья, животных, питающихся ее производными. До известной степени можно было бы сказать так: *русский чернозем говорит устами русского народа*, создающего в великом подвиге евразийского сосуществования сферу своего разума, свою биосферно-ноосферную реальность. Языковой географический редукционизм (детерминизм) — рискованная в научном плане идея, но, не претендуя на абсолютную истинность, она проясняет взаимосвязь лексикологии и ноосферологии.

Продолжая аналогии, возникающие в результате применения ноосферной философской методологии, отметим, что расшифровка генома человека позволяет говорить о том, что *словарь* в информационном (концептном) плане может быть представлен как геном соответствующей культуры. Выпадение отдельных генов приводит к сложнейшим культурным трансформациям, ведущим как в ноосферном, так и антиноосферном направлениях. Когда сегодня специалисты в области русского языка добиваются, чтобы «говорили правильно», то фактически это требование означает врачебное требование — не разрушать социальной радиацией (иррадиацией) генотип корневой народной культуры. Толерантность, адаптационные и ассимиляционные возможности языка, как показывает социально-революционный опыт реформирования языка (в частности русского), выявляются лишь в процессе подобных трансформаций и чреваты тяжелыми социальными болезнями, связанными с потерей памяти и, в конечном счете, с невозможностью самоидентификации «социального вида» и индивида. Только сейчас становится понятным тот фундаментальный космический и социально-экологический смысл, который вкладывал Д. С. Лихачев в свои рассуждения о реформации русского языка, проходившей в первые послереволюционные годы. Экология культуры в таком контексте становится гео-генополитической наукой, имеющей самое прямое отношение к ноосферной динамике «мира человеческого».

Биосферно-ноосферный подход к анализу «феномена словаря Даля» дает еще одно приложение: название словаря свидетельствует о том, что В. И. Даль хорошо понимал, что словарь — это живой, саморазвивающийся организм со всеми вытекающими отсюда последствиями. Современная синергетическая методология имплицитно содержится в понимании В. И. Далема особенностей функционирования языка. В его творчестве может быть органичнее всего представлен закономерный переход от литературофилософствования (логофилософствования) к филологософствованию. Проблема «Даль как философ» — оказывается крайне актуальной, учитывая, что именно он полнее всех его современников отразил неспешную ненасильственную систематизаторскую (синтетико-аналитическую) работу в области не только по-

нятий (слов), но также суждений и умозаключений того языка, который, работая, создает возможность для превращения действительности в реальность, а в некоторых случаях эта реальность обретает статус «абсолютной действительности», т. е. «ноосферной реальности».

Восхождение современной российской культуры к пониманию ноосферных построений естественнее всего отражается логикой словаря, ибо русская философская традиция не только литературоцентрична, но и языкоцентрична. Для выражения тех глубинно вселенских, герметических идей, которые могли выразить только египтяне и китайцы иероглифическим текстом погруженности в универсум, живой великорусский (в смысле вселенский) язык нарабатывал особые прозо-поэтические и смысло-символические формы.

Любой человек обладает известным тезаурусом: слова, которыми пользуется писатель не только количественно, но и в качественном плане означают строяемый художником мир. Каждый человек строит свой собственный мир платоновских эйдосов-идей для того, чтобы описать ту предметную реальность, которая, воздействуя на человека, организывает его собственный мир объект-объектных, субъект-объектных и субъект-субъектных отношений. В реальной жизни словарь (как словарный мир и словарный запас) задает модальность континуальности бытия сознания: слова, призванные фиксировать разделённость текста, на самом деле связывают мир по определенным законам бытия Универсума.

Различие между текстом художественного произведения и словарем имеет не столько концептуальную, сколько структурную природу, если первое — живое-естественное, то второе — логическо-искусственное. Непроизвольное миропостроение в тексте художественного произведения — скульптура (голограмма, или «словограмма») антропомировости (мироантропности).

Стихотворность (с-тихо-творение) как начальный этап творческого миропостроения выражает собой симультанность (одновременность и параллельность) описания вселенских форм (Вселенной как духовно-телесной красоты), стихи как капли попадают на поверхность воды и кругами бегут по ее глади в бесконечность, множественно пересекаясь в наложениях — словес-

ных интерференциях. Словарность стихотворения — моментальность (фотографичность) вселенской гармонии бытия человека (даже если оказывается, что эта гармония противоречива и конфликтна, будучи не гармонией бытия, а гармонией рождения).

Прозаическая форма построения словаря (как построения мира) — это уже не фотография, а «фильма», это процессуальность, длительность мира, иными словами хронотоп мира. Представленность одноактовости времени, где бытие времени становится *пространством единого текста* — феномен «слово-существования» человека. Единопроизведение выражает масштабность Универсума и содержит в себе все богатство иерархии форм, становится точным выражением состояния «все-в-одном». Эта формула — антропо-гносеологическая очищенность смысла — дополняется антропокосмической формулой «всё-во-всем» («все во всем»). Словарность растворяет человека в Универсуме, а Универсум собирает человека в слове («В начале было Слово»). «Человек-Слово» — это точка сборки Универсума, а сам человек выступает «единословом» — ветвящимся древом мира. Слово (слова) растет как дерево, подчиняясь биосферным законам размножения и развития (эволюции и революции). В «Слове» как универсуме биосферность становится ноосферностью: как бытийствующий субъект универсума оно обретает себя в XX веке благодаря архетипу, выраженному в «Слове о полку Игореве», в котором нет «поотдельности», а есть «всебытие» («всё-бытие» и «все-бытие»). Природность (фаунистичность и флористичность) и человечность, «тамость» и «сюдность», бытийность и инобытийность — измерения единого («инь-янного») андрогина Вселенной — «голобо-слова», которое «обло», «огромно», но не «лайя», которое не подавляет, поскольку самотождественно (по-сильно) — «оно» и есть «ино».

«Слово» как бытие — не только реальность, но и текст, а текст — системность, имеющая свой субстрат, структуру и концепт. Стихотворное и прозаическое слово, организованное не естественно, а искусственно, превращается в «*ларь слов*» — словарь (кляссер слов). Логика словости рождается из практики собирания (коллекционирования) смысло-слов. Органичность и естественность словаря вытекает из универсумности чувствования «звуко-знако-символо-смысло-формы». Опыт слово-собира-

ства, слово-систематизации и слово-творения — это своеобразная палеонтология мировости, ибо каждое слово есть мир («мир букв»), а мир слов — есть посюсторонний универсум. «У-словность» мира превращается в «без-у-словность» бытия. Словарь, таким образом, становится «вещью-для-нас», вместо того «слова», которое — «вещь-в-себе». Словарь — это «само-для-себя-слово».

Словарь Даля («Дал Я словарь») — с универсумных позиций — представляет собой многомерную матрицу бытия, в которой, в той или иной мере, зашифрованы онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и праксиологическое измерения мира, он — инструмент для проникновения в русский Универсум, точнее особо организованный «русский универсум». Словарь Даля — это не просто компендиум смыслов и значений («фундаментальный лексикон»), но и иерархия ценностей (система иерархий ценностей или иерархия систем ценностей).

Построенность словаря в соответствии с «транзитивностью» букв алфавита («живых букв») рождает «мир дерева» и «древо мира»: ветвятся стволы, плодятся ветки — растет «**укорененность**» (подземность) и «**укроненность**» (поднебесность) слово-выразителя (слово-дарителя), обретается культурная континуальность «везде-вечности». Если есть «Аз», значит (следовательно) «буки», если «Буки», то «Веди», если «Веди», то «Глагол», если «Глагол», то «Добро». Учитывая, что «Аз» и «Я» одновременно и первая и последняя буква в алфавите, то замкнутость человеческого универсума оказывается отчетливо видимой.

Словарь «естественный» (нормальный) или «искусственный» (лексикографический или структурный) всегда представляет собой выраженность разума в его конкретно-исторической представимости. «Разумность» словаря многозначна — это и форма понимания, и форма целеполагания, и форма миропостроения, и форма миробытия. Разумное построение мира — родовое качество человека: в той мере, в которой он мыслит (а значит и чувствует), в той мере, в которой он действует, он строит мир по законам бытия «конкретного разума». Диалектика разумности есть процесс оразумленности (вразумленности) разума, а показатель результативности этого процесса — словарь. (Если общество глупеет, об этом сразу свидетельствуют его средства

массовой информации.) Однако главные ипостаси словаря Даля — не гносеологическая, а аксиологическая и праксиологическая: именно в них наиболее философски отражается пафос мирозидания, а сам словарь становится не только предметом филологического, но и философского анализа.

Словарь, как видим, — максима целе-ценности и целесообразности (целе-со-образности), но в самой глубокой своей сущности — это форма ноосферной реальности, внешнего и внутреннего ноосферного миропостроения. Ноосферная реальность предстает в этом контексте как слово-идеально-построяемая реальность в совокупности задаваемых смыслов истины, добра, красоты.

Церковь и университет как элементы ноосферной истории

Как показывает российская и отечественная история по своей социокультурной сущности церковь и университет чрезвычайно близки, ибо по принципу сообщающихся сосудов наполняют общество формами интеллектуальности и духовности. Церковь как социальный институт духовной жизни общества возникла значительно раньше, и тем самым она апробировала возможные пути и способы оразумления мирской среды своего обитания. Монастырская модель человеческого совершенствования оказалась по своим антропологическим и организационным формам предтечей университетских городков (кампусов).

При всех своих важных различиях формы служения духовного клира и университетского штата духовно-информационному пространству (лекции похожи на проповеди, а экзамены на исповедь) похожи. Чрезвычайно схожи и формы информационного и интеллектуального взаимодействия — непосредственные контакты между обучаемыми и обучающими в способах постижения мира. Может показаться странным, но университет в настоящее время исторически и логически напрямую связан с монастырскими образовательными моделями.

Но есть и значительные отличия. У церкви и университета различные функции по доминантности обращенности к подсис-

темам мира как системы «Бог — Человек — Вселенная». Если университет традиционно раскрывает связку «Человек — Вселенная», то церковь — связку «Бог — Человек». Столь различающиеся предметные области накладывают отпечаток «различения» на формы общения и обучения, но это не приводит (точнее не должно приводить) к отторжению двух ипостасей духовной жизни общества и человечества. Социальные знаковости церкви и университета, если их рассматривать с позиций неклассической и постнеклассической парадигм, строятся по «принципу дополнительности», а значит, с точки зрения гендерного подхода церкви и университеты предстают как «сестры и братья», как генетически связанные сущности. В годы российского религиозного ренессанса эта связь проявляет себя уже даже не виртуально (через контекст виртуально-образовательный), но и напрямую — пространственно: строительством храмов при университетах или рядом с университетами.

Какие же выводы проистекают из этого «высокого соприкосновения» двух важнейших сущностей духовно-интеллектуального роста, ноосферного развития любого современного общества?

Во-первых, возникает проблема церковно-университетского взаимодействия, проблема более чем не простая, учитывая своеобразное «взаимно ревностное» отношение между «клиром» и «штатом» в эффективности воздействия на общество и интеллектуальной «со-ревновательности»⁷⁵. В настоящее время это реальное противоречие в значительной степени снимается организацией совместного учебного процесса: преподаватели приходят в духовные училища и семинарии, а учителя веры — в студенческие аудитории⁷⁶.

Во-вторых, проблема сосуществования веры и знания ставится в совершенно иной плоскости: от тезиса о невозможности

---

⁷⁵ Историкам известны случаи прямого и открытого противостояния между А. В. Луначарским и А. Введенским.

⁷⁶ Для ИвГУ это взаимодействие вылилось в формы функционирования православного института на базе исторического факультета и участия университетских профессоров в образовательном процессе, осуществляемом в Ивановской семинарии.

посюстороннего совмещения веры и знания есть возможность перейти к тезису о реальности и целесообразности осуществления их «посюсторонней корреляции». Российская культура знает много примеров, дающих представление о цельности форм «верознания», способствующих культурному восхождению общества, более того, очевидно в этом симбиозе культура и получает максимальную пассионарную подпитку индивидуальной и общественной культурной биогеохимической энергией. Российская национальная идея если и может появиться, то только в рамках такого масштабного, широкого духовного церковно-университетского сотрудничества.

В-третьих, взаимодействие классического университета с церковными организациями позволяет увидеть ростки коэволюционных процессов, связанных с сосуществованием в рамках социокультурного этно-национального пространства мировых религий и религиозных инновационных процессов. О возможностях межконфессионального взаимодействия христианских церквей говорил еще В. С. Соловьев, что особенно значимо в контексте его представлений о цельном знании. Взаимодействие церкви и университета может рассматриваться как предпосылка своеобразной мировоззренческой революции, в которой естественнонаучные и гуманитарные эмпирические обобщения (добытые мировой наукой и мировыми религиями) окажутся в состоянии коэволюции и конвергенции. Естественно временная размерность этого мировоззренческого процесса не измеряется одним поколением, но персоналистическая история духовного развития показывает, что такие «посюсторонние духовные реинкарнации» имели место в отечественной культуре в неединичном выражении (например, Д. Л. Андреев в философии «Розы мира» демонстрирует такого рода возможности).

Весьма поучительный для осмысления современного состояния взаимодействия церкви и университета пример дает метаисторическое общение двух великих представителей российской культуры — В. И. Вернадского и П. А. Флоренского. Письмо последнего из соловецкого лагеря другому молчальнику — академику, чьи труды также опубликованы были только через полвека, больше похоже на чудо: на самом высоком посюсторонне-духовном уровне (в области метаистории) соприкоснулись ака-

демические представления о биосфере, университетские представления о ноосфере и церковно-богословские идеи о пневмосфере. Университетско-церковный «ноосферно-пневмосферный» синтез может рассматриваться, на наш взгляд, как исходное поле межкультурного и межконфессионального сотрудничества современных общественных институтов.

В ноосферной истории университет выполняет, таким образом, функцию интеллектуально-информационной власти (силы), а церковь — духовно-душевной власти (понимаемой как признание авторитета и невынужденного материально-экономическими формами внутреннего духовно-интеллектуального согласия-подчинения). Коэволюционные процессы церкви и университета в этом случае выступают как «гарантии» внутреннего душевного согласия в обществе.

Создаются предпосылки для консолидации церкви и университета, того, что в культуре предшествующих веков было связано с формами противоположностей, выливающихся подчас в открытую конфронтацию. Ноосферная история не может быть представлена вне контекста этого взаимодействия. Конечно, не совсем корректно рассматривать проблему «церковь и университет» не затрагивая связей с государством (властью), академической наукой и школой, но в данном случае можно пренебречь этими необходимыми формами общественного взаимодействия, учитывая, что речь идет о верхнем этаже социальной праксиологии — формах предельно опережающего отражения будущего человеческого общества.

Итак, три фундаментальных процесса ноосферной динамики обозначаются во взаимодействии церкви и университета: мировоззренческое взаимодействие по триаде «религия, философия, наука», по триединству мировых религий и универсумному всеединству «Бог — Человек — Вселенная».

«Новоправославная» и «старобрядческая» интеллигенция в России

Россия — «страна *верующих*» (иногда говорят — *голосующих сердцем, а не умом*). Этот тезис верен, очевидно, в той же самой мере, в какой справедливо, что «Европа — страна *знающих*». Российский философ в противовес афоризму Ф. Бэкона

(«Знание — сила») мог бы сформулировать асимметричный ответ — «Вера — энергия» (а в духе современной постнеклассической парадигмы — «Вера — синэргия»).

В российской истории огромное количество примеров одержимости верой, в этом смысле русско-российская история — это история веры в ее *разно-образных* и *раз-личных* формах. Протопоп Аввакум, боярыня Морозова, православные святые (так же самоотверженно защищавшие свою веру, как в свое время её защищали старообрядцы, что особенно проявилось в послереволюционные годы в России), носители коммунистической веры (доказавшие, что во имя идеи, «посюсторонних» целей и ценностей готовы пожертвовать всем) — живые свидетельства «обытиенности» пассионарности человеческой истории. Энергизм веры в форме деяния может рассматриваться как универсальный способ создания социальной организованности.

Универсум российской веры столь же многообразен, как и западный универсум знания: в нем обнаруживают себя не только дуальности «художественного» и «научного», «духовного» и «телесного», «идеального» и «материального», «верхнего» и «нижнего», «человеческого» и «божественного», «земного и космического», но в нем обретают себя и триадические сущности — «Истина — Добро — Красота», «Человеческое — Общественное — Божественное», «Человек — Природа — Общество», «Бог — Человек — Вселенная». Все эти измерения в явленной истории «русской веры» оказываются «собранными» в форму противостояния — «новоправославное» («трехперстное») и «старообрядческое» («двухперстное»).

Российская научная, университетская и академическая интеллигенция всегда позволяла себе быть свободной от шор конфессиональности, обосновывая это необходимостью свободного научного творчества. В 1917 году по льдине русского общества прошла гигантская трещина: фактически общество поменяло свои приоритеты верования. Православие потеряло в начале XX века свою пассионарность, что позволило проявиться мощи языческих и старообрядческих верований. В сложном переплетении и пересечении с антропофеноменами неоязычества («модернизма») и «обновленчества» находился социальный феномен атеизма.

Православная вера была потеснена со своих государственных позиций тремя очень сильными (копившими силы в течение столетий) религиозными конкурентами. Очевидно, такая бифуркация была бы невозможна без назревания революционного кризиса в обществе и постепенной окостенелости самой православной церковности (проявившейся, в том числе и в «пирровой победе» над писателем и религиозным мыслителем Л. Н. Толстым). Потеряв свое антропологическое (экзистенциальное) измерение под давлением государственно-монархической доминанты, православная церковь предреволюционной эпохи оказалась в духовном кризисе и лишилась народно-общественнической поддержки.

Совершилась духовно-церковная трансформация, которая, очевидно, в российской метаистории совершается один раз в полтысячелетия. Языческий, старообрядческий, атеистический революционный посыл (как своеобразная вера в «труд-для» — «все во имя человека, все для блага человека») победил православный пафос («во имя Божие»). *Великая религиозная революция* в России свершилась, став «отдачей», возникшей при «выстреле» государства в сторону старообрядчества (как народной стихии-веры) в эпоху раскола.

«Новоправославная» (псевдо-православная) интеллигенция в современном российском обществе ориентирована на «чистые формы духовности», «старообрядческая» — высшей ценностью рассматривает земной, подвижнический, «социальный» труд. Обе эти ипостаси современной интеллигенции столь же необходимы и «дополнительны» как неразрывны в человеке душа и тело. Может быть, именно в этом и состояла «задумка» метаистории России.

Эти рассуждения позволяют говорить о том, что «советская религия» («вера в светлое будущее», «вера в коммунизм», «вера в Сталина-вождя») может рассматриваться как своеобразная реализация проектов «богоискательства» и «богостроительства», «религиозных симулякров», возникших, в том числе и в социал-демократической среде, во время широких интеллигентских дискуссий по поводу программ переустройства России, имевших место в начале XX века.

Создание «религии под революцию» — «рабоче-крестьянской веры» — оказалось действенным фактором построения новой — электрической, атомной и космической — России. Эта «земная вера» народных масс способствовала победе «веры в науку» — форме атеистической веры, безбожественной (безбожной) религиозности. Эта трансформация стала предпосылкой формирования советской атеистической (псевдо православно-старообрядческой) интеллигенции в Советской России. В «подсознании» советской интеллигенции социокультурно (а не идеологически) оказались соединены самые сильные интенции «верхового» православия (религиозного государственничества) и «низового» православия (старообрядчества — трудового кооперативизма). Таким образом, советская интеллигенция обрела и до сих пор сохраняет качество «бурлацкого класса» «всенародного общества».

История, в том числе и духовная история, распоряжается очень часто так же как природа: то, что родилось, должно достигнуть своего расцвета, затем постепенно сойти на нет, «засохнуть». «Советская партийная инквизиция», достигнув расцвета в 1930—50-е годы и истребив огромное количество «политических еретиков», оказалась морально разложившейся структурой, и ее деградация в конечном итоге привела к обрушению всего организационно-геополитического здания союзно-советско-партийной империи.

«Материалистическая религия», как показал советский опыт, в известной мере проходит те самые формы, которые более медленно проходит «обычная идеалистическая религия». Как оказалось, онтогенез «матеистической» (материалистическо-атеистической) религии повторяет филогенез общерелигиозного развития, но в силу своей простоты развертывание и свертывание этого социального организма осуществляется достаточно быстро. Этот исторический опыт очень важен для понимания судеб тех религиозных построений, которыми так наполнена современная жизнь человечества.

Интеллигенция в России потому и остается интеллигенцией (а не превращается в интеллектуалов), что в ее сознании сохраняется в качестве системообразующего свойства религиозная вера, палитра которой бесконечно более многообразна, чем это имеет место в Европе или Америке. Современный феномен религиозно-

интеллигентского поиска напрямую связан с модернистскими и постмодернистскими подвижниками веры. К первым в полной мере можно было бы отнести многих религиозных мыслителей Серебряного века, а позднее отца А. Меня, ко вторым — линию философов, которая берет начало в творчестве Е. П. Блаватской и в специфических формах проявляется в работах Н. К. и Е. И. Рерих, Д. Л. Андреева и современных религиозных мыслителей-космистов. Особенностью современной религиозно-интеллигентской динамики является интенсивный и напряженный поиск «религиозной истины» в форме синкретизма мировых религий и (или) тотального религиозного новативизма. В тех случаях, когда этот религиозный поиск оказывается по своей напряженности связан с разрушением архетипических несущих конструкций сознания, даже представители науки вынуждены признать, что религиозный новационный протуберанец оказался «неэффективным», и возвращаются в лоно традиционных верований⁷⁷.

Изучение современного духовного постсоветского пространства показывает, что к началу третьего тысячелетия значительно активизировались религиозные поиски видения Универсума. При этом данный факт «микшируется» еще более масштабными процессами беспрецедентного синтеза знаний о биосферно-ноосферной реальности. На повестку дня выходит вопрос об общечеловеческой религиозной революции, которая вберет в себя культурные достижения всего цивилизованного человечества.

***Ноосферная история человечества:
философско-методологические проблемы
эволюции интеллигенции***

Всемирная история XX века открыла новую эпоху в эволюции исторического сознания: оно приобрело не только качество всемирности, но планетарности, глобальности. История обществ и цивилизаций (формы социальной истории) вошли в сопряжение с геологической историей, историей планеты и истори-

---

⁷⁷ Так, например, произошло с творчеством ученого-термодинамика А. И. Вейника.

ей Вселенной. Вся история человеческой цивилизации от поисков края ойкумены А. Македонского, путешествий Колумба и до полетов в Космос — дерзновенные попытки расширить понимание среды обитания человека. В этом смысле исторический процесс расширяется как в пространстве, так и во времени, каквширь, так и вглубь. Всемирная история становится Вселенской историей, ибо смысл истории человечества и заключается в том, что человек постигает расширяющуюся мировость своего существования. Воплощение всеобщего в единичном, вселенского в человеческом, совмещение (тождество) бытия мира и бытия сознания может рассматриваться как развертывающаяся вселенская история — ноосферная история. В ней отражается и мировая история и библейская история, ибо и та и другая могут быть представлены как экспликация «абсолютной идеи» — вселенствования сознания.

«Ноосферная история человечества» — термин, претендующий на то, чтобы задать максимально широкий смысл истории. На первый взгляд, уже существующие материалистические и идеалистические (формационный и цивилизационный) подходы к осмыслению истории в значительной мере выполняли задачу структурирования феномена истории. В философской литературе отмечается, что эти подходы должны рассматриваться не сами по себе, а в контексте принципа дополнительности. Цивилизационно-формационный подход может рассматриваться как «двуликий Янус» мировой истории и в том смысле, что фиксируется обращенность к прошлому и взгляд в будущее, и в том, что уравниваются в правах материальные и духовные факторы исторического развития. По этой причине в современной философии истории возникает ноосферная методология исторического универсума. При этом ноосферная методология вряд ли может быть истолкована как проявление философского дуализма, но и философский плюрализм в этом случае перерастает в другое качество — в качество универсумной методологии истории.

Ноосферная история — предполагает не только материально-орудийную и материально-техническую стороны исторического процесса, но и все интеллектуально-духовное и информационно-знаниевое пространство, которое, в конечном счете, и делает мир таким, какой он есть. Но, кроме того, ноосферная история

это и история формирования человеческого содержания духовных процессов, которые проявляются, прежде всего, в эволюции интеллигенции. Ноосферная история — это история обустройства мира под формы духа, те конкретно-исторические парадигмы, которые создаются в творческом труде.

Ноосферная история как единство человеческой и естественной истории. Бурное развитие науки как планетного явления привело к беспрецедентному охвату исторического процесса: современный человек мыслит историю Универсума от точки сингулярности (15 млрд лет назад) до точки ближней виртуальности («предсказуемого настоящего-будущего», отстоящего от настоящего приблизительно на 50 лет) и даже самой далекой виртуальности («энергии Солнца хватит еще на 5 млрд лет»). Современный человек, живущий в библейском историческом времени, связанном с представлениями о Сотворении Мира и Конце Света, начинает воспринимать историю не только в контексте абстрактного художественного, философского и религиозного дискурса, но переходит к научным формам вселенского времени. История оказывается наукой о формах человеческого бытия времени, при этом за всемирной (глобальной) историей открывается история вселенская. Феномен пересечения человеческой истории с историей естественной и может быть обозначен как ноосферная история — история становления человеческого Духа Вселенной.

Ноосферная история человечества явление чрезвычайно многообразное и широкое, но в узком смысле слова ноосферная история может быть рассмотрена, прежде всего, как «культурная история» человечества, его духовная (интеллектуальная) история, своими корнями уходящая в формы развития живого вещества, процессы цефализации и сапиентации. Биологическая и культурная генетика предстают двумя сопряженными формами развертывания вселенской истории человечества.

Одна из первых моделей «истории, оживленной духом» связана с «принципом ментализма» Гермеса Трисмегиста. «Все есть Ум», — так выглядит посеянное зерно ноосферной истории, различные аспекты которой раскрыты в философии Платона, Августина Блаженного, Т. Кампанеллы, Г. Гегеля, Вл. Соловьева, П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского и других мыслителей.

Ярчайшим образом представления ноосферной истории может считаться «Слово о полку Игореве», ибо в этом памятнике русской культуры совмещены в едино-целостности все аспекты бытия человека и социума в социо-природной и вселенской размерности Универсума. История повседневного бытия человека сопровождается соприкосновением с другими личностными и социальными хронотопами, отражается в природных явлениях и живом веществе природы. Оказывается, что история всегда единична, хотя на первый взгляд она мозаична и расколота. Человек в универсуме — вот смысл ноосферной истории.

Одним из первых, кто создал эскиз ноосферной истории в XX веке, был П. Тейяр де Шарден. Он не только показал, что стрела вселенской эволюции представлена цепочкой «преджизнь — жизнь — мысль — сверхжизнь», но и связал развитие универсума со становлением ноосферы. Изучение первобытного человека — синантропа — позволило найти аналогию между картиной звездного неба и картиной бесконечных огоньков зажигающегося разума.

В работах В. И. Вернадского произошло органичное и естественное по своей природе слияние геологического и исторического времени применительно к развитию сознания и научной мысли цивилизованного человечества. В его трудах, может быть впервые, ноосферная история предстала в качестве вселенской онтологии, т. е. ноосферная история вплелась в ноосферную картину мира.

Значительный шаг в понимании целостного исторического процесса осуществили евразийцы. В частности труды Г. В. Вернадского по русской истории В. И. Вернадский оценил как перенесение ноосферного подхода на пространство исторической мысли. В развитие этих идей А. П. Назаретян ввел в научный оборот и раскрыл содержание понятия «универсальная история»⁷⁸.

Ноосферная эволюция и типология интеллигенции. Тезис о том, что классификация интеллигенции возможна на базе духовного развития цивилизации, предполагает, что типологизация может быть осуществлена на основе 1) религиозно-

---

⁷⁸ Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика — психология — прогнозирование. М., 2004.

конфессионального критерия, 2) на основе философского критерия (т. е. выявления философской парадигмы, на основе которой строится мировоззрение данной социальной группы), 3) научной парадигмальности. В конечном итоге такая многосторонняя аналитика позволяет говорить о трехипостасности интеллигенции (т. е. трех измерениях интеллигенции, которая рассматривается как духовная субстанция). Такое абстрагирование представляет собой сильную редукцию, но ничто не мешает на выделенные «идеальные типы» интеллигенции спроецировать формы материального бытия, учитывая при этом, что если в определенный момент материальное в интеллигенции побеждает идеально-духовное, то рассыпается и сам феномен интеллигенции. Подобная аргументация ориентирует на использование универсумных и ноосферных подходов в исследовании интеллигенции.

С точки зрения методологии, разработанной в философии науки, типы интеллигенции можно было бы представить в следующих категориях: 1) «классическая интеллигенция», 2) «неклассическая интеллигенция», 3) «постнеклассическая интеллигенция».

Смысл классической интеллигенции в синкретическом характере ее духовных потенций. Для ее представителей целостность мировой культуры есть важнейший признак духовности, отсюда стремление к изучению большого количества языков, дающих возможность строить мировые синтезы на основе принципа дополнительности. Обращенность к мировой философии, мировому искусству, мировой науке (для XIX века речь идет, прежде всего, о европейской культуре) в рамках классической интеллигенции всегда имеет место соотносительность с какой-либо мировой религией, которая всегда является «самым дальним аттрактором» духовной диалектики личности. Даже в тех случаях, когда невозможно установить характер конфессиональности, надо иметь в виду, что тот или иной мыслитель всегда вырастает в определенной культурно-религиозной среде. Для классической интеллигенции характерен рационалистический менталитет, точнее рационалистическая доминанта восприятия мира. Реализм классической интеллигенции есть результат тонкой духовной подгонки под формы социального бытия в рамках своего «весьма избранного» сословия (например, для дворян-

ского или буржуазного сословия). Итак, классическая интеллигенция — это элитная группа людей, для которых характерна ориентация на общекультурный гармоничный синтез. Классическая интеллигенция есть как правило результат духовной работы нескольких поколений рода.

Неклассическая интеллигенция это упрощенная «редуцированная интеллигенция»: она стремится подражать модели личности классического интеллигента и тем самым обрести особое качество «веро-знания», стремится подражать естественному вхождению в духовный синтез. Если для классической интеллигенции характерна рядоположенность (равнозначность) таких важных частей культуры как религия, философия, искусство, наука, то для неклассической интеллигенции доминантной оказывается только одна какая-то часть. В силу этого и возникают «научная интеллигенция», «художественная интеллигенция» как две «основные культуры интеллигенции». В этом смысле интеллигентность классическая сродни гениальности, а неклассическая — таланту.

Неклассическая интеллигенция — это «как бы интеллигенция», «как если бы интеллигенция». Для уровня классической интеллигенции ей не хватает родовитости, богатства, образованности, вышколенности манерами социальных и культурных условностей. Но, тем не менее, сила духовной пассионарности берет свое, и восходящая интеллигентность обретает свое место под солнцем культуры. Эту особенность неклассической интеллигенции можно было бы выразить с помощью эстетико-методологического приема, характерного для Ф. Ницше, т. е. сказать, что, для классической интеллигенции характерна «аполлоническая» направленность, для неклассической — «дионисическая». Неклассическая интеллигенция — это опьяненная свободой духовность; хаотизация и диссипация старой классической культуры порождает субъективное ощущение творческой эйфории, за которой может скрываться как великий взлет, так распад и гибель.

В самом субстрате неклассической интеллигенции есть как «верхние», так и «нижние» этажи: разночинская и советская интеллигенция. История советского общества свидетельствует о том, что, прежде всего, уничтожали именно «творческую интел-

лигенцию». Та интеллигенция, которая не хотела вписываться в жестко-тоталитарную модель общественного развития, действительно являлась угрозой общественной безопасности и стабильности. «Интеллигенция оттепели» — это самый яркий пример неклассической интеллигенции верхнего этажа, это элитная советская интеллигенция, которая проделала гигантскую работу по преодолению «нигилистического» (большевистского) прошлого и сделала шаг вперед к постнеклассическим моделям российской интеллигенции начала XXI века. Она пассионарна народной жизненной (ломоносовской) силой, она способна на пересмотр устоявшихся точек зрения, она готова освоить мировую культуру, чтобы создать свой собственный «посюсторонний синтез». И все-таки разница между этими формами интеллигенции будет такая же, как между Уральскими горами и Гималаями. Кстати, образ гор, как проявления высоты духовности в русской культуре, идущий от иконописной традиции, утвердился в XIX веке (достаточно вспомнить творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, картину А. Куинджи «Эльбрус»), но в мощи неклассического видения мира эта метафора расцвела под кистью Н. К. Рериха (в его знаменитом цикле «Гималаи»).

Неклассическая интеллигенция — это национальная интеллигенция, интенсивнодвигающаяся в сторону общечеловеческих глобальных ценностей. От классической она отличается тем, что уровень ее образования и степень элитарной воспитанности значительно понижается. Количественный рост интеллигенции приводит к тому, что материально-финансовые ресурсы, затрачиваемые на формирование представителя неклассической интеллигенции, на порядок (или даже два) ниже, чем на представителя классической интеллигенции — прежде всего дворянской интеллигенции. Она не обладает важными материально-экономическими признаками классической интеллигенции (которая в полной мере являлась хозяйкой своего свободного времени, проводимого в универсуме дворянско-усадебного хронотопа), но для нее характерна возможность приобщения ко всему объему мировой культуры и способность овладения богатствами культуры (хотя она знает уже не 10—15, а только один или два иностранных языка) благодаря возможностям развития коммуникации в XX веке. Творческая (абсолютно творческая) работа в формах

деятельности неклассической интеллигенции начинает интенсивно уменьшаться и соответственно возрастает доля времени для репродукции знания, а не для его творческого производства (в силу того, что она тратит не 5 % времени на решение материальных проблем существования, а уже 50—70 %).

Особое внимание современные исследователи уделяют феномену постнеклассической интеллигенции, которая чаще всего воспринимается современными исследователями (социологами, историками, политологами) как «Помпеи Духа», как «не-интеллигенция». В известном смысле они правы, ибо классическая интеллигенция практически больше не существует («Бог умер»), это реликтовая форма ноосферной истории человечества. Более того, в известной мере и неклассическая интеллигенция в условиях глобализации и информатизации исчезает как шагреновая кожа.

Постнеклассическая интеллигенция оказывается в тисках рыночно-грантового давления и начинает производить продукцию механически, до известной степени без возникновения нового качества. В обществе складывается ситуация, когда за знания нового качества общество (государство) не платит. Тем самым тормозится очень важный момент формирования аттракторов будущего, т. е. той родовой деятельности, ради которой и существует сама интеллигенция. Как только это качество перестаёт быть заметным обществом со стороны, так в общественном зеркале перестаёт отражаться и тот социальный субстрат, который называется интеллигенция — интеллигенция умирает как «вещь-для-нас».

Постнеклассическая интеллигенция — это результат свободной духовной жизни для каждого. Естественно, именно поэтому она столь бесконечно многолика и разнообразна и столь не похожа на все то, что называлась интеллигенцией до этого времени. Оказывается, постнеклассическая интеллигенция — это одновременно и отрицание интеллигенции и полное утверждение феномена интеллигенции в мировом историческом процессе. Круг замкнулся: из прекрасного цветка классической интеллигенции выросло гигантское дерево духовного бытия человечества, которое цветет уже не одним цветком, хотя, как из-

вестно, многие из этих цветков окажутся культурным пустоцветом. Но такова логика и природа «цветущей сложности», о которой писал К. Н. Леонтьев.

«Языческий» и «православный» модусы ноосферной истории в России. С точки зрения религиозно-конфессионального критерия вся интеллигенция могла бы быть разделена, во-первых, на группы по ориентации на тот или иной тип мировой религии, а во-вторых, более локально — на аскетическую (альтруистическую) и гедонистическую (эвдемонистическую) интеллигенцию. Как показывает опыт исторического развития, в любой религиозной конфессии имеет место две противоположности проявленности смысла жизнебытия, в одном случае доминанта связана с преимущественно материальными (земными), эстетико-гедонистическими ценностями, в другом, — с аскетическо-духовными императивами. Например, для православия первая акцентуализация характерна для «иосифлян», вторая для «нестяжателей».

Духовные формации. В отличие от цивилизационного подхода традиционный формационный не оставляет фактически места для доминантности Духа-Разума в историческом процессе (соотношение «базис—надстройка» предполагает обратное воздействие надстройки на базис, но это все-таки форма «вторичной детерминации», которая связана с некоторыми моментами индивидуального и общественного сознания). В цивилизационном подходе значительное место отводится роли духовных факторов и их носителям — элите, интеллигенции, культурной формации (субстанции), т. е. человеческому (антропологическому) измерению — своеобразной нусо-рациональности исторического процесса.

В последнее время наблюдаются существенные модернизации формационного подхода, которые связаны с попытками объединить достоинства как формационного, так и цивилизационного подходов. В частности, при анализе структуры способа производства выделяют не только экономический, но и технологический способы производства. Этот шаг позволяет значительно расширить варианты модернизации формационного подхода к анализу прогрессивной динамики социума. Учитывая, что в производительные силы включается человек (он — «главная произ-

водительная сила»), а также наука (как «непосредственная производительная сила»), очевидно, есть возможность поставить вопрос о выделении *духовного способа производства*. Этот шаг позволит внести в формационный подход не только дуалистические, но и плюралистические моменты.

При определенных условиях (в информационном, постиндустриальном, ноосферном обществе) стандартный (не столько марксов, сколько советский) формационный подход неизбежно должен превратиться в свою противоположность: формы детерминации элементов в нем могут существенно измениться. На первый взгляд, может показаться, что речь идет о гегельянской реформации формационного подхода Маркса, но думается, что это не совсем так: в такого рода интерпретации реализуется не столько идеалистическая, сколько универсумная парадигма социально-экономического философствования.

Переосмысление формационного подхода приводит к введению понятия «духовные формации». Что же обозначает этот термин? Во-первых, он напрямую связан с представлениями о духовном производстве (и, думается, с понятием «духовный способ производства»). Во-вторых, в нем концентрируется цивилизационная (культурная) динамика, которая в значительной степени была характерна для российской духовной традиции. В-третьих, появляется возможность разработать варианты комплементарности формационного и ноосферного подходов, о чем думала еще в начале 80-х годов XX века отечественная гуманитарная мысль, формулируя представления о единстве процессов становления «коммунизма» и «ноосферы». В-четвертых, подобные поправки весьма близки к современным универсумным подходам в социологии и философии. В-пятых, такого рода развитие формационного подхода позволяет включить в него возможности информационного и синергетического подходов. Конвергенция формационного и цивилизационного подходов, на наш взгляд, в полной мере соответствует методологии универсального эволюционизма, без которого невозможно понять особенности ноосферной истории человечества.

Отечественная философская традиция при анализе социальных процессов в своих развитых формах ориентировалась на приоритетные моменты духовного развития. Дело в том, что ар-

хетипом понимания социального развития традиционно являлась христианская (православная) традиция. Русская философия всегда обращала внимание на особенности духовного развития. Ярким примером такого рода является архетип лестницы Иоанна Лествичника. Восхождение по ступеням духовного развития — это и есть своего рода духовные формации человеческого развития. В основу такого движения естественно кладется аксиологическая составляющая исторического процесса, прежде всего нравственное ее измерение. Но не будет большой ошибкой, если при анализе форм восхождения по этой лестнице социального развития будет рассмотрен и критерий эстетического, и критерий экологического, и критерий ментально-информационного характера. Таким образом, задаваемая модель может служить прообразом представлений о духовных формациях в индивидуально-персоналистическом и социальном измерениях.

Значительный шаг в развитии представлений об общественно-духовных формациях в русской философской традиции сделан в связи с развитием софиологии. В этом случае мы имеем пример того, как с помощью социальной философии выстраивается онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и праксиологическое измерения интеллектуально-духовного развития как отдельного общества (локальной цивилизации), так и человеческого общества в целом (человеческой цивилизации). Как видим, посыл от цивилизационного подхода к формационному обобщается развитием самого цивилизационного подхода.

В творчестве В. С. Соловьева «софийные формации» имеют ярко выраженный онтологический смысл, когда речь идет о формах растительной, животной и человеческой Софии. Процессы оразумления биосферы, выражаясь современным языком, цефализации и сапиентации, представлены им в рамках использования софиологической парадигмы общественного (универсального развития).

Значительный шаг в понимании логики духовных формаций был сделан В. И. Вернадским в контексте разработки феномена научной мысли. Научная мысль рассматривается российским мыслителем как одна из ипостасей духовной культуры наряду с религией, философией и искусством. Выявление особенностей этих форм духовности в контексте общекультурного процесса позволя-

ет говорить о новой критериальности, предложенной В. И. Вернадским к анализу развития человеческой цивилизации.

В этом смысле можно говорить о художественной, религиозной, философской и научной духовных формациях, которые не просто отрицают друг друга, но каждая последующая духовная формация снимает, вбирает в себя последующие, становясь на определенное время доминирующей формацией. Важно указать и на возможность так называемого отрицания отрицания, т. е. на особый синтез всех этих ипостасей в условиях развитого информационного общества.

Эвристичность такого подхода отчетливо видна в связи с представлениями о ноосферном развитии и формировании ноосферного сознания. Современная духовная формация — это ноосферная формация, о которой уже говорится в философской литературе, в частности в работах А. К. Адамова⁷⁹. Предлагаемый в данном случае подход предполагает иное — непрямолинейное — решение, ибо ноосферная формация принципиально иное явление: если открытые К. Марксом формации — это общественно-экономические (материальные) формации, то ноосферная формация открывает ряд духовных формаций в истории человечества.

Отметим, что в отечественной традиции имеют место и иные онтологические решения проблемы духовных формаций. Так, Д. Л. Андреев в «Розе мира» рисует достаточно сложную картину духовного мироустройства, которая включает многочисленные сферы духовно-вселенского восхождения.

Интересный подход характерен для Н. К. Рериха, который считает, что логика развития духовной жизни человечества представлена движением от дикости к цивилизованности, от цивилизованности к образованности, от образованности к интеллигентности, от интеллигентности к культурности. Эта цепочка эвристична тем, что, во-первых, отмечена общая стрела эволюции — от дикости, т. е. «звериности», «животности», к культурности; во-вторых, намечается формация цивилизованности как форма достаточно низкого развития (связанного с овладением некоторыми способами социального бытия, посредством развития технической среды обитания, искусственного мира); в-третьих, разведе-

---

⁷⁹ Адамов А. К. Основы философии ноосферы. Саратов, 1996.

ны ступени образованности и интеллигентности (ибо образованность предполагает некую фрагментарность инструменталистского порядка, образованность обслуживает цивилизацию); в четвертых, отметим, что высшей духовной формацией Рерих называет «культурность», что означает не только самое полное выражение субстанциальности духовности искусственного-естественного, но и наибольшее приближение к формам духовности. Это понимание позволяет говорить о возможности достраивания рериховской лестницы духовных формаций собственно формой духовности, которая может рассматриваться как непосредственное и естественное продолжение культурности человеческого бытия.

Ноосферная история: от ноосферного конфликта к ноосферному гуманизму. Важнейший аспект связи ноосферной истории и духовных формаций заключен в формах развития интеллигенции. В русской социально-философской традиции с самого начала можно усмотреть стремление к постижению логики и диалектики духовных формаций, не только онтогенеза, но и филогенеза становления духовности в земной космо-планетарной реальности.

Через призму ноосферного гуманизма можно видеть природу и смысл духовно-вселенской эволюции человека и человечества. Человек развивает свои умственные и духовные потенции только постоянным духовным трудом, в той же самой мере, в которой он наращивает свои мускулы в процессе физического труда. Обращаясь к Богу в молитве, общаясь с природой в самых различных формах, человек развивает свои духовные возможности Вселенского бытия. В этом трудовом духовном акте он фактически подталкивает процессы не только своей духовной эволюции, но и эволюции сознания человечества. Становление ноосферного сознания — это процесс духовного подвижничества, фундаментальная духовная эволюция.

В начале третьего тысячелетия человечество реально входит в формы «духовной революции-эволюции». Из огромного этно-национального многообразия постепенно формируется модель человека глобального, планетарного, человека ноосферного, а значит — человека Вселенского (Богочеловека).

В рамках ноосферной истории уже сейчас сложилась доминантность трех мировых религий — своеобразное выражение ноосферного триединства человеческого сознания. Между этими тремя ипостасями человеческой религиозности уже сейчас формируются с разных сторон «парадигмы» межсистемного взаимодействия в универсуме культуры. К такого рода «паутинкам», связывающим мировые религии и одновременно религию с иными ипостасями культуры — искусством, философией, наукой — можно отнести и последователей Е. П. Блаватской, и рерихианцев, и бахаистов, и сторонников Д. Панина, и последователей А. И. Вейника, а также многих других, которые реально расширяют «врата восприятия» (О. Хаксли) и тем самым встраивают человеческую цивилизацию во вселенский контекст.

Этот глобальный процесс общекультурного синтеза — важная сторона ноосферной истории. К числу самых значимых проявлений ноосферной истории человечества относятся 1) восхождение к духовности все большего количества представителей *homo sapiens*, 2) все более глубокое взаимопроникновение природной и социальной истории, 3) становление автотрофности человечества в различных аспектах его космопланетарного и материально-экономического бытия.

В известном смысле ноосферная история может быть представлена как метакультурный процесс восхождения человека к Богу (движение к Богочеловеку), а человечества к Богочеловечеству. Смысл ноосферной истории может быть проиллюстрирован обращением к работам В. В. Бычкова, который, анализируя предметную область эстетики как феномена и дисциплины, считает, что «эстетика — это наука о гармонии человека с Универсумом»⁸⁰. Ноосферная история в этом смысле предстает как восхождение человека к Универсуму в различных проявлениях его бытийности. Известная фреска Микеланджело «Рождение Адама», на которой Человек и Бог почти соприкасаются самыми кончиками пальцев, поистине отражает смысл прикосновения к Универсуму, которое столь же недостижимо, сколь недостижимо превращение человека в Бога.

---

⁸⁰ Бычков В. В. Эстетика. М., 2002. С. 7.

Ноосферный гуманизм — это реальное воплощение фундаментальных («Истина — Добро — Красота») и иных общечеловеческих ценностей. По большому счету, подлинный гуманизм состоит в том, чтобы общество осознавало, что искусственное преходяще, но становится вечным, когда обретает статус естественного. Человек в процессе внутреннего и внешнего миропостроения сам создает свое ноосферное будущее, и только таким последовательным и постепенным движением он сам себе доказывает свои собственные претензии на то, что называет ноосферным будущим, и что он связывает с общечеловеческими ценностями.

Метаистория советской интеллигенции. Прошло четверть века с той поры, когда огромная социальная группа русского общества прекратила свое существование. Распалась самая мощная, самая сильная, самая влиятельная партия, когда-либо существовавшая в России, — коммунистическая партия. Ее сила опиралась не только на бесконечный этнонациональный потенциал рабочего класса и крестьянства страны, откуда она черпала свои главные силы, но и на слой, который традиционно противостоял ей, но понимал, что с этой государственно-партийной структурой необходимо сотрудничать и не только целях самосохранения, но и в силу необходимости помощи в трансформации (в том числе культурной трансформации) великой страны, которая сама своей масштабностью и бескрайностью формирует естественное чувство патриотизма. Русская земля всегда в отечественной истории воспринималась как главное богатство, которое остается даже тогда, когда идут процессы разложения и обнищания в результате социальных катастроф. Патриотизм советского типа формировался как форма сохранения советского социалистического пространства, на котором реализуются и существуют простые высшие ценности: справедливость, правда, коллективизм, любовь, красота. Этот советский патриотизм вырос на российской культурной традиции, поэтому он имеет очень старые корни, хотя на первый взгляд может показаться, что его истоки берут свое начало в недалеком 1917 году.

История Отечества, как она сложилась в сознании подавляющего большинства советских людей, — это история разрыва, метаисторического разлома, история искусственно разомкнутого

единого естественно-исторического геологического процесса. Понадобится много усилий нынешних и будущих историков, чтобы воссоединить в сознании миллионов людей, срастить сломанные кости российской истории. Этот феномен достаточно легко объясняется с точки зрения современных синергетических представлений — система в результате пассионарного разогрева в начале века (в результате первой мировой войны, революции и гражданской войны) стала диссипативной системой, на страну обрушились процессы хаотизации, «внешние» и «внутренние» флуктуации поставили ее перед необходимостью «ответа» на всемирно-исторический вызов начала. В арсенале российского общества и имперского государства, к сожалению, не нашлось иных сил, кроме стихийно народных, которые могли бы дать ответ на этот глобальный вызов мировой истории российскому этно-национальному пространству. Колоссальные стихийные силы русского народа, которые всегда просыпались в условиях тяжелых исторических испытаний вышли из-под контроля гигантской государственной машины, и началась цепная реакция в российском социальном реакторе. С этого момента в российской метаистории обозначила себя проблема канализации накопленных русским народом сил в рациональное историческое русло. На первых порах, когда стояли очень простые и понятные задачи («очередные задачи советской власти»), выработка стратегии и тактики действия была под силу даже низовым звеньям народно-большевистского большинства. Враги новой России — государство, церковь, помещики, буржуазия, белогвардейцы, иностранные интервенты — устранялись самым простым и естественным образом, т. е. физически. Эти задачи — задачи санации России — были решены на уровне корневого патриотического сознания и классового чутья (социально-психологического уровня «рабочего пролетарского сознания»). Так совершилась в процессе распада и новой «самосборки» (самоорганизации) «потеря социальной памяти», последствия которой оказывают свое влияние до настоящего времени.

После этого не столь длительного периода встала главная задача — построение новой России. Российская классическая интеллигенция на протяжении полувека создала образ альтернативного «государственному и государственническому» (т. е.

кадетско-буржуазному) миропостроения — социально-социалистического миропостроения, в основе которого лежали ценности, выработанные крестьянско-старообрядческой традицией коллективного, мирового, кооперативного и соборного бытия. В Великой социальной революции в России обнаружили себя колоссальные по своей мощи космо-циклические процессы, начало и приход которых отчетливо чувствовали не только Ю. М. Лермонтов («придет России страшный год»), не только Серафим Саровский, но и В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой, А. А. Блок и другие.

Модель прогрессивно-кадетского преобразования России оказалась не востребованной в условиях социальной простоты, возникшей в результате тотальной хаотизации страны. Россия обрела именно то и именно такое лицо, которое было сформировано имеющейся в России культурно-образовательной средой. Российская народническая интеллигенция, ставившая перед собой задачу всемерного просвещения народа, к сожалению, вызвала обратную реакцию государственной машины — «дворянское сообщество» культурного прогресса не смогло до конца осмыслить гибельность темноты народа для высших классов «высшего общества», а православная церковь не смогла доказать, что она своим существованием отвечает естественному необходимому росту культурного уровня народа. Победоносцевская «культурная осторожность» оказалась тем «культурным фактором», который не смог соответствовать высоким формам народной самоорганизации. Думается, что наиболее близки к пониманию сути естественных процессов самоорганизации трудового крестьянства были эсеры и анархисты. Кооперативные процессы самоорганизации могли придать России значительную устойчивость быстро развивающегося социально-гуманистического (народного) организма. Однако этот процесс пошел в другое русло, которое исторически было связано с глубоко укоренившимися монархическо-имперскими традициями. Лидер победившей партии, как это и должно было быть, стал одновременно и монархом и императором, еще более разрастающейся евразийской социалистической империи. История, как это всегда бывает (и это показал К. Маркс на примере французской истории), сделала крутой поворот: забежав вперед, она сделала два шага назад (а с учетом российского

консерватизма — это обернулось даже тремя шагами назад, если учитывать цивилизационно-формационные показатели).

Таким образом, российская интеллигенция (как высокоинтеллектуальная элита дворянско-буржуазного сословия) в своих миропостроительных планах потерпела самое сокрушительное поражение. Ее главным пафосом было создание православно-соборного государства мирового духовного пространства, однако эта задача была слишком абстрактной и мало понятной в условиях выживания агонизирующей гигантской страны. В этом смысле «философский пароход» был, очевидно, вынужденной защитительной мерой новой, советской власти против ее авторитетных оппонентов, спор с которыми был не по силам никому из правящей верхушки. Потенциал понимания «духовных иноплеменников» был наиболее высок у В. И. Ульянова, но и он не смог признать историческую правоту даже своих близких оппонентов (В. Г. Короленко, Н. Н. Суханова, П. А. Сорокина), или признал ее тогда, когда от него уже ничего не зависело — в эпоху смены революционных декораций на сталинско-самодержавные и имперско-социалистические.

Российская интеллигенция была обречена на незнание широкими кругами общества ее моделей миропостроения и непонимание народом духовно-эвристического пафоса государственно-геополитического строительства. Духовная изоляция, которая может быть сильнее всего проявилась именно в период великого взлета — эпоху Серебряного века, эпоху декадентства, — обернулась не столько виной, сколько бедой элитно-усадебной высокоинтеллектуальной российской интеллигенции. Она оказалась невостребованной, ибо культурный уровень народа требовал иного языка и ориентации на решение совершенно иных задач.

Метаистория России потребовала «близкой к народу», а значит народной интеллигенции. Так было положено начало становлению и развитию советской интеллигенции — народной «плоть от плоти». «Высокособая» интеллигенция оказалась востребованной лишь в той мере, в которой она помогала решать главные задачи экономического, военного, геополитического, социально-политического и иного характера. Народная интеллигенция наследовала традициям народнической, разночинской интеллигенции, которая главной задачей ставила просвещение и

помощь народу: врачи и учителя — вот главный отряд такой интеллигенции. Они были призваны поддерживать здоровье и дух народного трудового организма, и именно им были посвящены в большинстве своем «великие и прекрасные» творения деятелей советского искусства. Бескорыстное служение народу — вот главная задача советской народной интеллигенции.

Выполнила ли эту свою великую историческую задачу советская интеллигенция? Каковы ее дальнейшие судьбы и место в модернизации страны?

Советской интеллигенции предъявляют счет за все беды, которые свалились на страну в период перестройки и постсоветской истории. Говорят, что она предала народ, что она отказалась от проповедуемых ей же самой ценностей, поставила страну на грань катастрофы. Думается, что если она и предала, то, прежде всего тех, из чьих рук она получала денежное вознаграждение — партийно-государственную верхушку, которая усердно и несусыпно контролировала любую деятельность этой самой советской интеллигенции.

Советская интеллигенция, к сожалению, не получила исторического признания, в этом смысле ее ожидала участь российской интеллигенции начала XX века, но все же она выполнила свою метаисторическую миссию. Она своим духом и воздействием на широчайшие народные массы смогла сохранить целокупное геополитическое пространство, а это и есть, по большому счету, ее главная миссия — создание предпосылок для сохранения контроля над жизненным пространством этноса, а значит, народа.

Термин «советская интеллигенция» в значительной степени собирательный, и поэтому им обозначается социальная группа, которая существовала наряду с рабочим классом и крестьянством и составляла значительный отряд советского народа. Даже если ее не называли классом, в действительности она была именно им. В условиях нерыночных, распределительных отношений, которые характеризовали советское общество, интеллигенция получала паритетную долю дохода и в силу этого могла рассматриваться как часть единого советского общества и такой новой общности людей как советский народ. Эта констатация конституционного характера заставляет в значительной мере переос-

мыслить институциональную сущность советской интеллигенции, которая выступала в качестве достаточно мощной силы внутреннего и внешнего миропостроения. Именно она создавала образные модели прошлого, настоящего и будущего страны и в то же время способствовала разумным версиям и вариантам внешнего, материального миропостроения. В силу этой особенности важную роль в *системности советской интеллигенции* играла научно-техническая интеллигенция, именно она формировала материальный облик новой страны, именно она, учитывая ориентацию партийно-государственной верхушки, определяла развитие общенациональных доминант: атомная энергетика, космические исследования, глобальная гидроэнергетика, секторы отрасли «А» (добывающей промышленности и производства средств производства).

Главным результатом деятельности интеллигенции стало создание теоретических и технических предпосылок создания мощного военно-промышленного комплекса страны, который обеспечил и до настоящего времени сохраняет способность самозащиты этнонациональных интересов и социальных завоеваний народа со времен октябрьской революции. Третье издание НЭПа, которым является перестройка, соскочившая в формы нерегулируемого капиталистического развития, несмотря на все негативные моменты, позволило начать создание условий для развития, а не переделки природы человека. Культура российского общества и *советской трудовой интеллигенции* доросли до понимания роли человека как главного потенциала интенсивного (а не экстенсивного) социального и экономического развития.

Советская трудовая и научно-художественная интеллигенция своей деятельностью сформировала модель внутреннего и внешнего миропостроения, которая и до настоящего времени сохраняет свою актуальность и продуцирует востребованность основных завоеваний эпохи «торжества социального равенства». Несмотря на разные формации советской интеллигенции, именно советской интеллигенцией генерации «оттепели» заложены краеугольные камни в парадигму «советы без коммунистов», «от тоталитарного государства к демократическому», «от идеологии средства к идеологии цели», «от социализма с человеческим лицом к человеку с социалистическим лицом».

Сравнивая миропостроенческий потенциал российской и советской интеллигенции можно констатировать, что в метаисторическом плане староинтеллигентская модель развития («Великая Россия») значительно более глубока и фундирована в формах духовного преобразования, модель развития, идущая от советской интеллигенции, прагматична, конкретна, ориентирована на достижение утилитарных целей. Компартия как народно-прагматическая партия выступала как главный заказчик моделей миропостроения, поэтому именно она задавала меру соотносительности внутреннего и внешнего миропостроения. Однако средний уровень культуры советской трудовой интеллигенции оказывался значительно выше среднего уровня партийной интеллигенции (которая по своей природе не являлась трудовой).

Главное противоречие последнего этапа советской метаистории — противостояние трудовой и партийно-паразитической интеллигенции. Партийные менеджеры оказались настолько консервативной и настолько закрытой структурой, что ее стало возможным сравнивать с кастой царских чиновников. «Коммунистическая номенклатура» и стала главной причиной застойных явлений в обществе, ибо, сохранив репрессивный аппарат, доставшийся «общенародному государству» от тоталитарного государства, она ограничила необходимую свободу научного творчества и свободу общения с внешним миром. Именно в этом смысле можно говорить о том, что советская страна претерпела фундаментальный «экологический» (социально-культурный экологический) кризис, после которого закрытая система стала распадаться и, наконец-то, после 80-летнего периода превратилась в открытую систему.

Все проблемы, которые сейчас испытывает наша страна, в конечном итоге связаны с тем, что она вынуждена в очень короткий срок интегрироваться в мировую экономику, глобальное культурное и социально-политическое, геополитическое пространство. В этом смысле советская интеллигенция, став *постсоветской интеллигенцией*, движется в сторону приобретения нового качества — стать общенациональной интеллигенцией с общечеловеческими ценностями. До тех пор, пока Россия не обретет величия, на которое ее обрекает собственное геополитическое тело, российская интеллигенция не престанет быть интеллиген-

цией, не превратится в интеллектуалов. Из этого заключения следует вывод: интеллигенция — это социальный слой общества, обеспечивающий философские и научные основы внутреннего и внешнего миропостроения, устойчивого развития своей страны, а также строящий опережающие модели мирового, глобального развития.

Метаисторическая метаморфоза интеллигенции в России связана с тем, что, будучи мировой интеллигенцией (в начале XX века), она вынуждена была в советской интеллигенции обрести социально-национальное лицо, чтобы в логике своего развития дорасти до мирового качества — уровня, характерного для российской интеллигенции начала XX века.

Советская интеллигенция, если мерить ее роль и значение не идеальными, а геополитическими и метаисторическими мерками, выполнила, не смотря на колоссальные потери и издержки, свою онтологическую миссию — сохранила евразийский геохронотоп. С точки зрения теории элиты А. Тойнби, советская интеллигенция смогла осуществить свое предназначение, дав ответ на вызов времени, но при этом в неравной борьбе за право свободы мысли и творчества потеряла значительную долю своей пассионарности, своей социальной силы и духовно-нравственной энергии.

Ноосферная история: от мировости к повседневности. Переосмысление исторических событий с позиций ноосферных и синергетических подходов позволит более глубоко посмотреть на историю России и мировую историю, выделить роль и значение интеллигенции в эволюционном и революционном развитии, найти пути устойчивого ноосферного развития человеческой цивилизации в ближайшем будущем.

В ноосферной истории соединяются реальная земная история и история вселенская, геологическое время соприкасается с историческим. Ноосферная история — это универсальная история сознания-Разума, в той форме, в которой она знакома земному человечеству. Коэволюция сознания-Разума есть продолжение отражательных форм животного мира и говорит о том, что до настоящего времени человек остается сфинксом — животным с человеческой головой (именно поэтому истоки понимания смысла ноосферной истории можно видеть в египетском герметизме) и

двуликим Янусом. Ноосферная история — вселенская история взаимодействия неживого, живого и разумного вещества, которая порождена вселенской эволюцией живого от микроорганизмов до человека в формах развивающегося мышления-отражения, феномена «оразумления» вселенского бытия.

Ноосферная история — это процесс разворачивания ноосферного конфликта, когда материальная и духовная история (диалектика духовности-телесности), осуществляя «высокое соприкосновение», обеспечивают «самоподдерживающуюся» развитие разума (ноосферное развитие). Чем далее движется мировой исторический процесс, тем более проявляется духовная доминанта истории, тем ярче видны формы универсальной, ноосферной истории (в этом случае и возникает узкий смысл данного термина). Процессы цефализации и сапиентации выливаются в формы социокультурной динамики и ноосферного развития (социо-природной одухотворенности).

Важнейшими факторами ноосферной динамики являются феномены церкви (храма), школы и университета (средства принципиально «немассовой» коммуникации), в которых осуществляется и достигается соразмерность встречи («сретенья») прошлого и будущего в феномене экзистенциально-персоналистической истории человека и человечества. Таким образом, образование и культура предстают в качестве процесса и результата ноосферной истории.

Ноосферная история как вся история живого вещества предстает как история накопления «информации», а значит, подчиняется биогенетическому закону Геккеля-Мюллера: онтогенез (единичное развитие субъекта ноосферной истории) повторяет филогенез (универсумогенез, ноогенез, вселенский генезис). Значит, человек (богочеловек) в своем развитии предстает как факт свернутой ноосферной истории.

Мировая интеллигенция выступает существенным видимым антропологическим фактором ноосферной истории, ибо именно она осуществляет самоорганизацию Духа в формах флуктуативной информационно-генетической деятельности, создания «духовных» (ноосферных) аттракторов.

Парадигма ноосферной истории позволяет по-новому взглянуть на традиционные формы понимания исторического процесса, исторического сознания и исторической деятельности.

Три разума в ноосферной истории

В. И. Вернадский в дневниках однажды заметил, что интеллектуальный уровень власти большевиков (сталинцев) был ниже среднего уровня культурности народа. Это очень важный сюжет ноосферной истории, если рассматривать ноосферную историю, как форму многообразного функционирования сознания-разума. Единство истории предполагает в ближнем отсеке рефлексии исторического бытия соотношение трех главных ее субъектов — власти (государства), народа (основной части трудового населения страны) и интеллигенции (той части населения, которая преимущественно занимается духовной, включающейся в трудовую, деятельностью, духовным производством).

Это одновременно и три субъекта и три объекта ноосферной истории. Именно в сложном пересечении этих трех основных субстанций (ипостасей) исторического процесса и формируется ноосферная история в ее земном, общецивилизационном измерении. Проблема, прежде всего, состоит в том, как соотносятся друг с другом ментальные (а также ценностные и праксиологические) ресурсы государственной власти, народа и интеллигенции. Для начала следует рассмотреть по-отдельности эту трехмерную систему исторического универсума. Следует сказать, что власть и народ разворачивают горизонтальную плоскость исторического бытия, а интеллигенция по определению представляет собой вертикаль этого духовно-социального восхождения. (Из этого совсем не следует, что протуберанцы духовных аттракторов народа и власти не выплескиваются из плоскости функционирования в пространства эволюционного или революционного развития, но эти формы в значительной степени проявляются именно через «заражение» идеями, которые вызревают в котле мыслительных процессов, связанных с деятельностью интеллигенции.)

Функции народа и власти в значительной степени всегда противоположны: народ всегда представляет собой хаос природно-социальной энергии (меональное бытие), в котором происхо-

дят процессы самоорганизации, подчас совершенно не предсказуемые, но в силу естественного накопления энергии, самостийно стремящиеся к восхождению к большей сложности. Государственная власть — это всегда некий ингибитор, некий стабилизатор, некий выравнитель сталкивающихся энергетических потоков. Очень часто в истории случается, что именно государственная власть заставляет двигаться значительную часть активной или сверхактивной части народа в направлении свободного пространства. Именно так в российской истории осваивалась Сибирь: канализирование излишков энергии в неосвоенное пространство и есть историческая свобода. Когда свободного пространства не остается, то народные массы постепенно выталкиваются в пространство соседних областей, и начинается эпоха междоусобных и международных войн.

В чем специфика народного разума? Это корневой исторический разум, он всегда наполнен вселенско-природным содержанием и репродуктивной наполненностью. Самая главная идея народного коллективного разума — это самосохранение. «Исторический инстинкт» — может быть самая сильная ментальная форма. Именно в силу этого инстинкта народ совершает сакральные исторические деяния, когда волею судеб его вызывают на метаисторическую арену. Так, именно народная воля и народная вера приходили на помощь государству в период великих российских смут и геополитических потрясений, которые как видно происходят в России каждое столетие. Народный разум континуален, органичен и прост той самой простотой, которая всегда выше любых философских размышлений интеллигенции о социальной сложности и государственных суждений о национальных интересах. Народный разум вообще может рассматриваться как структура самой устойчивой — родовой самоорганизации, представления о которой в российском сознании оказываются более близкими по историческому и человеческому времени, нежели существующими для других — прежде всего европейских народов. Когда А. С. Пушкин говорил «паситесь мирные народы», то он, может быть, наиболее точно выразил смысл накопления универсальной биогеохимической энергии (включающей в себя как биогеохимическую энергию, так и культурную составляющую, которая стремится вырваться из тисков собственно биологиче-

ской субстанциальности). Конечно, разум народа не есть только «исторический инстинкт», хотя очень многое в экзистенциальном этнонациональном порыве связано именно с инстинктом самосохранения. В разуме народа коренится некая пантеистическая сила, которая порождена метабытием Бога-Природы. В известной степени эта субстанция выражена в рефлексивных формах юнгианского архетипа, но в еще большей масштабности это передается творчеством Д. Л. Андреева. Разум народа (*коллективный разум народа*) очень специфичен и почти трансцендентен. Русский народный ум — ум Ивана-дурака, который совмещает простоту, наивность и, главное, опытность, которая переходит в народную мудрость, может быть представлен как главная сущность исторического процесса. Народный ум в самых трудных исторических коллизиях всегда побивал и изощренный интеллигентский ум и примитивное и тупое, но сильное государственное мышление. Русский народный разум субстанциален, кумулятивен, очень терпелив и адаптивен, он редко переходит в политическое или историческое действие, но если раз в столетие его активизируют, то остановить его будет уже достаточно сложно. Он как огонь своей стихией расплавит сложившиеся социальные формы, для того, чтобы еще раз указать на родовые, общинные и артельные формы самоорганизации на протяжении тысяч лет обеспечивающие жизненную силу, пробивающую самые каменные социальные, социально-экономические и общественные структуры, случайно вырастающие как некие организмы, необходимые государству, в условиях социально-эволюционного процесса.

Государственный разум противоположен народному. Его главная задача попытаться загнать в известные социально-правовые формы и схемы народную стихию, постараться упорядочить хаос. В этом смысле он по определению должен быть механизмом с жестким детерминизмом, игнорирующим тонкости разнообразия общенародного бытия. Руководство по простым схемам кажется всегда более эффективным, и государство очень часто оправдывает совершенные им «глупости» тем, что аппарат (чиновничество) слишком примитивно. Проблема, очевидно, заключается в том, что «историческая система» народ построена по образу и подобию сетевых структур, а государство вынуждено всегда быть

только иерархической структурой⁸¹. Государство как организованный социальный разум всегда ниже уровня имеющейся образовательной системы. В этом смысле государство — это страж верхнего уровня организованности, это постоянно действующий механизм разума. Понимая глубинный смысл нарождающихся государственных структур, древние мудрецы пытались сформулировать условия ограничения государственного самовластья (тирании) либо формами общинной культуры (как это видно в философии Конфуция), либо формами интеллигентского разума (приходом во власть философов, о чем говорил Платон). В этом можно увидеть различие в природе восточной и западной власти, и это тем более существенно, что российская власть настолько самодержавна в силу особых исторических обстоятельств (держания огромной территории), что даже двумя этими способами ограничения, действующими совместно, не может быть ограничена в безопасных для общества и народа размерностях. Формула «внизу — власть тьмы, вверху — тьма власти» точно отражает специфику функционирования российского дуумвирата коллективного разума.

Наиболее сложная форма коллективного разума — интеллигенция. Разум интеллигенции — это всегда расплавленная магма, которая, как из вулкана, может начать изливаться в любой момент. Она может быть обращена на пользу, но и наоборот — использована во зло. Разум интеллигенции предстает как сверхсложная конструкция, ибо он всегда представляет реальность как множество вариантов вербально-образных форм. В сложнейших социальных интерференциях виртуальных реальностей интеллигенции может быть и заключается «неприспособленность» интеллигенции ни к народу, ни к власти.

Если государство выполняет функции порождения структур (на основе традиции или права), то интеллигенция выступает в качестве генератора многообразных идей и смыслов. При этом конечно нужно учитывать, что и власть предрержащие и интеллигенция-интеллектуалы сами есть часть того народа, с которым они вместе живут в одной социально-экологической системе.

---

⁸¹ Проблема соотношения государства и гражданского общества именно так и предстает, ибо в ней всегда сопрягаются формы организации и самоорганизации, управления и самоуправления.

В этом смысле, если народ может быть представлен как человек, то правая его рука — это власть, а левая — интеллигенция. Такого рода антропологическая аналогия есть некое упрощение, но оно становится более продуктивным, если в нем учитывается и специфика асимметрии головного мозга. Страна в нормальном состоянии эволюционного и экологического развития всегда находит гармонию между тремя этими силами. Из российской истории XX века видно, что народ и интеллигенция в коллизиях советского строительства нашли общий язык, но между народом и властью, народом и интеллигенцией сохраняются противоречия. Нынешний сложный период российской истории связан как раз с тем, что современный государственно-монополистический капитализм в России еще более отдалил власть от народа, возродились те антагонизмы, которые в некоторой степени были преодолены в условиях государственно-монополистического социализма. По этой же причине произошло отстранение и интеллигенции от антинародной власти.

В басне И. А. Крылова «Лебедь, щука и рак» описана именно такая ситуация. Обычно ее понимали в контексте личного измерения, но этот сюжет носит ярко выраженный архетипический общественный характер: роль лебедя в этом случае достается интеллигенции, щука, как и положено, — власть, а рак — феномен, соответствующий сущности народа, сокрушающегося о необходимости двигаться в какую-то сторону, а не продолжать пятиться назад.

Как же в этом случае осуществляется модель кооперативности, возможно ли вообще осуществить в этом случае синергию? Главный приводной ремень коллективного действия трех систем разума — это образовательная система (школа-университет) и церковь (которая в некоторых случаях отделена от государства, а в других — представляют собой интегрированную или подчиненную структуру). Для Российской империи включенность церкви в государственную структуру оказалась весьма непродуктивной, ибо с одной стороны, церковь оказалась идеологически и политически подвластной бюрократическому аппарату, а с другой, — материальная поддержка становилась все меньше (значительную помощь церкви оказывали именно предпринима-

тели). В современных условиях церковь отделена от государства, но экономическая зависимость от него становится все сильнее. Таким образом, функция примирения антинародной власти и народа (как это всегда было в российской истории) оказывается вне сферы действия церкви. В условиях болонизации российской системы образования государство все больше отрывает от народа и образовательные структуры — и школу и университет. Университет в истории России сыграл колоссальную роль, подготовив великую социальную революцию в России в начале XX века. Обычно российской интеллигенции это ставится в вину, но история России конца XX века заставляет думать совершенно иначе. Проблема не в самой «негативной» интеллигенции, а во власти, которая пережила свое время, но не хотела уходить с исторической сцены.

Триалектика ноосферной истории

Формальная логика, диалектика и триалектика — таков гносеолого-эпистемологический треугольник, порождающий множество когнитологических парадоксов в освоении универсума истории.

Прежде всего, следует сказать, что мера сложности представления истории напрямую связана со сложностью конкретно-исторического устройства разума. Просто устроенный социум и человек будут ориентироваться на простые формулы экспликации истории, ибо задача истории чаще всего заключается не в том, чтобы найти истину, а в том, чтобы объяснить историю для тех, кто из нее никогда не будет делать выводы, ибо делает выводы сам для себя только из своей собственной истории жизни. Это самый эффективный способ самосохранения от медийного порабощения, предполагающий стремление к самовосхождению. Для сложного общества нужна сложная история, ибо теоретическая история более чем что-либо указывает на вариации возможных выборов — не только для общества в целом, но и для каждого отдельного человека. Таким образом, чаще всего в историческом сознании человека размещаются три измерения истории: «история», «История», «ИСТОРИЯ». История с маленькой бук-

вы — предстает как малая, видимая, конкретная история, которая порождает эмпирическое (нарративное) историческое сознание; История (с большой буквы) — всемирная, глобальная, общечеловеческая история, формирующая теоретическое историческое сознание, возникающее как некое структурирование известных фактов; ИСТОРИЯ (большими буквами) — большая вселенская, универсальная, социоприродная история, которая находит концептуальное сопряжение естественного и искусственного, человеческого и божественного, общественного и вселенского. На каждом этапе исторического сознания возникают свои собственные когнитивные парадоксы, порождающие различные исторические картины мира.

Классическая парадигма понимания истории утверждает, что у истории есть своя непреодолимая логика, что история развивается в соответствии с законами жесткого исторического детерминизма. Поиск законов исторического прогрессизма — ключевая задача исторической методологии первого уровня. Однако как оказывается на этом пути теоретика и методолога исторического процесса ждут значительные разочарования, ибо «исторические причины» практически всегда оказываются с коротким лагом действия: большие и глубинные причины прячутся настолько глубоко, что даже теологические когнитивные построения не в состоянии обнаружить те тонкие причины субъективности-антропологичности, которые связывают человека, живущего в земной среде, с его параллельным пребыванием в «среде божественной».

Неклассическая парадигма клиокогнитологии предполагает, что поводы и причины исторического процесса могут совмещаться настолько полно, что невозможно отличить человеческое от общественного, а значит, в конечном итоге, — отличить духовное от материального. В историческом процессе работают не одна, а сразу все пружины причин и следствий, ритмов и вибраций, форм и содержаний. Исторический монизм постепенно трансформируется с исторический дуализм и, наконец, в исторический плюрализм. Исторический факт оказывается невозможным отличить от исторической теории, а человеческий взгляд от научной парадигмы. Строгая иерархия методологии истории пре-

вращается в методологическую сеть исторической динамики, которая все больше становится похожей на историческую паутину, в которой бьётся очередная жертва когнитивного историографического коллапса. Поиск личности, которая отвечает за все, в этом случае заменяет железный закон поступи классической истории. Антропологический идеализм в исторической герменевтике почти всегда оказывается формой откровенного агностицизма, ибо мотивы действия исторической личности никогда не будут явлены на свет божий, ибо в них лишь на 1/10 проявлены видимые рациональные черты, а все остальное — иррациональное и бессознательное (т. е. подсознательное и сверхсознательное). Для неклассической истории присутствие бессознательного — непреложный закон когнитивного моделирования, что собственно и делает историю привлекательной для обыкновенного читающего или думающего человека. Именно в этой становящейся универсальной истории и обозначается корневой смысл бытия каждого человека как универсума истории, как полной причины исторического беспредела. Человеческое сознание как главная сущность собственно исторического процесса начинает проявляться с предельной очевидностью.

Так возникает третья модель исторической когнитологии — постнеклассическая история, в которой мировая природно-общественная синергия становится главным действующим лицом. На этом уровне теоретизирования более всего становится ясной роль интеллигенции, которая ищет и обозначает странные и нестранные аттракторы исторического развития предельного антропологического и антропосоциального будущего. Непостижимость поступковости в социальном универсуме становится формой не только антропологической эволюции, но и социоприродной коэволюции.

Постижение истории как видно из вышеизложенного предстает как стремление к когнитивной полноте, предстает своеобразным когнитивным циклом понимания расширяющейся реальности: так происходит расставание с простотой, так постоянно усложняется историческая картина разворачивающейся человеческой действительности.

Такого рода сверхсложность хоть в какой-то мере обеспечивает отмывание исторического сознания от государственнической искусственной и эгоистической мифологии и оставляет пространство для народной былины или героического сказа. Клиолика история гораздо сложнее, нежели просто сознательная (рациональная) или подсознательная (биоматериальная, животная) история, ибо за ней стоит не только вещественный или энергетический, но и, прежде всего, информационный (который следовало бы назвать духовно-семиотическим) процесс.

Триалектика истории проявляется не только в означенном «картинно-парадигмальном» измерении, имеют место еще и системная триалектика истории («вещь — свойство — отношение», «элемент — структура — концепт»), универсумная триалектика («человек — общество — вселенная»), теотриалектика («Бог — Человек — Вселенная»).

Современная российская историческая картина мира предстает как сложное пересечение государственного заказа на историю (который не в меньшей степени, чем в послереволюционную эпоху искажает объективную картину), народного понимания исторического процесса (которое фактически формирует современная постсоветская интеллигенция) и церковная история духовной жизни, восстанавливающая целостность этнонационального сознания. В силу такой поливариантности историческое сознание и историческая картина оказываются противоречивыми и мозаичными (о чем убедительно свидетельствуют социологические опросы во время интерактивных медийных встреч). Именно поэтому написание новой целостной российской истории требует значительных усилий не только в области сбора и обобщения эмпирического материала, но и обнаружения новых эпистемологических и когнитологических ресурсов.

Специфика триалектики истории связана, прежде всего, с уходом от субъект-объектной парадигмы в понимании исторического развертывания генетической структуры мира. Дихотомическая и диалектическая историческая когнитология порождает больше парадоксов, нежели собирает разбитый на осколки несовершенными социальными отношениями интенсивно эволюционирующий организмический мир. Универсальная история все

больше похожа на *историю универсумную*, в которой «атом» есть «эйдос», а «эйдос» является «атомом», в которой история человеческая не противопоставляется истории общественной, а общественная — рассматривается в неразрывности с естественно-природной историей.

Миф Платона о пещере применительно к историческому дискурсу может оказаться наиболее показательным, ибо современные «пещерные» исторические методологии подчас больше скрывают, нежели раскрывают большую триалектику истории — космическую репрезентацию разума в конкретных формах земной эволюции. История подчас предстает как история государства, как история общества и история церкви — и это тоже своеобразная триалектика, но, если можно так сказать, прагматическая триалектика. В таком взаимодополнении, на первый взгляд, отсутствует (пропадает) человек (и в этом есть некая несуразность), но у исследователя всегда есть возможность имманентного позиционирования человека как когнитивного и деятельного субъекта. Иными словами, триалектика истории есть лишь первый шаг от дихотомической простоты, за ним могут последовать и другие в соответствии с усложнением знакования исторического пространства (в той самой мере как оно усложняется при движении от четырехконечного креста к кресту шести- и восьмиконечному).

Триалектический дискурс исторического процесса в значительной степени есть следствие информационной революции, обозначившей себя в XXI веке: в формуле Н. Н. Моисеева «универсум — общество — информация» отчетливо просматривается информационная парадигма понимания исторического процесса. При этом следует заметить, что информационное искушение в контексте синергетической парадигмы (и универсального эволюционизма) — проблема не менее сложная, нежели искушение, зафиксированное формулой «любовь и голод правят миром». На этой поворотной точке синтетической методологии истории и возникают представления о ноосферной истории — истории глобальной, космопланетарной коэволюции сознания-разума.

Раздел V

НАРОД — ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ — ВЛАСТЬ

От разума власти к власти разума (1997). Самоорганизация и самоуправление: становление субъективного фактора ноосферной цивилизации (1998). «Организационная интеллигенция» и/или «идеократия» (1999). Народная интеллигенция и власть: философия социального советования и общественной синергии (2010). Философия государственно-олигархического монополизма и будущее страны (2011). Декабристы XXI века: Кризис бинарного бонапартизма в России (2012).

От разума власти к власти разума

Исторический опыт XX века показывает, что геополитическое, историческое, социокультурное развитие стран и народов все больше зависит от организованности власти, ее форм и способов функционирования. Разные формы власти имеют различный потенциал реализации культурной биогеохимической энергии, при этом отдельные конкретно-исторические феномены власти могут не только не вести к кумулятивности человеческой энергии, но и способны направлять ее на саморазрушение и разрушение социоприродного континуума.

Всемерное совершенствование организации власти, ее очеловечивание и онаучивание, в последнее время начинает обретать статус глобальной проблемы современности. Превращение иррациональных и нецивилизованных видов власти во власть Разумную (т. е. адекватную масштабности охватываемой ею реальности), а затем постепенное выращивание Власти Разума — ноосферной организованности планетарного социума — так видится перспектива становления глобального цивилизованного человеческого сообщества.

Сильная (и потому рискованная) аналогия между устройством «духовно-телесного целого» человека, этапами цефализации и сапиентации и формами организации власти в соединенном межнациональном социуме больше характерна для редуционистского мышления XIX века и тем не менее оправдана, ибо перед нами обозначают себя процессы самоорганизации живого и разумного вещества. Власть как нервная ткань пронизывает тело

социума и, в силу общих закономерностей развития мира, имеет свои этапы «цефализации»: от самых простых (родо-племенных) до современных сложнейших межнациональных и планетарных структур. XX век предложил широкий спектр самых разнообразных форм власти, продемонстрировал различные варианты построения отдельных участков «головного мозга власти», ее периферийной нервной системы, но доказал лишь то, что самые сложные тоталитарные системы значительно уступают организованности человеческого мозга. Он доказал также, что «механизмы власти» должны строиться по образу и подобию «организованности биосферы», ибо только в этом случае возможно говорить о коэволюции природы и общества, о самоорганизации ноосферы.

К сожалению или нет, но на сегодняшний день формы ноосферного движения человечества опосредуются в значительной степени властными структурами, и чем они сложнее по организации и устройству (устроенности), чем они профессиональнее, чем большими потоками информации, энергии и вещества могут управлять, тем значительнее (весомее) ноосферные или антиноосферные тренды современного цивилизованного развития.

Аналогия между развитием центральной нервной системы разнообразных форм живого вещества и развитием властных структур социума позволяет обозначить некоторые этапы и рубежи становления разума Власти, обнаружить зерно смысла, из которого может вырасти Древо истины.

Творчество В. И. Вернадского дает возможность значительно шире охватить процессы, происходящие в космопланетарном теле человеческой цивилизации. Главным агентом биосферы, фактором, превращающим биосферу в ноосферу, по Вернадскому, является научная мысль. Независимо от исторических условий и форм власти и даже, чаще всего, вопреки им, научная мысль преобразует планету. В то же время исторический опыт показывает, что любая власть использует научную мысль так, как это соответствует ее природе и сущности. При этом тонкая материя («нервная ткань больших полушарий социума») философии, искусства, религии и науки полноценно не охватывается властью Силы. Дисгармония власти Силы и Разума власти становится фактором деградации и умирания социокультурного континуума (как образовавшие

гося вида). Сердце Разума планеты бьется по законам космического исторического времени, поэтому в анналах мировой истории много дерзновенных попыток строительства сильных социальных организмов на различных геотнических субстратах — рождения и гибели великих империй. Изменчивость и видообразование властных организмов во многом зависят от мощности и организованности информационных и силовых потоков субстрата культуры. Процессы видообразования социумов идут с ускорением, и в настоящее время уже виден выход человечества на уровень глобальных информационных, энергетических и вещественных масштабов, что способствует синархии силы Власти и Разума власти.

Соединение двух этих противоречивых феноменов гарантируется и обеспечивается массивом мировой культуры и общечеловеческого сознания, в котором каждая национальная культура осуществляет соприкосновение с другими культурами. Самоорганизация ноосферы возможна лишь в результате функционирования Власти Разума. На рубеже тысячелетий единое Земное тело выстраивается посредством рынка⁸², т. е. фундаментального механизма саморегуляции и самоорганизации экологических, экономических, политических, социальных духовных процессов, оно становится единым живым и разумным организмом по имени Ноосфера, которая предстает в данном контексте как сфера Власти Разума.

***Самоорганизация и самоуправление:
становление субъективного фактора
ноосферной цивилизации⁸³***

Современная Россия находится на этапе разрушения одной общественной структуры и зарождения другой сверхсистемной социоприродной целостности, в основе которой лежат процессы самоорганизации и самоуправления.

Обращение к российской духовной традиции свидетельствует о том, что проблемы осмысления организменного и организационного единства мира и способов его организации и органи-

---

⁸² См.: Моисеев Н. Н. Восхождение к Разуму. М., 1994.

⁸³ Написано совместно с А. А. Цветковым.

зованности пересеклись в начале XX века. Это, в частности, проявилось в творчестве Н. О. Лосского (в теории «мира как органического целого»), А. А. Богданова (во «всеобщей организационной науке (тектологии)»), В. И. Вернадского (в «учении о биосфере»).

В работах В. И. Вернадского методологический перелом произошел в 1920—30-х годах, когда жесткий детерминизм уступил место релятивизму и стохастичности: ученый переходит от использования термина «механизм» к введению в оборот категории «организованность», в частности, применительно к учению о живом веществе и биосфере. В современной отечественной науке проблемы самоорганизации ноосферы затронуты в ряде книг крупного российского ноосферолога Н. Н. Моисеева.

В 1980—90-е годы, когда интенсивно развивалась синергетика, проблемы самоорганизации социальных и социоприродных систем стали перемещаться из сферы теоретических построений в область практической реализации. Важные стороны исследования путей ноосферного миропостроения хорошо демонстрирует связка понятий «самоорганизация и самоуправление».

Глобальные по своей масштабности процессы перехода биосферы в ноосферу, самоорганизации ноосферы, ноосферного миропостроения зависят от преобразования коллективным разумом совокупного цивилизованного человечества ноосферной реальности, что, в свою очередь, приводит к формированию ноосферного сознания и ноосферной деятельности — субъективного фактора ноосферы.

В современных ноосферных исследованиях о ноосфере ставился вопрос о взаимосвязке гносеологических и онтологических подходов, так как процесс становления ноосферы предполагает выявление его стихийного естественноисторического закономерного космо-планетарного характера. Сознание, научная мысль как планетное явление — важнейшие факторы становления ноосферы в то же время требуют сопряженности не только гносеологического и онтологического, но праксиологического и аксиологического подходов в области исследования антиноосферных и ноосферных процессов, происходящих в теле современной человеческой цивилизации.

В рамках современных методологических подходов (общей теории систем, синергетики как науки о самоорганизации неживого, живого и разумного вещества) одной из возможных форм корреляции онтологического и гносеологического подходов является возможность и способность субъективного фактора (коллективного разума человечества) улавливать еще только зарождающиеся ноосферные тенденции и существенно влиять на их развитие.

Социальные формы опережающего отражения, которые снимают актуальность генетических аспектов отражения, еще только начинают в полной мере использоваться для принятия правильных (ноосферных) решений. Философская проблема изучения субъективного фактора становления ноосферы, таким образом, требует анализа соотношения понятий *самоорганизация* и *самоуправление*. Традиционно эта проблема решается через призму стихийности и сознательности, при этом стихийное понималось как бытийно-онтологическое, а сознательное — как отражательно-гносеологическое: стихийное и сознательное как бы противопоставлялись. Действительная проблема состоит в том, чтобы найти пути наработки форм сознательной социально-практической деятельности (самоуправления), «аналогичных» формам «биосферной (стихийной) самоорганизации», наработанным природой за миллиарды лет.

Практика современной жизни цивилизации дает много примеров именно такого естественного развития социальных процессов. К их числу относятся сложнейшие технические системы управления, оснащенные современными информационными технологиями. Вместе с тем, все более проявляют себя различия между формами тоталитарного управления и современно-го самоуправления. Развитие общества в ноосферном направлении предполагает создание систем самоуправления, включающихся в более сложные системы на основаниях, характерных для живой природы. В этом можно усмотреть одну из самых значимых социокультурных предпосылок процесса перехода биосферы в ноосферу. Реально это означает абстрагирование власти от носителей власти.

Современная власть становится сложно организованным «компьютером», осуществляющим процессы оптимизации природных, экономических и технических систем и гармонизацию систем духовно-информационных. Государство в важных сферах

жизни общества теряет свои «властные» функции, а, значит, по существу, субъективно-задаваемые параметры отношения к объектам управления. Мудрость управления, таким образом, заменяется формами адекватного опережающего отражения. Поставленная проблема ноосферного самоуправления напрямую связана с методологическим принципом глобально-экологической жизни общества — «мыслить глобально — действовать локально».

Ярким примером совмещения научной и социально-практической деятельности является жизнь В. И. Вернадского, который строил образцы личностного и коллективного поведения «человека власти». Идея разумного управления обществом философами обнаруживала себя в самых различных проявлениях, однако каждый раз терпела поражение. Так получилось и в России в начале XX века: победа оказалась за простыми, но очень надежными и жесткими механизмами управления, которые, в конечном итоге, привели страну к управленческому коллапсу, застою и невозможности развития.

Ноосферная самоорганизация — это соединение биосферных процессов самоорганизации с опережающим отражением посредством самоуправления региональными и глобальными ноосферными комплексами, а «*ноосферный процессор власти*» в своей компьютерной архитектонике связан не только с опытом функционирования межгосударственных органов управления, но и включением (посредством технических средств) в управление ноосферной сверхсистемой каждого человека как единицы планетарно-цивилизационного бытия.

«Организационная интеллигенция» и/или «идеократия»

Одной из самых трудных теоретических проблем анализа становления ноосферы является выяснение единства стихийного и сознательного, субъективного и объективного в процессе перехода биосферы в ноосферу. С одной стороны, это объективный, не зависящий от сознания человека процесс, который разворачивается в Универсуме на человеческом субстрате при реализации вселенско-космических закономерностей. С другой стороны, любое сознательное действие может рассматриваться как стремле-

ние к предельному выражению своего бытия в расширяющемся хронотопе личностного универсума.

Проблема глобального управления в настоящее время превращается фактически в глобальную проблему современности. Один из возможных вариантов ее решения лежит на путях ноосферного понимания мира.

В российской традиции можно обнаружить два варианта разрешения этой проблемы: посредством реализации стратегий «идеократии» и «организационной интеллигенции». Отметим, что построенные по принципу дополнительности эти стратегии имеют различную интенциональность; первая — почвенническая, евразийская, вторая — западная, американско-ориентированная. Исторический опыт России последнего столетия показывает, что в условиях «соревнования» этих вариантов выделения сущностных сторон субъективного фактора доминанта постепенно сдвигается со второго на первый.

С этой точки зрения особую роль играет осмысление «организационной интеллигенции», которую как особый феномен выделил А. А. Богданов в своих последних работах⁸⁴. Он показывает, что формировавшийся в капиталистических странах в 20-х годах XX века *государственный капитализм* дает хороший пример для формирующегося *государственного социализма*.

«Новая форма, — считает А. А. Богданов, — предполагает прежде всего национализацию, по крайней мере главнейших и руководящих частей системы производства. Хозяйственное руководство буржуазной интеллигенции требует нового способа распределения прибавочной ценности, — тантьемно-премиальной системы, дающей спецам стимулы к развитию дела; иначе государственная промышленность застывает на бюрократизме. Богданов подчеркивает, что организационная интеллигенция имеет много недостатков: индивидуализм, карьеризм, "цеховая" ограниченность, но надеется на то, что "здесь-то и должна обнаружиться новая роль пролетариата, новый путь его воспитания, единого хозяина общественной системы". Это будет уже роль активного регулятора общественного хозяйства в целом, практика не частичного, а всеобъемлющего руководства им, хотя на де-

---

⁸⁴ Дело А. А. Богданова (Малиновского) // Вопросы истории. 1994. № 9.

ле оно будет удаваться, конечно, только в пределах соотношения сил пролетариата и противостоящих групп интеллигенции⁸⁵.

По своей сути «организационная интеллигенция» противостоит идеократии, хотя это противостояние носит скорее характер функциональной асимметрии. Идеократия — это духовно-организационная форма внутреннего миропостроения; «организационная интеллигенция» представляет собой важнейший фактор внешнего миропостроения. «Организационная интеллигенция» наряду с научной интеллигенцией в этом плане может рассматриваться как самый значительный фактор утверждения ноосферной реальности. «Организационная интеллигенция» — это своего рода элита государственных и муниципальных служащих, но в пределе оба эти термина дополнительные и позволяют осмыслить основные тенденции развития и стратиграфию управленческого класса в целом.

В настоящее время «организационная интеллигенция» существует «в форме» государственных и муниципальных служащих, что само по себе значительно снижает смысловую нагрузку мспользуемого термина. «Организационная интеллигенция» потенциально, и, до известной степени, имплицитно содержит в себе контекст единого неразрывного целого — планетарного управленческого фактора, возможность складывания которого возникает в связи с интенсивным формированием межгосударственных и международных (всемирных) структур типа ООН, а так же с созданием информационно-компьютерной континуальной среды обитания человеческой цивилизации.

Современный этап развития российской государственности и российского общества определяется последовательным планомерным решением проблемы взаимосвязи уходящей постепенно в прошлое квалифицированной идеократии классического партийного образца (партийной номенклатуры) и нарождающейся группы «организационной интеллигенции», которую на западе в течение долгого времени называют менеджерами.

Современное разбалансированное состояние ноосферы (как глобальной системы) вызвано, прежде всего, слабостью в структуре человеческой цивилизации именно организационно-

---

⁸⁵ Там же. С. 86.

управленческого компонента. Процесс перехода биосферы в ноосферу в современной России, обремененной множеством неразрешенных и неразрешимых экономических, демографических, экологических и социальных проблем, таким образом, представляется как процесс системной космопланетарной биосферно-цивилизационной (ноосферной) самоорганизации, опосредованной деятельностью «организационной интеллигенции» и современной идеократии евразийской ориентации.

***Народная интеллигенция и власть:
философия социального советования
и общественной синергии***

Реформа власти буксует. Этот вывод следует из выступлений Президента, из статей, появляющихся в федеральной и местной печати, из неуклюжих попыток второго издания КПСС, из обсуждаемых в оппозиционных газетах примеров криминального подавления гражданской инициативы и социальной активности. Неблагополучие видно невооруженным глазом каждому живущему и пытающемуся что-либо сделать для обеспечения своего эффективного и защищенного существования. Разрешение противоречия между властью-насилием и властью-авторитетом не просто дается современному российскому обществу, неожиданно оказавшемуся в условиях системного кризиса. Современный социально-властный коллапс возник в результате непреднамеренной потери ориентации, краха постсоветской целерациональности, вызванной «пагубной самонадеянностью» (Ф. Хайек) и нежеланием «расставаться с простотой» (Н. Н. Моисеев): новая псевдо-либеральная власть при вхождении в современный государственно-монополистический капитализм (Р. И. Хасбулатов) в полном объеме повторила все основные заблуждения «природно-ресурсного» властно-государственного мышления старого государственно-монополистического социализма.

Видя, что власть находится в состоянии близком к коме, некоторые политики и социальные мыслители видят спасение в реликтовых формах социального управления, характерных для человеко-затратных властных технологий (возвращение стали-

низма, возрождение имперскости). Думается, что более адекватные решения должны быть найдены в иных исторических формах — формах народного бытия, ставших, в силу целого ряда обстоятельств, предметом почти археологических изысканий.

Сложность переосмысления развития России связана еще и с тем, что нынешняя власть дезориентирована в значительной степени мировоззренчески и философски, ибо исходит из парадигм власти, не свойственных для российского народа, в душе и сердце которого живет корневая память личной и национальной свободы. Парадоксально, что творцы современной «национальной идеологии» не видят неразрывной связи между 4 и 7 ноября. И в том и в другом случае отчетливо имела место фабула народной самоорганизации в условиях затянувшегося кризиса «верховой власти». Если правящие структуры (власть предержажие) оказываются на обочине бурно развивающегося процесса, то неизбежно как ураган или смерч проявляет себя народная (вечно-вечевая) форма народовластия. Игнорирование государственными структурами 100-летия российских советов может рассматриваться как сигнал, что власть теряет ощущение российской реальности и создает для себя очень сложную социально-шахматную позицию.

Почему же в бывшей стране «трудового народа» столь незащищенным оказался именно низовой человек, и какими последствиями это чревато для страны и для власти? Это не самый последний вопрос *социальной философии, прикладной социологии и философской гуманистики* сегодняшнего дня. Опыт XX века дает обширный материал для осмысления как регионального, так и общероссийского измерения этой проблемы.

Столетние циклы российской истории. Прошедшее незаметно для российского общественного сознания 100-летие с момента возникновения «первых» (уральского и Иваново-вознесенского) Советов в России весьма важный и достаточно тревожный знак. Небрежение псевдодемократической власти по отношению к общественной (народной) самоорганизации (в том числе и в форме гражданского общества) вновь станет фактором накопления внутренней деструктивной (разрушительной) силы, взрыв которой в очередной раз может стать неуправляемым.

«Первые советы» на самом деле совсем не первые, ибо вся история России — это фундаментальная история советов, обна-

руживавшая себя в разных формах, подчас самых неожиданных (это и Боярская дума, и «Совет в Филях»; это и Государственный совет, и заводские советы, и советы общегородские). Не забудем и об архетипической знаковости «триумфального шествия Советской власти» в России — народного этапа Великой социальной революции — и о том, что советская власть определяла развитие страны в самых тяжелых условиях внутреннего и внешнего давления.

Советы — универсальная форма российской народной власти, хотя вряд ли будет ошибкой сказать, что тот социальный механизм, который стоит за «советами», является универсальным механизмом не только любой реальной власти, какими бы словами он ни назывался в действительности, но и абсолютной формой социальной самоорганизации. С точки зрения современных синергетических представлений, «совет» — это коллективное действие, предшествующее «точке бифуркации», т. е. выбору стратегии дальнейшего развития общества, оказавшегося в вилке альтернативы. «Совет» всегда формирует «аттрактор» потребного будущего, он всегда — «духовно-разумно-рациональная сила общественного тяготения» к сборке новой социальной структуры, когда старая система предчувствует свое разложение («диссипацию»).

В каждой территории рождаются свои модели не только «простого человеческого», но и социального гуманизма, которые затем проходят проверку на выживание в провинциальной, столичной и глобальной жизни. В «иваново-вознесенском анклаве хранителей старой веры» формировалась своя особая форма народной жизни и социального выживания. Рождение общегородского совета в Иваново-Вознесенске — факт общеисторического и социально-гуманистического содержания, приобретающего все большее национальное значение. Прежний «социалистический гуманизм» в своей основе имел экономический принцип «массового равенства», он формировал своеобразную философию «гуманизма равенства» для интенсивно растущего «пролетарского слоя», превратившегося позднее в класс рабочих, а затем в «класс трудящихся». Именно по этим знаковым социальным ностальгиям человека «советского периода» и могут быть реконструированы хорошо себя зарекомендовавшие формы «народного гуманизма», который можно было бы назвать и «реальным гуманизмом»,

если бы потребовалось общекультурный феномен перевести в философское пространство. Региональная история Иваново-Вознесенска вывела на поверхность феномен потаённого народного демократизма, проявившего как положительные, так и негативные стороны реального народного гуманизма, имеющего свои корни в исторических глубинах родовой и общинной жизни.

Привет, Совет, Навет, Завет — однокоренные слова. Говорят, что хорошо знакомое нам «видеть» и «ведать» происходили от названия древнеиндийских священных книг «Вед». «Ведать» — значит приобщаться к истине, «находиться в неведении» — выпасть из вселенского контекста. В этом смысле «совет» — это *совместное ведание*, совместное понимание, совместное «проведение социального эксперимента» для решения общей сложной проблемы. Такое «держание совета» определяет и совместность решения и посильность его выполнения. В этом то и заключается, на наш взгляд, универсальность и уникальность этой социальной процедуры самоорганизации: равное участие в принятии решения и равная ответственность за его последствия.

Но есть еще один аспект «со-звучия»: в русском языке «со-вещаться» и «советоваться» весьма близки по смыслу и этимологически. «Вещать» (от «вече») и «ведать» («совет») сопряженные социокультурные формы. Филологи вряд ли согласятся с такого рода «этимологическими упражнениями», но на «материке» археологических раскопок слов-смыслов эти «логосы» находятся очень близко.

В феномене «со-вета» есть еще один — совсем удаленный смысл: «наложить вето» (запретить) — придает процедуре «совето-вания» смысл совместного запрещения (не разрешения), а это уже выход в среду современной «конфликтологии».

Культурологический взгляд на Первый общегородской совет рабочих. Историки говорят, что представить факт в его уникальности невозможно, но почувствовать эпоху нутром всегда можно, если оказываешься в пространстве месторазвития⁸⁶. Понимать историю столетней давности — задача непростая, но так сложилось, что российская история идет фактически столет-

---

⁸⁶ Этот термин придумали евразийцы для того, чтобы показать неразрывность человеческого бытия и природной среды обитания.

ними циклами, поэтому, оказавшись в том же месте, словно перемещаешься во времени и понимаешь, что культура — это генетическая связь, от которой невозможно отстраниться. Итак, культурологический взгляд на великие события Иваново-Вознесенской (и даже больше — общероссийской) истории.

Советы в Иваново-Вознесенске — это нереволуционная, соответствующая российской народной ментальности форма организации (реорганизации и самоорганизации) материальной и духовной жизни рабочего города, выросшего на социальном субстрате крестьянского и старообрядческого жизне-бытия, обеспечивающая преодоление политических, классовых и экологических противоречий, возникающих между различными слоями общества в условиях интенсивного техногенного, экономического и социального развития. «Университеты на Талке», породившие Совет, — это первые шаги взрыва пассионарности, охватившей огромные слои российского рабочего населения. В этой связи важно сплетение феноменов «университета» (образования) и «советов» (самоуправления и самоорганизации). Культурный пафос общегородского Совета имеет два смысла: во-первых, он вытекает из всей предшествующей культуры региона, во-вторых, определяет естественность культурного роста (вырастания в будущее). Многие другие советы, возникшие в России, вырастали из тех же общинно-религиозных корней, но не обладали той интегративной культурностью, которая породила столь мощный феномен общегородского социального самоуправления.

«Социальное советование» как универсальный архетип российской жизни. Процедура взаимосоветования уникальный коммуникативный акт, который способствовал эволюции социальных форм бытия. Для всех ранних форм простых человеческих коммуникаций были характерны моменты естественной самоорганизации. Единосообщество само определяло специфику «перекачивания» информации от старейших к молодым в процессе вызревания экологических взаимодействий в локальной системе «человек — общество — природа». Иерархичность общества определялась сложной динамикой силы физической силы и силы духовной силы, т. е. ума. Для традиционных обществ, где не надо было выстраивать сложные преграды (огороды) для защиты своего нера-

венства от других людей, там «советские отношения» являлись самыми органичными формами межличностных коммуникаций.

Современный архетип «социальных советов» («социально-го советования»), имевших на протяжении тысячелетий разнообразные формы («родовое советование», «семейное советование», «клановое» или «классовое» советование, государственное советование»), теперь приобретает ноосферный смысл (когда сплетаются научное и культурное советование).

С философской точки зрения, советование — универсальная процедура постижения «правильных аттракторов» — оказывается сродни конфессиональным эпистемологическим формам. В ней достигается убедительность в коллективной истине для всех участников. Диалог (дискуссия) по сравнению с советованием — более элементарные формы постижения истины (тем более, что эта истина носит заведомо социально ориентированный характер). Этот вывод для нас важен именно потому, что совмещает феномен образования («университеты») и управления («советы»). Советы на уровне университетского образовательного пространства и есть «ноосферная форма» советов вообще.

Конечно же, процессы народной самоорганизации (в формах народных возмущений) имели широкое распространение не только в Иваново-Вознесенске. Стачки имели место, например в Орехово-Зуеве, где также развивалась текстильная промышленность, но таких форм, похожих на народное самоуправление и народную самоорганизацию, там не возникло.

Хорошо известно, что первые заводские советы как форма локальной власти возникли на Урале в зоне металлургического промышленного производства, где, судя по всему, также проявили себя формы народной общинной жизни, востребованные тогда, когда социальные флуктуации (социальное, экономическое, экологическое, политическое напряжение) сделали свое разрушительное (диссипативное) дело.

Иным словами стихийное хаотическое движение не переросло в стихийное упорядоченное развитие. Социальные процессы начала века в полной мере отвечают возможностям той методологии, которая возникла во второй трети XX века — синергетическому подходу.

Иваново-Вознесенский совет — это проявление феномена «общего дела», говоря современным языком — общенародного дела. Если раньше в России формы теневой власти вырастали на субстрате «вечевых» (новгородских) традиций, о чем в своих работах ностальгически поведал палехский художник В. М. Ходов, из запорожских традиций, об особенностях которых хорошо известно из повестей Н. В. Гоголя, то иваново-вознесенский совет возник не только как форма реализации экономических требований (т. е. фабричной, производственной организованности), но и как форма глубоко и тайно хранимых древлеправославных традиций.

Вообще 1905 год и открывается неожиданными формами активности церкви⁸⁷ в организации и управлении низовой народной активностью. Вот эти зачатки самоорганизации и стали посылами («предпосылками») повсеместной народной самоорганизации в различных формах, соответствующих социокультурным особенностям территорий. В социальном котле Российской империи стало зашкаливать давление народной жизни, требовавшей конструктивного выхода. В этой связи возникновение Первого общегородского совета стало уникальной формой народной (крестьянско-рабочей с элементами общинной и церковной традиций) самоорганизации, давшей возможность мирными (невооруженными, хотя и силовыми) путями решать практически все назревшие вопросы.

Об особом характере Иваново-Вознесенского совета, его вписанности в культурологическое измерение жизни регионального сообщества говорит тот факт, что он возник и существовал в особый промежуток времени. Революционные события в России обычно происходят в зимне-весеннее или зимне-осеннее время, однако Совет создается тогда, когда заканчивается Великий Пост и наступает Пасха (как воскресение Христа и как возрождение народной надежды на лучшее устройство своей тяжелой производственной и бытовой жизни), а заканчивается с наступлением другого уже летнего поста. Не в этом ли та религиозная подоплека, на которую мало обращали внимание историки, рассматривавшие историю Первого общегородского совета с позиций ленинской (пролетарской) историографии и методологии.

---

⁸⁷ Поп Гапон, как теперь известно, с одобрения царской охранки, повел рабочих на поиски народной правды.

Думается, что если в событиях января 1905 года в Санкт-Петербурге религиозное сознание сыграло свою не последнюю роль, то в глубокой провинции его с еще большим основанием нельзя сбрасывать со счетов. Но специфика иваново-вознесенских событий обнажила внутренние механизмы старообрядческого ментального порядка, который прятался за внешними формами фабричного порядка. «Закон и благодать» как это ни странно — своеобразная логика отнюдь не «революционных», а естественных для рабочих и крестьян форм советования о дальнейшем течении жизни своей. Может быть, в том и уникальность Совета, что во время его существования не произошло ни одного серьезного преступления (террористического акта или тем более убийства хозяев или стражей порядка), поэтому и царская (губернская) власть долгое время не реагировала посылкой значительных карательных сил для подавления народного действия, ибо оно носило не столько характер «беспорядков», сколько форму хорошо слаженного действия «мирного диалога» между верхами и низами иваново-вознесенского локуса.

Культурологический смысл русской революции начала XX века. Великая Русская социальная революция в действительности предстает как великая российская культурная революция, т. е. одновременно революция в науке, философии, религиозной и художественной жизни. При этом, очевидно, ключевую роль играл именно религиозный фактор: противоборство языческого, древлеправославного и новоправославного архетипов экзистенциального и классового бытия. Доказательство этого тезиса требует глубокой проработки, но уже сейчас отчетливо видно, что существующая интерпретация российской истории мало кого устраивает. Более того, оказывается, что традиционные классовые и социальные подходы предлагают такие примитивные схемы исторического развития, что выводы, которые из так составленной истории делают представители власти и политических партий, оказываются деструктивными для самой страны. Руководители страны, которая пережила такую гигантскую революцию, не должны никогда забывать, что забвение правящим и господствующим классом (по причине инородства или по причине обыкновенной жадности и глупости) своих обязанностей по отношению к своим братьям меньшим, к своим товарищам и со-

племенникам, чаще всего приводит к смутам (которые, очевидно, и есть первые русские революции) и к горячим и холодным (как в период перестройки) гражданским войнам.

Для российской истории, которая текла всегда медленнее и неравномернее, чем в западноевропейских странах или северной Америке, феномен социальной революции до известной степени должен выглядеть удивительным по случайности феноменом. Во-первых, в силу того, что поздняя отмена крепостного права привела к особой форме патриархальности во взаимоотношениях между верхними и нижними в усадебном хронотопе бытия. Во-вторых, потому, что в силу огромной территории страны возникает «историческая инерция».

В России в значительной степени сложился феномен столкновения культур: между *интеллигентской* российской культурой, выросшей на субстрате усадебного существования в условиях самодостаточности и взаимодополнительности верхов и низов, *государственной* культурой (фактически петербургской — инородной для России управляющей и насилующей этнонародное «живое и разумное вещество» населения неразумной и деспотичной силой самодержавия) и *народной* культурой (по своему понимающей смысл своего природно-родового существования в создании главных материальных и духовно-нравственных, а фактически религиозных, ценностей этнонационального евразийского сообщества). Это этно-культурное столкновение прекрасно понимали и методологи материалистического направления: В. И. Ленин говорил о двух культурах в рамках единой русской культуры. Однако, этот «культурологический подход» носил ярко выраженный классовый смысл, что приводило фактически к потере полноты культурологического понимания происходящих в действительности исторических процессов. Дихотомичность в культурологии широко распространена, но как показывает опыт современных философских и культурологических дискурсов, выходы на тернарную методологию дают более продуктивные результаты.

Столкновение трех культур: «культуры госвласти», «культуры народа» и «культуры интеллигенции» при интенсивно развивающихся общественных отношениях — привело в условиях мировой войны (как причины усиливающихся флуктуаций в ма-

териальной и духовной жизни общества) к огромному социокультурному взрыву, который разметал по белому свету и властную российскую элиту и российскую (а надо было бы сказать «евразийскую») интеллигенцию. Российское государство, устроенное по «варяжским» калькам, рухнуло, как и иерархическое устройство имперского самодержавия (самодержавия). Статично классически (в рамках модели жесткого детерминизма, соответствующего эпохе Просвещения) построенная форма власти в условиях исторических вихрей оказалась неэффективной перед народной самоорганизацией, нарабатывавшейся веками в формах общин, народных артелей, ватаг, шаек и т. п. Пришла в расплавленное народной лавой историческое пространство анархическая народная сила, которая, правда, по своему культурному уровню, еще не готова была управлять гигантской страной. Поэтому новой — большевистской — тоталитарной власти пришлось брать пример с власти прежней⁸⁸. Новая деспотическая «партийно-народная» власть вынуждена была для сохранения и расширения геополитического пространства железной рукой подавить все поползновения родившейся в бурях исторических событий начала XX века советскую власть как прообраз народной власти достаточно образованного и культурного сообщества рабочих, спецификой трудовой деятельности организованной до вышколенности. И пока не произошло разрушение мировой социалистической системы, коммунистический тоталитаризм оставался единственной силой, давившей народную силу, которая не только победила в Отечественной войне 1941—1945 годов, но и после нее восстановила разрушенное народное хозяйство.

Для современных культурологов чрезвычайно важно понять природу этой гигантской силы, которая выжила и вышла «из-под глыб» не только в условиях царского самодержавия, но и безжалостной тоталитарной технократической власти «сталинского уицраора». Это, прежде всего духовная сила народного бытия в единстве с природой и с Богом. Это сила архетипов не только языческой, но и старообрядческой веры, которые таились под спудом внешне красивой одежды новой веры, служившей,

---

⁸⁸ Не случайно Сталина называют не только азиатским деспотом, но и советским императором — вторым изданием Николая I.

прежде всего, государству (и естественному или искусственному господствующему классу — дворянско-помещичьему или партийному). Чего в этой силе больше — телесно-соматического языческого или духовно-божественного древлеправославного — сказать невозможно, да, наверное, и не нужно, ибо обе эти силы питали и питают друг друга и во времена спокойного роста и во времена тяжелейших смертельных испытаний. И все-таки естественно-природное (точнее сказать персоналистическое и экзистенциальное) древлеправославное бытие с Богом можно рассматривать как стержень российской культуры (культурности), в которой религиозная составляющая (вера) всегда являлась доминирующей (не независимо от того была ли она языческой, христианской или коммунистической).

Фактически феномен коммунизма (иностранный термин только затуманивает действительный смысл этого социокультурного феномена) предстает перед нами в качестве сложнейшего взаимопересечения глубинных космических архетипов, в которых совмещается не только первобытная общинность и артельность (которая только и позволяла выжить сообществу в жесткой природной среде), выросшая в товарищество и коллективизм (кооперативизм), но и богодуховность, проявившаяся в славянской свободе, непокорности, сохранении человеческого достоинства в самых тяжелых обстоятельствах. Человек северного евразийского пространства сотни тысяч лет вырабатывал в себе эти необходимейшие качества, которые вдруг оказались востребованными не в борьбе с природой за выживание, а в борьбе с другими социальными и культурными силами, оказавшимися рядом и в силу исторической логики испытывавшими на прочность этногенетические ресурсы евразийского человека. Некоторые современные историки предвещают гибель этому этносу, но вопрос о бесконечной силе евразийских архетипов в российском этносе еще не предрешен и его могущество еще окончательно не испарилась. Не об этом ли заставлял задуматься нас Л. Н. Гумилев?

До настоящего времени современная историография ставила задачу соединить разорванную российскую и советскую историю, теперь встала задача соединить разорванную советскую и российскую историю, посмотреть на евразийскую историю во всей ее целостности, начиная с самых древних ее этапов и вплоть

до настоящего времени. Такая история и есть ноосферная история российского евразийского этноса.

Старообрядчество и народные советы. Возможен ли иной, нежели традиционно-идеологический, взгляд на события, происходившие в уникальном «ситцевом» пространстве российского экспоненциального роста. Многообразие исторических дискурсов, возникших в последнее десятилетие дает к этому существенные основания. Предисловием к новому — широкому — пониманию событий первых двух десятилетий XX века в России служат идеи о возможности великой социально-культурной трансформации, зарождавшейся в России, которая, к сожалению, в силу трагических исторических коллизий стала лишь великой социальной революцией. Культурологическое измерение великой русской революции в последние годы обретает и ярко выраженный религиозно-конфессиональный смысл. Исследования по проблеме «большевизм и старообрядчество» обнаруживают поразительное созвучие трудо-уравнительного характера русской социальной революции и смысла старообрядческого миро-бытия, обретавшегося в традиционализме, порядке, добротности, общинности, скромности в потребностях, простоте быта.

Русская революция вообще может быть представлена как форма возвращения старообрядческих архетипов под внешними «одежными» формами атеистической марксистско-ленинской религиозной идеологии «светлого будущего», как религиозная (мировоззренческая) война, вызванная тем, что огосударствленная помпезно-богатая и разлагающаяся православная религиозная организованность окончательно оторвалась от интересов и судеб страны, вошедшей в эпоху радикальных научных и промышленных изменений. «Народная расправа» над официальной религией потому и оказалась столь возможной и скорой, что мировоззренческие архетипы народного сознания оказались задавленными обязательными отправлениями неискреннего культа. В этом ключе и следует переосмысливать события столетней давности, происходившие на реке Талке. О. Л. Шахназаров пишет: «Легально действовали в царской России прихожане подконтрольной "единоверческой церкви". Полулегально — белокриницкие "поповцы", которые также имели традиционные храмы. Нелегально — "беглопоповцы", которые принимали священников, перешедших

от РПЦ, и имели свои тайные моленные, и "беспоповцы", которые выбирали своих наставников из числа мирян и *создавали свои Советы* (выделено мной. — Г. С.) в жилых домах, на квартирах, в заводских цехах»⁸⁹.

Рождение общегородского Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске, который издревле считался городом старообрядцев, где очень сильны были традиции древлеправославной веры, — это сложная историческая проблема и почти необъяснимая культурная форма. Сейчас для современного человека практически невозможно представить, как чувствовал себя старообрядец в официальной православной культуре, которая была одновременно и своя, и не своя.

Так, очевидно, чувствовал себя советский диссидент, который придерживался марксистско-ленинской веры в социальный прогресс и обнаруживал, что он оказывался в «расколе». Сталинская тоталитарно-социалистическая вера расправлялась с представителями «старой ленинской веры» с не меньшей жестокостью, чем никонианская власть расправлялась с раскольниками XVII века. Может быть, в это время и начиналась другая вера: Россия, ходившая крестным ходом с иконой, стала готовиться выйти в ночной дозор с топором.

Публикации в исторических журналах последних лет все более подталкивают к тому, чтобы видеть корни «невооруженной» революции в Иваново-Вознесенске (и в 1905 и 1917 году) в особом старообрядческом строе города, в котором оказывалось, что хозяева и рабочие были связанными более крепкими узами, нежели рабочие и государство и даже «хозяева» и государство⁹⁰.

Современная модель понимания «революционного» настроения рабочих Иваново-Вознесенска оказывается очень далекой от традиционной «большевистской» модели событий. Причинами социального недовольства, как доказывают некоторые ивановские краеведы, стали не только экономическая ситуация, но и экологическая обстановка, а также особая культурная (религиозная) среда

---

⁸⁹ Шахназаров О. Л. Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 75.

⁹⁰ См.: Таганов Л. Н. «Ивановский миф» и литература. Иваново, 2006; Шемякин О. Л., Шемякина О. Д. Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации // Общественные науки и современность. 2006. № 2.

— наследие старообрядческих общинных традиций (в частности особая система ценностей), что требовало своей легализации в новой социальной и техносферной действительности. Для переосмысления «советского феномена» очень важен факт социального и экономического кооперативизма, который проявился в событиях, произошедших в тогдашнем безуездном городе.

Заметим, что само время функционирования Совета во многом определяется не столько возможностью выживания в теплые весенне-летние месяцы, сколько временем между постами в «календарной сетке» православного бытия. Нельзя не упомянуть и об альтернативной рабочей культуре, характерной для возникающих Советов: Ф. Афанасьев («Отец») устраивал для рабочих так называемые «Чайные», формируя тем самым антиалкогольную культуру, корни которой берут свое начало в старообрядческой жизни⁹¹.

Мировоззренческий смысл старообрядческих архетипов. Самые древние структуры сознания человека связаны с религиозным отношением человека к миру. Например, языческие культы существовали на территории замосковского края (от Владимира до Волги по руслу рек Клязьма, Ока) как минимум 20 тыс. лет, о чем свидетельствуют Сунгирские находки стоянки древнего человека недалеко от Владимира.

Двадцать тысяч лет человека связывали с природой формы сакрального обожания, ибо от поведения природы, от ее настроения (т. е. погоды), от ее отношения к человеку зависела вся его жизнь и даже смерть. Это — абсолютное почитание сил природы как живого и разумного существа. Сейчас трудно и почти невозможно сказать о формах понимания древними людьми современного типа смысла сознательности и разумности, но ясно, что это было связано не только со способностью изготовить орудия труда и сунгирских лошадок, но и с умением понимать природу, вживаться и вчувствоваться в нее, что и давало человеку те качества, которые способствовали коэволюции человека и природы, порождению и восхождению человеческого сознания.

Фундаментальные архетипы наиболее сильно сохранились в людях, которые проживали на территории традиционного хо-

---

⁹¹ Вспомним и «сухой закон» во время действия Совета на Талке.

зйства, определявшегося, прежде всего, способностью природы родить средства жизне-бытия человека. Собираательство, огородничество и охота, изготовление утвари и «примитивные» (самодельные) формы искусства — это те «страсти», которые в современном россияnine более всего свидетельствуют о древних пластах его сознания в формах отношения к природе. Когда сейчас речь идет о спонтанном проявлении удивительных художественных способностях у сельских жителей (в Палехе, Холуе, Юже, Юрьевце, Меховицах и других селах и деревнях), то в этом можно усмотреть «просьпание» очень древних пластов сознания, связанных с древнейшим неолитическим и даже палеолитическим художественным промыслом. Природное художничество или художественное природничество — один из самых ярких пластов палеосознания, сохранившихся в формах современного человеческого бытия-сознания (если понимать его как *тождество в сопряженности* микрокосма и макрокосма, божественной и человеческой вселенных).

Изобретательность и талантливость человека, проживавшего на территории рискованного выживания, — это фактически следствие непрерывного поиска ответов на труднейшие вопросы самосохранения и умения находить эти ответы в экстремальных условиях и короткие сроки. Коллективные формы бытия русского человека (община, артель, колхоз) — это фактически реликтовые программы его поведения в условиях экстремальной природности, сохранившиеся вплоть до настоящего времени. Для современного человека до сих пор (уже в туристических формах) сохранилась способность вспоминать радость первобытного бытия, во всей его стихийно-природной простоте. Культура растворения в полудикой природе может рассматриваться как главное качество российского этноса, проживающего на территории в самой сильной степени разнородной и разнообразной в климатических, ландшафтных, зональных, экологических и даже тайно-вселенских формах.

М. М. Пришвин показал, как живут эти древнейшие мифы, которые, к сожалению, в условиях технопрогресса не только интенсивно терялись, но и вымывались из культуры, в силу того, что могли подчас передаваться только в формах невербального общения, сакрального прохождения по «тайной» территории, о которой невербально — киноязыком — поведал А. А. Тарковский в фильме

«Сталкер». Существование палеосознания в нашем современном сознании факт известный, но не осознаваемый в мощной глубине своего воздействия. Русского человека в условиях криминальной (по отношению к природе) техногенной цивилизации как обезьяну выучивают поведению, во многом не адекватному той великой культуре отношения к природе, которая была характерна для древнего человека и не в меньшей степени еще жива была в русском крестьянине даже начала XX века. Фактически мы еще живем отзвуками природного палеосознания, хотя и стараемся не замечать этого и постепенно вытравливаем в себе это уникальное и нужное для любой органичной культуры свойство⁹².

Таким образом, культурное пространство современного бытия связано не столько с противопоставлением материального и сознательного (как это характерно для «старой» философии), но, прежде всего противопоставлением телесного (организменного) и разумного (умно-духовного) измерений, которые в действительности и в культуре никогда не разделяются, но существуют вместе.

Древлеправославные формы христианства вбирают в себя огромное количество именно этих глубинных реликтовых пластов сознания и, может быть, именно поэтому Никоновская реформа похожа на современные «болонские процессы». Латинизация и выхолащивание природно-вселенского в человеке — вот ближайшие последствия не только новых редакций сознаниевых текстов, но и художественных семиотик. Никоновская реформа в конечном итоге «пристегнула» Россию к европейскому пространству, но при этом огромное количество людей внутренне (на архетипическом уровне) осталось верно старой вере. Во многом современный ренессанс древлеправославия объясняется стремлением к восстановлению тех тонких конструкций, которые были пронесены через самые тяжелые испытания не только культурного и социального, но военного характера.

---

⁹² Например, в Японии сохраняются оба способа помещения себя в мирбытие: синтоизм представляет собой именно такого рода природный пласт человеческого сознания, который является материком для вырастания на нем монотеистических религиозных форм, основанных на примате понимания природы не как организма, а как человеческой способности быть духовным.

Важнейшие особенности древлеправославного типа жизнебытия связаны с тем, что человек имеет прямое (такое же, которое он имеет к природе, где живет и не может из нее уйти), а не опосредованное (через священника и церковь) отношение к Богу. Это и есть *первая* и, пожалуй, самая существенная черта. Разновидность «поповцев» и беспоповцев лишь подчеркивает эту характерную черту субъект-субъектности такого рода религиозного отношения. Личностное отношение к Богу — это самое сокровенное и неотъемлемое право человека, живущего по совести⁹³.

Вторая характерная черта — возможность (и даже неизбежность) домашнего отправления культа. В доме богатого старообрядца всегда была спрятанная подальше от глаз людских комната — моленная (намоленное) пространство. Все стены ее были увешаны старыми иконами, и человек, помещенный в это пространство, оказывался под сильным воздействием топологии Духа. Храм (тем более Великий храм) бесконечно расширяет (экстериоризирует) библейско-вселенское пространство, моленная комната, наоборот, делает это пространство открытым вовнутрь (интериоризированным) и тем самым, быть может, оказывает не меньшее воздействие, чем храм, подобный Исаакиевскому собору и Храму Христа Спасителя. Не будет большой фантазией сказать, что бурыйлинский музей как культурная форма представления (экспликации) Духа вырос именно на этой основе генетической памяти вековечных старообрядцев. Музей — это своеобразная кладовая Духа, которая построена не «скупым», а «щедрым» рыцарем, — рыцарем духа и культуры⁹⁴.

Третья черта — неподчиненность государственному насилию. Фактически русский природный анархизм своими глубинными истоками имеет именно это антигосударственное настроение. Петровское государство («государство медного всадника») строится на европейских традициях права-закона, а старообрядческая модель общественного бытия строится на самоорганиза-

---

⁹³ Такого рода отношение было характерно для эпохи Возрождения, и, думается, для русского Предвозрождения, что видно на примере бого-отношения, характерного для Сергия Радонежского в формах его общения с лесом, водой, медведем и птицами.

⁹⁴ См.: *Смирнов Г. С.* Зеркало вселенского бытия: музейный мир Д. Г. Бурлыгина // *Наша Родина — Иваново-Вознесенск*. 2006. № 1.

ции посредством закона-благодати. Не случайно феномен насаждения древа государства российского имеет тройственную семиотику: природническую (государство вырастает как дерево), духовную (влага питает дерево, а дух государство), деятельностную («организационную»: государство крепится единством двух властей материальной и духовной). Принципиальное различие между этими моделями общественного устройства определило и различие между царской и императорской властью: властью по законам жесткого детерминизма и модели мягкого детерминизма и социальной самоорганизации, которая проявляется в формах артельности, коллективности, кооперативности.

Четвертая важная черта — это культура усмирения своих материальных потребностей в пользу своих ближних и дальних соплеменников и во имя Божие. Н. М. Никольский отмечает, что купцы-старообрядцы были более богатыми, нежели их «никонианские коллеги», а сам старообрядческий капитал оказывал весьма сильное влияние на государство и общество⁹⁵. В то же время и вознесенские старообрядцы были скупы даже для своих дочерей, утверждая тем самым аскетические формы бытия, характерные, например, для жития С. Радонежского. В подобных формах проявил себя и «советский социализм» — как уравнение всех (уже не только перед Богом) как в материальном, так и в духовном плане. Великая русская социальная и культурная революция, таким образом, имела существенно важные для понимания произошедшего в начале XX века старообрядческие корни. Все эти уникальные черты были сохранены и донесены до нашего времени в «заповеднике старообрядчества» — как можно было бы назвать Иваново-вознесенский край.

Современной русской культуре необходимо найти баланс между тремя формами корневой религиозности: языческими культурами (понимания природы как живого и разумного организма), старообрядческими (древлеправославными) формами лично-персоналистической укорененности (не только общение с силами природы, но и самой высшей — духовно-божественной силой, которого называют Творцом) и современно-

---

⁹⁵ Никольский Н. М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1985.

православными формами общественно-государственного этно-существования. Конечно же, это религиозное триединство не исключает, а предполагает сопряжение с научными, художественными и философскими пластами сознания.

Для органического формирования российского древа сознания необходимо восстановление всех пластов не только религиозной, но и других ипостасей культурно-природного бытия этно-национальной общности.

Возникновение Совета в свете социальной синергетики.

Такая мощная социальная структура как Иваново-вознесенский общегородской совет не могла возникнуть из ничего — за ней стояла мощная «теневая» структура «патриархальных» межличностных (а не только экономических) отношений. Таким образом, организация «Совета Иванов» свидетельствовала об удивительно высокой для того времени социально-организационной культуре. Совет в этом смысле важнейший фактор естественного роста новой российской государственности (т. е. форма народно-рабочей власти), которая могла в силу своей конструктивности оказаться удивительно продуктивной для решения уже накопившихся в результате гигантского шага, который сделала текстильная промышленность.

Иваново-Вознесенск именовался В. И. Ульяновым-Лениным третьей пролетарской столицей (после Москвы и Санкт-Петербурга), но в действительности Иваново-Вознесенск — первая столица российской поистине *общенародной* общегородской формы власти эпохи промышленного производства. Некоторые читатели посчитают этот вывод не соответствующим исторической действительности, но сейчас очень важно посмотреть на природу «советской власти» через призму общекультурного регионального процесса, а не оказываться в плену старого понимания роли Иваново-вознесенского Совета, которое, может быть, в меньшей степени связано с «ленинской» оценкой, а в большей — ориентировано на последующие «тоталитарные» трактовки смысла возникшей власти.

Самым значительным фактом, говорящим в пользу такого методологического переосмысления, является даже не выдвижение представителей от фабрик по принципу доверия, не только численность Совета — 151 депутат от 70 тысяч человек, а то, что

эта властная народная структура, тем не менее, справлялась со своими обязанностями, что свидетельствует о высокой социальной дисциплине, которая, как думается, была в достаточной мере следствием производственной (фабрично-заводской) культуры, что твердой рукой насаждали хозяева сами прошедшие школу «старообрядческого» порядка, терпения, тщательности. Весьма показательно, что мера этого порядка, за редким исключением, оказывалась посильной для превращающихся в рабочих бывших крепостных крестьян. Однако если этот порядок оказывался не «русским», а инородным (например, насаждаемым английским управляющим, как это было на фабриках в Тейкове), возникал социальный взрыв, сопровождающийся «русским бунтом» с конечным достижением «справедливости».

Существенно важен и другой факт: Председатель Первого общегородского Совета гравер (профессия, как бы сейчас сказали, «белого воротничка») одной из Иваново-вознесенских фабрик А. Е. Ноздрин был не только рабочим, но и «местным интеллигентом», поэтом. Беспартийный интеллигент погиб в 1938 году в «советской» тюрьме, получив побои от охранника, тем самым парадоксально доказав, что Иваново-вознесенский Совет — это прообраз российской народной власти, которая умеет не только решать свои проблемы, но и ставит задачи защищать себя от произвола любой власти. Советский строй народной власти, утверждался не только «Афанасием», но и «Арсением» — организатором и руководителем рабочих дружин, охранявших порядок на Талке, и в будущем ставшим народным Иваново-вознесенским губернатором — М. В. Фрунзе, трагическая судьба которого свидетельствовала, что он также не вписался в стандарты сталинского (фактически анти-советского) режима.

Судьбы советской власти. Власть, родившаяся в Иваново-Вознесенске, — это особый исторический формат, но это и прообраз будущей народной «русской власти», которая претендует на то, чтобы стать новой российской (а значит евразийской) властью, не теряющей своего божественного предназначения бытия с народом и для народа.

Смогла ли иваново-вознесенская советская власть доказать, что она может стать эффективной работающей формой самоорганизации критической массы рабочего населения и социальной

эволюции большой техногенной территории? Да смогла. Но когда этот опыт, родившийся из уникальных условий соединения высокоорганизованных рабочих, связанных древлеправославными традициями, с выдающимися организаторами (партийцами) социальной эволюции и носителями высокой культуры борьбы за социальную справедливость, стал использоваться как форма диктатуры пролетариата, то механизмы самоорганизации были разрушены, и победил жесткий детерминизм партийной модели мировой социалистической революции.

Поражение советской власти в России (после разгрома Кронштадского мятежа, провозгласившего: «За Советы без коммунистов») и победа партийной тоталитарности, очевидно, были неизбежными, ибо революционная Россия призвана была выполнять другую сверхзадачу геополитического смысла — сохранить великую российскую империю в ее уже не агроимперской, а техноимперской форме.

Советская власть в той форме как она появилась в Иваново-Вознесенске это значительный человеческий ресурс для проведения всех реформ, которыми озабочена сейчас бюрократическая государственная верхушка. Ни одна из реформ не пойдет в стране до тех пор, пока не сформируется естественным путем то состояние общества, когда оно само захочет и будет в состоянии (как это было в эпоху роста начала XX века) взять на себя ту работу по самоуправлению, саморегуляции и самоорганизации, которую никогда не сможет выполнить никакое самое подготовленное бюрократическое сообщество местной власти. Советская власть — это форма власти, без которой развитие современной России будет уродливым, коррумпированным и криминальным.

Попытка создания такого рода муниципальной власти в формах самоорганизации как оказалось уже отложена, но как это ни парадоксально в Иваново повсеместно были проведены выборы во власть такого формата. Ностальгия по советской власти — это вполне естественное состояние общества, которому никогда не хватало той власти, которая является, а не просто называется советской.

Первый общегородской совет в Иваново-Вознесенске возник, прежде всего, как особая форма эмерджентности традиций старообрядческой «власти», которая всегда находила и духовные,

и материальные ресурсы для устройства совместной жизни даже расходящихся в своем материальном достатке людей (фабрикантов и рабочих). Весьма интересный в этом контексте факт приводит Ю. А. Иванов: фабрикант-старовер Грачев рабочим-старообрядцам платил больше, чем другим своим рабочим. Как свидетельствует А. Додонова, именно Грачев первым пошел на экономические уступки рабочим во время событий 1905 года⁹⁶.

Совет — это естественная реакция традиционно организованного сообщества старообрядческой общины и еще не ушедших общинных крестьянских традиций на неразумную организованность жизни в условиях интенсивного развития промышленной жизни региона; это своеобразная попытка подправить перекосы вторгающейся в жизнь «мира» техносферы⁹⁷.

Надо ли бояться феномена советской власти? Сегодняшняя федеральная власть воспринимает «феномен советской власти» не как явление общероссийское, а как местное и незначительное, поэтому и достойных событию мероприятий в юбилейном — 2005 — году не было, а была лишь научная конференция, проходившая в университете, носившем некогда имя «Первого в России общегородского Совета рабочих депутатов»⁹⁸. Виной тому, прежде всего, две причины: во-первых, уровень народного демократизма Советов рабочих 1905 года значительно выше «олигархического» демократизма современной России, и, во-вторых, глубинный смысл событий столетней давности очевидно еще не совсем осмыслен (лучше сказать, не переосмыслен) современным «еще достаточно переходным» российским общественно-политическим и историческим сознанием.

Смысл деятельности Советов иногда понимают как форму светскости (светскости-советскости), а, судя по всему, его надо понимать как результат рождения особой формы народной само-

---

⁹⁶ См.: *Иванов Ю. А.* Уездная Россия: местные власти, церковь и общество во второй половине XIX — начале XX в. Иваново, 2003; *Додонова А.* Дмитрий Геннадьевич Бурьлин. Иваново, 1997.

⁹⁷ Попытка связать социальное и промышленное бытие проявилась в ивановской утопии Музея промышленности и искусства фабриканта-музейщика Д. Г. Бурьлина.

⁹⁸ Земства, советы, муниципалитеты: исторический опыт и современность. Иваново, 2005.

организации с ярко выраженными крестьянско-общинными и общинно-старообрядческими традициями, которые в известной мере следовало бы связать с моделями «протестантского православия» или «православного протестантизма». Уровень промышленной организации рабочих и сложнейшие проблемы организации производственной и бытовой жизни жестко потребовали других форм социальной организации, более эффективной и социально-ориентированной местной и государственной власти, что фактически вылилось в культурно апробированную народно-вечевую форму социальной самоорганизации⁹⁹.

От тайны и террора к открытой и советской власти. Выше сказанное будет не в полной мере понято, если не вспомнить, очень важный сюжет иваново-вознесенской истории. На месте нынешнего Музея Первого совета, за свои архитектурные формы называемого «крематорием»¹⁰⁰, находилась двухэтажная постройка — гимназия, в которой учительствовал С. Г. Нечаев. Сюда ежедневно приходил «первый российской большевик» из снесенного в «клевовские времена» дома, располагавшегося на нынешней площади Победы. Старообрядческое «черное» Иваново, оказывается, раньше всех переболело теми болезнями, которые захватят всю Россию и превратятся в тоталитарную эпидемию. Заметим, что при обращении к столетним навыкам старообрядческой «конспиративности», борьбы за социальную справедливость, подпольного (потаенного от государства) бытия становятся более понятными истоки «революционной морали» С. Г. Нечаева, смысл формулировок катехизиса революционера. По-другому (как религиозная борьба между тайными и явными конфессиями) может пониматься культурологический смысл и оценка Ф. М. Достоевским в романе «Бесы» подпольной революционной деятельности.

Иваново-вознесенское сообщество в начале XX века нашло свой ответ на вопрос о разумном коллективном устройстве реальной народной власти: общегородской Совет рабочих (вышедших из крестьянства) показал, что система Советов в России

---

⁹⁹ В своей книге об «ивановском мифе» Л. Н. Таганов приводит мнение о том, в ивановских землях проживали новгородцы, пришедшие сюда после похода Ивана Грозного на вечевую столицу российской земли.

¹⁰⁰ В действительности это здание, построенное к 70-летию событий на Талке, оказалось могилой для истории Первого совета.

оказалась построенной от самого верха (Государственный Совет) до самого низа (фабричные и городские советы). Такова была логика метаисторического развития евразийской ментальной глокальности.

Поиски путей решения труднейших экономических и социальных проблем осуществлял и верхний слой местного сообщества. В начале XX века фабрикант-меценат Д. Г. Бурылин собирал уникальную музейную коллекцию, которая фактически отвечала на вопросы о возможных культурных формах эволюции российского общества в его более современное состояние. Очевидно, архетипы его старообрядческого сознания подтолкнули его к собиранию масонской коллекции¹⁰¹. Этот факт «странного» переплетения масонской и старообрядческой программ изменения мира и власти показывает, насколько сложным был выбор в точке полифуркации в эпоху девятого вала накатывающейся перманентной социальной революции в России.

Эпоха Иваново-вознесенского совета могла стать ответом народно-крестьянского традиционалистского («старообрядческого») сообщества на промышленно-технологические вызовы времени. Как это ни парадоксально, но применительно к Иваново-Вознесенску прекрасно работал механизм влияния надстроечных форм на всю систему экономических отношений...

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что события начала XX века в России в меньшей степени проходили по законам перехода от одной общественно-экономической формации к другой, которые описывают классические формы исторического развития (прогресса), а по особым законам многоукладных (трансформационных) обществ, в которых экономическая неразвитость предполагает доминацию форм общения, которые еще не лишены (а, наоборот, очень сильно нагружены) реликтовыми программами с ярко выраженным религиозно-архетипическим содержанием.

Формационный подход, как стало ясно теперь, мало что объясняет в российской истории эпохи Великой социальной революции. В дополнение к нему следует использовать цивилиза-

---

¹⁰¹ Сами старообрядцы были похожи на масонов хотя бы своим тайным «конспиративным» бытием и стремлением к построению разумного справедливого общества.

ционный и институциональный подходы, ибо в «российском распаде» сплелись религиозная, художественная, культурная революции, которые имели собственные формы и причины происхождения и темпования развития.

Три российские власти. Всемирная история показывает, что по большому счету существует два «идеальных типа» общественной интенциональности. Первый — нацеленность на капитал, на богатства, на «потребительство»: эти формы требуют интенсификации трудовой активности, «эксплуатации», обмана, жестокости и несправедливости. Второй — нацеленность на человека, на «человеческие качества», субъективный фактор: в этом случае осуществляется культурный взрыв, «культурная революция», духовная трансформация, предполагающие гуманизм и эволюцию человека.

В действительности «история» подталкивает общество к поиску «среднего пути». В истории России поиски такого рода гармонии чаще всего заканчиваются неудачей в силу «разжиженности» социального пространства и вселенскости пространства географического. Для России, где человека подчас «достать» весьма трудно или просто невозможно (ибо есть Сибирь и Запорожская Сечь, замосковский — лесной и болотный — верхневолжский край) история оказывается более свободной, а значит и более архаической. Этот факт до известной степени определяет силу альтернативных форм власти, которые подчас и оказываются более сильными.

В каждом региональном геонософерном хронотопе осуществляется своя модель поиска такого рода уравнивания материального и духовного (антропо-культурного) производства, определяющаяся многовековой спецификой форм жизне-бытия.

Классическое (классовое) государство российское *крепчал*о не только в борьбе с иностранными государствами и их армиями, но и в борьбе (постоянном противостоянии, которое может вообще рассматриваться как «перманентная гражданская война») с народной самоорганизацией, которую иногда называют «народной анархией» (но которая, на самом деле, является «народной монархией»), ибо анархия — мать «естественного порядка».

Сила народного общежития и народного сознания всегда сознавалась не только правящим классом, но и самым великим и могучим народным этносом, который на протяжении всей своей

многотысячелетней истории формировал свои «стандарты» жизненной удовлетворенности и поднимался лишь тогда, когда его переполняло чувство несправедливости или гнева. Народная привычка жить в своем Боге с ощущением вселенской (языческой) миссии своего бытия, породнением с красотой и величием мира — делало характер народной власти похожим на Илью Муромца, правильным чином живущим в своем доме (внешне «лежащим на печи») по заведенному предками и проверенному веками естественному порядку-свободе. Вот здесь и кроются истоки «народно-советской» власти, на которой зиждется сила власти государственной и которая проявляется во всю мощь только тогда, когда государственная власть оказывается или становится слабой. Народная сила из замосковно-верхневолжского края во главе с князем Д. Пожарским пришла в Москву и спасла Российское государство, она преодолела и смуту, которая обозначала точку выбора новой стратегии развития страны (точку полифуркации).

Народная сила в форме социальной революции превратилась в «советскую власть», когда разлагающаяся и деградирующая верхушка романовской империи готова была потерять свое геополитическое могущество в результате японской и первой мировой войн и обострения социально-политических противоречий внутри страны.

Родившаяся в Иваново-Вознесенске «власть советов» — проявление именно той «невидимой силы», которая и называется — сила духа народной самоорганизации (и которая, по видимому, составляет 4/5 айсберга власти как «закона-порядка»). Эту особенность российского государственного мироустройства обычно обозначают формулой: «В России две напасти: власть тьмы и тьма власти»¹⁰². Думается, что парадигма двоякой бессмысленности лишь крайняя степень проявления (а может быть лучше сказать «понимания») феномена трех «культур власти»: «власти государства», «власти народа», «власти Духа (интеллигенции)». Как показывает опыт российской истории, две любые власти, объединившись, всегда бьют третью власть. В этом и состоит геополитический смысл российской метаистории.

---

¹⁰² «Тьма» — это тысяча человек. Но в приложении к социальной синергетике речь идет о «тьме тьмы», т. е. о «миллионной власти».

Эти три кита власти предполагают и трех китов ноосферной истории: феномены язычества, древлеправославия и ново(евро)православия — сосуществующие формы мощи народного и этно-национального сознания и поведения, которые как архетипы определяют геологические и тектонические формы деяний российского «человеческого качества» (российского живого и духовного вещества).

Метаисторические судьбы Иваново-Вознесенска. История, превратив заштатный Иваново-Вознесенск в третью пролетарскую столицу, центр Ивановской промышленной области и текстильный цех страны, в конечном итоге вновь превратила город в медвежий угол и глубокую провинцию. Промышленное текстильное Иваново уже не существует как экономический и даже как музейный центр, но главное качество «университетов на Талке» все-таки осталось. Иваново — крупный университетский город, где вываривается российское «будущее», которое будет делаться руками нынешнего студенческого сословия, российской пред-интеллигенции.

К сожалению, старая партийная историография истории Первого общегородского совета рабочих депутатов приучила воспринимать советскую власть только как противоположность самодержавной власти, но на самом деле природа советской власти в Иваново-Вознесенске иная, нежели только рабочая (и пролетарская). В этой власти рабочая форма только внешняя оболочка (одежда), ее глубинные корни проявляются в старообрядческих традициях жизни без верхней власти (бежании от власти). Однако, этот этатистский эскапизм не предполагал анархию в ее примитивном понимании, наоборот древлеправославная власть-традиция, власть-авторитет были бесконечно более сильным механизмом управления, нежели даже царская власть. Древлеправославная традиция власти тем и сильна, что в ней неразрывно связаны природные и религиозные, духовные и материально-экономические ценности, эта власть по своей природе гармонизировала бытие человека в усложняющемся мире. Нет нужды сейчас абсолютизировать старообрядческие традиции самоорганизации жизни русского народа (хотя опыт старообрядцев в Русской Америке чрезвычайно показателен и интересен); в нем проявляется и гигантский консерватизм русского

общества, но для нас важно подчеркнуть, что Совет как форма власти — это реальный плод российской истории совершенно неслучайный, более того естественно-закономерный, ибо возник в результате естественной духовно-хозяйственной эволюции промышленного региона.

Переосмысление в культурологическом ключе смысла Совета, возникшего в Иваново-Вознесенске, конечно же, требует дальнейшей проверки и «верификации», однако оставаться на идеологической трактовке произошедшего в иваново-вознесенском народном котле, который называли «Красным Манчестером», уже не невозможно. Привлечение к анализу событий столетней давности культурно-исторического подхода, синергетических трактовок бифуркационных точек российской истории, выявление «странных аттракторов» (форм «социального тяготения») позволяют иначе взглянуть на возможные траектории российского развития в начале XX века. Вечевые традиции Новгорода в этом случае могут рассматриваться как прямые предтечи Иваново-вознесенского Совета, формы реальной российской демократии, не успевшей вырасти в новые формы социально-социалистического хозяйства и бытия до того момента, как она пала под топором тоталитарной власти, нацеленной на культивирование нарождающегося «мирового социализма».

Советская идея — глубинная российская идея и думается, что в лучших российских традициях в эпоху демократическо-криминального оскала она была выброшена не случайно. Даже к столетию Первого общегородского Совета федеральная власть не осмыслила для себя и для общества смысл этой власти. Отказ от размышлений на федеральном уровне в рамках общероссийской научно конференции был обоснован тем, что первый совет (совет на одном отдельном предприятии) возник на Урале, а вовсе не в Иванове. Но тогда надо было бы поискать социальные и культурные (в том числе религиозные) причины советского движения в России того времени. Не это оказалось важным для федеральной власти, ибо еще в ельцинские времена регионы взяли столько власти, сколько могли и совсем не по советским (религиозно-нравственным), а по криминальным меркам.

Современное интенсивное развитие России уже в ближайшее время потребует широкого привлечения форм народной самоорганизации¹⁰³. Торможение в сфере реализации национальных программ, на наш взгляд, связано именно с тем, что организованность советской власти на всех уровнях социального жизне-бытия не стало реальной практикой. Современное чиновничество предстает в качестве последней формы имперско-тоталитарной царско-генсековской власти, делающей все от нее зависящее, чтобы паразитировать на застойной пассивности социума, доведенного до отчаяния государственным произволом и криминальным беспределом.

Социализм «старого обряда». Природа социализма в России — одна из самых трудных загадок метаисторического дискурса. Современные историки уже поставили вопрос о том, что *русский социализм* — не является социализмом вообще (т. е. выпадает из традиционного марксистского понимания типологии общественного развития). Он скорее должен быть обозначен как средневековый (варварский, крестьянский) социализм. Исторический парадокс заключается в том, что общесоциологический социализм как название проявил себя, прежде всего, в России и лишь потом с достаточно большой интенсивностью начал свое метаформационное шествие по планете в формах подчас настолько уродливых, что даже и не может быть назван социализмом (национал-социализм в Германии, маоизм в Китае). Только в начале XXI века социализм начинает утверждаться на «собственно марксистских» основаниях, т. е. на экономике самых развитых капиталистических стран (в скандинавских странах, странах восточной Европы, Италии и Франции). «Гибель коммунизма в XX веке», о которой говорил З. Бжезинский, на самом деле обернулась не только континентальным, но и мировым продвижением «фактического (формационного) социализма», чтобы не использовать термин «реальный социализм». Сейчас следует признать, что социализм по своему интенсивно развивается в каждой европейской стране, ибо он на первых этапах своего социально-экономического проявления фиксируется в формах социального и правового государства. Большинство развивающихся стран

---

¹⁰³ Заметим, что интенсивное развитие страны в годы восстановления народного хозяйства шло именно в рамках форм самоорганизации и было осуществлено фактически за 5 лет, а не за 15, как предполагали зарубежные экономисты.

(Азии, Африки, Латинской Америки) также идут по этой социально-социалистической дороге в формах, отвечающих не пролетарскому, а крестьянскому социализму, т. е. социализму старого (феодального) образца. В этом смысле Вторая мировая война оказалась стала рубежом, за которым начинают быстро исчезать формы примитивного социализма («социалистического феодализма» и «социалистического национализма»). Уход с мировой арены «реального (русского) коммунизма» в СССР дал возможность оценить не только слабые, но и сильные стороны общества, ориентированного на социально(антропо)-экологические ценности. В этом смысле наступивший XXI век представляет собой век антропо-социального информационного (ноосферного) общества.

Основная цель «современного социализма» — это последовательное достижение устойчивого антропоэкологического развития общества, ориентированного на избегание резких конфликтов и острых противоречий между материальным и духовным производством, которые могут привести к социальной деградации и общемировой катастрофе.

В этом смысле следует понимать и специфику «современного русского социализма». Идеалы родственности, коллективности, семейности, общинности, соборности сплелись воедино в народном понимании и «сердечных чаяниях» «традиционного русского социализма и коммунизма». Эти черты шлифовались тысячами лет относительно независимого существования евразийского этноса в природе, и поэтому могут рассматриваться в качестве архетипов российского этно-бытия. История российского развития показывает, что эти архетипы не переделать никакими решениями сверху, можно лишь понять «народную тягу и народную мечту» и постараться «дать ей волю».

В начале XX века эта вековечная мечта русского человека к новому естественному (природно-свободному, космо-народному) бытию прорвалась в Великой русской социальной революции. В ней по-своему получили воплощение (лучше сказать недовоплощение) чаяния евразийских язычников (неоязычников, которые космо-пантеистически понимали мир), старообрядцев (в древле-православии проявилось желание человека жить в духовном пространстве антропо-ориентированной религии персоналистического, т. е. негосударственного образца), мусульман (претендо-

вавших на свою немалую долю духовного и материального евразийского бытия), иудеев (желавших жить вне «зон отчуждения»), наконец «рабов»-крестьян и «рабов»-рабочих (глубоко чувствовавших свое право вырваться на свободу в незатронутый государством мир природы). Тоска по природной свободе — неотъемлемое чувство («вселенское чувство») евразийского человека... Но и «человека вообще», как свободно-духовного феномена.

Иваново-Вознесенский «социализм старого обряда», выжившийся в формуле Советов на Талке — это уникальный вариант возможного социально-политического и социокультурного развития промышленной России (и своеобразный аналог «вечевоего строя» искомой народной власти — демоархичности).

Земская и советская власть в процессах современной социальной самоорганизации. Когда-то давно В. И. Ленин назвал земства «пятым колесом в телеге Российской империи», понимая под этим их совершенную ненужность. Но смысл «пятого колеса» в том и состоит, чтобы во время аварии попытаться его установить и двигаться дальше в соответствии с намеченным путем. К сожалению, ситуация в России оказалась более критической, и колеса в условиях авральной индустриализации и милитаризации страны были заменены на гусеницы, а значит негодились вообще никакие колеса, и в том числе «колеса советские».

В свое время А. И. Солженицын в проекте «Как нам обустроить Россию» говорил об эффективности развития земских традиций в наше время. Над ним тогда только посмеялись, ибо в одну воду нельзя войти дважды. Но проблема, очевидно, в другом. Для организации форм земства необходим тот культурный пласт экономически независимых и хорошо обеспеченных собственников и интеллигентных людей, которые бы понимали высококультурный смысл общественной бесплатной деятельности по управлению обществом. Советы в настоящее время не могут не предполагать земские формы общественной жизни, ибо современная бюрократическая власть решает, прежде всего, технократические проблемы. Современная местная российская власть, построенная по западным образцам, оказывается (в отличие от западно-менеджерской) в той же мере коррумпированной, в какой коррумпирована и власть на верхних ее эшелонах.

Кризис власти в становящемся все более культурным и демократическом (а лучше сказать стремящемся к равноправно-справедливости обществе) назрел, и когда политики обнаружат, что котел уже закипел, будет поздно. Уже сейчас надо думать о том, как культурному народу дать власть разумную, ответственную власть, которая является не формой навязывания проектов движения, утопий и мифов, а формой общественной самоорганизации с ярко выраженными антропологическими и экологическими ориентирами.

Особенность российского бытия всегда заключалась в том, что гигантские пространства создавали особые условия для существования различных форм власти. Царская власть контролировала лишь самую незначительную часть территории, которая была связана дорогами (сначала конными, а затем железными). Большая часть России контролировалась раньше (да и теперь) региональными и локальными формами власти-авторитета. Причем теневая (потусторонняя) власть всегда оказывалась сильнее, чем власть посюсторонняя (так было в Смутное время, когда один костромской мужик оказался сильнее, чем царская власть; так было и в Великую отечественную войну, когда русский мужик, презрительно называя центральную власть «Ёськой», сломал хребет немецкой армаде).

«Беда» перестройки во многом состояла в том, что «из подполья» вышла настоящая российская власть, и она оказалась бесконечно сильнее, чем власть центрально-московская. Только сейчас федеральная власть начинает медленно отвоевывать пространства пока лишь для себя (но еще не для общества). Именно поэтому так важно чтобы российский этнос вспомнил своим нутром чувство хозяина, для того чтобы объединить кооперативные ресурсы своего бытия для выправления нормальной российской жизни.

Все развивается по спирали, но оказывается, что семена социальной формы самоорганизации, которые были посеяны в Иваново-Вознесенске в начале прошлого века еще только сейчас оказываются в такой социально-экологической среде, которая даст возможность им реально *порасти*. А значит, не случайно и то, что советская идея и ноосферная идея оказались проявленными в одном социокультурном пространстве. Это во многом две

стороны одной медали поиска путей социальных трансформаций, которые отвечают формам российского месторазвития.

Иваново-Вознесенск — это гигантское семиотическое пространство с вещами и знаками, формирующими глубинные смыслы бытия, которые не вымываются и не выветриваются суровыми потоками и ветрами времен.

Новая российская власть еще не родилась. История Советской России — это история неправославной монархии (криминальной по своей сути «тотархии»), которая до настоящего времени не поменяла своих сущностных характеристик. Ельцинский («как бы» демократический) режим быстро потерял свой народный смысл, и за ним, прикрывшись демократическими одеждами, пришли представители больших, а затем и очень больших денег. Интеллигенция, двинувшаяся было во власть, либо была оттуда выдавлена «техническими» (посредством дорогих социальных выборных технологий, «эффективной политики») или физически (угрозами или физическим устранением).

Современная власть представляет собой «посткоммунистическую» по своему содержанию структуру, наполненную «новорусским нэповским» содержанием. Пока новая российская власть еще не родилась. Она продолжает оставаться бонапартистской, переходной, предполагающей существенное «властное обновление». В этом обновлении советская идея должна сыграть еще очень значительную роль, ибо именно в ней проявляются социально-синергетические эффекты.

Современная точка зрения на власть значительно отличается от стандартных марксистских выводов, в которых насилие оказывалось сутью власти, сегодня реальная власть — это «власть-авторитет», т. е. форма «ненасильственного принуждения авторитетом», а это по большому счету и есть точное выражение смысла *действительной власти Совета*.

Попытка президента Ельцина осуществить «советизацию» партийной власти, как показывает недавняя история России, оказалась очень эффективной, но в «мутной социальной российской жизни» победила власть «криминально-теневых советов», а «народные советы» надолго уступили свое первородство за «чечевичную похлебку».

Постперестроечная эпоха — время, за которое в действительности прошло, может быть, сто лет российской истории. Это позволяет говорить о том, что современная Россия уже готова к синтезу своей тысячелетней истории, к явлению себя не как «тайны» и «загадки», а как «вещи-для-нас» — той формы общественного развития, которая совмещает в себе высшие ценности общественного развития в их глобальном выражении — синтезе восточного и западного соразвития (коэволюции разнополушарных форм человеческого бытия, что применимо не только к географическому смыслу, но и специфике лево- и правополушарного мышления).

Является ли современное Иваново — Иваново-Вознесенском? Современное Иваново — это плавильный котел, в котором весьма значительные события, которые, как это было в прошлом, несколько опережают средневзвешенные траектории движения общероссийского масштаба. Советская модель власти предполагает, во-первых, власть для решения самых острых проблем, которые не хочет решать «власть сверху», во-вторых, это власть, возникающая из неформальных (и поэтому «человеческих») структур и сильная знанием о путях решения проблем («здесь и сейчас»), в-третьих, это власть интеллектуальная, предполагающая достаточно высокий уровень образования, культуры и гуманизма. В-четвертых, она предполагает реальную «утряску» разнообразных интересов всех общественных групп, для того, чтобы не создавать питательной среды для малого и большого терроризма. В-пятых, это власть здешняя, которая контролируется нравственно-культурным сознанием регионального сообщества.

Как бы ни казалось это парадоксальным, но, судя по всему, в современном Иваново сложилась особая властная структура, обладающая некоторыми «идеальными признаками советов»; она часто ошибается, но действует, и потому развивается. «Политические архетипы» таким образом, оказываются более стойкими институциональными образованиями, чем можно было бы предполагать. Советская «идеология» («кратология»), берущая свои истоки в старообрядческой традиции, коллективистских (общинных) принципах социального бытия, формах примата духовно-интеллектуальных ценностей и моделей общения, оказывается тем ресурсом, который реально действует в обществе, хотя оно само не очень и представляет себе, что живет этим «почти что»

естественным, корневым фактором исторического институционального бытия локального социума.

Из всего этого вытекает неожиданный вывод о том, что в современных условиях преобразований в *России советская власть обретает свой действительный смысл*, независимо от того, как к ней относится региональное сообщество, которое может бояться обвинения в принадлежности к «историческим кляксам». Современные «культурные Советы» (которые придут на место «советам рабочих», «советам рабочих и крестьян», «советам рабочих, крестьянских и солдатских», «общенародным советам») — это многообразные формы социальной самоорганизации, которые уже отчетливо проявляются в региональном сообществе, и «социальные структуры интеллигенции» подчас оказываются более авторитетными, нежели потерявшие приличия и всякий стыд «госструктуры».

Демократическая весна ушла; народ взял передышку, чтобы обсудить свои проблемы, а значит приходит время всеобщих советов, которые могут остановить «войну всех против всех» — самую древнюю форму дикого капиталистического существования. Столетний юбилей советов пока не востребован властью, но сама идея «социальных советов власти» действует и чем культурнее будет общество, тем сильнее она будет воздействовать на федеральное и региональное устойчивое развитие.

Но дело не только в этой социальной похожести процессов начала XX века с началом нового столетия. Феномен современного Иванова похож на феномен Иваново-Вознесенска тем, что в нем, как и прежде, пред-решаются самые острые надвигающиеся проблемы. В настоящее время «Иваново-Ереваново» — межконфессиональное пространство этно-национальных культур, которые реализуют потенциал российской веро-культуро-терпимости (чтобы не сказать толерантности) к сложнейшим социокультурным противоречиям, противоположностям и конфликтностям, которые иногда оказываются сильнее, чем социально-экономические противоречия. «Столкновение цивилизаций» еще раз серьезно проверит потенциал *«советской организованности власти»*.

Советская идея и властное пространство. И через сто лет советская идея так и не обрела свою органическую естественную форму, реализующую необходимость развития социальной самоорганизации широких слоев населения, которые бы ви-

дели, что они могут решать самые существенные проблемы своего жизне-бытия.

Как показывает современный опыт, смысл советской идеи неотделим от особенностей устройства российского земско-территориального хронотопа. Идея советов — это очень важная геополитическая идея современной России, ибо именно она задает образ пассионарности народа, позволяет ему осознать себя не как «тех, кого ведут в даль светлую», а как сознательно идущих по выбранным духовным траекториям развития российского менталитета, аксиолитета и праксиолитета. Может быть, действительно, до советской идеи в этой идеальной форме общественной самоорганизации наша страна дорастает только сейчас, да и то не в полной мере. Только сейчас проблема рассмотрения земств, советов и муниципий (по-русски говоря, — «управ») может быть рассмотрена с точки зрения «принципа дополнительности», когда в новой формирующейся власти должны быть соединены все самые глубокие социально-политические традиции, формировавшиеся веками и тысячелетиями и отвечавшие самостным чаяниям «свободных для самостоятельной жизни» людей.

Идея Советов — это совсем не старая идея, это очень новая идея (или как бы сейчас сказали — «политическая технология»), которую еще и не пытались (или пытались только в «славное десятилетие» послереволюционных лет) применить к нетоталитарному обществу. Первые послереволюционные годы показали, как эта идея может мощно работать на раскрытие социальной энергии народа: созданные ясли, сады, институты, архитектурный и социальный конструктивизм — это лишь некоторые элементы «советского взрыва» в истории Иваново-Вознесенска. Как повернулась бы история старообрядческо-крестьянско-общинных структур в их советской форме, если бы не свертывание нэпа и не курс на всемирную пролетарскую коммунистическую революцию, который выбрала правящая партийная элита, начавшая с войны против своего народа.

История не знает сослагательного наклонения, но современные синергетические представления дают возможность начинать историю с чистого листа, в соответствии с той культурно-исторической картой, которая нарисована живущим «здесь и сейчас» народом.

Конечно же, представить себе духовную экологию нашего края без протопопа Аввакума, без его мечтаний и яростных сопротивлений нерусскому Духу, насаждаемому инородным традициям невозможно, как невозможно сейчас для многих представителей советской интеллигенции признать пути и ценности, которые не совпадают с советским устройством земли русской, земли ивановской.

В свое время Первый секретарь Ивановского обкома КПСС В. Г. Ключев вышел в высшие партийные органы с предложением присвоить первому в Ивановской области университету имени Первого в России общегородского совета рабочих депутатов, так как Первый ивановский университет в действительности появился на реке Талке как стихийная форма роста сознательности рабочих. С той поры «советы» и «университеты» оказались связаны какой-то тайной нитью, которая только сейчас начинает обретать культурологический смысл. Ивановские краеведы и историки внесли значительный вклад в собирание и открытие важнейших фактов эпохи «осевого российского времени», но сегодня эти факты предполагают иное понимание смысла «феномена советов», ибо любая структура общественного характера неотрывна от той региональной почвы, на которой вырастает, но и имеет свое глобальное «геополитическое измерение».

Ноосферный смысл власти Советов (российская история и власть «направляющего развития»). В. И. Вернадский, который в начале XX века заседал в Государственном совете, вряд ли предполагал, что еще при его жизни советская власть станет сильнее земской власти (он состоял в Моршанском уезде в этой форме общественной самоорганизации). Но в конце своей жизни он напишет, что «идеи социализма идут в унисон с идеями нашей демократии». Теперь эту идею можно было бы понять совсем иначе, нежели ее толковали в эпоху Советского Союза. Смысл ее коренится в том огромном опыте понимания российской жизни ученым, который вобрал своей социальной практикой и опыт «приютинского братства», и традиции университетской автономии, и «общечеловеческую демократию» научного сообщества, и тяжелую ношу уездного земства, и «верховность» Государственного совета.

Думается, что, осмысливая события начала XX века, невозможно пройти мимо тех «странных аттракторов», которые волею судеб проявились в Иванове.

Ноосферная идея — идея разумного, справедливого и красивого устройства мира — проявила себя в творчестве профессора Н. П. Антонова, прожившего в Иваново-Вознесенске практически всю свою сознательную жизнь. Ивановский профессор, получившийся в Ленинграде, побывавший в Польше и Венгрии, работавший в Новосибирском Академгородке, он уже в 60-е годы XX века размышлял о биосферном и ноосферном творчестве В. И. Вернадского.

В его памяти сохранились не только неразрушенные храмы и облик старого Иваново-Вознесенска, но и гигантские проекты преобразования города: строительство корпусов учебных заведений, библиотек, мечты о городе-саде, о парковом пространстве вдоль Уводи, во многом связанном с парками самого Иванова. Мечта о народном строительстве нового светлого будущего, пожалуй, факт воплощенного миропостроения, оставшегося от советской мечты и от университетов на Талке.

От этого мечтания берет свое начало и ноосферная идея — идея построения не просто общества социальной справедливости и экономического благополучия народа и страны, но и бытия в гармонии с природой, понимания смысла духовной эволюции современного человечества. Н. П. Антонов удивительно совмещал в себе эмпиризм иваново-вознесенского бытия и теоретичность философского видения мира. Когда смотришь на просторы бесконечной занебесной нерльской поймы, раскрывающейся с высокого берега, на котором располагается деревня Никульское — родовое гнездо профессора, — понимаешь, что все в нем, начиная с небольшого, но аккуратного, добротного дома, сада с несчетным количеством антоновских яблонь, все это устроено «по уму», устроено так, как хотелось бы, чтобы было устроено во всей стране и во всем мире. Такова личностная история великих иваново-вознесенских идей, которые рождали и хранили люди, чья энергия жизни была напоена великими просторами замосковского края, приволжской и заволжской глубинки.

В 1983 году Н. П. Антонов стал инициатором проведения первой в СССР конференции по проблемам ноосферы — «сферы

труда и разума цивилизованного человечества». В мире, конечно же, много происходит случайно, но связь между советскими формами самоорганизации, рожденными содружеством рабочей элиты и провинциальной творческой интеллигенции, и ноосферными представлениями, родившимися в творчестве Н. П. Антонова совершенно не случайны. Уровень методологии и уровень сознания рос вместе с ростом культуры — во всем этом усматривается прямая логическая связь неклассическая преемственность развития иваново-вознесенских традиций. В мае 1983 года, когда в Иванове проводилась конференция «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу», академик АМН СССР В. П. Казначеев заметил в разговоре с корреспондентом ивановского радио: «Сейчас Иваново знаменито Первым советом, но придет время, когда оно будет знаменито тем, что в нем была проведена первая конференция по проблемам ноосферы».

Все будет зависеть от того, насколько быстро станет продвигаться культурное сознание российского сообщества, но уже сейчас отчетливо усматривается *общекультурная преемственность* самодеятельности осознавших свои интересы рабочих в начале прошлого века и современного демократизирующего российского общества, размышляющего о формах экологического и ноосферного устойчивого развития.

Сто лет одиночества. К сожалению, и до сегодняшнего времени природа советской власти не понята и не принята существующей властью в России. Такое впечатление, что исконная российско-советская бюрократия все еще с животным страхом воспринимает все формы российской свободной народной власти для решения своих проблем. Реформирование сверху, без инициативизации народных сил и использования их самоорганизации в России всегда приводят к революции, ибо это реформирование чаще всего ведется самыми бесчеловечными формами в виде хирургической операции без наркоза «безжалостным топором самодовольно-олигархической власти». Сможет ли современная Россия разорвать этот порочный круг несовместимости «возможностей верха» и «желаний низа»? Этот вопрос вновь заставляет обращаться к архетипам российского менталитета и праксиолитета в деле привлечения вековых форм народной самоорганизации. Речь не идет о возрождении старых мифов, речь идет об использовании «реликтовых

программ», по которым из глуши замосковского края возникало народное ополчение под руководством Дмитрия Пожарского на деньги купца Кузьмы Минина для спасения государства российского от вражеского нашествия бесконечной смуты. Такого же рода *единонародная власть* формировалась и во времена трудного промышленного восхождения.

Современная коррумпированная власть чиновников негативно воспринимается народом, как она воспринималась и в эпоху царского самодержавия и это важный знак для современной правящей элиты. Опыт реального российского народовластия, образцы которого были созданы в эпоху быстрого промышленного-культурного роста российского этноса никогда не останется только историей. Он всегда будет напоминать о себе как о желании народа видеть над собой власть, которая соответствовала бы высшим требованиям жизни человека с Богом, даже в том случае, когда социальные и международные условия, казалось бы, не оставляют для этого никаких возможностей. Именно поэтому российский народ приемлет «самодержавие культурного монарха», но всегда старается помочь себе формами своей собственной власти для самоуправления и самоорганизации. Сейчас очевидно в России наступает этот важнейший в ее истории момент, когда культурный уровень народа может стать гарантом этого сложного сопряжения власти ближней и дальней, власти народной и бюрократической, власти земной и божественной, иными словами земного и божественного самодержавия.

Советы как власть народа и интеллигенции. В дни сегодняшнего хищнического эгоистического «комсомольского» капитализма практически невозможно признать актуальность реального творчества народа, которое носило эволюционный, реформистский характер. Судя по всему, осуществляя современную муниципальную революцию, «исторически кооперативная Россия» уже не сможет обойтись без элементов, без смысла того разумного, социально-оправданного коллективного действия, которое только и обеспечивает формы коэволюции государства, народа и интеллигенции. Социально-синергетическая форма современных российских советов, должна быть учтена в любых современных трансформациях местной (а значит, земской), эффективной (а значит «народной»), умной низовой власти, без которой власть верхняя отрывается и тем самым

практически всегда (как показывает российская история) обрекает себя на деградацию и колоссальные потрясения для всего народа.

Организационные формы советов, на наш взгляд, — это необходимые звенья современной российской трансформирующейся власти, без которых не сможет быть осуществлена эффективная федеральная власть и устойчивое развития, как на региональном, так и федеральном уровнях.

Конечно же, реанимирование формы Иваново-Вознесенского совета столь же бессмысленно и непродуктивно, как и ссылка на старые «советские советы», ушедшие в историческое небытие, но создание органов, которые бы обеспечили эффективные способы такого советования необходимы для того, чтобы не возникало у власти субъективных и объективных возможностей парадоксального самооправдания по принципу: «Хотелось как лучше, а получилось как всегда».

В мае 2005 года в Иванове прошла конференция, посвященная 100-летию Советов в России, на которой в докладе Ю. М. Воронова «Революция власти в мире и в России», прозвучала мысль о том, что «местное самоуправление пытаются отложить до 2008 года, но это была бы большая ошибка, ибо именно сейчас необходимо строить новую форму задействования энергии масс, противостоящей олигархической власти».

Возможна ли в России советская цивилизованность?

Советская цивилизация, пусть она даже просуществовала всего 70 лет, слишком мощная социальная структура, чтобы исчезнуть и не сохраниться как архетип в сознании и деятельности людей. Более того, и возникнуть она могла (да и возникла как стихийно — синергетически — возникающая структура) из самых глубин российской провинциальной, т. е. народной жизни.

Советская модель общественного развития показала, что может эффективно существовать в самых неблагоприятных условиях, когда центр либо слаб, либо его вообще не существует. Заметим, что в странах Европы подобного рода структуры всегда существовали и существуют до настоящего времени, хотя, может быть, их функции переносятся в «мирных» условиях на культурно-образовательные и развлекательно-воспитательные задачи. Советская власть как гуманистическая форма социального советования, по своей сути, если отстраниться от идеологического

содержания, которое в них было вложено искусственно и до известной степени насильственно, — это универсальная форма устойчивого развития системы «Человек — Общество — Природа».

«Принцип советов» и «принцип «партийного (так называемого демократического) централизма» в значительной степени противостоят друг другу, поэтому могут рассматриваться как дополняющие друг друга. Иными словами коммуно-советская система даже по своему определению внутренне предполагает совмещение западной (коммунистической) традиции (которая на самом деле оказалась восточно-тоталитарной) и российской (кооперативно-общинной).

В современных условиях общинно-советско-кооперативно-колхозно-союзно-коллективистская модель российского обустройства общества вступила в борьбу с империалистическо-олигархически-монополистическим капитализмом. Такое уже встречалось в советской истории в начале XX века, и тогда в условиях мировой войны капиталистический империализм превратился в социалистический тоталитаризм. Подобная трансформация, думается, ждет и современную Россию, ибо институциональные механизмы в процессах общественной самоорганизации обладают чрезвычайной способностью к выживанию. Американский нобелевский лауреат Дуглас Норт показал смысл институциональных механизмов в экономическом развитии, и тем самым дал возможность понимания социальной самоорганизации, вытекающей из социально-культурной специфики того или иного общества.

«Институт советов» может рассматриваться как самый исторически глубокий способ устроения совместной жизни большого и малого коллектива (чтобы не сказать «социального субъекта»). Этот институт как своеобразное зерно обнаруживается во всех публично-общественных формах организации, саморегуляции и самоорганизации жизни российского общества, даже в тех случаях, когда эти формы власти называются заморскими словами, которые как бы должны скрыть сермяжную правду «вековой сути российской власти». Советы олигархические, советы демократические, советы криминальные, советы партийные, советы локальные, советы местные — далеко не полный список «советских институтов», требующий типологизации и систематизации.

Недавно один коллега-экономист, зайдя в кабинет общественных наук, увидел тома произведений В. И. Ленина и, проведя по ним пальцем, сказал с сарказмом: «Читайте, читайте». Думается, что он был парадоксально прав, ибо в условиях современной реформации каждый человек во власти и бизнесе вновь обязан читать труды того, кто оказался самым мощным оппонентом власти, не желавшей считаться с интересами народа-этноса, и как теперь становится понятным (после Великой социальной революции и Второй мировой войны) — народом-богоносцем, который логикой истории сближения Запада и Востока становится в центр цивилизационного развития. Архетип «советов», т. е. «стихийного утверждения социальной справедливости народного разлива», рано или поздно все расставит по своим местам. К сожалению, современная власть не совсем хорошо понимает, с чем она столкнулась (а лучше сказать, с чем имеет дело) и поэтому ведет себя подчас так, как вела себя царская власть «немецких» кровей.

Архетип *советской жизни* может рассматриваться как самая корневая структура социума применительно к условиям российской жизни, в которых и личность и общество могут выжить лишь в условиях совместного кооперативного действия. В российских условиях непредсказуемости (спонтанности) поведения внешней среды, поведенческий и особенно властный индивидуализм принципиально обречен. Вспомним осуждение «хрущевского волонтаризма» (субъективизма в решении общественно-государственных проблем) и обнаружим не только позитивные, но и значимые негативные стороны «института советов».

Весьма показательно, что неустойчивость личной партийной власти (таких лидеров как Н. С. Хрущев, М. С. Горбачев) подчас вызывается иной культурой управленческого поведения. Индивидуализация власти (в личностных и гендерных формах) приводила к постепенному выдавливанию «управленческого концепта» из реальной власти. Власть *тайных и явных советов* оказывалась наиболее живучей и эффективной формой тонкой подгонки исторического процесса в жестких российских условиях¹⁰⁴. Именно поэтому соперничество между властью внешней и

---

¹⁰⁴ В этом плане весьма показателен образ «серого кардинала» М. А. Суслова (выходца из симбирских староверов).

властью внутренней (а лучше сказать властью видимой и невидимой) — это сакральная модель реализации российской метаистории. Модель идеократии того времени была похожа на формы «религиозно-идеологической» борьбы, которая была характерна для разных течений старой веры.

Власть разума и разум власти: логика ноосферного развития человеческой цивилизации. Власть в восходящей по ступеням экономической и духовной эволюции России обречена быть оковно-самодержавной, если не сумеет дать свободу народной самоорганизации снизу, что всегда в российской истории являлось фактором ускоренного и динамичного (устойчивого) развития.

Парадоксальный вывод: очевидно нынешнее российское общество культурно (и организационно) еще не доросло до того состояния, когда советская власть становится естественной формой социальной самоорганизации. Через промежуточные формы оно еще только старается пробиться сквозь «тьму власти» после «перестроечной» «власти тьмы». И в силу этого современное российское общество еще не приобрело статус «цивилизованного», оно еще «варварское» по формам власти-насилия (а не власти-авторитета). Современная легитимизация «путинской власти» опирается только на монархические настроения народа, высоко оценивающего личностные качества Президента как Императора-Самодержца. Но время культурных форм социальной самоорганизации в России еще не пришло, хотя оно стучится в окна и двери формами самоуправления и ипотеки, усиления мелкого и среднего бизнеса, оживления после удушения безропотно-терпеливой низовой (провинциальной) интеллигенции.

Советская власть — это особая форма самоорганизации, возникшая на глубинных крестьянских корнях, и примененная к фабрично-заводской общественной и культурной жизни. В ней выражен богатый опыт этно-национального выживания (самосохранения и адаптации) в условиях катастрофичности российского бытия.

Советы и синергетические процессы в ноосферном обществе. «Механизм» социальной самоорганизации проявившийся в годы первой русской революции, таким образом, представляет собой способ совмещения («утряски») интересов в рамках общинных архетипов традиционного «взаимопонимания» патриар-

хальных хозяев и их рабочих и слуг. Культура самоуправления крестьянской общины всегда стояла несколько в стороне от барских дел. Чаще всего помещик, назначив управляющего, поручал ему решать вопросы хозяйственной жизни и при этом фактически включал механизмы общинной самоорганизации.

Советские социальные архетипы были проверены тяжелыми испытаниями в годы отечественных войн, природных катастроф и восстановления разрушенного хозяйства. Советские архетипы и сейчас живут или, по крайней мере, очень часто оказываются востребованными¹⁰⁵.

В чем же специфика раскрытия советских архетипов в условиях современного информационного (ноосферного) общества? Прежде всего, в том, что раньше «совет» имел смысл пространственной временной или проблемной локализации (Совет в Филях, Совет на Талке, Государственный совет, Общественный совет), сейчас формы советования опосредованы массмедийным пространством. Это означает, что вместо выборных представителей (уполномоченных) в процедуре советования может участвовать практически каждый, но и эффективность такой процедуры перестает носить конкретный характер. Синергетический смысл выработки правильного решения — в конкретном осмыслении конкретной проблемы теми людьми, которые представляют среду (экономическую, архитектурную, экологическую, политическую, эстетическую, языковую, семиотическую) своего обитания с учетом перспективы дальнейшего пребывания и проживания в ней, с учетом того, что эта среда должна обеспечивать физическое, психическое и духовное здоровье в ней обитающих.

Советы против смуты. «Западнизм» — пагубная несамостоятельность от слабости — как особая форма не только экономического порядка, но и политической власти уже завершает свое историческое деяние в возрождающейся России. Дикий капитализм — разгульное бездумие — для российского общества советского (трудостарообрядческого и рабоче-крестьянского) типа уже отыграл свои козыри. Приходит время думать не только об экономическом, но о духовном и культурном прирастании России.

---

¹⁰⁵ Общественный совет при Президенте РФ, а также — общественные советы при губернаторах.

Современная властная вертикаль вынуждена будет считаться с архетипическими формами народного самоуправления и народного самодержавия. Без такой оглядки «власти одежды» на «власть народного тела» ни одна политическая власть не устоит и будет разорвана в клочья. Именно поэтому крупный российский политик — это, прежде всего, интуитивист народной воли, если это не так, то он становится самозванцем и начинается эпоха беспросветного безвластья — российской смуты.

Проблема «государственничество или советничество» — центральная проблема социально-организационной российской истории. Феномен государственничества усиливается в периоды широкого организационного строительства по уже сформированному и созданному, широко апробированному плану. Феномен «советничества» становится значимым, когда необходимо внести значительные коррективы в стереотипы и формы социально-культурного развития. Советничество — это коллективный способ совместного принятия чрезвычайно ответственных решений, от которых зависит выбор дальнейшего аттрактора развития событий, социокультурного «манка», «неодолимо зовущей к себе утопии».

Думается, что современная российская власть недооценивает бесконечно выросший уровень культуры «народной советскости», до сих пор справедливо подозревая «советскую власть» в качестве самого сильно оппонента государственного единовластия, в какой бы форме оно не происходило. Советская власть и сейчас — по-прежнему — понимается в ее неотделимости от власти тоталитарно-партийной (которая, кстати, сама не переносила «претензии» на решение отдельных проблем даже той советской власти, которая всегда была лишь безропотной тенью власти КГБ-КПСС).

Сейчас российский истеблишмент приучает «население» жить по законам управляемой («проплачиваемой») демократии, которая сначала носила «открытый», а затем «закрытый» (с поправками на назначение губернатора) характер. Но традиции советской власти (что опирается не столько на «коронованные» субъекты власти, сколько на народный здравый смысл), которые проявляются в «культурной» (т. е. освященной традицией) анархии», продолжают сохраняться как потребный стиль общественного поведения, чьи истоки связаны с крестьянской общиной, разнообразными формами кооперативности, противостояния са-

модержавию и тоталитаризму, свободе самовыражения. Даже в условиях глобализации современная власть в России не сможет не считаться с тысячелетними традициями религиозно-культурной, хозяйственно-экономической, организационно-управленческой («властной») жизни.

В настоящее время в России складывается новая власть, она возникает как преодоление незаконно захваченной одной партией власти в 1917 году, как медленное и робкое посягательство на власть белого, серого и черного криминала, которая характерна для нашей страны, начиная еще с доперестроечного периода. Возникающая власть вряд ли будет похожа на современные образцы власти в западных странах, ибо ее практическо-утилитарный характер очень часто проявляется в тех случаях, когда в западных странах возникают случаи гражданского неповиновения и молодежных социальных протестов. Эта власть, весьма вероятно, будет похожа на те образцы анархической (антигосударственной) власти, которая всегда противостояла государству как форме решения проблем одного класса-слоя, будь то, дворянский, буржуазный или рабочий класс. Советская власть, по своей природе, — это способ советования между различными классами, между государством и гражданским обществом, между различными социальными полами (гендерами) (не только между мужским и женским гендером, но и между детством-юностью и взрослостью-старчеством).

Российская советская власть в таком случае становится неизбежностью для информационного общества, где способ устойчивого, ненасильственного развития может быть задан сначала в виртуальной реальности, а затем реализован как факт совместного (когерентного) социального действия большой эффективности. В еще большей степени это относится к формирующемуся ноосферному обществу, в котором техногенное развитие (доминантное для информационного общества) уступает место высоким технологиям собственно человеческого развития.

К сожалению, очень часто современная реальная российская власть не слышит и не хочет слышать голос народа и интеллигенции, она еще только мучительно заставляет себя делать это, она все еще фактически противостоит народу в желании подстроить российский народный (этно-национальный) мир под «верные» образцы западной цивилизации. Однако, культурный

народ (в результате великой культурной общенародной революции российский народ действительно постепенно становится одним из самых культурных народов мира) уже претендует на более высокий уровень той власти, «которой он достоин».

На одном из домов в нынешнем Иванове до сих пор располагается мозаика «Вся власть Советам». Сто лет одиночества для советской власти, как показывает наша сегодняшняя история, заканчиваются. Начинается время народной (а не *однопартийной* псевдонародной) советской власти, которая и позволит сделать нашу страну не только экономически процветающей, но экологически благополучной, а также физически, психически и духовно здоровой страной, в которой фундаментальные ценности ноосферного (общечеловеческого глобального развития) будут в каждый конкретный момент социального развития гармонизироваться с этно-национальными (а значит и религиозно-конфессиональными) ценностями.

Возникнет ли новый ноосферный облик современной российской власти? Возвращаясь к формам эффективной власти, способной управлять гигантским кораблем российского геохронотопа, скажем, что идея советов оказывается необходимой для современной социальной практики. В ней может быть, и сконцентрирована «обратная связь», без которой, как утверждает кибернетическая теория и синергетическая наука, не может функционировать ни одна живая система. Современная социальная философия подчас оказывается «больше», нежели оптимизированная «политическая философия», а, значит, есть большое поле для размышлений не только о современной «власти бюрократии», но и о современной «власти советов».

Советская власть как форма естественной самоорганизации в исторической традиции проявляет себя противостоящей жесткому механизму государства, которое проявляется в самодержавно-имперских или партийно-тоталитарных формах. Может быть, именно сейчас и оказываются в России по-настоящему востребованными формы культурного и цивилизованного самоуправления народа, того идеала, который видели в российской жизни анархисты-интеллигенты и кооперативисты-интеллектуалы. Элементы кооперативности в развитии коэволюции государства и общества могут быть эффективными лишь в способах взаимодействия, по-

хожих на феномен советования (в том числе и на традиции иваново-вознесенского советования). Когда власть боится такой интеллектуальной народно-властной силы, это означает лишь то, что по своему культурному и нравственному уровню она гораздо ниже, чем управляемый ею народ.

Современная Россия, думается, в своем культурно-историческом развитии доросла до того состояния, когда своеобразная форма «нелигитимной советократии» в начале XX века (выросшая в свое время в России на самых различных уровнях: на высшем — в форме Государственного Совета, в котором заседали высшие чиновники, на низшем — в форме Совета рабочих депутатов, в котором заседали представители народа) реально может стать лигитимной и реальной советской властью. Думается, что только в этом случае идеалы нашей демократии будут идти в унисон с ноосферными процессами, характерными для современного информационного общества.

Опыты «российской кратологии» пока не очень убедительны и аргументированы, но общесоциологический закон сопряжения глобального и локального, материального и духовного, экономического и экологического общественного и личного все сильнее начинает работать в современной истории. И это порука тому, что новое издание советской власти, когда-то рожденной в Иваново-Вознесенске, медленно, но верно будет продвигать нашу страну к формам не только правового и социального, но и народного государства, о чем всегда мечтал русский мужик, считая, что если ему не будут очень мешать, он сам найдет способы совместного с другими решения своих собственных проблем. Может быть, это время пришло?

Философия государственно-олигархического монополизма и будущее страны

В истории России было десятилетие, которое очевидно историками будет названо десятилеткой государственно-олигархического гламура — это 1998—2008 годы. От одного кризиса до другого уже не собственно российского, но глобаль-

ного. Россия, включившись в банко-карточную глобальную игру, как и положено неопытному игроку, проигралась в пух и прах.

Опыт последних двадцати лет убеждает в том, что выстроенные практические модели так называемого российского либерализма лишь внешне незначительно отличаются от тоталитарно-социалистического прошлого. В действительности перед нашими глазами предстало второе издание государственного большевизма: если в социалистическое время имел место партийно-тоталитарный большевизм на однопартийной основе, то сейчас имеет место олигархическо-либеральный большевизм на той же однопартийной основе.

Показательным примером такой трансформации является основа российской державности — государство в государстве — «Газпром». В период до глобального кризиса эта структура позиционировала себя как мировоззренческий и интеллектуальный авангард, о чем, помимо всех прочих фактов, свидетельствовала деятельность Неправительственного экологического фонда им. В. И. Вернадского. За десять лет фонд фактически осуществил реальную вернадскианскую революцию в сознании значительной части школьной и студенческой молодежи России, ибо идеи великого российского ученого впервые зазвучали на высоком уровне как своеобразная альтернативная идеология развития России.

Глобальный кризис, очевидно, привел к значительному изменению стратегических приоритетов. В этом контексте показательна опубликованная в журнале «Газпром» статья А. Фролова и С. Правосудова «Альтернативная реальность. "Зеленая" энергетика дорога и неэффективна»¹⁰⁶. Основная идея статьи представлена в аннотации: «Чаше всего ставка на альтернативную энергетику — это либо бессмысленная попытка обмануть природу, либо вполне осмысленная попытка обмануть других людей. Проповедники "альтернативы" и их сторонники забывают, что закон сохранения энергии не делает скидок. Для него нет разницы между более или менее экологическими ис-

---

¹⁰⁶ Фролов А., Правосудов С. Альтернативная реальность. «Зеленая» энергетика дорога и неэффективна // Газпром. 2010. № 12.

точниками. Впрочем, отмахиваться от перспективных технологий нельзя. Но необходимо отдавать себе отчет в том, что многие "альтернативы" являются нишевыми и не способны решать глобальные энергетические задачи»¹⁰⁷.

Один из авторов данной статьи является главным редактором журнала «Газпром», поэтому очевидно следует рассматривать эту формулу как официальное руководство к действию. Однако, не все в этом пассаже однозначно. Во-первых, «закон сохранения энергии» (очевидно, идет речь о втором начале термодинамики) в таком контексте может быть понят и как «социальный закон сохранения энергии», который предполагает всемерное сбережение энергии на каждом этапе ее производства и использования, а это, в свою очередь, предполагает подсчеты и экологических издержек производства углеводородного топлива. Во-вторых, известно, что западные страны прикладывают значительные усилия и выделяют огромные средства для создания инфраструктуры альтернативной энергетики¹⁰⁸.

Появление в корпоративном журнале главного российского ресурса довольно странной аргументации свидетельствует о том, что идеологи Газпрома не видят не только внешней реакции на эгоизм главной российской монополии, но и не ощущают раздражения внутри страны по поводу того, что Россия, будучи мировой газовой державой, по-прежнему не имеет возможности газифицировать территорию страны, не говоря уже о том, чтобы сделать это в соответствии с современными технологиями энергосбережения, не перекладывая чрезмерно расходы за энергоучет на плечи населения.

Важно отметить, что журнал «Ноосфера», издаваемый дочерней структурой Газпрома — Неправительственным экологическим фондом им. В. И. Вернадского — формирует более современную парадигму глобального мировидения, в значительной степени вытекающую из мировоззренческих установок великих российских мыслителей начала и середины XX века — Д. И. Менделеева и В. И. Вернадского. Думается, что это имен-

---

¹⁰⁷ Там же. С. 6.

¹⁰⁸ Известно, что одним из первых шагов президента Б. Обамы стало выделение денег на развитие гелиоэнергетики.

но то направление научной мысли как планетного явления, о котором говорил В. И. Вернадский. Подобная дискуссия весьма плодотворна, но беда заключается в том, что последнее время журнал «Ноосфера» вдруг перестал выходить. Заметит ли научная общественность этот неожиданный шаг в осуществлении модернизации России, а если заметит, то какие выводы из этого будут сделаны?

К сожалению, перед нами идеологический синдром государственно-олигархического монополиста, теряющего не только социальную, но и интеллектуальную ответственность перед народом страны, которому и принадлежат по логике исторического развития ресурсы его земли.

Судя по всему, «ноосферная автотрофность» уже в этом столетии потребует от человечества полноформатной диверсификации и всеобщей экологизации энергетических ресурсов. С одной стороны, «зеленая» энергетика имеет все возможности для того, что стать предельно эффективной с развитием современной нано-технологической промышленности. С другой стороны, потребуются минимизация энергетических объемов, а значит весьма вероятно, что энергию придется добывать там, где ее и потребляют. Экологические и ноосферные дома уже сейчас рассматриваются как эффективные способы решения именно глобальных проблем развития современной цивилизации.

Если в России и может быть какая-то модернизация, то она будет ноосферной модернизацией, т. е. формой всемерного развития человеческого фактора, а не бесконечным обогащением чиновничьего государства, мощь которого будет обеспечена перекачкой углеводородов за границу, в условиях беспрецедентной эксплуатации автохтонного населения страны. Человеческое качество связано прежде всего с научным, интеллектуальным, духовным, культурным развитием народа, творческие способности которого на основах самоорганизации (а не либерально-тоталитарного государственного механизма) обнаружат традиционные для России формы пассионарного бытия, возрождения духа, угнетенного в течение долгого времени самодержавного, партийного и либерального тоталитаризма.

Декабристы XXI века: кризис бинарного бонапартизма в России

В декабре 1825 года на Сенатскую площадь вышли полки, порожденные «духом 12 года». Военный поход в Европу многому научил российское общество, и оно было готово сделать рывок для нового этапа пропетровских преобразований страны. Однако, метаистория распорядилась иначе — Россию подморозили, чтобы через век энергия «задавленных и рассерженных» оказалась подобной росту, пробивающему асфальт.

Опыт исторического развития России показывает, что нельзя управлять людской энергией, постоянно придавливая камнями крышку кастрюли с кипящей водой. Новые российские бояре и дворяне, к сожалению, плохо помнят русскую историю, может быть, и не учили ее, а только слышали обрывки исторических анекдотов. Богатство и слава лишают значительную часть эгоэлиты российского правящего класса здравого смысла, тем более что они утилитарно учли опыт прошлого — свои деньги они хранят в зарубежных банках, а их дети (главное вложение капитала) учатся в элитных зарубежных университетах. Никогда Россией не управляла элита, даже будучи инородной, которая *не связывает* свои интересы со страной, которой правит. Сейчас фактически имеет место именно такое положение.

Весьма характерно, что всероссийский поход крупных и мелких челноков в Европу через двадцать лет закончился тем же, чем закончился он после похода российских войск в наполеоновскую Европу — выходом на площадь, на сей раз на Болотную, а не на Сенатскую. Что обозначает для современной России *движение декабристов* и не грозит ли после его подавления стране новая николаевская эпоха? Наступает ли кризис современного цезаризма в России?

Известно, что аналогии всегда хромают, но они очень часто позволяют достаточно точно передать главную мысль: на Болотную площадь вышел не «офисный планктон», на нее вышли солдаты нового информационного общества, хотя, конечно, вывели их люди, с большими чинами и званиями. В современной медвежьей России мелкие и средние интеллигентские зверушки не

имеют никакого голоса, даже если в журналах тиражом в 100 экз. на серой бумаге озвучивают свои нетленные мысли. (В провинциальном обществе информационное торможение значительно более сильно, нежели на московском и питерском серверах современной глобальной жизни.) На Болотной площади «квкали лягушки», которые высказывали свое недовольство, боясь за свою собственную судьбу в обществе, где беспрецедентно нарастает всеобщая социальная ненависть народа к власти, где растет возмущение разнообразными формами «мигалок» и «подмигиваний». Нынешнее российское общество, похоже, больше живет при феодальном строе — не только исполняя барщину, но и выплачивая немалый оброк. Олигархический коммунизм, который устроили для себя бывшие партократы, очевидно закономерное продолжение пресловутого «развитого социализма», при котором «на блаженном острове коммунизма» положено было жить особо избранным.

Кулацкий (в прямом и переносном смысле) капитализм Ельцина, богатей, постепенно превратился в антинародный олигархический империализм, и тем самым обнаружил всеобщий *кризис современного (бинарного) бонапартизма* в России. Нельзя сидеть одновременно в богатом золоченом кресле богача-госолигарха и на нестроганной табуретке бедняка-плебса, нельзя играть одновременно в двое ворот — такой вывод, как думается, следует из матчей в фут-бол на Бол-от-ной площади, которые больше похожи на «стояние на Угре». Перед будущей российской властью, которая по своей природе всегда носит бонапартистский характер (ибо всегда обречена лавировать между Сциллой и Харибдой) встает сложная теоретическая и практическая проблема — совершенствования бонапартизма в условиях разоренной, разворванной и разорванной России.

В чем же истоки будущего коэволюционного бонапартизма в России? Прежде всего, в переносе акцента с армии на народ. К сожалению, нынешняя власть все сделала для того, чтобы оттолкнуть от себя торговый и интеллектуальный пролетариат, которому, как оказалось, уже «нечего терять кроме своих собственных цепей». В обществе нарождающейся компьютерно-информационной власти социальных сетей невозможной оказывается

прежняя лицемерно-притворная ложь закрытой бюрократии: блеск функционирования единоросовской партии убедительно показал нищету ее народного доверия. В России проявила себя очень конструктивно и *лояльно* новая *информационная демократия*, с которой уже не смогут не считаться даже самые высокие представители власти. Не будет преувеличением сказать, что эта новая форма демократии носит ярко выраженный советский характер, советский не в том ироническом смысле, который обычно используется в придворно-либеральной печати, а в точном значении этого слова — совместном советовании значительной части людей по поводу того, как жить дальше не в «этой», а в «своей» стране.

Советская информационная демократия для России (с ее большими просторами и многообразием способов сосуществования) может оказаться весьма продуктивной формой народно-виртуальной власти, на которую может реально опираться новый российский бонапартизм, пока в России не завершится переходный период к рационально-ноосферному обществу, в котором общее благо и личное благо найдут наконец-то свое гармоническое сосуществование.

Раздел VI

СОЗНАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ МИРОПОСТРОЕНИЯ

Ноосферные искания российской интеллигенции (1993). Ноосферность в контексте теории устойчивого развития (1994, 1997). Социокультурная динамика ноосферной идеи: история и современность (1997). Социодинамика ноосферного универсума в категориальном дискурсе (2000). Проблемы устойчивого развития и социальной синергетики (2007). Российская интеллигенция и ноосферное миропостроение (2014). Российское глобальное сознание: великое противостояние интеллектуалитета и интеллигенции в России (2016).

Ноосферные искания российской интеллигенции

Проблема становления ноосферы в научной литературе появилась лишь в XX веке, но фактически поиски разумного, совершенного устройства общества, его гармонического взаимодействия с природой шли на протяжении тысячелетий.

Движение к глубокому осмыслению и пониманию сложных взаимоотношений в социальном и социоприродном организмах прошло трудный путь. Первоначально, на ранних ступенях развития общества, поиски гармонии осуществлялись на уровнях обыденного сознания, народных традиций и опыта поколений. Равновесие, связанное с функционированием патриархального уклада, оказалось сломанным бурными социальными, политическими и экономическими процессами эпохи становления техногенной цивилизации. Это потребовало иных уровней осмысления — философского и научного. На протяжении всего XIX века российская дворянская, разночинная и «пролетарская» интеллигенция интенсивно искала выходы в цивилизованное состояние, но ни попытка дворянского переворота, ни царские «реформы сверху», ни террор народолюбцев не оказались эффективными для всестороннего преобразования России.

Проблемы преобразования природы, социоприродные проекты преобразования России и планетарной среды обитания особенно интенсивно начинают ставиться в последней трети

XIX века. К подобным проектам можно было бы отнести «философию общего дела» Н. Ф. Федорова, почвоведение В. В. Докучаева, появившиеся позднее «заветные мысли» Д. И. Менделеева, и ставшие своеобразным итогом биосферно-ноосферные построения В. И. Вернадского.

Начало XX века породило в России поразительный феномен соединения социалистических идей (которые, по словам В. И. Ленина, «Россия буквально выстрадала») с космическими идеями, комплекс которых обозначается в наше время понятием «русский космизм». Парадоксально, но факт, что мавзолеем вождя и бальзамирование его тела напрямую связаны с идеями Н. Ф. Федорова, с попыткой в далеком или близком (в зависимости от темпов развития науки) будущем воскрешения людей. Фантастические социальные проекты перекликались с не менее дерзновенными проектами преобразования природы планеты и космического пространства. Здесь, в природно-космическом романтизме, а точнее утопизме, лежат истоки гигантских строек социализма и коммунизма, «проектов века», подобных повороту северных и сибирских рек и т. п. Отважившись на вселенский дерзновенный эксперимент на себе (как это делали многие ученые) Россия уподобилась Еве, соблазненной отведать запретный плод.

Вполне вероятно, что точно так же, как мы с высоты двух тысячелетий смотрим, улыбаясь на проекты Платона, Мора, Кампанеллы, Фурье и Оуэна, наши далекие потомки будут смотреть на «ноосферные» — разрушительные и почти средневековые — поиски человечества в XX веке.

Ходом исторического прогресса оказались сильно подорванными как коммунистические, так и «ноосферные» иллюзии, однако это не означает ухода от дальнеперспективного формирования общепланетарной собственности, собственности человечества на биосферу, не означает отказа от действительных ноосферных построений. В конце XX века реально происходит инверсия таких фундаментальных понятий, как «социализм» и «ноосфера», а значит, возникает необходимость углубленного изучения мировых тенденций развития планетарной социоприродной реальности.

Ноосферность в контексте теории устойчивого развития

В истории философской мысли «культура» традиционно противопоставляется природе. В наше время эта ситуация стала кардинально меняться: «культура» (в широком смысле слова) все более становится не анти-природной, а со-природной. Впрочем, сама культура в той или иной степени качеством со-природности обладала всегда. В XX веке синонимом со-природности стал термин «ноосферность». Ноосферность — это гармоничность, созвучность мира человеку и человека миру, учитывая, что в различных культурных ареалах понятия «мир» и «человек» могут обозначать достаточно отличные друг от друга феномены. «Ноосферность» Гесиода и Платона столь же сильно отличается от «ноосферности» «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, сколь последняя, в свою очередь, отличается от «ноосферности» «Научной мысли как планетного явления» В. И. Вернадского. В русской культуре термин «ноосферность» в известном смысле созвучен понятиям «софийность», «соборность», «бого-человечность», которые в свою очередь, есть конкретно-исторические формы того, что в XX веке в русской культуре получило название «ноосферность».

Ноосферность — это гносеологическая и праксиологическая интенциогнальность миропостроения на основе трехипостасности, выраженной формулой «истина-добро-красота». В переложении на язык XX века ноосферность может быть представлена как стремление к разумному, гармоничному, справедливому, человечному устройству мира, к общечеловеческому духовному, к планетарному качеству бытия цивилизации. Ноосферность духовной культуры проявляется в социально определенной, субъективно детерминированной, сознательно опосредуемой, культурно-соразмерной и техно-претворяемой человеческой деятельности, выступающей системообразующим фактором ноосферности материальной культуры.

Концепция устойчивого развития с ее принятием на государственном уровне приобретает статус практической теории. Это требует не только общенаучного, но и философского ее осмысления.

В отечественной философско-экологической литературе можно обнаружить два пересекающихся подхода к оценке перспективности методологии устойчивого развития. Первый из них предполагает критический взгляд на возможность и целесообразность применения в российских условиях «идеологических» составляющих концепции устойчивого развития при признании значимости ее философско-методологического содержания. Второй подход, на наш взгляд, являющийся более оправданным и целесообразным, рассматривает идеи устойчивого развития в рамках учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Весьма продуктивными в этом направлении являются, во-первых, различные формы отождествления концепции устойчивого развития и учения о ноосфере, во-вторых, представления о современных процессах самоорганизации в контексте широко понимаемого «рыночного» механизма («РЫНКА»).

Специфически ноосферной проблематикой, выходящей за рамки узко понятого «устойчивого развития», является многообразие социокультурных компонентов, не всегда подчиняющихся прокрустову ложу западной глобалистики. Ноосферная проблематика требует вовлечения в реализацию праксиологических, миропостроительных программ широкого социокультурного и культурологического контекста, она предполагает включение в мировоззренческо-методологический блок эколого-ноосферного знания наряду с глобальной и социальной экологией, экологией и экологией человека, такие кластеры ноосферного знания как экология культуры и экология духовности.

Современные подходы к реализации программ миропостроения, обладая колоссальным по мощности информационным обеспечением, тем не менее, не могут обойтись без методологических теорий разного уровня общности. В этом смысле концепция устойчивого развития ориентирована на отсек «сегодняшнего дня» — это своего рода краткосрочное планирование: концепция В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу продлевает пространство ожидаемого будущего, формы опережающего отражения становятся долгосрочными прогнозами и планами.

Социокультурная динамика ноосферной идеи: история и современность

Каждая идея в истории человеческой культуры имеет свое место и время, она внезапно рождается и незаметно умирает, трансформируясь или пересекаясь с другой идеей, тем самым рождая новый духовный феномен. В толщах пластов истории культуры порой очень трудно установить генетические связи идей, тем более, что идеи меняют, подчас, не только одежду, но и тип лица и характер поведения. Под воздействием разнообразных геополитических, экономических, экологических, исторических и социальных условий складывается социокультурная динамика любой идеи. Однако, всемирная история знает идеи, имеющие глобальный общечеловеческий характер, масштабность социодинамики которых превосходит обычные историко-культурные хронотопные локальности. Ноосферная идея относится к идеям последнего рода: ее бытие неотрывно от родового бытия человека, она сопутствует ему в различных своих формах на протяжении всей истории человечества, в разные эпохи, приобретая непохожие обличия и подчиняясь закону неравномерного скачкообразного развития духовной жизни, специфично проявляясь в тех или иных гео-географических измерениях и культурно-языковых ареалах.

Ноосферная идея в социокультурном плане в течение длительного времени существовала как идея Бога или Духа (идейно-идеальная субстанция), как идея Мира или Вселенной (космопланетарная субстанция) и как идея Человека и Творца (земно-бытийная субстанция). По большому счету, сложная взаимопересеченность этих трех измерений и дает представление о социокультурной динамике ноосферной идеи.

Развертывание полифонии ноосферной идеи осуществляется в синкретическом духовном континууме: единство религиозного, художественного, философского и научного знания (сознания) как форм бытия субъективного оказывается обязательным условием ее развития, так как задает координаты ноосферной идеи, обеспечивает перетекание смыслов из одной сферы духовности в другую.

Наиболее сильно представленность ноосферной идеи — внутреннего и внешнего миропостроения по законам «истины — добра — красоты» — имеет место в фундаментальных феноменах культуры, т. е. таких феноменах, которые содержат наибольший глобально-общечеловеческий потенциал. К таким явлениям в русской культуре, например, можно отнести Софийский Собор в Киеве, «Слово о полку Игореве», Владимирскую икону Божьей Матери, рублевскую «Троицу», Собор Василия Блаженного, Московский Кремль. Иносказательное бытие ноосферной идеи в этих памятниках культуры раскрывается через специфику зрительности, слышимости, осязательности: в каждом из них обнаруживается софийное видение мира, особая парадигма миропостроения. Целостность культуры, в том числе и национальной, демонстрируется картинностью мира Духа и телесного Мира (органического, биосферного, космического). Ноосферность мира в образности Софийского собора и Собора Покрова на Рву одновременно и разнится, и ладится, как бы задает ось реального ноосферного движения. Интенциональность культуры, просматриваемая в чреде отдельных феноменов культуры, на наш взгляд, намечает ноосферный вектор: культура может увядать, как дерево зимой, но сила духовности мира заставляет прорасти ноосферность человеческого бытия вновь и вновь.

Построение периодизации историко-философской и социокультурной динамики ноосферной идеи — задача трудная, но осуществимая, особенно, если учитывать, что культура всегда стремится к ноосферности, а ноосфера устремлена к культурности. Каждая национальная культура имеет свой собственный ноосферный потенциал, из которых и складывается ноосферное качество человеческой цивилизации.

Архитектоника формирования ноосферной идеи в общечеловеческой культуре может быть представлена и философским конструированием, т. е. детальным анализом всей полноты объект-объектных, субъект-объектных и субъект-субъектных отношений. Моделирование посредством изображения протяженности «духовно-телесной субстанциональности» осуществляется с учетом того, что духовное имеет религиозную, художественную, философскую и научную ипостаси, а телесное раскрывается в оппозициях космического и земного, органического и неоргани-

ческого, живого и косного («неживого»), живого и разумного, естественного и искусственного. Структурность телесного (тело Вселенной, тело биосферы Земли, органическое тело человека), которая задает многочисленные феномены духовности, — бесконечно сложна и с большим трудом описывается даже с учетом той информационной мощи, которой обладает современная цивилизация. «Неприродность», искусственность тела современной цивилизации вступает в противоречие с формами бытия Духа. Ноосферная идея в своих коренных качествах как раз и обустроивает Тело под формы Духа. Процесс этого обустройства многоступенчат и труден, он идет чаще всего методом проб и ошибок, но история постепенно создает ноосферный фундамент культуры — своеобразный инстинкт самосохранения, выживания человеческой цивилизации. Вызревание телесности ноосферы обременено ее сегодняшним техногенным качеством, а также неэкологическим, хищническо-потребительским качеством человека, пока не интегрированной в биосферу техносферы. Процесс формирования ноосферной культуры будет способствовать процессу становления качества ноосферности («человеческого ноосферного качества») как в контексте общего, так особенного и единичного.

В историческом плане формирование ноосферной идеи шло в русле создания локальной ноосферной телесности и глобально-общечеловеческой ноосферной духовности. В русской культуре первый момент связан с феноменами скита, храма, монастыря, второй — православия, софийности, всеединства, соборности. В отдельные исторические периоды усиливалось целенаправленное созидание телесного (например, сады и храмы эпохи А. Боголюбского, петровские преобразования, социалистическое строительство), в другие — духовности (первое и второе южнославянские влияния, русское Предвозрождение, Золотой, Серебряный, Бронзовый века). Особенность ноосферного миропостроения заключается в том, что телесное и духовное должны торить дорогу друг другу, сопутствовать: исторические разрывы этого единства, как правило, сопровождались социальными и культурными катастрофами. Действительное ноосферное миропостроение осуществляется лишь в духовно-телесном континууме (Универсуме), требующем синтеза духовно-философско-

научного осмысления и техноэкологического освоения мира. Синкретизм культуры, ее многоцветие и полифонизм, органичность искусственного и одухотворение естественного в этой связи становятся чуть ли не главными качествами ноосферной цивилизации.

Современный этап развития российской культуры связан с превращением ноосферной идеи в идею Ноосферы. Её осмысление происходит неравномерно в различных регионах страны. В одном случае дается философский анализ идей В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, в другом, — создаются основы построения ноосферной школы, ноосферного образования в целом, в третьем — отрабатываются способы управления ноосферными комплексами. Все это стало возможным в результате возвращения всего массива мировой культуры (включая за рубежную русскую культуру), глубокого постижения идеи русского космизма, освоения научного и философского творчества В. И. Вернадского.

Социодинамика ноосферного универсума в категориальном дискурсе

История России — как это сейчас отчетливо видно — громадная лаборатория, в которой в течение долгого времени создаются и опробываются разнообразные социоприродные и технокультурные структуры — ойконоосы (или эконоосы). Данное положение относится и к любой другой культуре, но в России смелое социальное экспериментаторство в гигантских масштабах отвечает масштабам страны, в которой эти эксперименты проводятся. История человечества может быть представлена в этой связи как ветвистое дерево, которое содержит и сохраняет само собой память о каждой новой форме синтеза «дома» («ойкос», «экос») и «разума» («нооса»). Дом и разум дома неотделимы друг от друга и друг без друга не существуют, как не существуют друг без друга душа и тело человека, но на разных исторических этапах способы взаимодействия их меняются, облакаются иными функциями и акцентуализациями. Таким образом, история культуры и история философии на самом деле — не история разведе-

ния человеческого духа и тела, бытия и сознания (как это подчас представляется в литературе по истории философии), а история понимания и объяснения универсальной (универсумной) связи, существующей в мире. Не так трудно человеческому разуму разорвать все на части (разбить зеркало мира, или, как говорит Р. Рорти, «зеркало природы»), как схватить Единую картину мира, облечь все формами синтеза, соединить как всегда казалось абсолютно несоединимое. В XX веке рождается постепенно человек Синтеза, Мирочеловек, или Человек-Универсум. Это неожиданное обстоятельство — рождение «Феномена Человека», обозначенное П. Тейяром де Шарденом, — объясняется одновременно и развитием тела и развитием Духа планеты Земля. А. Печчеи означил тот же самый факт категорией «человеческое качество», указав при этом на рамки применения. Движение к пониманию полноты содержания этих двух терминов, на наш взгляд, — один из самых существенных духовных процессов современности, ибо он описывает постоянно меняющийся ноосферный хронотоп — онтологическое содержание деятельности человеческой цивилизации, взятый безотносительно рефлексии этой деятельности со стороны человека.

Такой «бездушный» подход не пользуется особой любовью «философов нормы» (философов, старающихся при всей тяге к формам «растворения в» оставаться на границе «реального противоречия», чтобы актуализировать форму своего бытия) и очень часто «поход в онто» совершается лишь для того, чтобы «обратиться к фило». Если «онтогенез повторяет филогенез», то это в полной мере относится и к гносеологической, и аксиологической и праксиологической процессуальности (гносеогенезу, аксиогенезу и праксиогенезу).

Движение в сторону от абстрактного и конкретного всеобщего (ноосферы, понятой как ноосферный хронотоп) в сторону отдельного порождает категориальные длительности (континуальности), как бы единые категории, заведомо включающие в себя разведенности: «ноосферное сознание — ноосферная реальность», «ноосферная идея — ноосферное миропостроение», «ноосферный человек — ноосферный Универсум». Подобного рода единодуальности необходимы в процессе естественного философского мышления для того, чтобы снимать дурные беско-

нечности «старого диалектического мышления», но и они, в свою очередь, есть лишь промежуточные звенья (ступени) на пути к «треальностям» — неким категориям, имеющим отношение к «растриединенным реальностям». Такого рода «треальности» могут быть продемонстрированы единопонятием «ноосферный человек — ноосферное сознание — ноосферная реальность».

Библейский термин «Слово» в этом синкретическом смысле сможет выражать единый, неразделимый, актуальный текст, выражающий во всей полноте абсолютное тождество человека и мира в универсуме. Обсуждая проблемы системности категорий ноосферной философии, обратим внимание на то, что связка «ноосферная идея — ноосферное миропостроение» разворачивается единомудуальным термином (и это не так называемая «парная категория») «ноосферное сознание — ноосферная реальность», который в свою очередь *раскрывается* «дополнительностью «ноосферный человек — ноосферный Универсум». Применительно к такого рода «двойным словесным спиралам» (аналог с ДНК и РНК, на наш взгляд, в этом случае вполне уместен) можно говорить о правизне и левизне (асимметричности) «смыслологоса», которые вполне могут быть прочувствованы при сравнении форм «слОво» и «лОгОс».

Проблема левизны и правизны в категориально-философском дискурсе имеет традиционно смысл левополушарности и правополушарности, но, образно выражаясь, по крайней мере, есть еще один аспект — праворукости и леворукости, который неотъемлем от онтологического, естественного, действительного философствования. Задача показать разворачивание философских единомудуальностей в системе категорий ноосферной философии требует последовательного их анализа. Здесь предлагается один из возможных подходов к анализу-синтезу термина «ноосферная идея — ноосферное миропостроение». Уже само совмещение (сосмещение, со-смещение) понятий «ноосферная идея» и «ноосферное миропостроение» требует пояснения. «Ноосферная идея» — термин неотторжимый от понятий «идея Ноосферы» и «идея ноосферы» и в известной мере показывающий, как совершается круговорот идеально-материально-реальности. Ноосферная идея (идея разумности и разумности стремлений че-

ловека и общества к жизни в гармонии со своим собственным бытием) существовала в мировой культуре всегда и везде. «Всюдность ноосферной идеи» — эмпирическое обобщение культурологии как науки.

В отечественной культурно-философской традиции ноосферная идея (существовавшая инкогнито под псевдонимами разной степени точности выражения ее сути) существовала по крайней мере в трех формах: 1) как утверждение «истины — добра — красоты» (точнее «Истины-Добра-Красоты» в мире (например, в творчестве В. С. Соловьева); 2) как обнаружение «правды и красоты» жизни (что можно увидеть в творчестве Н. Г. Чернышевского, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова); 3) как оправдание существования (как «бытия существа сущности» и «бытия сущности существования») Красотой, в частности истолковываемой в формулах «красота спасет мир» (Ф. М. Достоевский) и «сознание красоты спасет» (Н. К. Рерих). Три ипостаси ноосферной идеи выдают ее как идею вселенскую, как идею универсумную. Во всех этих трех случаях говорится как бы об одном, но при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что перед нами три измерения ноосферной идеи, которые попеременно предстают и единичным, и особенным, и всеобщим, а значит, обретают универсумный контекст. «Идея ноосферы» — конкретно-историческое выражение ноосферной идеи в XX веке — рождается в трудах П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского. В отечественной литературе получила распространение точка зрения о двух концепциях ноосферы — материалистической и идеалистической. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что, с одной стороны, концепций ноосферы значительно больше, чем две, с другой, — рассматривать идею ноосферы как внутренне противоречивую, не-единую — значительное упрощение проблемы, имплицитно предполагающей синтез возможного. Таким образом, идея ноосферы обладает универсумностью в той мере, в какой ноосферная идея — культуроцентрична. Один из самых главных прорывов в понимании идеи ноосферы связан с расширенным универсумным пониманием отношения человека к миру. Как показывает история духовной жизни человечества, такое человеческое качество формируется и культивируется, прежде всего, в религиозном и философском сознании, каждое из которых

«работает» со своей сферой архетипов. Религиозное сознание доводит до совершенства чувственно-интуитив-ную и нравственно-эстетическую стороны универсального отношения к миру, а философское — тренирует системно-научные и аксио-праксиологические стороны рациональности (ментальности и знаниевости). Религия и философия, наука и искусство формируют весь комплекс онтологического качества человека («человеческого качества»), которое обозначается словами «менталитет», «сенсуалитет», «астралитет», «аксиолитет» и «праксиолитет». Универсумное отношение человека к миру не только функция самого человека, но постоянно поддерживаемая интенция человеческого сообщества, нашедшая выражение в «софийности», «соборности», «религиозности», «коммунативности» («коммунотарности»), «вселенскости». Именно универсумное бытие человека является родовым, от века данным — своего рода «библейским бытием». Если идея ноосферы — это онтологическое, а значит планетарное, геологическое, «бесчеловечное» понимание бытия, то идея Ноосферы предполагает и даже задает некий идеальный (т. е. абсолютно-ценностный) смысл, выражающийся всей совокупностью существующих в обществе общечеловеческих ценностей. Проблема общечеловеческих ценностей столь дискуссионна не в последнем счете потому, что человек сам как бы *вынужден* отказываться в силу целого ряда социокультурных и лично-самостных (индивидуально-эгоистических) свойств от своей родовой (определяемой космическим бытием человека и человечества) сущности. Главные причины «отказа от», главные гносеологические трудности не в том, что теоретически, философски всеобщее не представимо в контексте единичного (это как раз вопрос, хорошо исследованный в философии и, до известной степени, являющийся *действительным предметом* философии), а в социальном, техногенном, цивилизационном отказе от человека (не родового, а рядового человека) от *«своего полного неорганического тела»*, т. е. от *ноосферного тела Человека*.

Всемирная история человечества фактически утвердила тезис о том, что как только возникает стремление к соборности, всеединству, вселенскости, так создаются «экологические условия» для существования в социальной среде (на социо-культурно-

природном субстрате) постоянно растущего дифференцирующегося ветвящегося Древа общечеловеческих ценностей. Ноосферное состояние человечества, реализация идеи Ноосферы коррелирует с укоренением всей системы общечеловеческих ценностей, их полноценным полноформатным действительным бытием. История культуры, история философии, история интеллигенции, таким образом, есть история утверждения Человеческого Духа как системы общечеловеческих ценностей бытия, направленной на преодоление «видимой» неуниверсумности и неноосферности человеческого тела. Марксизм на философском уровне впервые провозгласил тезис о *всеединстве телесного*, дав обоснование экономической его стороны, прежде всего в разрезе общественной собственности. Марксово стремление к отказу от частной собственности, к ее уничтожению есть частный (экономический) случай стремления ко всеобщей универсумности. Проблема взаимосвязи частной и общественной собственности в ноосферном (и даже просто в социоприродном) контексте обретает не только политэкономический, но также философско-экономический смысл. Так, в работах Н. Н. Моисеева на основе экологических и синергетических подходов раскрываются новые горизонты понимания РЫНКА как всеобщей системы бытия человечества, основы функционирования Универсума. По существу, так называемая общественная собственность может существовать лишь как общечеловеческая собственность — собственность каждого человека на свое (но ОБЩЕЕ) планетарное (и в то же время космическое) тело. В этом широком эколого-космическом смысле «коммунизм», потерявший свое ограниченное социально-конкретное значение, есть лишь один из примеров провозглашения ноосферной идеи, идеи ноосферы и идеи Ноосферы в ограниченных — вещественно-телесных (прежде всего, экономических, а не экологических) формах реализации Большой системы общечеловеческих ценностей. Именно с теории и практики марксизма начинается череда масштабных, претендующих на глобальность миропостроительных концепций. При всех недостатках конкретно-исторического строительства социализма в разных странах мира невозможно не видеть пусть узкое, извращенное, неумелое, но все-таки воплощение ноосферной идеи в формы ноосферного миропостроения. В. И. Вернадский, не-

смотря на всю свою ненависть к коммунизму в годы революции, тем не менее отдавал должное тем колоссальным подвижкам, которые происходили в нашей стране в годы широко понимаемого социалистического строительства.

Возвращение ноосферной идеи как идеи марксистской в современных постсоветских условиях и показательно, и закономерно. Во-первых, в силу того, что невозможно «рассчитаться» с крайностями сложившейся в 1970-е годы старой идеологической схемы «коммунизм — ноосфера»; во-вторых, нельзя терять собственно философский контекст развития представлений о шагах человечества по пути «самообобществления», становления единого тела человеческой цивилизации, ее биокосного организма, подчиняющегося законам самоорганизации. Понятие «миростроение» обладает некоторыми инструменталистскими преимуществами перед схожими с ним терминами «мироустройство» и «миростроительство». Герундиальный смысл имплицитно содержится в термине «миростроение» и раскрывается в формах «внутреннего и внешнего миростроения», «разумного и неразумного миростроения», «ноосферного и неноосферного миростроения». Проблема ноосферного миростроения — одна из самых значительных проблем ноосферологии как синтетической науки сегодняшнего дня. Ноосферное миростроение — это реальный процесс перехода биосферы в ноосферу, взятый как проявление сознательной целенаправленной разумной человеческой деятельности. Проблема диалектики стихийного и сознательного в пространстве термина «ноосферное миростроение» лишается идеологических ограничений, в рамках которых она рассматривалась в советской философской науке. Выведение проблемы сознательного и стихийного на универсумно-ноосферный уровень позволяет исследовать конкретные этапы, пути, формы, способы, а также принципы и законы ноосферного миростроения. Эти проблемы из сферы категориального анализа выходят на простор социального и культурологического анализа и требуют специального изучения. Категориальный дискурс движения от ноосферной идеи к ноосферному миростроению раскрывает новые горизонты для развития универсумно-ноосферного видения мира.

Проблемы устойчивого развития и социальной синергетики

Одна из сложных задач социального развития — выстраивание опережающих виртуальных моделей устойчивого развития максимально общего (ноосферного) характера, которое чаще всего связано с пониманием (интуитивным осознанием) так называемых аттракторов («манков», на которые идут подчас совершенно бессознательно значительные группы людей, преследуя свои не столько материальные, сколько духовные интересы) социально-экономической и культурно-духовной (общественной) динамики. В работах П. А. Сорокина такого рода динамика называлась социальной и культурной динамикой.

Эта сложная аналитическая и синтетическая работа по выстраиванию приоритетов ноосферного развития имеет два уровня. Первый — общеисторический и общегуманитарный — предполагает выявление самых общих целей и ценностей, их можно было бы назвать ноосферными ценностями, ибо в них сосредоточены основные смыслы самого всеобъемлющего — социоприродного, биосферного (вселенского) человеческого бытия. Оно по определению включает в себя не только экзистенциальное и личностно-персоналистическое, но индивидуальное и общественное (цивилизационное) бытие человека и человечества. Человек размышляющий («человек философствующий») через формы бытия в мире практически всегда интуитивно-синтетически рисует для себя и для других образ созданного им «на данный момент миро-бытия». В этом и состоит родовый смысл деятельности интеллигенции: она осмысливает жизнь на всех уровнях ее сложности.

Так рождаются фундаментальные философские системы, которые практически всегда являются чрезвычайно мощными социальными аттракторами, которые в зависимости от сложившихся обстоятельств могут стать руководством к действию, а могут превратиться в красивые утопии, способные воплотиться лишь в очень отдаленном будущем. Впрочем, как показывает история (в том числе и российская), эти формы не являются дизъюнктивными, чаще всего в социальной действительности проис-

ходит совмещение (наложение друг на друга) социальных аттракторов различной силы и различного радиуса действия. Каждая общественная сила, обозначившая свои предпочтения, реально присутствует на «рынке» (в понимании Н. Н. Моисеева) аттракторов, которые логикой своей сопряженности выстраивают невидимый взгляду виртуальный детерминизм. Локусы спонтанности в этих «узлах истории» (термин А. И. Солженицына) имеют право на существование лишь в незначительных по длительности промежутках времени, когда человек, оценивая необходимость своего поступка, выбирает способ реализации подчас внешней по отношению к нему пассионарности.

Создание философских систем — одна из самых важных форм самореализации этнонациональной общности людей, ибо именно в этих духовных борениях народ осознает себя как самость, как отдельность.

Философские аттракторы не единственные в числе далеких маяков человеческой (гуманистической) социальности. В этом перечне можно назвать религиозные, нравственные, эстетические формы опережающего отражения (миропостроения). Все они в исторической практике причудливо пересекаются и выступают доминантой в тех или иных социально-исторических условиях.

Наряду с этим кластером духовных манков, отвечающих будущим состояниям человеческой эволюции, существуют материальные мотивы. Они проявляются не только в формах материального обогащения, но и технико-технологической оснащенности.

В истории всегда так складывается, что человеческая индивидуальность (так называемые гении, забегающие вперед на 100, 200, 300, иногда на несколько тысяч лет) предвосхищает общее развитие человечества. Выбор приоритетов социального развития осуществляется в формах государственной организации, и как показывает наша сегодняшняя жизнь, косность национальных государственных механизмов может быть преодолена лишь общественными надгосударственными структурами или структурами внутренней общественной самоорганизации (по типу «советования»).

По большому счету в социальной жизни общества формируются две основные (генеральные) модели миропостроения. Первая — традиционалистская для российского общества — предполагает реальное осмысление происходящих в стране и мире процессов и создание образа синтетического мировидения. Ярчайшим примером такого рода модели является книга Д. И. Менделеева¹⁰⁹. Таких примеров различного уровня общности более чем достаточно: история России полна философскими, религиозными, социальными модель-стратегиями, количество которых обычно увеличивается в самые тяжелые, переходные периоды жизни геополитического пространства. (Эта особенность характерна не только для России). Чаще всего такого рода умозрительно-теоретические модели оказываются различными формами «неуслышанных предостережений» (например, «Вехи») и являются рабочим материалом для последующих поколений интеллигенции, размышляющих о новых реалиях бытия и строящих еще более неразрешимые «кроссворды миропостроения». Без этой работы по принципу «пусть цветут сто цветов» не было бы и возможности выбора для утверждения «исторической необходимости», которая формируется как онтобытие (независимо от «расположения» или «нерасположения» к ней людей), но и как психо-сознание (архетипы бытия), через которое история творит свою космическую мифологию.

Вторая генеральная модель носит синергетический характер: она связана с реальным процессом миропостроения, который осуществляется людьми, думающими о своем бытии в контексте его смысла и о своем существовании в контексте своих целей и ценностей в отсеке локального жизнебытия. Так возникает модель самоорганизации внутреннего и внешнего миропостроения, доминантное складывание которой зависит от особенностей общественного сознания, формируемого в рамках системы образования, сложившейся в данном обществе.

Формирование модели образования — одна из самых значимых форм «*направляющего*» развития», осуществляемого интеллигенцией, в противовес государственному *управлению* (особенно, если оно преследует не народные, а своекорыстные инте-

---

¹⁰⁹ Менделеев Д. И. Заветные мысли. Полное издание (впервые после 1905 г.). М., 1995.

ресы властвующего класса). Революция начала XX века в России в этом контексте и может рассматриваться как результат государственного противодействия той модели образования на низшем (народные школы) и высшем (университеты с их автономией), о которой мечтали передовые умы России. «Современная мудрость не прячется, не назначается для отдельных каст, все найденное передает или словом слушателям высших учебных заведений, или печати в специальных изданиях..., чтобы следующие поколения превосходили современные. ...Благо народное неразлучно с деятельною защитою страны и с широким просвещением...»¹¹⁰ «Руководительство и выполнение всего дела высшего образования должно быть доверено профессорам, предоставлено их научной и нравственной ответственности...»¹¹¹.

В информационный век на первое место выступает вторая генеральная модель миропостроения — создание в системе образования моделей опережающего миропостроения в контексте приоритетов социальной самоорганизации. Таким образом, оказывается, что система образования, к которой интеллигенция имеет самое прямое отношение, становится формой создания «программ на вырост», моделей ноосферного миропостроения. В этих условиях особое значение играет деятельность общества и государства в реформировании системы образования. Очень важно, чтобы в увлечении реформированием образования по западным образцам, Россия не оказалась без стратегических программ общепланетарного развития, примерами которых являются добытые гигантским интеллектуальным трудом российских мыслителей теории конца XIX — начала XX века. «Горе отсталым! — таков возглас современности», — утверждает Д. И. Менделеев.

Устойчивое развитие российского общества в психозойскую, информационную, ноосферную, пневмосферную эру определяется сложнейшими процессами социальной самоорганизации людей, одаренных не только талантами, но и результатами функционирования и развития российской системы образования, опирающейся на достижения предшествующих веков, обеспечившие России гигантский скачок в общецивилизационном и культурном развитии.

---

¹¹⁰ Там же. С. 247—248.

¹¹¹ Там же. С. 252.

Из вышесказанного следует вывод о том, что главная модель внешнего и внутреннего ноосферного миропостроения, к которой интеллигенция имеет самое прямое и непосредственное отношение, — это формирование духовно-информационной среды (ноосферной культуры), неразрывно связанной с системой образования, которая является мозгом народа и нации. От ее эффективности во многом и будет зависеть будущее России и, следовательно, будущее самой интеллигенции.

Российская интеллигенция и ноосферное миропостроение

В XXI веке стала отчетливо видна закономерность экспоненциального усиления роли интеллигенции в развитии мировой цивилизации. В своем творчестве В. И. Вернадский обозначал эту закономерность как усиление роли сознания в преобразовании мира (1920), а затем сформулировал представление о научной мысли как планетном явлении (1938)¹¹².

В конце XX века тенденции, намечавшиеся в начале столетия, проявились во всей полноте. Появилась возможность обнаружить антропологическое и социальное измерения субъективного фактора процесса перехода биосферы в ноосферу, в целом ноосферного развития. Современное информационно-компьютерное общество формируется именно усилиями интеллигенции различных социокультурных, мифо-конфессиональных и этнонациональных формаций. Мировая интеллигенция постоянно увеличивается количественно и изменяется качественно, ее воздействие на осмысление потребного будущего человеческой цивилизации становится все более мощным, хотя следует сказать, что меон и хаос по-прежнему являются превалирующими. В этом смысле для развития современной цивилизации актуальным остается древнегреческий образ «кибернетикоса» — человека-лоцмана, стоящего на корме и определяющего стратегии дальнейшего движения корабля, плывущего в мировом и, может быть, даже вселенском пространстве. Формулирование ноосферной парадигмы будущего в этом слу-

---

¹¹² Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

чае как нельзя лучше отвечает смыслам синергетического понимания мирового развития и миропостроения.

Интеллигенция в XXI веке, как и во все предыдущие века, направляет свои усилия на формулирование не только познавательных и ценностных (внутренних миропостроительных), но и деятельностных (внешних миропостроительных) парадигм. Можно сказать, что эта сложная работа вызволения «предустановленной гармонии» будущего из плена мирового хаоса — родовое качество интеллигенции.

Таким образом, нашей задачей является поиск подходов к рассмотрению актуальных вопросов влияния российской интеллигенции XX века на модели ноосферного миропостроения.

В истории философии можно видеть достаточно много определений: онтологические, гносеологические, аксиологические наиболее распространены. Ф. В. Цанн-кай-си, например, считает: «Философия все-таки больше миропонимания. Мирощущение выражено в ней не столь явно»¹¹³; «*философия является теорией — теоретическим обоснованием — мировоззрения*»¹¹⁴, но отмечает: «Жизнь человеческая не сводится к познанию. Наоборот, познание выступает частью жизни»¹¹⁵. Отталкиваясь от этого тезиса, скажем, что уже в XIX веке праксиологическая составляющая философии стала усиливаться и в XX столетии приобрела, по сути, статус доминантной составляющей философии¹¹⁶.

В отечественной философии XX века утвердилось мнение о том, что пространство предметности философского видения мира имеет четыре измерения — онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и праксиологическое. Выход за дуальные и тернарные описания, на наш взгляд, свидетельство возрастания сложности философского мышления и философской картины мира. Отметим и тенденцию к тому, что интегративность

---

¹¹³ Цанн-кай-си Ф. В. Философия как теоретическое мировоззрение. Владимир, 2009. С. 22.

¹¹⁴ Там же. С. 24.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Исходной посылкой такого рода переосмысления стало известное положение К. Маркса из «Тезисов о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

такой тетральности дополняется усилением праксиологической составляющей¹¹⁷.

Конечно, при этом надо учитывать, что каждая оригинальная философская система, а их число, как показывает история философии, измеряется сотнями, представляет собой не только способ бытия и описания этого бытия, но также и формы творения этого бытия. Таким образом, философских измерений картин миро-реальности по крайней мере — десятки. В этом многомерном пространстве постепенно вызревают новые доминантности, соответствующие сложности решаемых задач, вставших перед человечеством. Праксиологическая сторона философии обозначила свою актуальность не только в контексте «социалистического строительства» в нашей стране, которое проистекало из теоретических моделей, в том числе и философско-идеологического характера, она стала *неотъемлемой* и *неотменимой* в условиях «научно-технического прогресса», «научно-технической революции», а в современную эпоху — «информационной революции». Прimitивные формы социального и социалистического строительства ушли в прошлое, но проблема реформ, трансформаций и перестроек осталась; более того, философское содержание «изменения мира» стало предельно сложным теоретическим действием, неотделимым от науки как особой системы программ «ожидаемого и прогнозируемого будущего»¹¹⁸.

Теория изменения мира на протяжении XX века существенно трансформировалась, под влиянием осмысления глобальных проблем современности из чисто организационно-экономической она превратилась в биосферно-экологическую, а в последние десятилетия и в ноосферную теорию. В контексте современной философско-антропологической науки и ноосферной гуманитаристики *философия неожиданно обретает статус*

---

¹¹⁷ В некоторых работах праксиология рассматривается как экономическая наука [см., напр.: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории.* М., 2000] это свидетельствует об усилении статуса философии экономики, да и, следовательно, самой философии.

¹¹⁸ См.: *Моисеев Н. Н. Восхождение к Разуму.* М., 1993; *Моисеев Н. Н. Мировое сообщество и судьба России.* М., 1997; *Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество.* М., 2001; *Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера.* М., 1990; *Степин В. С. Теоретическое знание.* М., 2003.

теории миропостроения. Ноосферная праксиология в ее многообразных (совсем не теоретических) аспектах в настоящее время подвергается жесткой критике, ибо практически все формы современного воздействия государства (единственной формы современной планетарной праксиологии) на природу, общество и человека оказываются (или кажутся) деструктивными и антиноосферными. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает предельную актуальность разработки теоретических проблем ноосферной праксиологии, которая включает в себя рефлексию многообразных форм поведения, общения, деятельности. Человеческая деятельность обретает характер самоорганизации, а значит, следует выстраивать синергетические дискурсы понимания новой универсальной реальности, в которой практическая деятельность оказывается не только материальной, но и духовной, а виртуальная реальность оказывается «более реальной», чем та, которая обозначается термином «объективная реальность».

В таком контексте следовало бы говорить о *ноосферной деятельности* как о разумной, творческой (эвристической) самореализации личности, которая 1) признает необходимость ненасильственных форм действия по отношению к человеку, обществу, природе; 2) учитывает фактор «тонкой подгонки» в многообразных проявлениях; 3) осознает синергетический эффект «малых дел»; 4) понимает смысл опережающего отражения в процессе моделирования («внутреннего миропостроения»); 5) ориентируется на принцип универсальной деятельности «мыслить глобально, действовать локально», т. е. использует во «внешнем миропостроении» весь потенциал коллективного разума и консолидированного человеческого опыта в постановке целей и задач деятельности, а также выборе способов их достижения, учитывая конкретно-историческую специфику социальной, социокультурной, социо-природной и космо-планетарной среды обитания.

Не удивительно, что гегелевская диада «опредмечивание и распредмечивание» в XX веке получила широкое деятельностное истолкование. При этом в рамках деятельностного подхода утверждаются все более тонкие и сложные формы и модели: от форм простой орудийной деятельности человечество постепенно переходит к формам информаци-

онной деятельности, которая, тоже являясь «как бы» орудейной деятельностью, на самом деле перестает ей быть (реализуя виртуальные бесконечно многообразные реальности), но при этом охватывает все модусы человеческого бытия. Так, в философском дискурсе возникает особая философская дополнительность — «внутреннее и внешнее миропостроение».

Такое расширительное толкование предметной области современной философии делает чрезвычайно востребованным тот слой общества, который и отвечает за создание апробированных тысячелетним опытом *изменения мира* способов миропостроения, соответствующих геологическому процессу перехода биосферы в ноосферу (в эпоху смены тысячелетий в значительной степени он предстает как процесс перехода биосферы в уничтожающую ее техносферу).

Феномен интеллигенции в отечественной гуманитаристике рассматривается как предмет комплексного изучения: философские, экологические, исторические, политологические, социологические, психологические, культурологические дискурсы взаимодействуют и обеспечивают всестороннее понимание и представление об исторических формах «сознаниевой детерминации»¹¹⁹. Однако при этом лишь существенно увеличивается значимость философского осмысления мировой интеллигенции, ибо именно интеллигенция (как мета-социальная группа, осуществляющая преимущественно духовное и информационное производство) в значительной степени задает каркас междисциплинарности (или комплексности) отношения современного человечества к предельно противоречивому миру. Естественно, что и сами философские системы должны быть ориентированы на подобного рода задачи.

Философия как особая предметная область позволяет выявить несколько критериев, по которым можно классифицировать теории миропостроения. Самая общая классификация носит философско-культурологический контекст и дает четыре группы теорий

---

¹¹⁹ В западной литературе для обозначения такого рода подхода к анализу действительности используется термин «mind determination», в котором преобладают психологические смыслы.

миропостроения — искусство, религия, философия и наука строят свои самостоятельные модели миропостроения: при этом нельзя сказать, что именно философские или научные модели являются доминантными. Хотя, конечно, есть основания говорить о том, что социокультурная динамика определяет смену приоритетов: миропостроение в эпоху Древнего Египта, при всей широте научных и технологических идей, носило ярко выраженные доминанции мифо-религиозного характера. В настоящее время наука как главная основа теорий миропостроения затмевает собой и подминает под себя все остальные, но два или три столетия такой доминанции фактически завершились философией (мировоззрением) антисциентизма. Поиск всеобщего (вселенского) синтеза культурных ипостасей оказывается трендом информационно-ноосферного развития современной человеческой цивилизации.

Вторая типология, связанная с собственно философским контекстом, дает три группы теорий миропостроения: материалистические, идеалистические и универсумные. Идеалистические и материалистические формы миропостроения в мировой истории (как и в самой философии) явные конкуренты. За идеалистическими моделями стоят века и тысячелетия обыденного и метафизического человеческого опыта, а за материалистическими — быстрота, простота и технологичность исполнения. Наука, всегда являвшаяся опорой материалистических систем, оказалась мотором техно-миропостроительных революций (в данном случае имеется в виду трехмерная система координат теорий миропостроения). Материалистические системы миропостроения наполнили XX век ужасами, которые снились лишь в страшных снах, и о которых поведали в первом приближении Питер Брейгель Старший и Иероним Босх. Универсумные системы миропостроения оплодотворены сформировавшимся в XX веке биосферно-экологическим и системно-синергетическим (не будет сказано лишним — ноосферным) мировоззрением: для них особое значение имеют сложные и суперсложные модели миропостроения (например, «Биосфера-2», «Геоинформационные системы», «Глобальные информационные сети» и другие).

Третья типология в какой-то мере раскрывает не качественные, а количественные (в известной мере — когнитивные)

измерения теорий миропостроения: очевидно целесообразно говорить о монистических, дуалистических и плюралистических теориях миропостроения. Исторический опыт человечества убедительно показывает, что в реальности бытия существуют только плюралистические самоорганизующиеся формы, монизм возникает как форма некоего духовно-мировоззренческого насилия (что особенно хорошо видно и на примере Европы, и на примере России). Многообразные формы человеческой естественной кооперативности¹²⁰ постепенно отбираются в пространстве, где действует уже не только биологический эволюционизм (или социальный дарвинизм), но и универсальный эволюционизм, включающий сложнейшие модели информационно-семиотического свойства. При всем том, монистические и дуалистические модели религиозного или идеологического (и сциентистского) характера хорошо представлены на пространстве многих стран и континентов: идея мирового социализма и коммунизма (также как в свое время и идея мирового капитализма) дает представление о монистических системах миропостроения, а формы сожития буддизма и синтоизма, православия и ислама — позволяют увидеть многочисленные проявления культурной бинарности или языкового билингвизма.

Отметим и самый стандартный в философском смысле критерий классификации теорий миропостроения, связанный с формами бытия и формами общественного сознания: экологическое, экономическое, политическое, правовое, нравственное, эстетическое, духовное и другие виды бытия-сознания показывают, как создаются теории миропостроения на утилитарных, практических и прагматических уровнях самореализации и саморепрезентации человека и человеческих сообществ.

Конечно, в каждой из приведенных выше классификаций можно обнаружить свои ветвящиеся структуры, связанные с делением понятий, но уже такого рода набросок классификации миропостроительных систем вполне достаточен для инструменталистского поиска ответов на вопросы, стоящие перед современным человечеством, которое, хочет или не хочет оно того, вынуждено осуществлять и овеществлять все более сложные (и даже грандиозные) миропостроительные проекты.

---

¹²⁰ См.: Кротошкин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М., 2011.

Категориальная пара «внешнее миропостроение» и «внутреннее миропостроение» имеет не столько диалектический, сколько экологический смысл. Эти категории, как песочные часы, демонстрируют «взаимоперетекание» внутреннего и внешнего, обнажая свой универсумный смысл¹²¹.

Внутреннее миропостроение описывается в категориях гносеологии, эпистемологии, когнитологии, но при этом не исключает многообразные аксиологические системы, в которых не последнюю роль играют религиозные и метафизические идеи. Мироззрение потому так и актуально в философии внутреннего миропостроения, что выступает ядром той картины мира, которая, в свою очередь, определяет универсум внутреннего миропостроения. Заметим, что используемые слова «миропостроение», «мироздание», «миросистема» в значительной степени имеют «результативный смысл», а современные диалогические и полилогические подходы все в большей степени требуют реализации процессуального, экзистенциального смыслов в многообразных проявлениях человеческого бытия. Именно по этой причине наряду с термином «миропостроение» естественно возникает и термин «миросознание»¹²².

Внутреннее миропостроение, как показывает мировая история, в значительной степени связано с интеллигентскими дискурсами. На протяжении нескольких десятилетий, а иногда и нескольких поколений, формируются сложнейшие системы (не только религиозные и философские, но и научные, и художественные) репрезентаций вещно-семиотической реальности, очень часто выходящей за ее пределы в мета-реальности или сверхреальности. Представление об интеллигентских дискурсах, сформулированное в работе В. П. Ракова¹²³, — весьма эвристический способ выхода на историософский простор.

---

¹²¹ Гегелевская формула «опредмечивания» и «распредмечивания», смеем надеяться, получает в таком контексте не упрощение, а, наоборот, усложнение, своего рода некий «адекватный перевод».

¹²² *Смирнов Г. С.* Философия Вернадского: миросознание третьего тысячелетия // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 1 (3). С. 78—93. URL: http://http://glonoos.com/wp-content/uploads/Smirnov_G_article.pdf (дата обращения: 10.09.2014).

¹²³ *Раков В. П.* Интеллигентский дискурс: структурно-морфологические характеристики // Интеллигенция: вопросы теории и методологии. Иваново, 2010.

Языковые формы описания мира не только разнообразны, но и дополнительные. Вряд ли можно признать, что в одной, отдельно взятой образно-языковой форме удастся зафиксировать сверхсложное состояние развития общества, тем более, если оно приближается или, более того, находится в точке полифуркации (включая и «языковое сознание»).

Если с современных позиций пересмотреть наследие В. И. Ульянова (Ленина), то придется признать, что его довольно эффективная политическая деятельность и поразительное политическое чутье в значительной мере связаны с социально-синергетическим (а не просто диалектическим, как принято считать) мышлением. Политический, социально-исторический и философско-семиотический ленинский дискурс еще потребует внимательного изучения, ибо следует признать, что именно эта интеллектуально-знаковая модель оказалась комплементарной народному сознанию того времени. Историкам и социальным философам придется ответить на вопрос о том, почему он, в конечном итоге, оказался понятным и понятым широкими народными массами и как соприкасались в нем модели внутреннего и внешнего миропостроения.

Термин «коллективные формы» не совсем корректен в свете существующих гуманитарных парадигм, может быть, более точно сказать «когерентные» или «кооперативные» формы, но думается, что целесообразнее наполнить концепт «коллектив» синергетическими смыслами. В этом случае социально-философский смысл специфики возникновения и формирования дискурсивности будет подчеркнут сильнее. Логика создания ноосферных дискурсов, которые в каждую историческую эпоху оригинальны и отвечают специфике конкретно-исторической реальности, сложная исследовательская проблема, но она тем более значима, поскольку сильно влияет на «поведенческие» дискурсы, — в конечном итоге, на формы внешнего миропостроения.

Очевидно, следует признать, что каждый интеллигент продуцирует свой собственный интеллигентский дискурс, и именно поэтому так сложно оказывается выстроить системы дискурсивной дополненности. Уникальные примеры такого рода можно обнаружить в сборниках «Вехи», «Из под глыб»; каждый журнал или газета могут рассматриваться как особая форма «коллектив-

ного синтетического интеллигентского дискурса». В связи с этим для *духовной общественной безопасности* важно сохранять все (в том числе и реликтовые) формы как коллективного сознательного, так и коллективного подсознательного, и коллективного сверхсознательного.

С учетом особенностей триалектического дискурса в философии, можно было бы сказать, что процессы ноосферного развития, перехода биосферы в ноосферу осуществляются в трех понятийных формах обозначения культурной биогеохимической энергии интеллигенции. Н. Н. Моисеев рассматривал методологическую основу универсального эволюционизма через призму трех измерений ноосферного развития, задавая их термином «рынок» в трех модусах: «рынок», «Рынок», «РЫНОК». В этом смысле процесс интеллектуальной интеллигентской деятельности в социально-культурном контексте можно представить через структурные слои мировой интеллигенции, сложность которых в условиях интенсивного развития информационного общества непрерывно нарастает.

И все-таки эта цветущая сложность в первом приближении может быть представлена тремя основными градациями: «интеллигенция» — это самый распространенный, самый простой интеллектуальный слой общества, который обеспечивает основы функционирования любой общественной структуры в формах производства (рождения), воспроизводства, а также всемерного сохранения здоровья носителей культурной биогеохимической энергии (врачебно-медицинский кластер интеллигенции) и производства образованности-духовности в постоянно совершенствующихся формах (дошкольно-школьно-вузовский уровень). Это самый значительный по численности слой (страта) в информационно-духовной подсистеме общественной структуры.

Термин «Интеллигенция» («интеллигенция с большой буквой») обозначает самый верхний слой — духовно-интеллектуальную элиту общества. По своей численности он значительно меньше, чем предыдущий, но для общества выполняет роль более социально значимую, связанную с ответами консолидированного общественно-государственного сообщества на «вызовы» исторического масштаба, от которых зависит не только судьба, но и сама жизнь данной общественной (социоприродной, ноосферной) структуры.

Между этими двумя модусами как национальной, так и мировой интеллигенции нет непроходимой границы, между ними существует особого рода «мембрана», через которую осуществляется двустороннее движение обменного типа, построенное по законам самоорганизации. История мировой культуры дает многочисленные примеры, которые показывают, как непредсказуемы социальные «лакуны» и «складки», где могут прятаться до поры до времени носители идей, неожиданно переворачивающих все миробытие общества, а подчас и человечества в целом.

В революционную эпоху неизвестный калужский учитель К. Э. Циолковский поднялся в верхние слои нового социально-культурного сознания и заложил основу *советской космической цивилизации*. Ученый с мировым именем В. И. Вернадский в сталинскую эпоху не мог опубликовать некоторые свои произведения, и лишь через полвека его наследие начинает робко и нехотя пониматься как российской властью, так и российским народом. Однако, несмотря на эти коллизии развития духа, две формации интеллигенции всегда имели место в истории мировой цивилизации.

Наконец, термином «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» обозначается вся мощь культурной биогеохимической энергии, которая порождается определенным этно-национальным субстратом. Как видимая духовная целостность она может быть представлена в субстанциальных формах не только религиозного и художественного, но и общеполитического и общенаучного дискурсов.

Анализ проблемы «мировая интеллигенция и ноосферное миропостроение» должен обязательно учитывать специфику этого социального триединства, построенного по калькам архетипических представлений о «троичности».

Многообразии всех возможных форм ноосферного миропостроения, связанного с деятельностью мировой и национальной интеллигенции, чрезвычайно велико, поэтому раскрытие этих вопросов предполагает не только формы единичной явленности интеллигенции-духа, но и типологизацию в конкретных этнонациональных формах.

Особое место занимает социальное и научное творчество академика В. И. Вернадского. Его модели ноосферного миропостроения носят фундаментальный характер, они занимают все

этажи мироздания, начиная с космических («автотрофность человечества», «биогеохимическое видение мира») и заканчивая земными (известными 12 условиями становления ноосферы в XX веке, по А. Л. Яншину) и личностными (становление ноосферного человека и ноосферного сознания).

Одна из самых интересных проблем теории миропостроения (и ноосферного миропостроения в частности) — конкуренция, соревнование, коэволюция, естественный отбор моделей миропостроения. Наиболее отчетливо эти процессы проявили себя в российской действительности в XX веке, в не меньшей степени в советскую эпоху. Причиной тому принципиальное модельное видение развития страны, характерное для российской культуры, которая в соответствии с принципами синергетической парадигмы в хоре Великой социальной революции потеряла свою системную память и естественно искала выходы в моделях, наиболее далеко отстоящих от так называемых «реальных продолжений», возможных на российской «шахматной доске» в начале XX века.

Российская революция начала XX века дает нам уникальный пример того, как в течение полувека разрабатываются сложные социально-гуманитарные и экономико-технические программы обновления России, а затем в предельно трудных, экстремальных условиях идет «естественный отбор» самых жестких программ, сумевших выжить в мировой схватке геополитических хищников. «Великая Россия» и «Советская Россия», «Белая Россия» и «Красная Россия», «западники» — «славянофилы» — «евразийцы», «анархизм» и «тоталитаризм» — это минимальный набор конкурирующих программ, вышедших на историческую арену и оставивших свой генетический набор для непредсказуемого будущего. Попытка сравнительного анализа моделей миропостроения различной сложности на примере «двух Владимиров» из разных интеллектуальных и интеллигентских слоев российского общества¹²⁴ позволила сделать вывод о том, что история России начала XX века адекватно может быть представлена через методологию синергетического подхода. Моделей миропостроения и стратегий разви-

---

¹²⁴ Смирнов Г. С. Россия Вернадского: сравнительный анализ моделей миропостроения В. И. Вернадского и В. И. Ульянова-Ленина // Интеллигенция и мир. 2004. № 3/4.

тия было достаточно много, но из веера возможностей-аттракторов исторической реальностью были выбраны те, которые соответствовали социально-интеллектуальной сложности российского общества того противоречивого периода. Уровень образованности народа, сложившийся при царской власти, не позволил выбрать не только модель миропостроения В. И. Вернадского, но и даже модель миропостроения В. И. Ленина (которая была на голову ниже) — победил сталинский казарменно-монастырский псевдосоциализм, соединивший в себе рабский труд рабочих и крепостной труд колхозных крестьян¹²⁵.

Примерами противостояния моделей миропостроения в советскую эпоху служат «интеллектуальные парадигмы» Ленина и Богданова, Сталина и Кирова, Хрущева и Маленкова, Брежнева и Косыгина, Горбачева и Ельцина. Каждая из моделей миропостроения продумывалась определенным интеллигентским сообществом и выражала определенные интересы не только в рамках расстановки социальных и классовых сил, но и с точки зрения выбора предустановленного мирового будущего.

Анализируя философско-идеологическое и социально-политическое творчество В. И. Ленина, приходится признать, что его модель социалистического миропостроения, наполненная значительным опытом эмигрантской жизни в Европе, оказалась поспешной. Фантазии социалистической жизни не могли совпасть с условиями той катастрофы, в которую была втянута Россия в период мировой войны и последующей гражданской войны. Откат к НЭПу был равносильен признанию правоты Н. Д. Кондратьева, П. А. Сорокина, а также А. А. Богданова, его представлений о всеобщей организационной науке (тектологии): организация, дезорганизация, неорганизованность — термины, в которых реально описываются процессы самоорганизации народной жизни в ее самых привлекательных и в самых отвратительных выражениях.

---

¹²⁵ С. М. Усманов называет этот уклад «цезаризмом» [Усманов С. М. Новый цезаризм в контексте проблем социально-экономической и политической модернизации на постсоветском пространстве // Известия Южного федер. ун-та: Педагогические науки. 2013. № 8]. С таким же успехом его можно было бы обозначить «социалистическим бонапартизмом».

Исторический спор между государственнической и кооперативной моделями миропостроения продолжился в сталинскую эпоху. Н. Д. Кондратьев, создавая модель экономической адекватной разумности народной самодеятельности, представлял неприемлемый для партии большевиков-сталинистов вариант социально-экономического развития. Победил социалистический монархизм, последствия которого для страны были одновременно и трагическими, и триумфаторскими. Эпоха героического миропостроения (вспомним «пятый день коммунизма» А. Платонова), на которую сейчас оборачиваются и с ужасом и с восхищением, это эпоха не во всем состоявшегося планетарного (сейчас бы сказали «глобального») социалистического миропостроения, теория которого интенсивно разрабатывалась по мере сил и интеллектуальных возможностей постепенно деградировавшей КПСС. «Мир социализма» в целом организационно не сложился в формы материальной и духовной жизни, при которых идея социальной справедливости («социального равенства») могла бы приобрести глобальный формат в непримиримой конкуренции с «почти немецкой машиной» современного развитого и усовершенствованного капитализма.

Нельзя не признать, что российская революция XX века кардинально преобразовала мир, ибо идеи социалистического миропостроения оставили невыкорчёвываемые ризомы в чрезвычайно населенных странах и в развитых капиталистических странах.

Новый этап такого соперничества между «капиталистическим социализмом» и «социалистическим капитализмом» (монстрами конвергенции XX века) не за горами, и весьма вероятно, что китайский вариант социалистического миропостроения открывает новую социальную эру, которую некоторые российские мыслители обозначают как «ноосферный социализм»¹²⁶. Китайская модель глобального социалистического миропостроения в формах, приобретенных в XXI веке, — лучшее доказательство того, что социалистическая идея неразрывно сопрягается с идеей ноосферности: именно в Китае выстроена очень привлекательная

---

¹²⁶ *Субетто А. И.* Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. М., 2010.

образовательная система, выступающая главным фактором «знаниевой детерминации» будущего.

В послевоенный период начинается великий духовный подъем советского народа, который в некоторой степени предвидел В. И. Вернадский в своей последней статье «Несколько слов о ноосфере». Он ярко проявился в строительстве на Воробьевых горах (памятных клятвой Герцена и Огарева) Московского государственного университета — самого ноосферного события из великих проектов миропостроения послевоенного социализма. Весьма показательны, что сын Г. Маленкова — А. Г. Маленков, будучи физиком и работая в МГУ, предельно широко обозначил ноосферный потенциал России¹²⁷. То, что к 1957 году СССР оказался самой продвинутой державой в сфере образования — это величайший признак не только социалистичности (которая позволяла подниматься из народных глубин талантливым и одаренным людям), но и ноосферности (достаточно совершенным формам коллективного разума).

Пафос ноосферности под одеждами «коммунистического будущего» хорошо виден в фантастических произведениях И. А. Ефремова¹²⁸, братьев Стругацких, а позднее и в творчестве А. А. Тарковского.

Третий шаг в складывании российских моделей ноосферного миропостроения, связанный с вышедшей из оттепели формации интеллигенции, осуществлялся уже в 80-е годы XX века. Выход «развитого» советского социализма в глобально-планетарный контекст социоприродного бытия (который был осознан в начале 1980-х годов, в частности, в работах И. Т. Фролова) показал, что он, как информационно-знаниевая культура, проигрывает в конкуренции и соревновании с уровнем свободы западного общества.

Так обнаружило себя новое измерение социальной знаниево-информационной синергии, социо-культурной и социо-природной коэволюции, составляющей основное содержание устойчивого развития и образования ноосферы. Академик В. И. Вернадский связывал эту приходящую эпоху с научной

---

¹²⁷ Маленков А. Г. Ноосфера и человек ноосферы. М., 2009.

¹²⁸ Ефремов И. А. Час быка. Петрозаводск, 1991; Ефремов И. А. Мир в движении // Время искать. М., 1986.

мыслью как планетным явлением, с ускорением процесса *перехода биосферы в ноосферу*. В этом смысле можно вести речь о возникновении новой духовной формации в истории человечества — *ноосферной формации*, представление о которой формируется в рамках отечественной ноосферологии.

В. И. Вернадский как никогда современен. Современен не только по причине его фундаментального открытия *научного перехода* человеческой цивилизации в новое состояние, но и по причине того, что он сам жил и творил в эпоху зарождения и начала этого перехода. Его опыт и оценки будущего чрезвычайно полезны для нынешнего российского сообщества, если оно, конечно, ощущает и осознает динамику реалий судьбоносного времени.

Сможет ли Россия, вернувшись в исходную точку на сто лет назад, начать с чистого листа? Хватит ли у власти разума, а у народа сил и терпения для того, чтобы выйти на пути «умного делания» — ноосферного миропостроения, в котором сконцентрирован опыт многотысячелетнего коэволюционного развития евразийского народного пространства; найдена особая пропорция между язычеством и христианством, христианством, исламом и буддизмом, светским и религиозным сознанием; понята социокультурная дополнительность искусства, религии, философии, науки; нащупана форма конвергенции социализма и капитализма; осмыслена российская евразийская идентичность в противостоянии Западу и Востоку, осознана гармония между материальным и духовным производством? Ближайшее десятилетие даст ответы на многие из этих вопросов.

***Российское глобальное сознание:
великое противостояние
интеллектуалитета и интеллигенции в России***

Российская история еще и до XIX века развивалась как способ противостояния западников и славянофилов, но, начиная с XX века, это противоречие приобретает почти институциональный характер. Эта проблема в системе интеллигентоведения новой капиталистической России обозначается как «интеллигенция/интеллектуалы», что весьма точно фиксирует в том числе и мировоззренческо-идеологическую окраску «порядка ценностей».

Наряду с вырождающейся советской интеллигенцией в постперестроечной России в течение полутора-двух десятилетий интенсивно выращивалась соросовская интеллектуальная прослойка, которая, в конечном итоге консолидировавшись, стала представлять костяк российского интеллектуалитета. Принципиальной разницей между двумя этими институциональными образованиями является их ориентация (интенциональность): интеллектуалитет ориентируется и оплачивается правящим классом, организованным в государство, а интеллигенция ориентирована на выражение интересов народного сообщества.

История показывает, что, к сожалению, очень трудно найти эпохи хотя бы временного согласия между государственным уицраором и народным организмом¹²⁹. Практически всегда российская власть или проявляет себя как колониально-иностранная, либо фактически является такой: меняются только языки, а иногда только акценты, которыми сверху транслируются очередные формулировки императивов. Диалог двух этих разумов-субъектов иногда оказывается «мирным», а иногда лишь при большой натяжке может быть назван «невооруженным».

Интеллектуалитет — слой государственных и окологосударственных служащих (и по сути, и по правовому статусу), интеллигенция (которую неизбежно и необходимо шельмуют при каждом удобном случае) — общественный слой, выражающий мысли и смыслы народного пафоса и этоса.

В этой связи провести демаркацию этих слоев можно весьма точно в количественном плане: к первому слою относят тех, кто выносит из госструктур «коробки из-под ксерокса», или кого поощряют хранить деньги в оффшорах, а ко второму слою относятся все те, кому всегда обещают платить в два раза больше, чем в среднем по промышленности, но фактически платят в два раза меньше, чем средняя зарплата.

Парадоксально, что оба эти слоя, располагающиеся по разным краям «жидкого» среднего класса, дополняют друг друга и

---

¹²⁹ Хотя под норманской теорией и нет достаточных исторических оснований, но ее фундаментальный смысл не требует доказательства, ибо является социально-гуманитарным эмпирическим обобщением, вытекающим из тысячелетней истории России.

выполняют важные функции обеспечения социальной устойчивости. При этом интеллигентность полноформатно заполняет глобальное медийное пространство страны, а интеллигенция «окучивает» региональные и локальные грядки провинциальной жизни (с её «тормозной» «распределительной» системой властного «кормления»). Западные интеллигалы выполняют важную функцию качественной трансляции в «закрытое и отставшее общество» уже причесанных западных рефлексий, а интеллигалы «на медные деньги» осуществляют эмоциональную и интуитивистскую критику прямолинейных, а иногда и просто «беспочвенных» модернизаций и инноваций, пытаясь создать отличные от западных социально-институциональные формы идентичности. Так и работает эта «отлаженная» система интеллектуальной истории России до поры до времени, пока исторические катаклизмы не поставят эти умственные силы в состояние предчувствия гражданской войны.

Люди «на вышке» в упоении простотой и доходностью переводной (с французского на нижегородский) трансляции, неожиданно для себя оказываются заложниками инокультурной эйфории, проваливаются в яму социальной идеосинкразии и вынуждены доказывать, что материал для трансформации оказался слишком варварским. Возникает сложный социально-архетипический конфликт, последствия которого непредсказуемы.

Особую остроту это противоречие приобретает, когда борьба умов («ноомахия») выходит на глобальный уровень, на котором весьма отчетливо засвечивается человеческий потенциал народно-государственной комплементарности. «Русский бонапартизм» как неизменная форма институционального развития, оказывается при свете дня и получает «планетарную» оценку, проходит апробацию на устойчивость многосторонней критикой, постепенно превращаясь в «глобальный русский бонапартизм», пытающийся усидеть между двумя стульями — Востоком и Западом.

Российские интеллигалы и интеллигалы проходят суровую проверку на интеллектуальную состоятельность, поэтому так трагично выглядит ситуация с системой образования.

Система интеллигалитета выстроена по законам пирамиды: на вершине располагаются магистры, статус которых опреде-

ляется участием (с определенной ротацией) в Бильдербергском клубе, «личными» связями с кланом Рокфеллеров-Ротшильдов или верхней сотней российских олигархов. Далее идут «европейские вузы», финансирование которых осуществляется напрямую из государственного кармана. Следующим этажом является система НКО, общественных структур, получающих финансирование из-за рубежа, иногда сравнимое с финансированием провинциальных российских вузов. Наконец, в самом низу располагается слой «вольных стрелков», на протяжении нескольких десятилетий время от времени получавших грантовую помощь Сороса (а также близких ему американских и европейских фондов) и доказавших на деле статус «агентов влияния», нынче получивших название «мягкой силы». Общее количество членов этой ныне самой влиятельной неформальной «русской партии» составляет, очевидно, несколько сот тысяч человек, но этого достаточно, чтобы заполнить вакантные места самых главных интеллектуально-образовательных, интеллектуально-просветительских и медийных структур.

Современная российская интеллигенция представляет собой обломки советской интеллигенции, т. е. это люди предельно старшего возраста, среди которых, с одной стороны те, которые пока еще сохранили свой статус в государственных или частных научно-образовательных структурах; с другой стороны, те, которые на собственный страх и риск, по собственной инициативе, на общественных началах и за свой счет ведут в разных формах народное просвещение (клубы и семинары «на острие времени»). Этот слой еще недавно был достаточно влиятельным и осуществлял «оборону крепости», но в условиях фурсенковско-ливановской модернизации образования интенсивно истощается (что позволяет многим исследователям говорить не только о смерти советской интеллигенции, но и о смерти российской интеллигенции вообще).

Самый большой ресурс неумирающей российской интеллигенции — это миллионы здравомыслящих провинциалов, сторонников малых дел, реализующих принцип «у-вэй» («делай, что должно, и будь, что будет»), их можно было назвать «инерцией интеллигенции» или «темной материей интеллигенции», но она пока неактивна, будучи задавленной бессмысленной и беспощадной работой. В этой связи остается надеяться на институцио-

нальное развитие пророссийской путинской прединтеллигенции (студенчества), которая в условиях нового информационного общества найдет адекватные ответы на вопросы выживания и сохранения Большой (Великой) России¹³⁰.

Формируемое современным интеллектуалитетом России глобальное сознание носит открыто прозападный (проамериканский) характер. Народная интеллигенция сохраняет архетипическую российскую идентичность, демонстрируя внешнюю лояльность к западным государственным инновациям.

В условиях обострения международных отношений в общественной системе обнаруживает себя парадоксальный процесс организационного вытеснения как «старой интеллигенции», так и радикальных интеллектуалов-«агентов влияния», поэтому еще сохраняются возможности для того, чтобы позиция «интеллектуалы/интеллигенция» постепенно сменилась на «интеллигенция/интеллектуалы», а затем закономерно сложилась модель конвергенции в духе «интеллигенция — интеллектуалы» с тенденцией к конструктивной синергичности «интеллигенция-интеллектуалы» («интеллигентуалы»).

---

¹³⁰ Весьма показательным в этом плане замечание В. В. Путина о том, что средний возраст преподавательского состава вузов мог бы быть и ниже, чем 43 года.

Раздел VII

МУЛЬТИВЕРСУМ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В. И. Вернадский и традиции русской интеллигенции (1992). Биосфера, ноосфера и Роза Мира: опыт сопоставления идей В. И. Вернадского и Д. Л. Андреева (1994). Интегративный нравственный идеал российской науки (1995). «Великий синтез» В. И. Вернадского (1997). В. С. Соловьев как универсолог (2000). Россия Вернадского: сравнительный анализ моделей миропостроения В. И. Вернадского и В. И. Ульянова-Ленина (2004). Путешествие по метаисторическим мирам будущего России (2006). Софийность и ноосферность: парадоксы высокого соприкосновения двух гениев (2008). Три Владимира: размышления о ноосферной истории и ноосферном будущем России (2008). Большая Вселенная Даниила Андреева (2016). Российское глобальное сознание глазами Н. Н. Моисеева: евразийское измерение (2016).

В. И. Вернадский и традиции русской интеллигенции

Русская интеллигенция являлась одной из самых значимых и заметных частей мировой интеллигенции и имела тесные контакты с интеллигенцией других стран. Сфера ее интересов была чрезвычайно разнообразна, она охватывала практически все мировые проблемы.

Диапазон политических симпатий как гуманитарной, так и естественнонаучной интеллигенции оказывается достаточно широк, поэтому Октябрьская революция поставила перед ней проблему выбора: часть ее вынуждена была уехать, другая, наиболее патриотически настроенная, — осталась¹³¹. История распорядилась так, что гуманитарная часть оставшейся интеллигенции, которая фактически стала сильнейшей идейной оппозицией боль-

---

¹³¹ В 1920 году В. И. Вернадский, в частности, говорил: «Интеллигенция — та активная умственная сила страны, значение которой теоретически правильно учитывается в тех умственных течениях, которые лежат в основе идейной стороны большевизма... Очевидно, после переживаемого ныне момента русская интеллигенция будет не та, какой она была раньше. Этот перелом совершается и составляет огромную силу будущего. Реставраторы политического строя старой России и идеологи старых задач интеллигенции, ничему не научившиеся и не поколебленные в своих основах происходящим, явно не имеют будущего» [Цит. по: *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский. 1863—1945 гг. М., 1982. С. 230—231].

шевизму, была выслана или позднее уничтожена, уцелели лишь единичные ее представители. В ином положении оказалась естественнонаучная и техническая интеллигенция. Социалистическое государство всемерно привлекало научно-технические кадры к сотрудничеству. Даже в период 1937—1938 годов наиболее выдающиеся специалисты в этой области не подвергались репрессиям. К этой категории ученых относился В. И. Вернадский.

Личности, подобные В. И. Вернадскому, играли особую роль в истории русской интеллигенции послереволюционной эпохи — они выступали важным связующим звеном между старой петербургской, московской, и в целом российской интеллигенцией, и новым поколением советской интеллигенции.

Прежде всего, для той части интеллигенции, к которой относился В. И. Вернадский, характерна генетическая образованность. Не было области знаний, на которую так или иначе не выходило научное и философское творчество ученого. Поражает прекрасная философская подготовка В. И. Вернадского, позволившая ему вести мировоззренческие поиски на протяжении всей жизни. Не только философская, но и религиозная «веротерпимость» были ценнейшими качествами ученого, которые являлись итогом бурной российской духовной, и в том числе научной, жизни российских ученых, подобных Вернадскому.

Высочайшие духовные ценности выковывались в рамках особых форм духовной жизни. В. И. Вернадский практически всю жизнь входил в «братство» — союз единомышленников, возникший еще в студенческие годы и ставший полигоном для обсуждения и решения самых разных религиозных, философских и научных проблем. «Братство» — своего рода «кластер» интеллигенции, объединявший духовную энергию ученых самых разных направлений, он был связан с традицией соборности, столь характерной для духовной жизни России.

Вернадский относился к той части русской интеллигенции, которая в начале XX века как в религии и философии, так и в науке и искусстве вышла на рубежи понимания общечеловеческих, «объективных» ценностей, оказавшихся не осознанными большинством современников. Эти ценности стали той философской, научной и социальной основой, на которой формировались пред-

ставления В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу — сферу труда и разума цивилизованного человечества.

Для интеллигенции этого типа и масштаба была характерна деятельностная позиция в отношении тех процессов, которые происходили в стране: активное участие в общественной жизни, интенсивная научная и организационная работа. Сделать этот вывод, относящийся не только к революционному периоду, позволяет открывшийся — пусть и не совсем полно — личный архив В. И. Вернадского. В своих дневниковых записях Вернадский блестяще предвидел те исторические нюансы, которые были характерны для 1920—30-х годов, более глубоко, чем многие профессионалы-историки, он угадывал судьбу страны, осознавал беды и слабости партии большевиков.

Актуально звучат из начала прошлого века слова В. И. Вернадского: «Настало время для интеллигенции опять делать свое дело: осмысливать жизнь»¹³². Эта мысль столь характерная для понимания роли интеллигенции в обществе в конце XIX — начале XX века, для нас звучит совершенно по-новому.

В личности В. И. Вернадского и подобных ему представителях русской интеллигенции нашли продолжение те лучшие традиции, которые закладывались еще М. В. Ломоносовым, и в число которых необходимо включить высокую мировоззренческую культуру, культуру научного поиска, научную этику, энциклопедизм, трудолюбие и оптимизм. Вернадский как «человек ноосферы» — это интеллигент-труженик на ниве ноосферного творчества, создания основ экологической и ноосферной реальности на планете.

***Биосфера, ноосфера, Роза Мира:
опыт сопоставления идей В. И. Вернадского и Д. Л. Андреева***

Духовная жизнь общества представляет собой комплекс научных, философских, художественных и религиозных идей. Они не столько противостоят друг другу, сколько дополняют друг друга, образуют единую ткань духовности. Исчезновение одной из этих ипостасей духовной жизни приводит к выхолащи-

---

¹³² Механизмы культуры. М., 1990. С. 238.

ванию общего мировоззренческого движения. Базис научного знания образует фундамент роста знания философского. Обобщение ненаучного знания, экстраполяция философии выводит на религиозно-философский и богословский простор. Именно так, в одну живую цепочку связываются представления о биосфере, ноосфере и Розе Мира. Учение В. И. Вернадского о биосфере — итог развития зарубежной и отечественной науки — своеобразный «якорь» духовной жизни, оно позволяет «заземлить» самые смелые идеи, но вместе с тем, именно биосферные представления — основа самых смелых и самых неожиданных концепций.

В послереволюционную эпоху, уже в сумерках российской культуры, вдалеке от людских глаз, рождаются два уникальных плода российской культуры — представление о ноосфере и откровение о Розе Мира. Судьбы их явления на свет достаточно схожи: сформировавшись к середине века, они очень долго оказываются невостребованными и лишь в 1970—90-х годах приходят к обновленному российскому обществу. Социальные функции их различны — первая ориентирована на научные и философские слои интеллигенции и широкую общественность, вторая — на религиозную и художественную элиту. Первая носит прагматическую, вторая — интуитивистскую, религиозно-мистическую интенциональность. Несмотря на эту несхожесть, и та и другая концепции обнаруживают колоссальный общечеловеческий потенциал, планетарный охват событий космической и человеческой истории. Эти духовные образования по своей синтетичности, широте охвата действительности гораздо более масштабны, нежели марксистская и примыкавшие к ней парадигмы, более того, они «обобщают» парадигму «русского коммунизма», которым в сильной степени поглощено и современное российское общество. Ноосфера и Роза Мира — это планетарные, глобальные трансформы российского мировоззрения, миропонимания, мироощущения и миропостроения.

В. И. Вернадский говорит о том, что человечество в XX веке переживает перелом духовной жизни такого масштаба, который имел место разве что в эпоху античности. Россия, также как это было в начале века, в конце века входит в период фундаментального переосмысления своего места в мировой культуре и

своего влияния на развитие мировой цивилизации. Два важнейших момента сегодняшнего бытия способствуют этому: во-первых, обращение ко всему, без купюр, богатству российской культуры, во-вторых, выход России из социоприродного эксперимента на самой себе, носившего глобальный характер и способствовавшего в значительной степени поискам путей будущего развития человеческой цивилизации.

Представления В. И. Вернадского о ноосфере и откровения Д. Л. Андреева о Розе Мира подготовлены историей всей мировой культуры, но вместе с тем, оба эти феномена носят чисто российский характер, неразрывно связаны с построениями русского космизма. Синтетические свойства русской культуры, выковывавшиеся в течение целого тысячелетия, способствовали соединению национальных культур и даже метакультур, поставили вопрос о формировании общечеловеческой духовности планетарного порядка. Разнодействующие силы европейских и азиатских культур, горизонтالي «запад — восток» и вертикали «север — юг» сложно организовывались в русской культуре. Будучи очень восприимчивой к разнообразным культурным влияниям, переживая иные культуры как «внутреннее своё», российская культура в концепциях В. И. Вернадского и Д. Л. Андреева обозначила измерения и масштабы своей духовности. Вырастая из эпохи Серебряного века, творчество В. И. Вернадского осуществило синтез мирового естественнонаучного знания, а прозрения Д. Л. Андреева позволили увидеть и почувствовать — посредством художественного религиозно-мифологического синтеза — высшие этажи Ноосферы.

Интегративный нравственный идеал российской науки

Существует прочно устоявшееся мнение, что российская культура руководствуется, прежде всего, системой моральных императивов, что в ней доминирует не столько истина и красота, сколько добро как высшая ценность. Российская история, на наш взгляд, скорее подтверждает, нежели опровергает эту точку зрения. Для религиозной и философской ипостасей культуры русского народа морально-этическая сторона бытия является глав-

ной и существенной¹³³. Не в меньшей степени это положение справедливо и для российской науки.

С самых ранних этапов своего развития российская наука имела ярко выраженную гуманитарную и антропо-гуманистическую ориентацию. На протяжении нескольких веков кристаллизовалась парадигма нравственности в российской науке, «моральный кодекс» русского ученого. Считается, что нравственные ценности науки достаточно полно отражены в известном письме И. П. Павлова молодежи — своеобразном завещании российской науки науке советской. Однако есть краткая и более интегративная формулировка нравственного императива науки, данная В. И. Вернадским: «свобода, альтруизм, истина и сомнение». В чем же потайной смысл, какова архитектоника этих, казалось бы некоррелируемых, понятий? Являются ли эти ценности общезначимыми для отечественной и мировой науки, или они актуальны лишь для творчества самого В. И. Вернадского? На наш взгляд, это формула всей российской науки, давшей миру столь блистательные открытия и явившей плеяду ученых, которых однозначно можно рассматривать как общезначимый идеал «человека-мыслителя-ученого».

Герменевтический и логический анализ афоризма Вернадского труден и многозначен. Попытаемся дать один из возможных вариантов. Заметим, прежде всего, что соединение важнейших общечеловеческих ценностей (разделительный смысл в данном контексте исключается) осуществляется не путем конъюнкции и даже не импликацией, а эквивалентностью своего рода: свобода — альтруизм — истина — сомнение — свобода.

Свобода человека и его научной мысли ставилась В. И. Вернадским во главу угла, без них не мыслилось развитие науки и человеческой цивилизации. Свобода, в свою очередь, подразумевает альтруизм в той же самой мере, в какой альтруизм подразумевает свободу, и их соединение — это выявление нравственной сути науки. При этом важно отметить выбор термина альтруизм (бескорыстная забота о других, готовность жертвовать для других своими личными интересами), имеющего личностный, субъективно-ориентированный характер, подчеркивающий состояние выбора.

---

¹³³ Вспомним книгу Д. С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном».

Связь между парами категорий «свобода и альтруизм» и «истина и сомнение» — очевидна: если первый термин каждой пары ориентирован на объективность и онтологичность, то второй — на субъективность и даже персоналистичность. Таким образом, выстраивается параллельный ряд категорий: «онтологичность — субъективность — объективность — персоналистичность». Разворачивается многообразная палитра бытия человека в Универсуме.

Истина понимается В. И. Вернадским не только в узком (как научная истина), но и в широком смысле: она в известной мере есть производная свободы и альтруизма, главный продукт социальной человеческой деятельности. Конкретность и актуализированность истины в человеке есть смысл его жизни в той самой степени, в какой мы говорим: «Христос есть Истина».

«Истина невозможна без сомнения» — очевидный вывод европейской культуры XIX века. Его рационалистический пафос хорошо усвоен Вернадским и все-таки, вероятно, подтекст «сомнения» ученого несколько шире. Смысл понятия «сомнение» станет более явлен, если сопоставить его с термином «сознание». Сомневаться в «со-мнении» (т. е. в коллективном мнении) — требование к ученому, мыслителю, которому В. И. Вернадский следовал всю жизнь. Человек сомневается, и, значит, он свободен. «Свобода сомнения и сомнение свободы» — эти абerrации смысла смыкают концы цепочки «свобода — альтруизм — истина — сомнение» в кольцо, в «непорочный» круг формулы интегративного нравственного идеала российской науки, которая нашла убедительное подтверждение в практике жизни и творчества В. И. Вернадского.

«Великий синтез» В. И. Вернадского

Столетие Великого Синтеза — так можно было бы назвать XX век. Взрыв свободного творчества, как шторм, разорвал в клочья шитые паруса человеческой субъективности. Человек вышел в «открытый космос» Духовности: появились вселенские фантазии русского авангарда, стали значимыми архитектурные построения русских космистов, потрясли

мир социокультурные проекты революционеров и реформистов. Великий Синтез — синтез чувств, синтез идей, синтез ценностей, синтез мира — обнаружил главную коллизию современности: борьбу инстинкта созидания и инстинкта разрушения, которые обострились высшими неограниченными возможностями человека и напрямую оказались связанными с инстинктами жизни и смерти.

Самыми яркими примерами Великого Синтеза в XX века можно считать философы В. И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена, Д. Л. Андреева, Н. К. Рериха, Шри Ауробиндо. Соединенность несоединимого — веры и знания, науки и религии, мысли и чувства, силы и разума, Бога и человека, мира и Вселенной — стала возможной, более того, необходимой для современного человека. Наиболее значимыми процессами Синтеза следует признать ноосферно-экологический синтез научного знания, постмодернистский синтез философского знания и экуменический синтез знания религиозного. В таком направлении более или менее быстро движутся все культуры.

Российская культура волею судеб оказалась в центре планетарно-космического движения к Синтезу. Она в той же масштабности, как, может быть, и американская культура (только с обратным знаком), становилась хранительницей архетипов, символов, смыслов, стягивала вокруг себя Знаки Духовности. Американская же культура стягивала нити Материальности. Такая полнота мировой культуры экстраполируется и на другие формы бытия, несмотря на то, что полюса культуры, так же как и полюса планеты, мигрируют. В этом смысле революционно-уравнительная инверсия начала XX века в России предстает как глобальная «попытка смены знака». Однако маятник инерционности культуры в конце столетия медленно движется в обратном направлении: апофеоз польза-вещности с заключительным аккордом американизации постепенно проходит, и полюс Духовности возвращается «на круги своя».

Широкий социокультурный охват, «мировая динамика» культуры ставят проблему системообразующего ядра духовного синтеза. На роль этого центра в российской культуре претендуют представления о ноосфере. Появившийся в 1920—30-х годах как

высокое соприкосновение русской и французской культур термин «ноосфера», предстает как результат европейского Синтеза, синтеза по линиям «запад — восток», «север — юг».

Ноосферные исследования в последние годы стали важнейшим направлением мировоззренческих поисков. Условно можно выделить три периода в становлении и развитии ноосферного знания. Первый этап — 1965 (1976) — 1983 годы — связан с публикацией основных произведений Вернадского, академическим освоением ноосферной проблематики, внутриутробным развитием ноосферной идеи. Второй период — 1983—1991 годы — определяется выходом широкого круга биографических работ и философских исследований, материалов научных конференций, а также значительным общественным резонансом, вызванным аналогиями по линии «коммунизм — ноосфера». С 1991 года начался новый этап — «аутентичного» рассмотрения ноосферной проблематики, вписывания ее в контекст достижений российской и зарубежной культуры.

Наследие Вернадского, даже не будучи опубликованным в полном объеме, поражает энциклопедическим космопланетарным видением будущего человечества. Учение Вернадского о переходе биосферы и ноосферу создает предпосылки для ноосферного видения мира, представляя собой результат, достигнутый русским космизмом в его религиозной, философской, научной и художественной ипостасях.

Оглядываясь на огромную работу по освоению творчества В. И. Вернадского можно было бы говорить о том, что постепенно сложилась система целостного континуального ноосферного знания, в первом приближении охватываемая категориями «ноосферология» и «ноософия». Ноосферология как дисциплина стыкует философское и научное знание: если философия рассматривает проблему «бытие — сознание» в самом общем плане, то ноосферология выводит ее на конкретный практический уровень, проблемно изучая многообразие форм взаимодействия сознания и ноосферной реальности в контексте их нерасчлененной универсумности. В предметно-содержательном объеме ноосферологии (как научного знания о ноосфере) можно обнаружить пирамиду проблем социоприродного и социокультурного

планов, которая и задает качественный уровень «ноосферности» ноосферной реальности. Перевод проблемы «сознание — бытие» с философского и социально-философского уровней на общенаучный порождает сферу центрированности ноосферологической проблематики. Особенно значимым в этом плане оказывается применение к проблеме «бытие — сознание» экологического подхода. Он лишает философствование реальной возможности дихотомического растаскивания сущностей, требуя в каждом отдельном случае выявлять опосредованность, прямую и обратную связь. Он «гасит» остроту «основного вопроса философии», переводя ее из сферы разносущности в сферу «как бы» тождественности.

За два предшествующих десятилетия знания о ноосфере, о процессах перехода биосферы в ноосферу достигли уровня общенаучного синтеза: комплексы естественнонаучных и гуманитарных знаний оказались прочно соединенными экологическим знанием, появилась возможность говорить о биосферном цикле наук. Дальнейшее сращивание знания о ноосферной реальности поставило вопрос о ноосферном цикле наук. Таким образом, ноосферология описывает реальный процесс перехода биосферы и ноосферу. Проблемное поле ноосферологии задается такими интегративными дисциплинами, как глобальная и социальная экология, экология человека, экология культуры.

Термин «ноософия» исторически и генетически есть порождение софиологии и ноосферологии. В конце XX столетия разработки русских философов начала века (философия всеединства, философия «общего дела», софиология) совпали по своей направленности с ноосферологическими поисками; так обозначил себя наиболее высокий уровень ноосферного сознания — ноософия, являющаяся философской экстраполяцией знаний ноосферологического уровня. Синкретэма «ноосфера», как максимально широкое понятие, соединяет в себе и абстрактно-всеобщее, и конкретно-всеобщее, представляя, таким образом, универсальный объект, феномен планетарной духовно-телесности, материально-идеальности. В этом самом широком смысле ноосфера и предстает как предмет ноософии.

В. С. Соловьев как универсолог

Творчество В. С. Соловьева в истории российской философской мысли занимает особое место в силу того, что он сумел максимально широко выстроить пространство философствования. Философская гармония В. С. Соловьева связана с умением осуществить синтез религиозного, философского и художественного видения мира. Его философия в такой же мере имеет природнический, сколь антропологический и культурологический пафос. Работа «Философское начало цельного знания» свидетельствует о том, что российский философ фактически выстраивает свой собственный универсум — систему цельного знания тождественного «открытой для» реальности бытия человека в мире.

Мысль о том, что каждый философ — прежде всего специалист по универсумам, высказал Х. Ортега-и-Гассет. Каждый философ создает, выпестывает свой собственный, непохожий на другие, универсум, и именно этим ценен и истинен каждый великий философ. В литературе можно встретить утверждение, что целесообразно выделять «универсум Платона», «универсум Спинозы», «универсум Бердяева». Что же представляет собой «универсум Соловьева»?

Самым значительным, на наш взгляд, моментом философского творчества В. С. Соловьева является его генетическая связь с линией живого украинского философствования и в том числе изофилософствования. Примером этого погружения в мир сердцем является философское творчество Г. С. Сковороды. «Русский Универсум» складывался как интерференция двуединых рефлексий вселенной мира — языческой и православной. Совмещение языческого ощущения мира и народных христианских верований порождает максиму: «С природой жить и с богом есть то же»¹³⁴, в которой обнаруживает себя некий первобытный архетипически-радостный смысл, стремление воплотиться во всем. «Окаянен (говорит) всяк человек есть и всеу мятется, не обретший **единое**»¹³⁵.

¹³⁴ Сковорода Г. С. Сочинения. М., 1973. Т. I. С. 423.

¹³⁵ Сковорода Г. С. Сочинения. М., 1973. Т. II. С. 119.

Каждая историческая эпоха дает нам образ своего философско-культурологического универсума, но при всех трансформациях сохраняется преемственность Универсума — движение от простого к сложному, от абстрактного к конкретному. Такой путь связан с общими механизмами и закономерностями развития культуры: всеобщий синтез российского Универсума осуществлялся на большом пространстве телесно-духовности в религиозном, философском, научном и художественном измерениях. Постигание Универсума, таким образом, является фундаментальным социокультурным движением.

Х. Ортега-и-Гассет определял «универсум» как «все существующее». Отметим, что В. С. Соловьев в своем учении о цельном знании формулирует универсумную аксиому следующим образом: «Утверждение высшей цели и нормы для нашей нравственной деятельности требует... истинного знания; чтобы должным образом осуществлять благо, обязательно знать истину; для того чтобы *делать то, что должно, надо знать, что есть*. В этом последнем выражении мы уже даем некоторое общее определение истины, именно определяем ее как то, что есть. Это определение настолько широко и общо, что против него никто не станет спорить...»¹³⁶. Вникая в это положение, можно обнаружить не только универсумные, но и ноосферные интенции: рассмотрение *истинного* как должного и как того, что есть, может рассматриваться как постановка *ноосферного вопроса философии*.

В творчестве В. С. Соловьева предноосферные мотивы соприкасаются с мотивами предбиосферными. Одушевление природы, ощущение ее организменности и сопричастности человеку отчетливо проявляется в письме В. С. Соловьева к А. А. Фету, в котором есть такие слова: «Приветствуют Вас звезд золотые ресницы, и месяц, плывущий по лазурной пустыне, и плачущие степные травы, и розы весенние и осенние; приветствует Вас густолистый развесистый лес, и блеском вечерним овеванные горы, и милое окно над снежным каштаном. Приветствуют Вас голубые и черные ангелы, глядящие из-за шелковых ресниц, и грот Сивиллы с своей черной дверью. Приветствует вас лев св. Марка, и жар-птица, сидящая на суку извили-

---

¹³⁶ Соловьев В. Философское начало цельного знания. Мн., 1999. С. 661.

стом и чудном. Приветствуют Вас все крылатые звуки и лучезарные образы между небом и землею. Кланяется Вам также и меньшая братия: слепой жук и вечерние мошки, и кричащий коростель, и молчаливая жаба, вышедшая на дорогу. А наконец приветствую Вас и я, в виде того серого камня, который вы помянули добрым словом. Плачет серый камень, в пруд роняя слезы. И хоть не над прудом, а над целым океаном человеческой бессмыслицы приходится плакать, но есть и утешение, пока над этим мутным потоком недвижимо стоит светлая радуга чистой поэзии и заранее празднует будущий мир неба с землею. Бесценный мой отрезок настоящей неподдельной радуги, обнимаю Вас мысленно в надежде на скорое свидание»¹³⁷.

Этот «белый стих» об Универсуме Соловьева дает возможность понять в какую сторону потекут философские размышления философов нового — XX века (хотя сам В. С. Соловьев — в значительной степени сам является российским философом XXI века). В нем растворены не только поэзия космоса природы, а фактически — биосферы (ибо упомянуты многие миры животного и растительного царств), но и великие ноосферные прозаизмы — столь естественные, что не выделяются из природы. В этом стихотворении нашли свое отражение великие творения (откровения) пейзажной живописи русских художников (И. И. Шишкина, А. И. Куинджи) и ощущения живописности приближающихся символизма и абстракционизма.

Однако самый значимый универсумный момент, на наш взгляд, это помещенность человека в мир: человек не царь зверей и растений, а камень, но вместе с тем, человек — это отрезок радуги (как бы сейчас сказали — голограмма космоса). Человек, таким образом, действительная форма помещенности универсума. Это гениальное стихотворение одним своим существованием провидит все последующие разноцветья русского космизма и позволяет лично, безобъектно (субъект-субъектно) постичь художественно-философический универсум великого российского философа-универсолога.

---

¹³⁷ Соловьев В. С. Письмо А. А. Фету // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 634.

Ретроспективный взгляд на творчество В. С. Соловьева позволяет увидеть такие ранее не замеченные моменты, которые свидетельствуют о сильном созвучии идей богочеловечества и всеединства с ноосферной идеей — идеей переустройства мира на началах Истины Добра и Красоты.

Россия Вернадского:

сравнительный анализ моделей миропостроения

В. И. Вернадского и В. И. Ульянова-Ленина

Современная Россия, войдя в XXI век, все больше обращается к началу прошедшего века, к той точке бифуркации, в которой совершился *очередной вековой российский выбор*. Россия постоянно открывает для себя все новые двери и «окна» и старается осуществить перестройку уже выстроенного здания. Архитектура российской истории столь же разнообразна как ее действительная архитектура. Современное поколение россиян думает над тем, как учесть в современной постройке (перестройке) опыт всего предшествующего миропостроения. Обращение к творчеству представителей российской интеллигенции начала века весьма показательно для размышлений о путях современной России.

К концу XIX — началу XX века сформировалось несколько типов российской интеллигенции: среди них есть противоположные (а поэтому, до известной степени, «классические») типы, играющие на российской политической и исторической аренах особую роль. Это тип *революционного интеллигента* (например, «социальный архитектор» В. И. Ульянов) и тип *интеллигента-реформатора* (например, такой либеральный мыслитель как В. И. Вернадский)

Первый тип — обнаружил в себе колоссальный морально-энергетический потенциал, но, уже поднимаясь к вершинам власти, проявил существенные недостатки, о которых в свое время жестко и открыто сказали «веховцы».

Второй тип — оказался в условиях мировой войны и революционного взрыва не в состоянии внести фактор организации («конституционно-демократической организованности») и «общечеловеческой разумности» в происходящие процессы. Тем не менее, именно этот последний тип и являлся самым распространенным для оте-

чественной традиции. Российский интеллигент осуществлял рефлексию над целостной действительностью, а не над одной ее — пусть даже такой существенной как социальная реальность — частью. В. И. Вернадский говорил о том, что сущность интеллигенции в том, чтобы «обдумывать жизнь», и само понятие «жизнь» в этом случае используется в самом широком смысле слова.

Как показала новейшая отечественная история, советская интеллигенция пусть медленно, но упорно шла к обретению того качества, которое было характерно для российской классической интеллигенции общечеловеческого типа.

Выбранные для анализа фигуры В. И. Вернадского и В. И. Ленина показывают, во-первых, *различные страты* российской интеллигенции (либерально-академическую и разночинско-учительскую), во-вторых, разные модели социального мышления — революционную и реформистскую, в-третьих, *разные типы личностей* — петербургско-профессорскую (благочинную) и волжско-бунтарскую (революционную). Перед нами представители двух параллельных российских культур, двух измерений российской интеллигенции.

В жизни двух этих мыслителей было достаточно много пересечений и общих моментов. Они родились приблизительно в одно время — в период пореформенного десятилетия: даты 1863 и 1870 близки по своим историко-культурным характеристикам, но между фигурой В. И. Вернадского и фигурой В. И. Ульянова-Ленина пролегла целая эпоха. В конечном итоге оказалось, что генетические моменты, определившие жизнь и творчество В. И. Вернадского, уходят своими корнями в ощущение великих надежд на преобразование России, ибо Вернадский родился в 1863 году, когда розовые иллюзии на переустройство страны вселили радость обновления. 1870 год — год рождения В. И. Ульянова-Ленина для России несет уже совершенно иную окраску. Начало 1870-х годов обнажило в полной мере колоссальные трудности процесса переустройства России — общество постепенно втягивалось в состояние социального антагонизма, что без сомнения обнаруживало себя и в семейном укладе, который был характерен для жизни В. Ульянова.

На выбор форм миропереустройства, которые оказались характерными для ученого Вернадского и революционера Лени-

на, без сомнения оказали влияние судьбы отцов: так же как и Владимир Иванович, Владимир Ильич рано потерял отца, умершего, как теперь принято говорить, от инсульта. Эпоха 70—80-х годов XIX века оказалась чрезвычайно стрессовой — перегрузки старшего поколения заставляли младшее поколение думать о путях развития России. Илья Николаевич умер в одночасье, что вместе с почти одновременной потерей брата могло сформировать ощущение безысходности, пропасти. Для В. Вернадского ухаживание за больным отцом формировало иное качество — христианской и общечеловеческой терпимости и терпения перед ударами судьбы и нахождения выхода из ситуаций жизни в соответствии с теми культурными традициями, которые были характерны для круга университетской профессуры.

Отцы великого ученого и великого революционера являлись яркими представителями российской системы образования в ее различных проявлениях: Илья Николаевич ведал системой образования низшего звена — школ для народного просвещения (народных училищ), а Иван Васильевич всю свою сознательную жизнь отдал системе высшего образования. Это обстоятельство, на наш взгляд, важно потому, что сыновья оказались под влиянием различных интеллектуальных и интеллигентских культур и в силу этого выбрали разные пути в своей общественной деятельности.

В. Вернадский и В. Ульянов имели старших братьев, но судьба рано вырвала их из жизни: старший брат Вернадского — Николай — умер, едва окончив университет, от туберкулеза почек, а А. Ульянов был казнен царским правительством.

Личности В. Вернадского и В. Ульянова связывает судьба старшего брата В. И. Ульянова — Александра Ульянова. Он по своему возрасту наиболее близок к Владимиру Ивановичу Вернадскому, более того, даже выбор специальности и профессиональных интересов очень схожи: естественные науки. Однако выводы из соприкосновения с судьбой А. Ульянова В. И. Вернадский и В. И. Ульянов сделали различные.

Анализ-сравнение жизни В. И. Вернадского и В. И. Ульянова-Ленина имеет гораздо более важное значение, чем может показаться на первый взгляд. Перед нами две самые существенные архетипические формы отношения российской интеллигенции к судьбам страны. Первый, рассматривая социальный и исторический процессы

как естественный стихийный природный ход развития мира, оказался в пространстве разумно-эволюционного миропостроения; второй, понимая архитектонику мирового развития по Гегелю, внутренне был готов нарушить этот естественный ход движения российского корабля истории и фактически оказывался «социальным идеалистом», но никак не материалистом или реалистом. В адекватных ему формах миропостроения В. И. Ленин чрезвычайно переоценил субъективный фактор. Заметим, что это была не столько его вина, сколько беда: в начале XX века мало кто представлял себе действительные и реальные возможности преобразования и перестройки мира. Ответ на этот вопрос дали только великие социальная и технологическая революции XX века.

Социокультурный диалог В. И. Вернадского и В. И. Ульянова о дальнейшем развитии России и мира еще не закончился ни теоретически, ни практически. Современная Россия вновь встала перед теми же проблемами выбора, над которыми думали столь различные и столь похожие друг на друга мыслители. В. И. Ульянов в упрощенном, редуцированном, понятном для широких народных масс виде сказал то, что позднее фундаментально обосновал В. И. Вернадский в учении о переходе биосферы в ноосферу.

Этот вывод может показаться странным, но при ближайшем рассмотрении он позволяет понять столь неожиданно высказанную в 1944 году В. И. Вернадским мысль о том, что «идеи нашей демократии идут в унисон с основными выводами научного социализма». Толкованию этого положения последней работы В. И. Вернадского посвящено несколько работ, указывающих на противоречивость позиций ученого. С одной стороны, считается, что в старческом возрасте Вернадский «поддался» официальной советской пропаганде и тем самым изменил своим убеждениям революционного и послереволюционного периодов. С другой стороны, как показывают дневники и письма ученого, процесс переосмысления советской действительности происходил в сознании мыслителя достаточно интенсивно: от крайне негативного в 1918 году совершается в начале 40-х годов постепенный переход к взвешенному и «осторожному» оцениванию происходящего.

Следует отметить, что Вернадский оказался не только блестящим ученым, но и очень проницательным историком. Последнее замечание в своей существенной части неотрывно от дея-

тельности сына В. И. Вернадского Г. В. Вернадского — известного историка-эмигранта, творчество которого давало представление об ориентациях исторического видения, характерного для Вернадского старшего¹³⁸. В осмыслении истории В. И. Вернадский всегда оставался на биосферно-цивилизационных и цивилизационно-культурологических позициях.

Сравнение личностей «двух Владимиров» дает возможность обозначить уровни масштабностей миропостроения: для В. И. Вернадского формы переустройства не заканчивались только социумом, сколь бы широко он не понимался, от этого пункта начиналось новое системное переустройство всего мира, всего универсума. Для В. И. Ленина имела место социоориентированная модель миропостроения, более того, формула «одной отдельно взятой страны» имела принципиальный характер, и «глобальность» социалистического эксперимента была мнимой глобальностью.

Личности В. И. Вернадского и В. И. Ульянова-Ленина оказались своеобразными кальками, сделанными с русской культуры. Если первая калька отражала самые масштабные — планетарные — формы миропостроения, совмещала моменты конструирования и реформирования, разрушения и созидания, то вторая — характеризовала потерю гармоничности интенциональностей, потерю меры в культуре, пользуясь выражением самого В. И. Ленина — это пример «голового» «зряшного» отрицания (пусть без него, в конечном итоге, не обходится ни одна ломка социального или социоприродного организма).

Размышления о противоположных типах российских интеллигентов продуктивны еще и потому, что проливают свет на современную социально-политическую борьбу в российском обществе: как это ни парадоксально, но спор между бытием в социуме и бытием в Универсуме в российской культуре продолжается до настоящего времени и, судя по всему, еще не скоро закончится. Для того, что бы он получил позитивное разрешение, необходим значительный культурный рост всего российского общества (и каждого отдельно человека) — субъекта планетарной деятельности.

---

¹³⁸ Речь идет не только о ноосферном переосмыслении исторического опыта развития России, но и о евразийской парадигме, которая в снятом виде присутствует в философских построениях В. И. Вернадского, и которая столь характерна для творчества его сына.

Оборотная сторона отношения между радикалом-интеллигентом и академическим интеллигентом проявляется через соотношение между В. И. Вернадским и П. А. Флоренским. Если целая когорта российских интеллигентов шла от марксизма и материализма к идеализму (С. Булгаков и Н. Бердяев), то творчество В. И. Вернадского оставалось в русле не гегелевских и не марксистских философских идей, а в пространстве кантианской философии. То, что знакомство с марксизмом, в конечном счете, привело некоторых русских мыслителей к идеализму, представляется весьма важной метаморфозой: от крайности к крайности — так можно было бы назвать философскую инверсию, работающую почти по закону Ньютона «действие равно противодействию». В. И. Вернадский избежал такого рода опасных для мировоззренческой устойчивости колебаний: его мировоззренческое развитие было в высшей степени «естественным», «биосферным», «реальным».

Мы подошли к очень существенному вопросу в понимании духовной жизни В. И. Вернадского: «Кто Вернадский в большей степени — гражданин мира или россиянин?». Думается, что выбор в данном случае просто невозможен, ибо перед нами не альтернатива, а «синтетика»: жизнь Вернадского — это путь восхождения национальной культуры до высот мировой, когда человек из потребителя знаний превращается в творца культуры и создателя новых форм миропостроения.

Мировоззрение В. И. Вернадского обнаружило очень важное для мыслителя космического масштаба качество — форму будущего устойчивого развития. Для В. И. Вернадского в полной мере характерно универсумное культурно-архетипическое сознание, сознание, питавшееся не столько распределенным «ученым» знанием, сколько знанием «связанным», знанием, неотрывным от его материального носителя, знанием, свертывающим пространство и время многих поколений живших и мысливших людей. В. И. Вернадский одним из первых в практике XX века показал возможность научной интериоризации глобальной планетарной среды в ее основных ипостасях в человеческих организменных формах. До него такого размаха и масштаба охвата среды обитания биосферно-ноосферного тела человека не достигал никто. В этом без сомнения можно видеть самый значительный момент культурной функции, связанной с феноменом В. И. Вернадского в российской культуре.

Путешествие по метаисторическим мирам будущего России

Есть в российской интеллигентской традиции особый жанр — жанр проповеди. В ней всегда слышан голос говорящего, а не только голос свыше. Именно в таком ключе написана монография заведующего кафедрой церковной и общей истории Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Духовной семинарии, члена Научного центра по проблемам церковной истории и церковного осмысления истории России, профессора С. М. Усманова «Птица-Тройка. Пути России в озарениях русских мыслителей XIX столетия»¹³⁹. Когда историк поднимается над эмпирическим, то он оказывается в философском пространстве метаистории. Эта книга и есть размышления над метаисторией России третьего тысячелетия.

Складывается впечатление, что российские историки входят в совершенно новое и дотоле советскими историками не тронутое методологическое пространство: русская интеллигенция готовится к существенному переосмыслению не только советской, но и всей российской истории. «Отечественная история еще не написана», — вот факт, с которым столкнулось современное российское общество. Не будем вдаваться в причины такого «казуса»: это может быть и «прописное одномыслие», и перманентное секвестирование истории, и нежелание посмотреть на себя со стороны после «русского бунта бессмысленного и беспощадного». Важно, что общество понимает разумность, как сейчас принято говорить, процедуры «самоидентификации».

Две даты подвигают современного исследователя отечественной истории на обобщения онтолого-геологического характера: две тысячи лет от Рождества Христова и тысяча лет российской истории. Новое — третье — тысячелетие требует к себе особого внимания, ибо оно открывает, очевидно, самую драматическую часть мировой истории — «Начала Истории», хотя некоторые исследователи называют это «концом истории». Очевидно, история третьего тысячелетия будет историей человеческого Ду-

---

¹³⁹ Усманов С. М. Птица-Тройка. Пути России в озарениях русских мыслителей XIX столетия. Иваново, 2004.

ха, т. е. ноосферной историей. Вот об этой Истории (с большой буквы) и размышляет автор.

Любая страна — «вещь-в-себе», но рано или поздно наступают моменты, когда история страны открывается, а вольные или невольные творцы этой истории вдруг прозревают и понимают, что происходит в истории страны, государства, народа, когда ее представляют как один единственный прожитый день. День исторического тысячелетия России — это ли не повод для взрыва художественной или философской интуиции. Русская история настолько загадочна, настолько в ней много не сказанного и несказанного, что смысл российской метаистории можно выразить только в художественной (поэтической или изобразительной) форме.

Угадать смысл российской метаистории — не это ли недоказуемая «теорема Ферма»? «Теорема Гоголя» — бесконечно глубокий культурный слой, и его «раскопки» никогда не утратят своего значения. Но иногда в истории страны наступают моменты, когда обращение к этому наследию можно рассматривать как единственный способ выживания этноса, держащегося на волоске от гибели. Именно так можно было бы сказать о России ее постсоветского состояния. Народ, переживший три революции, две «горячие» и одну «холодную» мировые войны, потерявший цвет нации в геополитических битвах, но добившийся, чтобы за ним признали право называться евразийским пространством и сохранивший естественную модель евразийского бытия между Востоком и Западом, доказал в неравной борьбе с американским антиподом потенциал «сверхдержавного», вселенского (универсального) существования.

Ленинская формула «Шаг вперед, два шага назад» как ни странно отражает то, что произошло с Россией в XX веке. Шаг вперед — это реальное превращение аграрной страны в индустриальную атомную и космическую державу. Шаги назад — это антропологическая катастрофа и общекультурный тоталитаризм. Расплата за два шага назад имеет два смысла — расплата за поражение в борьбе за мировое господство и победа в утверждении духовных и интеллектуальных достижений российской культуры в мировой культуре.

В XXI веке Россия может попытаться открыть двери мира не «топором», а «иконой», великой возрожденной культурой и цивилизованным оповещением о своем абсолютном бытии, обращением не к средству, а к цели. Россия, пожалуй, первая в числе великих стран осознала в XIX веке грядущий глобальный миропорядок и попыталась искать ответы на вопросы, которые еще и не стояли, а только предчувствовались гениями российской интуиции. Не случайно начало двадцатого столетия в российской философии ознаменовалось теоретическим обобщением главного метода русской художественной философской мысли — интуитивизма. Художественный интуитивизм подчас раскрывает такие универсумные (космические) дали, что стандартный философский дискурс, даже с помощью «бинокля» или «телескопа», не сможет прозреть формы уходящего горизонта.

В чем же загадка книги Н. В. Гоголя «Мертвые души»? Ведь по большому счету сюжет прост: ездит по России «вечный чиновник» по особым поручениям Чичиков и решает свои не очень значимые для других, но очень значимые для себя проблемы. Он выбирает путь для себя, но тем самым говорит об основных путях развития России. И каждый из этих путей будущего рассматривает вблизи и изнутри, в контексте своего видения мира — объективистского, онтологического, отстраненного. Вот Россия Плюшкина, вот Россия Собакевича, вот Россия Манилова, вот Россия Ноздрева. Может быть, именно в этой транскрипции становится понятным, почему в конце поэмы Гоголь говорит о Птице-Тройке — «России Гоголя». Куда бы еще поехать, если ясно, что нечего выбрать из Ничего. Когда Гоголь писал первый том, то он опирался на интуицию, гениальную интуицию «вестника» (говоря словами Д. Андреева). Он писал то, что видел, из чего можно было бы исходить для любого размышляющего о том, что может выйти из того, что есть.

Не так-то просто узреть то, что еще не родилось. Аттрактор еще не состоялся, но он предполагается, он выводится каждым читающим, исходя из того, что получается в сумме — как эмерджентность. Но может ли социолог построить на таком разнородном материале что-то действительно истинное? Наверное, нет. Из этого эмпирического материала вывод может сделать только философ — метаистория его стезя... А второй том оказался уже не метаисторическим, а заведомо «идеологическим», ибо понадоби-

лось «объяснять», что же хотел написать гениальный Гоголь, но что заведомо невозможно понять было в ту «тене-невидимую» эпоху, но что и не понять даже сейчас, когда «все свершилось», ибо Гоголь писал о том, что может вдруг случиться лет через двести-триста. (Откуда у российских мыслителей такой временной масштаб — триста лет, из которых 150 уже прошло?) Второй том разрушил в Гоголе все, ибо он стал задумываться о том, что он должен сделать выбор, а выбор (общественный выбор) можно сделать всегда только «под надзором». Мог ли заставить себя Гоголь говорить то, что не хотел говорить? Ибо то, что он хотел сказать, он уже сказал в первом томе. Великий писатель не должен открывать простые истины — истины, которые понятны и верифицируемы, в этом случае он всегда ошибется, метаисторией ему предназначено говорить истины вечные, а потому большинством не понимаемые.

Феномен «Птицы-Тройки» раскрывается в пространстве творчества трех великих российских мыслителей: Ф. И. Тютчева, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского. Именно эта «Триада» и позволяет не потеряться в русской и российской истории божественной и вселенской метаистории. Как бы ни поворачивались судьбы великого континента Северной Евразии, в творчестве великих писателей земли русской всегда остается фундаментальный оптимистический пафос. Из самой глубокой социальной беспросветности находится дерзновенный выход для великого пространства и могучего этноса, дух которого проникает как форма коллективного бессознательного в умы тонкие, трепетные и душевные. И их ментальные структуры сами становятся ориентирами и «манками» к все более высокому и понуждают шагать со ступеньки на ступеньку исторического дерзания, даже в том случае, если, иногда споткнувшись, этнос кубарем катится по ступенькам вниз, ломая кости и разбивая голову.

«Вера в предназначение» — это не простая уверенность, не мелкая вера, это вера сродни христианской вере: именно поэтому земное, божественное и вселенское звучит в «русском Евангелии», которое вдруг встает за поэтическими строчками Тютчева, поэмой Гоголя и прозой Достоевского. Этого ощущения очень не хватает нашему современному обществу, которое думает, что вместо того, чтобы мчаться «Птицей-Тройкой» в даль своего вы-

бранного Дао-пути, надо останавливаться и стучать в европейско-западнистские ворота, в надежде, что их когда-нибудь откроют и что-нибудь подадут. Но на то и великая литература, чтобы даже заплутавшимся и отчаявшимся говорить искреннюю правду и тем самым вдохновлять на «дерзания Духа».

Есть в книге один сюжет, мимо которого невозможно пройти: размышления о творчестве А. П. Чехова, которое обозначает сакральную связь истории двух веков. Сюжет чеховской «Степи» как-то странно напоминает гоголевскую поэму, но там по российской дороге едет уже не Чичиков, а маленький мальчик, обреченный судьбой на будущую тусклую жизнь, ту жизнь, которую он видит перед собой, но во всем этом «преходящем» и «непреходящем» чутая великая земная и вселенская жизнь, жизнь одухотворенная и благословенная, жизнь-надежда — «право славная жизнь». Нет, Чехов хоть и из другого — уже не XIX века — но, даже он — универсумный и экзистенциальный реалист — в падающем и умирающем видит поднимающееся и восходящее. «Вера в Россию» — общая черта не только мыслителей рубежа XIX—XX веков, но и наших современников, размышлявших о своих глубинных корнях в российской метаистории и мечтавших «скакать по холмам задремавшей Отчизны». Нашему обществу уже пора напоминать о том, что ему предназначено нечто большее чем «олигархическая десятина», и в этом может быть, и состоит та трудная миссия, которую взял на себя автор поэтической монографии. Прислушается ли современное «переходное» общество к размышлениям о христианской метаистории, увидит ли оно в этой книге поиски будущего России с точки зрения общекультурного (а не государственнического или фундаменталистского) православия?

Первая книга С. М. Усманова называлась «Безысходные мечтания. Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX — начале XX века»¹⁴⁰. Если учитывать этот факт, то новую книгу следовало бы назвать «Невольные пророчества». Для того чтобы глубже понять будущее настоящего, оказывается, нужно дальше отойти в настоящее прошлое.

---

¹⁴⁰ Усманов С. М. Безысходные мечтания. Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX — начале XX века. Иваново, 1998.

В этом и состоит, как и прежде, главный смысл работы русского интеллигента: искать ответы на трудные метаисторические вопросы и побуждать к просветляющим размышлениям почти загнипнотизированное недалеким прошлым и современным настоящим российское властное и интеллектуальное сообщество.

***Софийность и ноосферность:
парадоксы высокого соприкосновения двух гениев***

Всего десятилетие разделяет время рождения В. С. Соловьева (1853) и В. И. Вернадского (1863). С одной стороны, это говорит о том, что они принадлежат *одной целостной* интенсивно развивающейся, а не только заимствующей культуре. Более того, они принадлежат особой — столичной и элитной — российской культурной традиции, которую можно обозначить термином *классическая русская интеллигенция*. С другой стороны, перед нами представители разных культур по другому основанию классификации: В. С. Соловьев — представитель высоко-гуманитарной (антропо-исторической, художественной, религиозной) традиции, а В. И. Вернадский — образец высоко-научной (*непозитивистской*) традиции русского космизма.

Десятилетие между временем рождения русских гениев определило то, что они принадлежат разным социокультурным временам: в трансформации российской культуры этот временной промежуток определил смену религиозно-философских приоритетов на естественнонаучные. Именно по этой причине высокое соприкосновение творчества этих мыслителей оказывается чрезвычайно важным для понимания формирования мировидения будущего России в настоящее время.

Первый раз пути В. С. Соловьева и В. И. Вернадского пересеклись в начале 90-х годов XIX века при организации кампании «помощи голодающим крестьянам Центральной России — жертвам засухи. Решение об этом принималось при участии Льва Толстого, Владимира Соловьева и будущих основателей конституционно-демократической партии И. И. Петрункевича, А. А. Корнилова, Д. И. Шаховского, В. И. Вернадского»¹⁴¹.

---

¹⁴¹ Волков В. П. В. И. Вернадский — общественный деятель и публицист // *Вернадский В. И. Публицистические статьи*. М., 1995. С. 13.

В одной из своих научных работ по истории картографии В. И. Вернадский ссылается на «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева применительно к биографии картографа И. К. Кирилова, что свидетельствует о внимательном изучении многотомного труда русского историка¹⁴². В 1921 году Вернадского хотели арестовать за то, что нашли в его библиотеке исторические книги С. М. Соловьева. Заметим, что сын В. И. Вернадского стал профессиональным историком, впитав уважение к гуманитарной культурной традиции при сохранении методологии научных исследований.

В одном из писем В. И. Вернадского жене (1890) можем обнаружить следующую запись: «С Федором (Ольденбург Ф. Ф. — Г. С.) они решили, чтобы компания — три члена могли выбирать книги для чтения, т. е. желательно, чтобы все прочли эти вещи; таким образом, они указали: *Beliamy* Кеннана, *Miderable*, *Hugo*, и «Очерки русского самосознания» Влад. Соловьева, но я отказался читать эти вещи, которые кроме Кеннана, меня совсем не интересуют!»¹⁴³. Это, впрочем, не говорит о том, что идеи Соловьева не были знакомы молодому ученому. В письме Вернадского от 1892 года читаем: «...ходит письмо Соловьева Победоносцеву и, говорят, ответ Победоносцева»¹⁴⁴. В примечаниях поясняется, что речь идет о «политике религиозных преследований и насильственного распространения казенного православия». Философские взгляды В. С. Соловьева были известны В. И. Вернадскому, ибо его связывали контакты с коллегами по Московскому университету — С. Н. и Е. Н. Трубецкими — последователями соловьевского творчества.

В опубликованных дневниках ученого упоминаний имени В. С. Соловьева также немного, но тем более важно обратить внимание на уникальный факт личностно-экзистенциального бытия. В московской записи от 24 марта 1921 года Вернадский (после высылки из Крыма) пишет: «Вчера очень на меня неприятно подействовала отсрочка отъезда в Питер. И пришлось сделать над

¹⁴² Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 144.

¹⁴³ Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской (1889—1992). М., 1991. С. 104.

¹⁴⁴ Там же. С. 207.

собой усилие, чтобы взять себя в руки. Читал поэтов ({Владимир} Соловьев, Баратынский). Фаррара — «Darkness and Dawn». Но совершенно с собой справился и сейчас силен духом и готов к работе»¹⁴⁵. Как видно из примечаний к приведенному тексту, в 1921 году вышло 7-е издание стихов В. С. Соловьева, и, очевидно, эта книга оказалась в руках ученого. По тому, какое культурное наследие спасает человека в минуты отчаяния, можно судить о его интенциональности в культуре.

В дневниках послереволюционного периода, относящихся к пребыванию в Париже (1922—1924), обнаруживает себя стремление к более глубокому пониманию и изучению русской философии. 27 мая 1924 года в Париже В. И. Вернадский посетил лекцию Н. О. Лосского, о которой записывает: «Разговор с В. С. Малышевой о вчерашней лекции Н. Лосского, на которой был. Полная аудитория. Слушали внимательно — усталые люди. 1,5 часа лекции. Православная философия. Еще в Москве, помню, первые разговоры с С. Трубецким — у меня Минералогическом кабинете. Мне казалась странной такая зависимость философии от православия. Лосский дал почувствовать, что это большое творческое создание поколений. Славянофилы — Соловьев — теперешние»¹⁴⁶.

Конечно, столь «пестрые цитаты» не дают возможности выявить линии творческих потоков философа и ученого, но, вне всякого сомнения, «тонкое духовное» влияние Влад. Соловьева на Влад. Вернадского видно не только из контекста круга знакомств, но из действительного духовно-поэтического созвучия. Такой небольшой экскурс в синергию российской культуры поясняет, как может обнаружиться, если не пересечение, но хотя бы соприкосновение двух параллельных линий религиозно-философского и научного дискурса.

Отметим несколько аспектов соприкосновения идей российских мыслителей с точки зрения принципа *догоняющей* дополнительности: мысль, обнаружившая себя в одном знаниевом пространстве, вдруг находит свое *креативное* применение в другой, и, может быть, достаточно далекой, области знания.

¹⁴⁵ Вернадский В. И. Дневники: март 1921 — август 1925. М., 1998. С. 23.

¹⁴⁶ Там же. С. 116.

Во-первых, для них была органично приемлема *идея цельности и единства знания*. Идея цельного знания В. С. Соловьева¹⁴⁷ появилась на двадцать пять лет раньше лекций В. И. Вернадского «О научном мировоззрении»¹⁴⁸ и, думается, что перед нами имеет место отчетливая преемственность в размышлениях о все более расширяющемся универсуме человеческого знания.

Во-вторых, для В. С. Соловьева и В. И. Вернадского оказывается удивительно созвучным *универсумность понимания мира*. Единство знания определяется единством самого мира. Наиболее ярким примером универсумного видения мира Соловьевым является его письмо А. А. Фету. Существуют аналогии между структурой Софии и структурой Ноосферы, а единство неживого, живого и разумного вещества в пространстве биосферы-ноосферы близко по своей модели Вселенскому универсуму Соловьева, который «включает» в себя и камни, и растения, и животных, и людей, и ангелов.

Особенностью культурного развития России XIX—XX века (хотя думается такое положение характерно и для общемирового развития) стало действие полианалогических (или взаимоаналогических) моделей формирования систем знания по герметическому принципу «что сверху, то и внизу, а что внизу, то и вверху». Наука фактически взорвала изнутри «казенное» религиозное сознание, вставшее перед необходимостью общественно-ориентированной трансформации по образу и подобию западно-католического неотомизма; философия стала развиваться под диктовку науки «как идеологической формы»; наука на ее высших этажах постоянно «подпитывалась» выношенными десятилетиями софийными (религиозно-философскими) формами. Большой синтез духовной целостности, отражающий единство Универсума, неизбежно должен быть дополнен всеобщим синтезом искусства, религии, философии и науки. Синтез искусства, религии, философии в этом контексте предстаёт как своеобразная калька общенаучного синтеза.

---

¹⁴⁷ Соловьев В. С. Философское начало цельного знания (1877) // Соловьев В. С. Философское начало цельного знания. Мн., 1999.

¹⁴⁸ Вернадский В. И. Очерки по истории современного научного мировоззрения // Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 76.

Таким образом, естественно вызывает мысль о том, что соловьевские (но также и «соловьинные») религиозно-философские концепты «всеединства» и «софийности» интенционально (в контексте развития всего мира российской культуры) созвучны всей «ноосферной» методологии (и «идеологии»), начавшей свое вызревание в мировоззрении П. Тейяра де Шардена и получившей научное выражение в творчестве В. И. Вернадского, которого Р. Штильмарк парадоксально называл «первым богословом XX века».

Современное прочтение наследия двух великих русских гениев позволяет увидеть, что «софийность» В. С. Соловьева и «ноосферность» В. И. Вернадского неожиданно близки, особенно, если рассматривать эти феномены как различные стороны одной и той же культуры. Такая близость подтверждается и тем, что в конце 20-х годов XX века П. А. Флоренский гениально почувствует в «Биосфере» В. И. Вернадского (1926) созвучие научных и философских подходов и сформулирует идею «пневматосферы», которая, думается, выросла не только из биосферных представлений Вернадского, но и из соловьевских представлений о всеединстве и софийности. В постреволюционной России вплоть до 1990-х годов обе эти высокие духовные формы оказались замороженными, их медленное оттаивание для культурного синтеза наступает только сейчас: появляется возможность смотреть на ноосферное развитие не только из контекста научной мысли как планетного явления, но и оценить масштабность размышлений о роли сознания в истории человечества, полноформатно понять софийный смысл ноосферной коэволюции общества и природы.

***Три Владимира:
размышления о ноосферной истории
и ноосферном будущем России***

XXI век — для России эпоха переосмысления всего гигантского пройденного страной пути. Каждая прошедшая эпоха создавала свои собственные мифы, прятала скелеты и страшные чучела в шкаф, чтоб никто не увидел, сочиняла оды и пыталась создать о себе желаемое представление. Теперь пришло время исти-

ны, современный человек глобального информационного общества может в действительности утвердиться в том, что «нет ничего тайного, чтобы не стало явным». Пришло время, когда каждая страна может и должна предъявить миру свои идущие из глубины веков цели и ценности.

Исторический персонализм в российской метаистории — спорная интерпретационная парадигма. Однако, весьма не случайно, что почти тысячелетнюю историю России окаймляют имена Владимиров — Владимира Красно Солнышко и Владимира Владимировича. Эпоха жизни «в лад и мир» редко приходит на территорию нашей страны, но когда эта эпоха наступает даже на короткое время, народ это чувствует и прочно сохраняет в памяти¹⁴⁹.

Соединение в одном дискурсивном пространстве фигур Владимира Соловьева (1853—1900), Владимира Ульянова (1870—1924) и Владимира Вернадского (1863—1945) может показаться некорректным, однако *с точки зрения принципа дополнительности* все три фигуры мыслителей отражают аттракторы будущего России. Первый — самый отдаленный — софийного и богочеловеческого, второй — (по принципу противоположности) самый близкий — уравнительно-справедливого материально-экономического, а третий — (по принципу «среднего») — «позитивно-позитивистского» — ноосферно-реалистического. В социо-культурном пространстве модели нового миропостроения представлены в традиционных философских формах: объективно-идеалистический (В. С. Соловьев), диалектико-материалистической (В. И. Ульянов), реалистической (В. И. Вернадский). Именно по этой причине сведение таких противоречивых фигур не только корректно, но и даже необходимо для понимания судеб развития России¹⁵⁰.

Обосновать целесообразность такой компаративистской работы поможет творчество В. И. Вернадского, анализирующего две парные картины «Четыре апостола» знаменитого немецкого

---

¹⁴⁹ Даже НЭП Владимира Ульянова, несмотря на свою краткость, оставил для советского народа память-надежду, жившую вплоть до горбачевской перестройки.

¹⁵⁰ См.: *Смирнов Г. С.* Россия Вернадского: сравнительный анализ моделей миропостроения В. И. Вернадского и В. И. Ульянова-Ленина // Интеллигенция и мир. 2004. № 3/4.

художника Альбрехта Дюрера. В. И. Вернадский пишет: «Передо мной до сих пор стоят некоторые образы Дюрера, и я редко видел что-нибудь более могучее, более чудное, чем 4 фигуры апостолов... Сколько мысли в них, чувства и понимания всей силы религии. Это не обыкновенное изображение старой символики, где мысль и понимание пробиваются только рабски, исподтишка, — это мощное, яркое изображение и всей силы, всей прелести и всей мерзости страстных народных религиозных движений. В этих четырех лицах совместились все. Ты видишь глубоко проникающую в искание правды душу одних деятелей религии — они все забывают, они совсем ушли в эту правду. Ты видишь, как рядом к этому же стремится и другое лицо, которое не может понимать всей сути, для которого дорога буква, который ближе к жизни — и который потому будет понятнее массам. Он в конкретных словах разъяснит то, что говорил другой, то, к чему мчались мысль и чувство другого, более глубоко понимающего человека. Он не поймет его, исказит его — но именно потому его поймут массы: потому что он ухватит частичку нового, и соединит его с вековым, народным. Дюрер представил таким апостола Петра, с ключами от царства правды. Но вся фигура, лицо и выражение этих искателя-мыслителя и искателя-казуиста так цельно и глубоко переданы, как только можно их передать.

Рядом — другая группа. Это два строгих лица, это уже не мысль, а рука, это деятели. Один гневно смотрит кругом — он готов биться за правду. Он не пощадит врага, если только враг не перейдет на его сторону. Для распространения и силы своей идеи он хочет и власти, он способен вести толпу. Но он понимает, в чем дело. Это — боец-мыслитель. А рядом фанатичное зверское лицо четвертого апостола. Он мелкий деятель. Это не организатор, а исполнитель. Он не рассуждает, он горячо, резко, беспощадно-узко идет за эту идею. И вот в этих четырех деятелях — в этих четырех фигурах распространителей христианства мощный ум Дюрера выразил великую истину. Мечтатель и чистый, глубокий философ ищет и бьется за правду. От него является посредником более осязательный, но более низменный ученик. Он соединил новое со старым. И вот старыми средствами вводит это новое третий апостол — политик, а четвертый является уже совсем низменным выразителем толпы и ее средств. Но он самый понятный и фактически самый сильный. Едва лишь может быть узнана мысль первого в оболочке четвертого, и

так, частично, может пройти даже такое, что наиболее сильно и мощно влияло на человечество...»¹⁵¹. Думается, что увидеть в этих строчках лишь психологический анализ или срез социального бытия было бы слишком узко, в них бьется могучая философская мысль о сущности бытия человека в мире, во вселенной, о роли человека в преобразовании мира, о ноосферном потенциале личности.

Для метаистории наиболее значимыми оказываются те фигуры, которые создают огромные информационные пространства, выступающие *аттракторами* («манками») разной по своей природе силы. Наследие Владимира Соловьева, как было заявлено при выпуске первых томов собрания сочинений, составляет 10 томов; полное собрание сочинений Владимира Ульянова, подготовленное Институтом Маркса, Энгельса, Ленина составило 55 томов; наследие Владимира Вернадского по подсчетам биографов, знакомых с архивом академика, составило бы почти 100 томов. Конечно, дело не только в количестве написанного: культурная «трофическая пирамида» движения от эмпирического (научного) к философско-политическому и идеологическому и далее к религиозно-философскому имеет закономерные основания и позволяет понять логику обоснования моделей миропостроения, характерных для того или иного мыслителя. Важно, что российская культура творчеством очень различных её представителей заявила о своей полноте во всех сферах этнонационального бытия — от религиозно-философской до научной, от государственнической до народной.

Ноосферная история предстаёт как *вершинная история* — история эволюции сознания и духа, как на уровне этноса, так и на уровне человечества в целом. Основной ноосферный закон фиксирует специфику исторического развития в формуле: «информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество». В этой формулировке можно усмотреть субъективно-идеалистический пафос, учитывая, что носителем того или иного «портфеля информации» всегда является человек — персонаж государственной, церковной, научной или художественной истории, но в универсальном контексте *разведённость* духовного и телесного, материального и духовного *преодолевается*. Для информационного общества становится

---

¹⁵¹ Цит. по: В. И. Вернадский. Фотоальбом. М., 1988. С. 64—65.

значительно более понятной *духовно-знаниевая подоплека* исторического развития и ноосферной динамики.

Философская дополнительность в рамках «трех линий в философии» во многом определила и специфику мировидения и миропостроения апостолов российской ноосферной истории. *Философия миропостроения В. С. Соловьева* проистекает из представлений о цельном знании, о природе софийности, о тенденциях богочеловеческого развития цивилизации, в ее основе лежит античная триада «Истина — Добро — Красота», взятая как Любовь. Для *философии миропостроения В. И. Ульянова* характерны доминанты народной самоорганизации, «русского бунта бессмысленного и беспощадного», материально-экономической справедливости, ригоризма и самоограничения в русле революционной («иезуитской» или «исихастской») морали и этики. Бунт народа против власти предстает восстанием «детей», желающих быть свободными, против «отцов», желающих продлить всеобщую «крепостную» зависимость. Для В. И. Вернадского характерна *философия ноосферного миропостроения*, при котором научная мысль как планетное явление всегда сохраняется в культурном контексте, который и спасает цивилизацию сциентизма, от саморазрушения и разрушения природы.

Отметим, что все три модели миропостроения отражают специфику развития на различных уровнях культурности как в контексте системности культуры в целом (искусство, религия, философия, наука), так и системности общества (человек и Богочеловечество, господствующие и эксплуатируемые классы, народ и власть).

Весьма интересно выстраивается взаимосвязь между русскими мыслителями в геополитическом измерении. На первый взгляд, все они представители европейской традиции, но для каждого из них характерна своя особость «европейскости». Для В. С. Соловьева на первый план выходит общехристианский концепт культурной Европы, для В. И. Ульянова — протестно-протестанская культура европейского развития, для В. И. Вернадского доминантной оказывается европейская научная традиция, которая интенсивно обретает общемировые размерности. В этом смысле тенденция движения от европейскости к евразийскости и далее к общемировой культурности наиболее ярко проявилась по-разному в творчестве мыслителей.

В образах трех мыслителей перед нами предстают и различные формы культурной биогеохимической энергии и разные модели деятельности, поведения и общения, а также измерения экологии культуры. Когда сейчас российский этнос определяет формы своего дальнейшего вхождения в будущее, он не может игнорировать апробированные модусы российской культуры.

Большая Вселенная Даниила Андреева

Одна из главных проблем осмысления творчества Д. Андреева в контексте новотысячелетней современности — насколько он представляет полноту и сокровенность русского глобального сознания, интенсивно формирующегося в результате выхода новой постперестроечной России в космопланетарное пространство общечеловеческого существования.

Большая Вселенная Даниила Андреева — это универсумная субъективно-виртуальная выраженность многообразия духовно-ментальных и вещно-материальных проявлений ноосферной реальности во всей ее противоречивости и трансцендентальности.

Русские мыслители в своем мировоззренческом творчестве традиционно органично совмещали рационализм и иррационализм, прозу и поэзию, земное и вселенское, но именно Даниил Андреев открыл для русской философии предельные *нормы* синтетического философского мышления. Не случайно взлет русской классической (в смысле аутентичной) философии в начале XX века обнаружил рождение философии интуитивизма, которая, очевидно, наиболее адекватно отразила вселенскую миссию евразийской культуры, отвечающей смыслу соборно-планетного развития в новом тысячелетии.

Д. Андреев познакомил человечество с масштабной содержательностью *синтетической русской философии*, представляющей собой знаменательный итог философского взрыва Серебряного века (неожиданно совпавший с биосферно-ноосферными исканиями русско-советской науки первой половины XX века).

К сожалению, весьма трудно проследить исторически-последовательное складывание этого творческого мировоззрения. Оно представлено как откровение и как данность окончательного результата, но от этого не становится меньше смысл этого колос-

сального труда по собиранию вместе человеческих ноосферных (религиозных, философских, научных и художественных) энергий. Эта синтетическая философия — наследница исканий М. В. Ломоносова, Е. П. Блаватской, Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, Н. А. Морозова, П. А. Флоренского, Н. К. Рериха, но, может быть, следовало бы сказать, что перед нами соборный синтез всего русского космизма как архетипического строя *русского сознания*¹⁵².

Среди философов, которые наиболее полно отразили целостное общекультурное ноосферное видение мира, Д. Андреев занимает особое место: в системе «синархического всеединства русского космизма» О. Д. Куракиной¹⁵³ Д. Андрееву отведено вершинное место.

В. И. Вернадского часто упрекают в том, что он не выполнил намерение, о котором часто упоминается в дневниковых записях — желание более детально раскрыть представление о ноосфере, исходя из положений, сформулированных в рукописи «Научная мысль как планетное явление». Теперь становится понятным, насколько сложна и многообразна была эта теоретическая и мировоззренческая задача.

Ноосферные представления в XX веке прошли несколько этапов своего развития — от примитивных и простых, которые и до сих пор критикуют за их «вульгарный материализм» или «рационалистический механицизм», до универсумных представлений.

Ноосферный пафос творчества Д. Л. Андреева не часто замечается исследователями его творчества, но, думается, что от этого он не становится меньше. В конце 1920-х годов П. А. Флоренский неожиданно осознает пневмосферный смысл ноосферных построений Вернадского (что отражено в его знаменитом письме академику 1929 года), по странной исторической аналогии тоже происходит и с Д. Андреевым — он открывает для себя «русскую ноосферную философию» как *розамирную философию*.

---

¹⁵² «Рус» — в этом смысле особый «нус», утверждающий смыслы не только первой, но и последней своей — невидимой — буквой, спрятанной в слове «Русь».

¹⁵³ См.: Куракина О. Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993. С. 111.

Такая точка зрения может быть воспринята как некая игра на разрушение современных, в значительной мере позитивистских представлений в русле современной ноосферологии, ориентирующейся в своем парадигмальном движении на «материалистическую» концепцию устойчивого развития, но это не так: в творчестве Д. Л. Андреева представлена вся палитра ноосферного видения мира от биосферных, техносферных, социосферных, антропосферных аспектов до предельно тонких софиокультурных и пневматосферных откровений.

Творчество Д. Л. Андреева зовет современную русскую культуру в те еще пока невидимые дали, без которых невозможно её везде-вечное существование.

***Российское глобальное сознание
глазами Н. Н. Моисеева:
евразийское измерение***

Академик Н. Н. Моисеев (1917—2000) в известной степени создатель российского глобального сознания второй половины XX века в той же мере, в которой академик В. И. Вернадский создатель парадигмы планетного (глобального) сознания в первой половине XX века.

Этот тезис может показаться не очень эвристичным, по той причине, что книги «Экология глазами математика», «Человек и ноосфера», «Современный рационализм», «Мировое сообщество и судьба России», «Время определять национальные цели», «Мировое сообщество и судьба России» доказывают его с предельной убедительностью. Но при этом обнаруживается, что эволюция глобального сознания академика Н. Н. Моисеева оказывается изученной далеко не полностью. Это касается не только фило-софско-теоретических, а гео-прикладных аспектов осмысления истории России завершающего десятилетия XX века.

Только через 15 лет после смерти академика Н. Н. Моисеева российские правящие элиты начинают постепенно понимать насколько глубоко и прозорливо академик Моисеев обозначил главные пути выживания России как государства, страны и геополити-

ческого и духовного пространства¹⁵⁴. Некоторые его идеи настолько существенны и необходимы для определения национальных целей страны, что в известной мере можно было сказать, что перед нами не только продолжение, но развитие традиций размышлений о России Д. И. Менделеева и В. И. Вернадского. С другой стороны, перед нами мировоззренческая платформа, которую можно было бы назвать «анти-Бжезинский», что особенно важно в условиях разворачивающегося на наших глазах евразийского (западно-азиатского) глобального конфликта. Россия оказывается более идентичной не тогда, когда она старается безропотно вписаться в задаваемый контекст «западнизма», а когда она *распрямляет* свое естество как до конца не эксплицированную глобальную идентичность. Самым существенным моментом мировоззрения Н. Н. Моисеева, на наш взгляд, является создание оригинальной версии *российского глобального сознания*, в котором в контексте принципа дополнительности *соотразились* глобально-экологические (биосферные), географическо-геополитические и гуманистическо-ноосферные идеи, и при этом утвердилась ноосферная парадигма глобального сознания, которая в свою очередь прошла апробацию дискурсами философии науки, что проявилось в создании концепций современного рационализма, универсального эволюционизма и сложной картины мира. «Расставание с простотой» — это и есть в значительной мере верификация и фальсификация ноосферной концепции, получившей в работах Н. Н. Моисеева, может быть впервые после смерти В. И. Вернадского, такой мощный толчок для включенности ее в мировое научное пространство. Думается, что в результате такой сложно-синтетической работы ноосферное мировоззрение В. И. Вернадского стало доступно для восприятия западным научным сообществом и освоения восточным (евразийским) мировоззрением. Именно по этой причине труды Н. Н. Моисеева требуют качественного перевода на иностранные языки и распространения большими тиражами, именно это российское глобальное сознание может и должно стать визитной карточкой России в репрезентации «Глобального Разума»¹⁵⁵.

---

¹⁵⁴ Моисеев Н. Н. Время определять национальные цели М., 1997; Моисеев Н. Н. Мировое сообщество и судьба России. М., 1997.

¹⁵⁵ Проект, который так и не удалось современной России осуществить в Екатеринбурге в 2012 году.

Эволюция глобального сознания Н. Н. Моисеева в самых общих чертах, на наш взгляд, может быть представлена следующими этапами: 1) формирование каркаса «компьютерной» глобальности в моделях «ядерной зимы»; 2) создание системы глобального сознания эпохи формирования «глобальной экологии»; 3) освоение вернадскианских «биосферных» формул планетарности/глобальности; 4) презентация универсума российского глобального сознания в ноосферных ориентациях.

Не вдаваясь в конкретный анализ этих этапов, следует сказать, что распаковывание российского глобального сознания происходило в непосредственной связи с процессами, которые были характерны для складывания *западного глобального сознания*, но с обратными знаками по целому ряду параметров. Биосферно-ноосферный контекст, характерный для академика-математика позволил продвигаться вперед в неразрывности с тем противоречивым прошлым, свидетелем которого на протяжении всего XX века стал Моисеев-мыслитель.

Центральной идеей российского глобального сознания Н. Н. Моисеева, на наш взгляд, является евразийская идея («План, о котором я говорю, можно назвать еще и ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕЕЙ»¹⁵⁶), или в другой формулировке «евразийский мост». Анализируя внешнеполитические аспекты российской истории и особенности взаимоотношений Европы и России («...на западе наших восточнославянских стран мы всегда имели и будем иметь санитарный кордон — это тоже логика истории, а не термин, придуманный странами Антанты»¹⁵⁷), он делает очень важный вывод: «Вот почему нам всем, а не только одной России нельзя ориентироваться только на Запад. Мост между двумя океанами нужен и Белоруссии, и Украине, хотя на Украине это пока еще и не очень понимают, как не понимает и значительная часть белорусской интеллигенции... Евразийский проект — это наш общий мост, такова, повторю еще раз, логика истории. Не мы одни и не только для себя строили подобный мост»¹⁵⁸.

¹⁵⁶ Моисеев Н. Н. Мировое сообщество и судьба России. М., 1997. С. 172.

¹⁵⁷ Там же. С. 176.

¹⁵⁸ Там же.

Эта глубокая и хорошо выношенная геополитическая (планетарная) идея была настолько важна для глобального сознания Н. Н. Моисеева, что он эмоционально воскликнул: «Слава Богу, в марте 1996 года было подписано четырехстороннее соглашение, а в апреле еще дополнительно русско-белорусское! Будем надеяться, что это первые шаги к созданию евразийского моста. И они уже сделаны»¹⁵⁹. Другая сторона моисеевского евразийства близка к идеям *северного евразийства*, которые развивал В. П. Казначеев.

Совершенно очевидно, что Н. Н. Моисеев не принял глобальное сознание «золотого миллиарда» («Реализация "принципа золотого миллиарда", хотя явно и не декларируется в качестве национальных доктрин, но уже начинает осуществляться на практике. А эта тенденция, может быть самая опасная для рода человеческого»¹⁶⁰), как не принял его в свое время и Аурелио Печчеи¹⁶¹. Похожесть исходных теоретических подходов президента Римского клуба и «российского Моисея» весьма важна для понимания непростых судеб складывания общечеловеческого глобального сознания в третьем тысячелетии.

Анализируя *евразийскую онтологию глобального сознания* Н. Н. Моисеева, нельзя пройти мимо того, что корни этого понимания планетарной помещенности (месторазвития) России идут в известной мере от историка Г. В. Вернадского (сложно организованного евразийского мыслителя, органично впитавшего в свое сознание-мировоззрение российско-американские концептуальности), а от него к В. И. Вернадскому, чье глобально-планетарное мышление в наше время оказывается идентичным ноосферной глобальности, основные идеи которой сформулированы и систематизированы Н. Н. Моисеевым.

Для этого материала, слишком «актуального» в современных условиях очередного приступа «горячей холодной войны», очень важен еще один постскрипtum: теория евразийского моста Н. Н. Моисеева, лежащая в основе евразийского глобального сознания, предполагает, что этот мост соединяет также Россию с

¹⁵⁹ Моисеев Н. Н. Мировое сообщество и судьба России. М., 1997. С. 179.

¹⁶⁰ Там же. С. 108.

¹⁶¹ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.

Америкой. Большая Русская Америка, в свое время «проданная» за «невыгодностью», в наше время залог будущего неизбежного паритетного сотрудничества двух бывших сверхдержав, общая судьба которых в необходимости уже в ближайшее время найти взаимоприемлемые формы уважения и сотрудничества во имя целей ноосферного развития.

К сожалению, процессы вписывания СССР-России в глобальный мир XX века долгое время шли в значительной степени в сферах военного противостояния или высокого культурного сотрудничества. Очень поздно начавшееся широкое антропологическое и экономическое взаимодействие носило характер удара ТНК глобальным молотком по российской жизни. Сейчас, очевидно, пришло время холодного осмысления постэсэсэсэровской российской глобальной миссии, и будем надеяться, что в этом переосмыслении российскими элитами глобальной реальности останется место для важных выводов, сделанных академиком Н. Н. Моисеевым накануне третьего тысячелетия.

Раздел VIII

РЕГИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

Н. П. Антонов: восхождение к ноосфере (1989). Антоновские яблоки познания (2006). Первый Иваново-вознесенский философ(2010). Тихая глобальность провинции: И. В. Дмитриевская, Г. Н. Гумницкий, В. П. Раков (2013, 2014, 2016). Миф об «ивановском мифе» (2005). Зеркало Вселенского бытия (2006). Д. Г. Бурьлин как тип иваново-вознесенского интеллигента (2006). Музейная культура везде-вечности (2012). 100 лет глобального сознания: виртуальная ноосферная история и музейно-софийное мировоззрение Д. Г. Бурьлина (2015).

Н. П. Антонов: восхождение к ноосфере

Николай Павлович Антонов часто говорил, дополняя известное выражение: «Сколько людей — столько голов, сколько голов — столько умов, сколько умов — столько точек зрения». В то время эта идея еще не выражалась популярным ныне термином «плюрализм» или менее известным — «разномыслие». Тогда она обозначала важное требование, необходимое для формирования философского образа мышления.

Философское мышление вырабатывается годами и десятилетиями, культура его не может возникнуть из ничего, в один момент. Именно поэтому в философии очень важно формирование школы, группы единомышленников, развивающих ту или иную фундаментальную проблему. Одна из таких школ создана в Иванове профессором Н. П. Антоновым, она занимается философскими проблемами сознания.

Еще К. Маркс определил, что «всякая истинная философия есть духовная квинтэссенция своего времени», а у нас только недавно появилась возможность представить философский процесс в своей стране во всей его противоречивости, в борьбе идеализма и материализма, в стремлении глубже осмыслить мир. На фоне открывающихся сегодня блестящих имен крупных идеалистических философов имена советских ученых лишь тускло светятся, затушеванные памятным со студенческих лет штампом о «необходимости преодоления в философии схоластического теоретизирования». Конечно, все не столь прямолинейно и уж, безуслов-

но, не просто. Об этом говорит и жизненный путь моего учителя — ивановского философа Николая Павловича Антонова.

Жизнь и судьба. Жизнеописание Н. П. Антонова вполне укладывается в следующие строки: из семьи рабочего, вступил в комсомол, учился в вузе, служил в армии, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, занимался преподавательской деятельностью сначала в Ивановском пединституте, затем в Новосибирском и Ивановском университетах, стал одним из авторитетнейших профессоров нашего вуза, подготовил около тридцати кандидатов и докторов философских наук.

А вот судьба уготовила ему тяжкие испытания. Последние годы жизни Н. П. Антонова были наполнены напряженной творческой и организаторской работой, итогом которой стало последнее детище ученого — научно-практическая конференция «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу», проведенная в ИвГУ в 1983 году. Академик В. П. Казначеев — один из ее участников, сказал, подчеркивая международное значение конференции, что она «реабилитировала» философское содержание понятия ноосферы. Но то, что стало началом нового этапа в развитии философской мысли, было — увы! — лебединой песней самого Николая Павловича. Ему не довелось продолжить изучение проблем, связанных с наследием В. И. Вернадского. Жесточкая болезнь победила профессора, когда Ивановский университет готовился чествовать его в связи с 75-летием.

«А что в будущем ожидает сознание?». В центре философских интересов Николая Павловича Антонова были проблемы сознания. Оглядываясь на свой творческий путь, профессор говорил: «Вначале мне было интересно само сознание, его происхождение и сущность, но когда я с ним разобрался, встал куда более сложный вопрос, — а что в будущем ожидает сознание? Пытаясь ответить на него, я все глубже уходил в проблемы биосферы и ноосферы».

Ноосфера в представлении В. И. Вернадского — сфера труда и разума цивилизованного человечества. Это понятие, столь всеобъемлющее и фундаментальное, рожденное многовековым опытом людей, в середине 1970-х — начале 1980-х годов мало кто воспринимал как перспективное направление философской мысли, имеющее отношение к действительности, ибо мало кто

умел охватить этот гигантский масштаб пространства и времени. В одной из своих статей — «Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы» (1979) Н. П. Антонов ставил целью наметить основные пути воздействия сознания на биосферу, становление ноосферы сознанием и трудом человека. Во многом эти проблемы остались богатым наследством современным философам.

«Под знаком» ноосферы прошли и последние месяцы жизни Н. П. Антонова: оказавшись в столичном онкологическом центре на Каширской, он подолгу стоял около широкого окна на пятнадцатом этаже и думал о том, что казенные городские кварталы, простирающиеся до горизонта — это и есть ноосфера, но ноосфера зачаточная и, может быть, даже неразумная.

Немного о смелости. Казалось бы о какой смелости можно говорить в применении к философу, но это только на первый взгляд: ведь одна единственная мысль может перевернуть все представления о мире, бытии, сознании. А как трудно порой дать мысли материальную жизнь! В 1981 году, когда были в разгаре польские события, профессор Антонов с трибуны университетского партийного собрания сказал о том, что он — человек, долгое время преподававший в Польше, воспринимает эти события как предзнаменование обновления социализма, как необходимость и нам оглянуться на самих себя, перестать петь «аллилуйя, аллилуйя» и думать о том, что происходит в стране и в мире. Многие ученые, которые теперь стоят на перестроечных позициях, тогда попеняли «резкому профессору», так далеко зашедшему в своих рассуждениях...

«Крамольные» мысли об общечеловеческом. Размышления Н. П. Антонова о ноосфере и общечеловеческом довольно четко проявили себя, обнаружив глубину озабоченности ученого глобальными проблемами современности, экологической ситуацией в мире и в нашей стране. О них он думал в последние годы постоянно, что порой обнаруживалось в самых неожиданных «ракурсах».

Мое знакомство с Николаем Павловичем произошло при выборе темы реферата по философии. Я подошел к лектору и попросил разрешения подготовить сообщение по только что вышедшей на русском языке книге председателя Римского клу-

ба А. Печчеи «Человеческие качества» (1980). На меня обрушился поток гневных слов: «Печчеи — величайший ум, — говорил профессор в большом возбуждении, — как вы смеете его критиковать! Вы еще слишком молоды!». Так в период застоя Николай Павлович отстаивал право на существование общечеловеческого в сознании и бытии. Взгляд на мировую историю с точки зрения ноосферы, общих людских проблем, еще только пробивал себе дорогу... Сейчас об общечеловеческом рассуждают даже школьники.

Был готов к перестройке. Н. П. Антонов не дожил лишь несколько месяцев до начала перестройки, но он был готов к ней и сам предвещал ее приход. Порою думаешь, что он сказал бы сейчас, когда столь ожесточенные баталии в духовной сфере, когда в молодежной, особенно студенческой, среде идет пересмотр всего и вся, когда каждая новая статья или книга, стремительно врываясь в души, не оставляет иногда камня на камне от прежних воззрений. На этот случай старый наш учитель имел в запасе некрасовскую строфу — не очень осуждающую, но и не поощряющую: «Что ему книга последняя скажет, то ему на сердце сверху и ляжет...».

Прививка от скороспелых, непродуманных самостоятельно выводов, утверждений, нужна не только молодым философам, — она нужна всем молодым. В. И. Вернадский выделял четыре основных принципа жизни человека, жизни ученого — альтруизм, свобода, истина и сомнение. Думается, что во многом эти принципы, столь необходимые нашему обновляющемуся обществу, были присущи Николаю Павловичу Антонову как ученому и человеку.

Лакмусовы страницы биографии. Одна из книг, в свое время поразивших меня в кабинете философа-марксиста, был Коран. Говорят, что знание священной книги мусульман, которое обнаружил профессор на одном из занятий, повергло в изумление и трепет афганских студентов...

Отношение к религии всегда было лакмусовой бумажкой философского плюрализма, идеологической терпимости. Как марксист, коммунист Антонов относился к иной, даже противоположной мировоззренческой системе?

На душе у Николая Павловича лежал тяжелый груз: один из его лучших учеников, защитив кандидатскую диссертацию,

ушел в религию — стал преподавателем духовной академии. Естественно, «сверху» было выражено неудовольствие, немало неприятного пережил профессор в ту пору. И позднее на этой теме как бы лежало табу. Однако, все это не сказалось на отношениях учителя и ученика: до самого последнего времени Антонов получал от «отступника» письма и поздравительные открытки, сам интересовался его судьбой.

Жизнь показывает, что суровые испытания не проходят бесследно. Беззащитный человек часто обращает свой взор к религии. На грани жизни и смерти люди, случается, обращаются в веру. Н. П. Антонов и в этой трудной ситуации, под гнетом тяжелой болезни не изменил своим взглядам, убеждениям, принципам.

Скепсис или самостоятельное мышление? Если сегодня спросить студента, что его больше всего не устраивает в преподавании общественных наук то, скорее всего, он ответит — догматизм, трафаретность мышления. И это понятно: ведь самая большая ценность философии — это способность творчески, самостоятельно мыслить. В том, чтобы развить ее и видел профессор Антонов свою главную задачу в учебном процессе. Его любимое выражение — дать царапину мозгам — означало: заставить человека выйти из круга репродуктивности, бездумного повторения. Сомнение и самостоятельное мышление в наше время широко распространились, но очень часто за скепсисом стоит лишь эмоциональный уровень сознания, а философское мышление остается невостребованной ценностью. К сожалению, оно до сих пор не стало компасом перестройки.

Коммунист призыва 1941-го. Николай Павлович вступил в партию в июне 1941 года. Этот факт кажется мне многозначительным. Он объясняет, по-моему, почему как ученый Антонов считал главным долгом коммуниста говорить правду себе и людям. Жена его вспоминала после того собрания, на котором прозвучали рассуждения Николая Павловича о событиях в Польше и грядущих переменах у нас: он готовился так, словно это выступление должно стать последним... Трудно было говорить то, что думаешь, в застойные годы, и все-таки Николай Павлович чувствовал в этом настоящую потребность: слишком его отталкивало превращение партии из работающей организации в парад-

ную. Всем в Ивановском университете были хорошо известны споры Антонова с одним из его учеников, тогдашним секретарем парткома о приеме в КПСС: «Партии нужны образованные люди, интеллектуальный потенциал — так дайте больше мест преподавателям, аспирантам! Снимите ограничения, позвольте партии свободно расти!». Сколько сил было потрачено на то, что теперь стало абсолютно естественным...

Коллаж оставшихся в памяти событий, состоит, по видимому, в основном из розовых тонов. Это потому, что из сознания уходят, как правило, грустное и плохое, а остается только хорошее — то, что помогает жить и работать, что способствует развитию философской и политической мысли.

Проследивая жизненный путь Н. П. Антонова, все больше и больше убеждаешься в том, что его философское творчество есть закономерное восхождение — через сложнейшую проблему сознания — от классового к общечеловеческому, передача эстафеты тем, кто видит необходимость отстаивать и развивать общечеловеческие идеи и ценности. В этом и был смысл философских исканий Николая Павловича Антонова.

Антоновские яблоки познания

Профессор Ивановского государственного университета Николай Павлович Антонов (1909—1985) по рождению и по призванию — первый иваново-вознесенский философ. Нет ивановского вуза, в котором бы не работали его ученики. Человека с его биографией следовало бы назвать «советским философом», но на самом деле он — первый ноосферный философ, вобравший в себя опыт мировой философской мысли и сохранивший в себе иваново-вознесенский дух — дух мятежности и конструктивизма, дух самоотречения и дерзания до дерзости, дух раскола во имя истины и правды, дух справедливости и радостного человеколюбия.

Иваново — Ленинград — Москва. Далее везде... У кого из ивановцев поколения 1960—70-х годов не ёкнет сердце при сопряжении этих трех слов. Официальный, жесткий, квадратно-прямолинейный, революционный, эвристический, умно-

культурный, почти европейско-элитный — Он. Сердечно-душевная, округло-колесная, госте(странно)приимная, игропирушная, почти вселенская — Она. И срединное — Оно. Если ехать поездом или автобусом, то ночь на север — в Ленинград, ночь на юг — в Москву. Все дороги в этом пространстве действительно ведут либо в одну столицу, либо в другую. Силовое пространство двух российских полюсов выстраивает великое поле провинции. Крещение крайностями — повод найти свою собственную середину и плыть по жизни, прибившись к одному или другому берегу, или остаться на всю жизнь в своей пропорции, каждый раз обретая себя в новой жизненной ситуации.

Такова жизненная канва и первого иваново-вознесенского философа — Николая Павловича Антонова. Родился он в Иваново-Вознесенске в рабочей семье, педагогический институт закончил в Ленинграде, кандидатскую диссертацию писал в Москве. А дальше Польша, Чехословакия, Германия, а между ними Куйбышев, Новосибирск и многие другие города. Куда бы он ни уезжал — всегда возвращался в свой родной город. Сначала в кирпичную пятиэтажку напротив нынешнего «Современника», а затем немного дальше в новый девятиэтажный дом. Он никогда не отрывался от любимой Уводи, в которой в детстве купался, а в зрелом возрасте прогуливался по ее берегам от Соковского моста до цирка, общаясь с аспирантами, встречая знакомых, размышляя о «своем»...

Участь — философ провинции. Русский философ — солдат правды. Он никогда не изменит себе в просветительском пафосе поиска истины и проповедничестве добытой им в тяжелых жизненных испытаниях правды. Слово его оказывается «трудным» трудом, проворачивающим железные шестерни будущего.

О Николае Павловиче уже достаточно много известно¹⁶², но, может быть, главное еще не сказано, ибо философ определяется не только тем, что написано им (тем более написано в жестких рамках партийно-государственной цензуры), но тем, что осталось недосказано в «эдиповой философии» жизненной неизбежности. «Философ среды обитания», сам того не подозревая,

---

¹⁶² См.: Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. Иваново, 2003.

выполняет очень важную функцию — он оставляет озвученный след о почти невидимом.

Истоки философского мировоззрения Н. П. Антонова скрыты в особенностях иваново-вознесенской культуры с ее противоречиями — между красотой и каторжностью ткаческого труда, богатством и бедностью, религиозностью и рационализмом (почти утилитаризмом), порабощенностью и свободой, искусством и промышленностью, официальным и народным религиозным сознанием. На первый взгляд кажется, что основа сознания Н. П. Антонова — философская классика (и, прежде всего, марксистская), но в действительности ядро его философского сознания — это художественная и поэтическая философия Лермонтова и Тютчева, Надсона и Плещеева, Полонского и Жемчужникова... Есть одно качество философского мышления Антонова, которое определяется только иваново-вознесенским нутром, — это сила самости, порожденная стереотипами поведения, укоренившимися в родившем его Иваново-Вознесенске. Это одержимость, исповеднический характер, искренность поиска правды и истины.

Истоки этой модели мышления в потайной силе свободного мышления, характерного для архетипов духа Иваново-Вознесенска. Свобода от конфессиональных оков антоновского мышления также идет отсюда. Тип «неконфессионального проповедника» в советское время оказался довольно распространенным явлением, но «раскольнический» философский неконформизм — это особенность антоновского «бытия сознания».

Две Формулы человеческого бытия сталкиваются в социальной жизни человека — смиряться или изменять мир. Изменять мир по Божьим законам, как материальным, так и духовным, — в этом особая философия жизни, которая содержалась в архетипах иваново-вознесенского миропостроения и старозаветной манере антоновской жизни.

Родовое гнездо на Нерли. Никульское на Нерли расположено на высоком берегу, с которого открывается — сколь хватает глаз — бесконечная пойма. Такое впечатление, что выше уже ничего нет и быть не может. Теперь деревня, в которой жил будущий профессор в детские и юношеские годы, небольшая: два порядка домов, между ними большое травяное пространство, на котором располагаются ель, серебристый тополь, колодец и по-

греба. Дом Антонова, кажется, самый маленький, но войдя в него, понимаешь, что такое крестьянский лад: все мелочи продуманы, словно жить здесь тысячу лет. Около русской печки — «лежак», вздремнуть после «тихой охоты» и обеда; чтобы забраться на печку — подножка и удобно посаженная ручка. Кухня — тщательно выкрашенные, не скрипучие (толстые) доски пола, полка для посуды, стол. Все как будто подобрано под невысокий рост профессора, везде видна его основательность и какой-то традиционалистский фундаментализм. Из кухни попадаем в небольшую комнату с печкой и старой мебелью. Из окон виден палисад, прохладно даже в июльскую жару. Двухтумбовый, но простой (фанерный) «профессорский» стол — очевидно, за ним и писались статьи о сознании и ноосфере. Где, как не здесь мечтать о том, что в стране когда-нибудь устроится и станет также уютно и добротнo, как в этом «доме бытия». За окнами веранды — сад: яблони, яблони, яблони...

Сейчас все заросло крапивой и травой, запущено и порушено. Где-то вот здесь, под кронами деревьев, очевидно, был стол, за которым велись беседы, в том числе и с аспирантами, приезжавшими навестить учителя. Время неторопливо, но неуклонно разрушает прошлое... Остается только память...

Келья философа. Комнатка-кабинет похожа на келью, она заставлена самодельными стеллажами с папками, журналами, книгами, место остается лишь для кровати, стола и стула, печатной машинки на тумбе: трем человекам уже тесно. На стене — репродукция с картины И. Шишкина «Среди долины ровныя»: огромный дуб занимает все почти вселенское пространство (в послевоенные годы, анализируя детское восприятие этой картины, будущий кандидат философских наук по психологии изучал особенности детского мышления). За этим столом сочинял письма своему незримому оппоненту — философу-неотомисту из Италии, ученику-аспиранту и медику, судьба которого оказалась связанной с Петербургской духовной академией в самый застойный период жизни страны.

В расколе с бытием. Многие отечественные философы XX века были обречены жить в расколе с обществом и государством (это и А. Ф. Лосев, и М. К. Мамардашвили, и Э. В. Ильенков, и А. А. Зиновьев, родившийся в чухломской деревне ныне Кост-

ромской области). Н. П. Антонов из их числа. Он осуждал ввод советских войск в Чехословакию и поддерживал поляков в их поиске своего пути, часто ругал «партийных аллилуйщиков», и сокрушался о бездумных шагах госвласти. В «военных тетрадах» («Философских фрагментах») такой крамолы потянет на десять лагерных сроков.

Дух проповедничества. Философия для Антонова была не только профессией, но и миссией, призванием. Тот, кто с ним встречался, запоминал на всю жизнь одержимость и эмоциональность, требовательность и простоту. В споре он был несокрушим, как Зевс, и бескорыстен, как Прометей. Даже когда трудно было с ним согласиться, все равно оставалось ощущение его внутренней правоты, которое заставляло еще раз возвращаться к его аргументам и логике его мышления. Упорство в достижении своей цели почти беспредельное — это, может быть, главное в его природе и натуре. Сестра философа вспоминала: «Когда Николай жил у нас в Москве, практически не вставал из-за стола, читал и писал...». Ноосферное мировоззрение Николая Антонова — уникальный феномен иваново-вознесенской культуры и духовной жизни нашей провинции. Он сумел точным языком образованного человека назвать меры воплощенного бытия, созданные поколениями провинциальных мечтателей.

В гармонии с миром. Здравый народный смысл и великое крестьянское трудолюбие (он вспоминал, как выкашивал в день две нормы) в сфере философии и науки — именно такие качества профессора педагогического вуза привели к изучению творчества выдающегося мыслителя XX века В. И. Вернадского и ноосферному откровению умудренного жизненным опытом человека. Почти три четверти века жизни ученого философа — непрерывный поиск ответов на самые трудные вопросы мирового и нашего бытия. От философии сознания к философии ноосферы — путь тяжелый, кризисный, подчас «крестный путь». Костер ноосферной идеи, которой отдал себя целиком в последние годы жизни Антонов, — великое, почти ренессансное дерзание.

Антоновские яблоки. Мудрый человек и коллега Антонова — философ Юрий Михайлович Серов — когда-то пошутил об «антоновских яблоках» — его аспирантах-учениках (а их около тридцати). Николая Павловича нет уже 30 с лишним лет, но в за-

пушенном саду все еще цветут яблони и оставляют надежду на то, что когда-нибудь наш социальный мир станет ноосферным — столь же красивым, как и мир живой и вечной природы.

Первый иваново-вознесенский философ

В каждом вузе есть легендарные фигуры, которые на протяжении длительного времени определяли его интеллектуальное развитие. В Ивановском государственном университете к таким знаковым персонам относится профессор Николай Павлович Антонов.

Он родился в 1909 году в Иваново-Вознесенске и может рассматриваться как первый профессиональный иваново-вознесенский философ. Детство и юность ученого прошли в деревне Никульское, расположенной на высоком берегу Нерли — реки, которая символизирует собой древнюю историю нашей страны и той ее части, которая называется центральной Россией. Складывание характера и образа мысли будущего советского профессора происходило в сложном культурном котле, который представлял собой промышленный город Иваново-Вознесенск, однако архетипы культурности проистекали из его деревенско-сельской укорененности.

Н. П. Антонов — не столичный, а провинциальный профессор. В нем оказалось слишком много корневого и самостийного, очень много того принципиально-человеческого (слишком человеческого), что приводило к его, как бы сейчас сказали, «маргинальности». Он, как о нем говорили коллеги, «попал в струю», но по большому счету никогда не был в этой струе несомым как щепка, он всегда находил свою особую траекторию обхождения препятствий «социалистического бытия», всегда оставляя за собой право самому определять степень разумности того народно-социалистического идеала, который, видоизменяясь и развиваясь, определял это социально-философское, политическое и социологическое сознание.

Провинциальный мыслитель — это не есть формула игры на понижение, это установление самого точного по своей сути социокультурного феномена, исследование которого следует да-

вать не в контексте «конъюнктурного охаивания», а как предмет очень непростого изучения и анализа. Думается, что фундаментальная противоречивость и почти сверхсистемная самосложность являются для такого рода фигур исходной позицией экзистенциально-философской рефлексии. Дело в том, что чаще всего, анализ творчества того или иного философа дается либо через онтологический аспект социально-биографического описания, либо через художественно-чувственный контекст личностного бытия. Но есть еще и другая формула персоналистической реконструкции — почти фантастическая аналоговая рефлексия, наполненная историко-метафорическими и социокультурно-метафорическими коллажами постмодернистских версий репрезентации личностно-персоналистического бытия. Пожалуй, лишь такой вариант размышления может помочь войти во внутренний «жизненный» мир мастера.

Главный вывод, к которому непреднамеренно приходишь, стараясь понять «советскую книгу перемен», заключается в том, что в советской истории всегда находились персонажи, которые не столько разрывали историю, не столько рыли котлован вражды и розни времен и эпох, сколько нащупывали единство и неразрывность трагического бытия родины, попавшей в вихри времен и турбулентности истории. Такие личности всегда являются персонажами ноосферной истории. Именно таким ноосферным воплощением представляется сейчас фигура профессора Н. П. Антонова. Сколько бы не велись разговоры о том, что «Антонов устарел», «Антонов — вульгарный материалист», нельзя уйти от ощущения действительного человеческого преодоления жестоко-бытия железного XX века, века, после которого образ мира в формах актуальной человеческой одушевленной воплощенности изменился значительно сильнее, нежели изменилось русское искусство при переходе от классики к модерну, или от авангарда к советскому искусству. Сгоревшая история человеческой субъективности российского XX века сродни разбитому на самые мелкие осколки зеркалу хронотопной культурности. Но очень важно для понимания смысла и интенций регионально-провинциальной культурности, что в водоворотах безжалостного времени сохраняются исконные личности, несущие в себе яркие примеры подлинного народно-русско-советского бытия — «советского дазайна».

Философское месторазвитие. Современная Ивановская область в значительной степени территориально связана с тем региональным пространством, которое издавна называлось «Замосковский край». Геополитически — это своеобразный медвежий угол, где таились не только люди, но — главное — идеи, которые по каким-либо причинам не могли прижиться в стольном городе Москва. Положение в излучине Волги от Плесского плёса до плёса Пучежского лучше всего может быть обозначено русской поговоркой — «у Христа за пазухой». Однако, главное в этой фразе — не материальное благополучие (как иногда принято считать), а духовная составляющая, ибо жить с Богом в формах личностного, а не только государственного измерения — очень сложная социально-историческая миссия.

Уникальность религиозной жизни края, огромный интерес к мировой культуре, «социальная мобильность» странничества, специфика понимания народной (советской) демократии, общинно-соборной жизни и социальной справедливости создали особое региональное мировоззрение, которое и по сей час рассматривается как модель толерантного жизнебытия в формах техно-социального эволюционного развития.

Естественно, что жизнь в условиях сталинского самодержавия наложила очень сильный отпечаток на сознание Н. П. Антонова, но стержень его мировоззрения (и это становится видно именно сейчас) — социально-материальная и духовно-нравственная культура Замосковского края, великими знаками которой являются и протопоп Аввакум, и кинорежиссер-философ А. А. Тарковский. Поразительным образом в философе Антонове воплотились оба эти архетипа: с одной стороны, одержимость идеями справедливости, здраво-разумности, русскости, а с другой, — трагическое, до ностальгичности, понимание глобальности бытия в его переломных точках.

Миры советской интеллигенции. Жизнь Н. П. Антонова уложилась во временной промежуток, который может быть обозначен «от одного застоя к другому застою». 1909 год — год рождения — почти предтеча году 1913 (как считается самому благополучному для России году), а 1985 — год смерти — самый рубежный для России XX века. Может быть, именно об этом времени Н. П. Антонов мечтал всю свою сознательную жизнь, он

может быть больше всего сделал именно для того, чтобы сменилась модель государственного и общественного управления. Вряд ли он ожидал, что уже скоро пришли бы 1990-е годы с их социальным inferно, он думал о том, что русский мир вдруг изменится в лучшую — разумную и ноосферную сторону. Для советской интеллигенции, а Н. П. Антонов действительно принадлежал именно к этой не очень значительной по численности, но очень важной по сути части развитого советского общества, понимание ответственности перед народом и страной — главный императив бытия, сравнимый с религиозными заповедями.

Понимание глубинного смысла жизни и судьбы Н. П. Антонова неразрывно связано с метаисторией российско-советской империи XX века. Ее испытания на прочность мало чем отличались от испытаний татаро-монгольским игом, польско-шведской интервенцией начала XVII века, а затем каждовекowymi иноземными — французскими, немецкими, и, наконец, обще-европейскими — нашествиями.

Весьма интересно попытаться проанализировать мирополитическое мышление Н. П. Антонова. Оно носит геополитический характер не столько в узком смысле слова, сколько в широком: духовная составляющая оказывается на первом месте. Это не случайно, прежде всего, потому, что так называемая русская ментальность — ментальность с приматом духовно-справедливости — дополняется тем духовно-религиозным провинциальным контекстом, который неотрывно присутствовал в иваново-вознесенском сознании ученого-философа. По самому большому счету именно ощущение причастности к миру нового (не застывшего, а интенсивно развивающегося) сознания-разума заставляло его принимать вызовы интеллектуальной подвижности, духовной неуспокоенности: его жизнь в Ленинграде, пребывание в Польше, самарско-поволжский, московский, новосибирский периоды, наконец, возвращение на иваново-вознесенскую малую родину — все это свидетельства особого миро-провинциального модуса укорененности, глобально-ноосферного сознания...

Насколько высок был уровень культурно-интеллектуальной жизни в Иваново-Вознесенске в период начала XX века уже сейчас можно хорошо проследить по материалам журнала «Наша родина — Иваново-Вознесенск». Однако, как формиро-

вался стиль мышления будущего философа сейчас конечно очень трудно не только восстановить, но и домыслить. Но есть факты, которые хотя бы в некоторой степени могут пролить свет на эти особые духовно-нравственные и культурно-интеллектуальные корни иваново-вознесенского философского сознания.

К началу революционной эпохи будущему правдоискателю было уже 8 лет. Это означает, что самый интенсивный период развития прошел в условиях того старого Иваново-Вознесенска с его мощным рабочим классом, ощущением огромного по тем временам города (нынешний Иваново всего в два раза больше, нежели Иваново-Вознесенск предреволюционной поры). Очень важно учитывать, что переход к власти советов в Иваново-Вознесенске совершился очень естественно и спокойно, он был подготовлен всеми теми событиями, которые совершились в годы первой русской революции. Складывается впечатление, что Н. П. Антонов с самого начала своей деятельности находился под обаянием того ощущения, которое выражено словами о «третьей столице» — сознание того, что «пролетариат питерский, московский и иваново-вознесенский» (В. И. Ленин), взятый как высококультурный слой российского общества, поставлен историей в условия ответственности за ход мировой социальной революции — это сознание обеспечивало духовно-деятельностную пассионарность будущего философа. В разговорах с Н. П. Антоновым это не проявлялось, но в его поступках ощущение мировой привязанности его личного бытия было и ощущалось всегда.

Главное качество, которое на наш взгляд, было сформировано Иваново-Вознесенском в личности Н. П. Антонова — это общекультурная масштабность, мирокультурность. Это свойство обнаруживало себя в культурно-собирательской деятельности Д. Г. Бурлыгина и не вызывает никакого сомнения, что Н. П. Антонов был знаком с краеведческим музеем, который и вырос из потрясающей по миромасштабности коллекции иваново-вознесенского мецената. Будущее философское мышление формировалось в купели не только быто-пролетарской, но и бытийно-религиозной культурности (которая была характерна для высших слоев иваново-вознесенского общества). Прежде всего, следует сказать, что высший класс Иваново-Вознесенска был пронизан не только (и не столько) духом наживы безнравствен-

но-капита-листического накопления, но по своему глубокому существу общинно-религиозным сознанием, которое было характерно для логики развития культурного (а не догматического) староверческого мироощущения. Концепт культуры старой веры в духовных интенциях большинства иваново-вознесенцев проявляет себя как особая стратегия мировоззрения, мироотношения и миропостроения.

К гуманистической ноосферной глобалистике. Философский путь профессора Н. П. Антонова в кратком изложении может быть представлен как переход от философии сознания к философии ноосферы, и движение от диалектического материализма к гуманистической ноосферной глобалистике. Он не был «невъездным» или «зашоренным», как иногда сейчас изображают советских философов. Он преподавал в Польше, Венгрии, ГДР, переписывался с европейским философом-неотомистом, публиковался за рубежом, входил в состав редколлегии одного из двух самых крупных философских журналов страны — «Философские науки». Н. П. Антонов принимал участие в создании новосибирского Академгородка — одного из ярких проявлений свободной науки в СССР, смог привлечь значительные силы философов и учёных для «ноосферного прорыва» — проведения в Иванове в 1983 году первой в России философской ноосферологической конференции.

Н. П. Антонов стоял у истоков формирования региональной философской школы. К числу его учеников-аспирантов относятся наши земляки Р. Г. Яновский (бывший ректор Академии общественных наук, член-корреспондент РАН, директор Центра социологии национальной безопасности), А. Н. Кочергин (бывший заведующий кафедрой философии ИППК при МГУ). Из более чем тридцати бывших аспирантов профессора Н. П. Антонова десять стали докторами наук: практически во всех вузах города работают его соратники и ученики. Некоторые уехали из Иванова и работают в столице, к их числу, например, относится известный специалист в области современной западной философии профессор В. Г. Арсланов. Впрочем, не все из тех, с кем свела научная судьба Н. П. Антонова, стали профессиональными философами, один из них еще в советское время выбрал религиозное служение и сейчас является известным деятелем русской православной

церкви. Особая страница деятельности Н. П. Антонова — создание диссертационного совета по философии, действующего до настоящего времени: в его лоне фактически сформировалось нынешнее региональное философское сообщество.

В чем же смысл ноосферной философии Н. П. Антонова? Прежде всего, в том, что утверждается неразрывность глобального и регионального развития: попытка уйти из общемирового развития губельна для страны, но и забвение своих корней приводит к деградации общества. Мера соединения противоположностей определяется культурой разума человеческого общества и каждого человека в отдельности. Русская культура (в частности, поэзия, которую Н. П. Антонов очень любил и хорошо знал) сформировала свою *философию глобальности*, и в XX веке ее художественные смыслы переросли в философские и научные формы. В творчестве Н. П. Антонова постепенно сложилась гуманистическая формула соединения глобального и регионального ноосферного развития.

Пожалуй, самым значимым сюжетом биографического описания жизни Н. П. Антонова является попытка реконструкции «происхождения и сущности» ноосферной идеи в его философском сознании, которое безо всякого сомнения является не только артефактом нашей Иваново-вознесенской истории, и даже не только масштабным историческим фактом истории советской философской мысли, но и событием глобального масштаба. Ибо каждая из теоретических моделей ноосферного видения мира XX века требует внимательного изучения и осмысления, так как именно на этом пути появляются возможности открывать окна в будущее, чтобы впустить свежий воздух свободного, естественного, духовного человеческого бытия.

К сожалению, считал Н. П. Антонов, сила социального разума иногда оказывается недостаточной для понимания сложности мира, поэтому развитие современной техноцивилизации несет все больше бедствий для развития человечества. Но в силах человека попытаться изменить себя и изменить мир, преодолеть архаические и современные формы социального безумия: главный источник этого преодоления в философии и культуре, в понимании того, что бесконечное несовершенство социальной жизни может исправить только сам человек. Этот пафос, вышедший

из культуры советского общества, актуален и в наше время, когда страна вновь набирается сил для того, чтобы ответить на те вызовы, которые несет с собой вхождение в третье тысячелетие.

Будущее страны в значительной степени определяется интеллектуальным и человеческим потенциалом каждой ее территории, именно поэтому обращение к творчеству людей, стоявших у истоков становления регионального образовательного пространства чрезвычайно важно именно сейчас, когда формируется представление о том, что от каждого человека в значительной степени зависит наше общее будущее.

Тихая глобальность провинции:

И. В. Дмитриевская, Г. Н. Гумницкий, В. П. Раков

София-премудрость в постсоветском обществе. В первый год горбачевской перестройки волею судеб довелось оказаться в Японии — стране более чем загадочной и необъяснимой для того еще полностью советского времени. На одной из экскурсий гид, достаточно хорошо говоривший на русском, спросил о том, где я работаю. Ответ — «преподаю философию в университете» — поверг собеседника в полное удивление: «Разве можно преподавать философию таким молодым? Все наши университетские преподаватели в почтенном возрасте!».

Об этом вспоминаю сейчас, когда образовательная реформа вымывает из числа преподавателей самых бескорыстных хранителей мировой мудрости. Главный человеческий потенциал общества — это мудрые люди: такие как профессор И. В. Дмитриевская. Еще бы их слушали наши современные эффективные менеджеры, превращающие будущее мира в эгоистические финансовые потоки.

Три четверти века для философа — состоявшаяся зрелость. В этот период рождается новая формула человеческого бытия, когда материальное и волнующее уходит на второй (и даже третий) план, и остается чистое бытие, то бытие, которое можно было бы назвать «открытая везде-вечность». Человек приучается жить во всеобщем универсуме — универсуме мира и знаний. По большому счету, человек не всегда знает, что он живет не просто

в третьем мире К. Поппера — объективном мире знаний, он живет в «тридцать третьем мире» (который в сказках называют «тридевятым царством» или «тридесатым государством»): мире, в котором, размышляя о А. Чехове, можно усадить знаменитого писателя на краешек дивана и пообщаться с ним как с хорошо знакомым человеком, который неожиданно пришел в гости, когда думая о мыслесплетениях М. Павича, становишься соавтором живого понимаемого и постигаемого текста; когда Л. Толстой или Ф. Достоевский вдруг оказываются под одной обложкой, как если бы они сидели за одним столом вместе с Вл. Соловьевым и вели беседы о человеке в его самых высочайших и самых низжайших проявлениях.

Жизнь в ноосферном пространстве и времени («пространстве-времени» или даже просто «времяпространстве») — это действительно современное реальное экзистенциально-персоналистическое событие. Чем сложнее человек, тем сложнее его бытие; даже когда современное огосударственное общество пытается «поймать человека», «включить его в свою систему», заручить его малыми и большими соблазнами, человек может повторить вслед за классиком жизни в «езде-вечности» — «мир ловил меня, но не поймал». Нет ничего сложнее такого поступка: за этим «отказом от» может стоять не только неизбежность ухода из вуза из-за нежелания ставить липовые оценки детям людей «с рубильниками в руках», но и самозабвенная бескорыстная работа над научной проблемой и издание за свой счет монографий и учебников, по которым учатся понимать жизнь сотни людей. Не зависеть от обстоятельств трудно было и в советское время (тогда можно было просто держать «фигу» в кармане для власти, но делать свое дело), но сейчас формула духовного выживания носит самые экстремальные формы: море знаний покрыто либо пеной, либо нефтяной пленкой. Нынешнее время предполагает не экологию духа или экологию культуры, а только технологию поведения эффективного потребителя. Между духовным, антропологическим и материальным производством образовалась пропасть, которая вполне описывается словами — «молодежь жалко, что они с ними делают».

Советский интеллигент, живущий в постсоветское (и даже в постпостсоветское) время, — феномен поразительный по своей

сложности: самое простое, что можно было бы сказать про него — советской интеллигенции больше нет, закончилась даже ее «золотая осень». В действительности это совсем не так: российская интеллигенция предреволюционной поры оставила для новой советской интеллигенции и «клады» и «схроны». Как показывает история, все эти письма дошли до адресата, вот так и современная «советская интеллигенция» оставляет наследство, на которое пока еще нет спроса.

Что же это за качества «вечной интеллигенции»? Неистребимая радость жизни и полнота ответственности, великое дружелюбие и бескорыстная помощь, простота в общении и открытая искренность, несгибаемая воля и глубочайший профессионализм, светлый дух и прозрачность чувств, возрожденческий гуманизм и неподдельное личное достоинство, умение не щадить себя и защитить слабого, простая самоотверженность и разумный аскетизм.

Человеческое качество интеллигенции порождается прямой передачей от человека к человеку особых программ поведения, общения, мышления и понимания. Эти программы есть, конечно, и в книгах, и в статьях, но истинность их обнаруживается только в непосредственном взаимодействии людей при сопутствующих уникальных обстоятельствах. Майкл Полани был бесконечно прав, когда говорил о «личностном знании»: именно оно — неотъемлемая сторона великой интеллектуальной (ноосферной) истории человечества.

История регионального интеллигентского сообщества — еще не написанная история, но ее востребованность ощущается все больше и больше. Только сейчас понимаешь, как велика сила воздействия простой человеческой мысли в нормальном простом обществе и как много могло сохраниться, но ушло безвозвратно, ибо не осталось в аудио или видео формах. (Современному «учащемуся сообществу» в этом смысле повезло — интернет пестрит огромным количеством визуальных лекций, обширных аудиозаписей и прекрасных цветных фотографий.)

Современный человек либеральной российской эпохи — эпохи бессмысленного потребления и бесконечных эгоистических амбиций — по своим собственно человеческим качествам оказывается значительно ниже, чем советский человек вечного

дефицита, вынужденный волею «руководящей и направляющей силы» кормить, одевать и защищать полмира (социалистическое интернациональное сообщество). Эпоха простого народного аскетизма, доставшаяся послереволюционной стране справедливости и образования, оказалась прообразом современного общества знаний — самая читающая и самая дерзновенная (и может быть самая трагическая в XX веке) страна получила самое демократическое народное сознание, основы которого были заложены в культурно-усадебный век российской истории, обрела противоречивое интеллигентское сознание, смысл которого для будущей (не современной) России нашим обществом пока еще не осознан. Но придет время, когда интеллигентский и интеллектуальный труд ушедшей в прошлое советской интеллигенции выйдет на поверхность, а может быть станет и той нормой, которая делает страну соборной и общенародной.

Мудрость философа. Настоящий философ живет долго, ибо человеческая мудрость имманентна этому слишком противоречивому миру. Бесконечность сознания, наполняющая земное пространство, очень неоднородна. Наверное, она еще более велика, нежели биосферная разнообразность планеты. Мудрость — это то, что подчас безуспешно пытается собрать воедино это бесконечное разнообразие, но когда вдруг такая «сборка» происходит, человечество поднимается на одну ступень выше в своем естественном вселенском развитии.

Сейчас в России «не любят» философов: философия в России еще не реабилитирована ни на государственном, ни на общественном уровне. Одна из причин этого в том, что в стране идут процессы вещественно-материального техно-накопительства, вполне закономерные после эпохи советского социалистического аскетизма, и «потребительское бытие» порождает «эго-потребительское сознание». Однако думается, что жизнь современных философов «в диогеновской бочке» на шумящей базарной площади, где каждый чем-то торгует, не прерывает спокойного и взвешенного осмысления жизни в формах человеческого бытования и временования...

Мужская философия, как показывает мировая история философии, почему-то всегда очень жесткая. Философ иногда похож на Сизифа, иногда на Прокруста: то он закатывает в гору не-

избежно скатывающиеся вниз камни, то зачем-то секвестрирует человека, без чего философия перестает быть философией (так подчас происходит в образовательной практике, которая предстает как «упрощение упрощенного»).

Философия Гумницкого не мужская и не женская, она больше похожа на «срединную философию», одинаково близкую для любого человека, независимо от его гендерных предпочтений. Философ — одна из самых ярких фигур ноосферной истории, той истории умственной жизни человечества, про которую профессиональные историки вспоминают в самую последнюю очередь. Философ формулирует самые значительные и сущностные стороны образа мира и открывает главные тайны его жизни.

Профессор Г. Н. Гумницкий — в полной мере отвечает не только новоевропейским, но и античным канонам философа: философа говорящего и философа пишущего о том мире, в котором он себя размещает. В своих трудах он утверждает представление о философии как единстве онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии, но в действительности настоящая философия, по Гумницкому, — это не «малая гносеология», а «большая праксиология». («Не важно, что человек говорит о том, как он думает, важно, что он делает», — так мог бы звучать праксиологический императив аккредитации жизни.)

Из учебных лекций по философии, которую ивановский философ рассматривает как учение о всеобщем, обычно в голове остается что-то очень конкретное, какой-то абсолютный факт, позволяющий постоянно возвращаться к переобдумыванию проблемы, или какая-то фундаментальная идея, над которой можно было бы рассуждать всю жизнь. На кандидатском экзамене по философии все выучивший аспирант может получить вопрос «от Канта»: «А что возникло раньше пространство или время?» После таких вопросов философия обретает совершенно иное измерение, то которое уже немислимо для профанного бытия.

Самая практическая сторона жизни — этика. Теория и практика морального поведения — это, собственно, и есть жизнь человека, но это и жизнь общества, и жизнь власти, и жизнь человечества как большого единого и неразрывного человека. Из лекций по этике Г. Н. Гумницкого остался в памяти вопрос о том, кого спасать — тонущего слесаря или тонущего

академика. Мысленный эксперимент на реке Талка, проходивший в 455 аудитории 3 корпуса ИвГУ казался «императивом абсурда», но вышло, что вся жизнь человека как раз и состоит из такого рода жизненных коллизий. Человек находится в отсеке сегодняшнего дня, а философ живет в везде-вечности — «это две большие разницы».

За этой бытовой ситуацией стоит сложная философско-теоретическая работа. Прежде чем рассказать о ее сути, следует вспомнить знаменитую фразу Ю. М. Серова, сказанную после одной из кафедр, на которой происходило обсуждение докторской диссертации Г. Н. Гумницкого, посвященной основному моральному отношению: «А вдруг партком не согласится с Вашими доводами?» Судя по всему, партком согласился: философ-проректор Ю. М. Серов всегда обладал поразительной силой убеждения и отменным здравомыслием, побеждавшим взгляды другого философа — секретаря парткома.

Теория основного морального отношения не только прошла научную апробацию, но и стала серьезным вкладом в мировую философскую науку, более того, она и сейчас составляет важную мировоззренческую составляющую ивановской философской традиции, в целом регионального философского сознания.

Весьма показательно, что развитие самой полноты идеи имеет отчетливое жизненное процессуальное выражение. Новые жизненные ситуации, как эмпирические факты, постепенно накапливаются и приводят к теоретическому взрыву. Применительно к «закону Гумницкого» — это движение от диалектики к триалектике. На «узком» диалектическом языке основное моральное отношение до некоторой степени даже дихотомично: «Личное благо — конечная цель, общее благо — высшая цель»... Но пришло время, когда это противоречие обрело форму синтеза: «единство личного и общественного — абсолютная цель». Достраивание философского треугольника («тезис — антитезис — синтез») происходило уже в период постперестроечной России, когда разрыв между личным и общественным достиг невозможного. Они стали антиподами, абсолютными врагами: социализм превратился в «асоцизм», общество перестало быть самоценностью, а стало измеряться назначенной кем-то сверху ценой, некоей платой за следование денежным значимостям.

Теории, и особенно философские теории, — это метажизненные формы человеческого пребывания во вселенной, они рождаются не совсем так, как научные теории, не через индукцию, и даже не через абдукцию, они рождаются как сильный синтез жизни через, своего рода, «вседукцию» («холодукцию»), которую от интуиции отличает, пожалуй, лишь известный элемент рационализма. Философ, особенным, только ему ведомым путем, собирает бесконечность бесчисленных фактов бытия и утверждает вселенский вывод абсолютной идеальности.

«Гуманизм этики Гумницкого» — неожиданно тавтологичная формула универсумно-диалектического совпадения единичного и всеобщего, явления и сущности, Атмана и Брахмана, Дао и Дэ — формула не провинциального, а глобального бытия. Тихая глобальность провинции предстает как спокойное и «незаинтересованное» размышление философа.

Если бы такие «советские философы» как Г. Н. Гумницкий (которые лишь по месту и времени называются термином «советский» в нынешнем его «западном» понимании, аналогичном слову «партийный») не вели в течение двух последних десятилетий тяжелые и изматывающие арьергардные бои неместного значения с философией «денежного олигархата» постсоветского времени, Россия никогда бы не смогла переосмыслить свою «либеральную» историю на переломе тысячелетий...

Предметом размышлений Г. Н. Гумницкого могут оказаться и судьбы классического и неклассического марксизма в современную предкатастрофическую эпоху, и проблемы биоэтики и эвтаназии, и логика коллеги-философа в публикациях «Вестника Российского философского общества», где очень часто публикуется и сам «возмутитель философского спокойствия». Все это — классика философского жанра в приложении к реальной практике небесполезности, к актуализации вечной философии.

Философское упорство как призыв к трезвости позволило переходному диссипативному российскому обществу сохранить базовые человеческие ценности и корневые гуманистические идеи. Поиск пропорции в третьем звене «закона Гумницкого» оказывается актуальной философской практикой, без которой нет смысла говорить и о консолидации современного российского сообщества, и об успешных поисках новой «русской идеи», что

может оказаться очередной подделкой под дурную нечеловеческую глобальность. (Россию досыта накормили всем этим за последнее столетие).

Жизненное пространство философской истины, передаваемое из рук в руки, — важная ценность гармоничной социальности, без которой не развивается и не может развиваться ни глобальное, ни региональное.

Университетское образование как искусство. В нулевые годы провинциальный университет существенно преобразился. Если в советское время институты преобразовывали в университеты, играя, пусть и не всегда оправданно, на повышение, то теперь в систему образования пришли уже не «быки», а «медведи» из либерального финансово-банковского пространства и стали играть на понижение: модно превращать университеты в колледжи, которые сами подопытные обучающиеся называют «школеджи».

Начался модернизационный процесс движения к простоте, в то время когда весь мир расставался с простотой. Из российских университетов постепенно стали вытеснять «старорежимную» профессуру, которая долгие годы огромными трудами на ниве настоящей науки и личностного образования продвигала вперед народную культуру. Когда хочешь узнать, каково качество подготовки специалиста, всегда спрашиваешь, кого он слушал в университете. Те имена, которые он называет, лучше, чем «корочки» и «вкладыши», говорят о качестве его образования и сознания. Даже если он «прослушал» лекции, то все равно в его подсознании осталось то, что рано или поздно прорастет иным видением мира.

Эти мысли возникли в связи с воспоминаниями о давнишних встречах на научных конференциях, на лекциях и на заседаниях института интеллигентоведения с профессором Валерием Петровичем Раковым. Они всегда были жизненно-интеллектуальным праздником, ибо не только порождали новые идеи в научной работе, но и наполняли софийной энергией, подталкивающей к поискам неведомого, запрещающей опускать руки при встрече с парадоксами безобразной и безобразной жизни. Особенно интересны были лекции-доклады Валерия Петровича на заседаниях института интеллигентоведения: они

открывали подспудные пространства вроде бы самой обычной мысли, а предельно трудную идею делали доступной и ясно явленной. Этот «пафос великого» сохранился еще с того времени, когда В. П. Раков слушал в Московском государственном университете лекции обожаемого им А. Ф. Лосева.

Жизненное пространство интеллигенции — непростая экологическая проблема: субстанция интеллигенции легко испаряется, когда исчезает свобода мысли, независимость от ближнего и дальнего произвола, человеческое качество бытия. Российское образование вот уже двадцать лет живет в жестких условиях сознательного стремления Минобра «разынтеллигентить» университетское образовательное пространство, превратить бывшего интеллигента в будущего «интеллектуала» со знаком «Скопус». Уход из университета профессора В. П. Ракова был совершенно неожиданным, но закономерным. Нельзя требовать от мастера, чтобы он вместо серьезной интеллектуальной образовательной работы сидел и срочно точил бессмысленные болванки рабочих программ — по калькам, придуманным министерскими клерками, думающими только об «оптимизации образовательной системы». Когда сейчас слышишь из уст президента фразу «Ну, теперь вы понимаете, что вы натворили», оказывается, что она относится не только к тем забугорным друзьям, с которых реформаторы в течение двух десятилетий брали пример, но и к тем, кто целенаправленно разрушал организационную и интеллектуальную сплоченность профессорско-преподавательской корпорации мелкими подачками, виртуозным обманом и иезуитскими издевательствами под вывеской «организация учебного и научного процесса».

В свое время А. Печчеи — итальянский мыслитель-гуманист — сформулировал идею о том, что человеческое качество представляет собой главную составляющую человеческой революции, но до России все «достойное европейское» доходит в таком искаженном виде, что узнать отражение просто невозможно. Насколько точно сказано классиком «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», понимаешь, когда знакомишься с сайтом профессора В. П. Ракова, созданным его учеником, живущим и работающим за рубежом, но не забывшим учителя из альма-матер. Ученики, оставшиеся в России, стали докторами

наук: В. П. Океанский и Д. Л. Шукуров — гордость В. П. Ракова. Теперь они обеспечивают возможность публикации монографий своего учителя, продолжая научную традицию.

В нулевые годы наше философское сообщество было увлечено «языком тернарного описания» А. И. Уёмова (размышление о сути вещей, с опорой на триады «вещь — свойство — отношение», «субстрат — структура — концепт»). В. П. Раков научил более сложному мышлению — пониманию процессов самоорганизации на основе «квадратурного» мышления через категории «хаос», «космос», «меон» и «укон». И сейчас думается, что греческие категории раскрывают смысл современной синергетики гораздо более художественно, чем пригожинские категории «флуктуация», «точка бифуркации», «аттрактор».

Университет, по большому счету, и есть профессиональное сообщество людей, которые создают сложные и сверхсложные картины мира, иногда существенно опережающие действительность. Такое разнородное и полисубъектное сообщество, действующее как единый думающий организм, и называется университетской интеллигенцией. Книга В. П. Ракова «Меон и стиль» (2010) написана «с запасом», она не просто подводит значительный творческий итог, но открывает универсумные просторы свободного мышления. Неслучайно к работам ученого-филолога обращаются и умудренные опытом профессора и аспиранты. В свое время меня поразило, насколько искренне и глубоко Валерий Петрович воспринял ноосферные идеи В. И. Вернадского, связав их риторическим словом с противоречивой действительностью. В XXI веке эта отзывчивость, может быть, служит сакральным знаком посвящения в миры космопланетарного будущего.

Литературно-филологические картины мира оставляют шанс на сохранение человеческого в человеке даже тогда, когда за ним не остается ничего, кроме его информационно-компьютерной онтологии. Современная образовательная машина лишила возможности новые поколения бакалаврантов послушать тех, кто не одним только возрастом определяют мудрость и искусство университетского образования. Думается, что качество университетского сознания обуславливается не столько ежегодной сменой бюрократических декораций учебных программ, сколько возможностью следовать за мыслью профессоров — хранителей культурных смы-

слов тысячелетий и жизненной умудренности бытия в мирах вселенности и локусах регионально-национального.

Либеральное реформаторское мышление хотело устранить из образования носителей старой советской культуры, забывая при этом, что эта культура сама себя переросла и стала формой общероссийского выживания в перманентных условиях глобализации на рубежах веков. Зачистив (как говорят археологи) до «материка» жизненные миры образования, «болонизация» девальвировала умственную энергию русского мира. Образовательная синергия не связана только с замусоленным информационным пространством интернетной подготовки курсовых, дипломов и диссертаций, она определяется, прежде всего, риторической тайной языка, искусством одарения ею и приобщения к личностному универсуму профессора.

Миф об «ивановском мифе»

Общероссийское (и тем более наше Иваново-Вознесенское) краеведение еще только начинает возрождаться и любая книга, которая проливает свет на крае-духовное бытие (как квинтэссенцию локального бытия вообще), воспринимается как личностное откровение, как постижение форм развития сознания «ближнего мира», мира, который по определению при-над-лежности максимально открыт для воплощенной полноты истинности.

Речь идет о книге Л. Н. Таганова¹⁶³. О ней много будут говорить литературоведы и краеведы, но архитектоника книги позволяет взглянуть на поставленные проблемы как бы со стороны, с философической точки зрения, а также с точки зрения «краеведческого интеллигентоведения».

Нет, наверное, у современной региональной интеллигенции большей задачи, чем «обдумывать жизнь», а это более чем не просто, ибо понять происходящее второе освобождение от крепостного права и новое издание безумной российской мануфактуризации и фабрикантизации, осмыслить последнюю еще не названную русскую революцию XX века и предтысячелетнюю гражданскую войну более чем не просто.

---

¹⁶³ Таганов Л. Н. «Ивановский миф» и литература. Иваново, 2005.

С историей замосковского текстильного края связана самая «загадочная» российская социальная мифология последнего века, поэтому осмысление «Иваново-вознесенского феномена» видится как труднейшая историческая и культурологическая задача. На первый взгляд, ее решением следовало бы заняться профессиональным историкам, но, оказывается, историки, которые и создавали историческую идеологическую мифологию (а фактически обосновывали «заданную» парадигму), заинтересованы в исторической правде в меньшей степени. «Миф, что дышло, куда повернул, туда и вышло», — так можно было бы перефразировать известное глубоко русское понимание смысла «закона» в нашем перманентно неправовом «того-государстве».

Десоветизация советской истории — это разрушение всей несущей конструкции мифо-истории российского XX века. В этом смысле «Ивановский миф», который связан с «советским мифом», является ключевым звеном не только для истории нашего края, но и в целом для советской истории (которая, как сейчас становится очевидным, никоим образом «советской» не являлась). Парадокс в том, что и до настоящего времени «ивановский миф» выполняет свою миссию в зависимости от идеологической задачи, которую ставят жрецы великой российской собственности.

Первый шаг в новое, как это всегда было в российской истории, делается писателями, литераторами и литературоведами, ибо литература и представляет собой по большому счету «организм» для изготовления мифов¹⁶⁴. Литературная эволюция и есть близкая и понимаемая историческая эволюция — история, изложенная подлинным языком.

«Маятник истории, — пишет на последней странице своей книги Л. Н. Таганов, — делает "ивановский миф" подвижным, динамичным. На протяжении века он не раз перестраивался, на первый план выходили то те, то другие коллизии, но оставалось нерушимым ядро "ивановского мифа", то, что мы в своей книге называли *вопрекизмом*. Вопреки всему, в сопротивлении самым страшным обстоятельствам жизни, "ивановский человек" в его лучшем проявлении оставался на высоте нравственного, духов-

---

¹⁶⁴ Впрочем, фундаментальные мифы создают писатели-философы, т. е. писатели, которые выражают свою философию литературным языком.

ного существования. Литература ивановского края, представленная в ее многообразии, закрепляет такую направленность "ивановского мифа... Вот здесь и должна бы быть последняя кавычка в книге, но судьбе было угодно потерять эту кавычку, а значит «ивановский миф» стал открытым, стал просто ивановским мифом, т. е. непредсказуемой по своим неожиданным поворотам жизнью творческого по своей природе народа, который неотрывен от природно-религиозности язычества по своей телесности (торжествующей в день Ивана Купалы) и еще более неотрывен от антропо-религиозности по своей духовности (восходящей от Иоанна Предтечи к Иоанну Богослову)».

«Ивановский миф» — в широком смысле слова — миф об Иванах, а не о самом Иванове. Миф о тех Иванах, которые никогда не забывали родства и которые прошли насквозь русскую и российскую историю, напоминая всем о том, что «этот телок от двух маток сосет», тем и живет в своей вселенской и божественной открытости бытию «везде-вечности».

Миф «земли Иванов» «развенчал» сам себя из уездного в губернский и затем в имперский. Он уходит не сам по себе, и даже не потому, что в него перестают верить люди, миф уходит, ибо в нем нет нужды для тех, кто его сотворил, чтобы объяснить на сегодняшний день непонятное и непонятое. «Ивановский миф» выпорхнул из Иваново-вознесенского лона как бабочка превращается из «куколки» и улетает, становясь другим, и все более чужим. «Ивановский миф» есть форма перехода от единичного к особенному (от Ивана к Ивановцу, чтобы затем уже подумать о переходе от ивановца к «русскому Ивану» (т. е. просто к «русскому»). Миф схватил себя за хвост (единичное стало общим), а значит, потерялась конкретность истины, может быть именно поэтому «ивановский миф» и требует превращения в «Иваново-Вознесенский миф».

Разноцветность «ивановского мифа» — одна из удивительно точных и поэтических находок Л. Н. Таганова в *философии «ивановского мифа»*, хотя в этой радужной палитре некоторые цвета почти исчезают — такова «судьба» ивановца Д. Фурманова, который в свое время, может быть, был главным представителем этого мифа, и палешанина Е. Вихрева. Последний (хоть и «москвич»), но родился лишь немного дальше от Иваново-Вознесенска, чем шуянин К. Бальмонт. А палехские

«Иваны Иванычи» может быть еще сильнее, чем «ивановские Иваны» выражают глубинный смысл «ивановского мифа». Тотальность «ивановского мифа», очевидно, требует и культурологической тотальности, рассмотрения феномена вне контекста современной «социальной субъективности». «Ивановский миф» неожиданно оказывается мифом общероссийским, он вырывается из «литературного локуса» во всероссийский хронотоп и даже во вселенскую глобальность, а это — верный признак открытости текста.

Философско-культурологический сверхсмысл мифа, очевидно, заключается в том, чтобы, родившись в точке сингулярности превратиться в бесконечность, и тем самым приобщить эту точку к вечности. Для нас эта точка — не Иваново (это имя старого села Иваново, в котором еще только начали строиться храмы, или города Иваново, в котором «по случайности» из 26 осталось лишь три храма), эта точка — Иваново-Вознесенск. Может быть тогда, когда литераторами сотворен «ивановский миф» невозможно было говорить об «Иваново-Вознесенском мифе», но теперь он уже вновь живет как непотайная форма нашего бытия.

В начале нового тысячелетия «Иваново-Вознесенский миф» возвращается вновь, может быть, почувствовав, что приходит конец не только ему, но и всему тому пространству, которое может раствориться в пространстве соседних областей. Послереволюционной истории хорошо известны примеры геополитического наказания, когда Тамбовская губерния была секвестрирована после антоновского восстания. «Иваново-Вознесенский миф» становится предметом не столько литературной истории, сколько истории «исторической». Он требует комплексного анализа, как требует всеобщего синтеза понимание творчества самого знаменитого нашего земляка — мифотворца А. А. Тарковского, который одним своим присутствием в истории края оправдывает его «культурное бытие». «Иваново детство» немалая часть «ивановского мифа» в его общекультурной синтетической форме, и оно всегда будет напоминать об «Иваново Вознесеньи» (Л. Н. Толстой назвал наш город-село «Иваново-Вознесенское»), о пути великого режиссера, который вписывает «край Иванов» во вселенское пространство нашего будущего. Это и есть, может быть, *самый дальний смысл* «Иваново-Вознесенского мифа».

В чем же его *ближний смысл*? Ни в близи, ни в дали, нет двойного названия для города. Конечно, есть Нижний Новгород, но это не двойное название, а просто «игра на понижение», прилагательное к уже известному «Великому Новгороду». Даже самое известное «Санкт-Петербург» — это миф, построенный по принципу прилагательности.

Дуализм имени «Иваново-Вознесенск» уникален, как уникальна и судьба Иваново-Вознесенска. Строительство в человеке универсума телесной и духовной субстанции как нельзя лучше отражается в двойственности целого — возникшего города-посада. Организм и среда, тело и дух, труд и разум, Уводь (работа) и Талка (отдых), земля и воля, город и природа. Семантическая подоплека названия Иваново-Вознесенск может быть только сейчас и становится понятной, ибо на место «ивановского мифа» о великой роли и миссии приходит обычное самоуважение рядового среди равных, различного среди разных.

Конечно же, уже никогда не восстановить то порушенное, не возродить Иваново-Вознесенска в его поразительной трудо-духовной первозданности: чем интенсивней развивалась промышленность в городе, тем больше становилось храмов, а значит, уравновешивалось духовное и телесное, — но культурно выросшее общество наследников Ф. Дунаева и А. Ноздрина, Д. Бурылина и И. Гарелина обязано вернуть полное имя для своего «месторазвития».

В свое время в культурологической литературе выстраивалась взаимосвязь между протестантизмом и русским старообрядчеством. Прежде всего, это проявлялось в аскетической «экономии» на потребности своей семьи (как свидетельствуют источники — даже дочерей на выданье отцы-старообрядцы не баловали) и на церковь, а также в попытке отгородиться от государства, которое хотело приватизировать свободу совести и поставить между человеком и Богом огосударвленную религиозную структуру. Иваново-Вознесенская модель бытия человека — модель жития с Богом в повседневности, а не только созерцания его в храме. В этом может быть своеобразная притягательность древлеправославной веры для простого человека. Со-вмещение скитской (уединенной) жизни, жизни монастырской

(совместной, коллективной, кооперативной) и жизни мирской — особая форма бого-бытия.

Но есть и другая характерная черта старообрядческого Иваново-Вознесенска — одержимость во всех жизненных проявлениях будь то хозяйственная, социальная или духовная жизнь. Древлеправославный тип культурного бытия не только сглаживал критические точки первоначального накопления, но и выстраивал определенную форму утряски противоречий между носителями крестьянского, пролетарского и фабрикантского образа жизни.

Своеобразный «позитивизм» мировоззрения иваново-вознесенского сообщества — мировоззренческая черта, которая сохранилась в первые годы Советской власти. Прагматизм старообрядческих ценностей оказался созвучен естественнонаучному и техническому отношению к миру — сциентистскому атеизму, который, как думается, оказался наиболее востребованным в условиях социальных технологий построения рая на земле.

«Иваново-Вознесенский миф» — это особая модель реальности, которая в настоящее время чрезвычайно созвучна с представлениями о ноосферном миропостроении, в основе которого лежат умеренность в «потреблении природы», разумно-нравственное отношение к миру, гармоническое соединение духовного и умственного труда (что раньше проявлялось в единстве «огородничества» и молитвенного труда монастырской жизни).

Иваново-Вознесенский тип культуры породил такой феномен как Советы и, без сомнения, в нем проявился чрезвычайно высокий уровень самосознания рабочих и не в последнюю очередь фактор, показывающий «заединность» хозяев и рабочих в оппозиции государственной власти в той форме, в которой она существовала в эпоху Первого общегородского совета. Поразительно, но даже сейчас историки, социологи, политологи, в значительной степени остающиеся в старой парадигме, не могут понять феномен «советской власти» именно как феномен культурологический, а не идеологический или политологический.

Устройство власти, соответствующей характеру этноса, — одна из фундаментальных задач любого интеллектуального сообщества, которое как элита отвечает за формы сохранения этноса и выживания его в будущем. Говоря современным языком, тип социальной самоорганизации в Иваново-Вознесенске как наибо-

лее *социально* развитом городе России оказался очень эффективным для преодоления классовых противоречий, именно поэтому социальный мир (невооруженные формы решения конфликтов) проявили себя даже в то время когда в России шли революционные события 1917 года. Недавно К. Е. Балдин привел факты о том, что в московском восстании 1905 года активно участвовали вооруженные группы (банды) революционеров из Иваново-Вознесенска, но у этого факта есть и оборотная сторона: очевидно именно эти рабочие дружины и обеспечивали в течение достаточно долгого времени порядок во время забастовки рабочих фабрик Иваново-Вознесенска. Традиции самоорганизации общинного типа и традиции взаимовыручки хозяев и рабочих могли привести к поддержке участия Иваново-вознесенских рабочих групп в московских событиях декабря 1905 года фабрикантами-старообрядцами, которые только что вырвали у царской власти послабления по отношению к старообрядцам.

В известной степени «феномен С. Г. Нечаева» мог возникнуть именно на почве старообрядческого типа самоотверженности и самопожертвования. Одержимость в вере и бескомпромиссность в установлении справедливости — эти черты характеризовали особый культурный тип «жизни в завете под гнетом».

Реализация древлеправославного (старообрядческого) концепта на примере истории Иваново-Вознесенска и его окрестностей еще только начинает пониматься как важная проблема, поэтому в изложенных позициях может быть много несовершенного и даже «ошибочного», но в современную эпоху «всеобщего пересмотра» к традиционному общесоциологическому классовому подходу возврата уже не будет. Следующий шаг — это взвешенная работа по выставлению акцентов между традиционными и модернистскими подходами в понимании социокультурной динамики Иваново-Вознесенска и истории «замосковского края» в целом.

«Иваново-Вознесенский миф» — это миф о возможности построения справедливого и гармоничного мира, создании народной и умной власти, власти в которой соединены фабриканты-меценаты (типа Д. Г. Бурылина), рабочие интеллигенты (типа А. Ноздрина) и обыкновенные трудяги-рабочие — строители нового мира, такого же красивого, как и ситцевые ткани, которые

они делают своими руками в несовершенных и даже «чудовищных» социальных и «адских» производственных условиях. Иваново-Вознесенский миф — это миф о настоящей власти, власти божьего закона и разума. Сказка о законе и благодати в ее древлеправославной форме — вот суть Иваново-Вознесенского мифа, который был сотворен самой жизнью и существует до настоящего времени как способ «заземленной» веры.

От Иваново-Вознесенска остался только миф, но смысл нынешнего этапа развития России — в возрождении всех региональных и общероссийских мифов, доставшихся нам по праву наследства от предков, которые бережно хранили тысячелетние культурные архетипы земного и духовного бытия. Оказывается не только «ивановскому мифу» требуется Иваново-Вознесенск, но и Иваново-Вознесенску потребен «ивановский миф». Может в этом и доказательство, что пора переименовывать Иваново в Иваново-Вознесенск.

Зеркало Вселенского бытия

Старый Иваново-Вознесенск! В этом названии для русского ума закодировано много неожиданных звуко-смыслов не только философского, но и культурологического характера. Округлое озёрно-земное «Иваново» и восходящее к небу как шатер колокольни — «Вознесенск». Не знаю, росли ли по берегам разделяющей городское пространство Уводи плакучие ивы, не знаю, жило ли здесь столько Иванов, что можно говорить о «земле Иванов», но думается, что с таким же правом в «Вознесенске» можно усмотреть не только вознесенье (как восхождение на небо), но и воз-несение как каждодневный трудовой подвиг несения воза, «как если бы» несения креста.

Феномен Бурылина, прожившего всю свою жизнь на вознесенской стороне, — необъясним, он — уникальный результат не только культурно-исторических, но и космопланетарных метаморфоз, происходивших на иваново-вознесенской земле. Как это ни покажется неожиданным, но древлеправославный (старообрядческий) дух крестьянина-

по-жизни, работника по ткацкому ремеслу, фантазера по художественному рисунку, обретшего достаток и богатство, вдруг захотел сделать посюсторонний мир райским, а его тайный смысл — явным и бесконечно прозрачным. Культурное православие (а значит православие свободное, не задавленное государственным служением, но предназначающееся лишь для безграничной духовной эволюции человеческого сознания) очевидно «разрешает» человеку искать себя в формах самых неожиданных и полных случайности божественного провидения.

Сейчас, наверное, уже невозможно узнать, как начиналась бурылинская коллекция (то ли как собрание икон, то ли как собрание тканей, то ли как хранение ценностей старообрядческой общины), но то, что здание музея задумывалось как храм культуры человеческого духа — видно и сейчас... Из окон Белого зала открывался когда-то величественный вид, которому мог бы позавидовать даже московский околокремлевский житель: там, где кончается «у-вод-ская» пойма, начинается мир каменной сказки бывшего Покровского монастыря и Троицкого собора, отражающийся в глади реки и просветленный лучами восходящего солнца. Такие картины не забываются в дремлющих уголках мировой души каждого человека, но слава тому, кто силой своего трудового таланта старался показать эту мировую красоту живущим с ним рядом сродственникам-общинникам по вселенскому бытию. Жить, открывая новые миры, — это пафос любого культурного человека, но в полную мощь на ивановской земле дерзание культурного бытия проявилось именно в судьбе фабриканта-музейщика Д. Г. Бурылина.

В чем же тайный смысл вселенского культурного посыла, в чем истоки пассионарности собирательских деяний? В пространствах удивительного сочетания духовных потоков ивановского земно-язычества и вознесенского древлеправославия и единоверчества поместилась вся мировая культура с ее бесконечным географическим и культурным разнообразием. Дмитрий Геннадьевич, живя в начале XX века, уже понимал смысл нарождающейся глобальности, которая сейчас мо-

жет быть выражена строчкой: «Собрал весь мир я под единой крышей, но это не сокровища земли, это сокровища духа человеческого».

Зачем же фабрикант и меценат Д. Г. Бурылин собирал все эти тайны мира, что он хотел понять из своего иваново-вознесенского бытия на окраине мира? Зачем такое разнообразие предметов и феноменов, зачем подземный ход «под здешним миром»? Сейчас специалисты сказали бы: «Музейный проект» — «реальная» инсталляция.

Загадка Бурылина будоражила умы многих исследователей и восхищала всех посетителей, но тайна созданного мира-образа так и остается для нас, потомков, великой тайной культуру-духа. К сожалению, представители рабочей культуры («пролетарской культуры») не поняли и не могли понять «потайного смысла» музейного универсума. Для непросвещенного ума это «материальная эклектика», склад вещей человека, который (может быть, «из жадности») тащит к себе все. Это простой ответ, а раз простой, значит, заведомо неправильный.

Впервые о неотмирной (герметической) сущности бурылинской коллекции начал говорить врач и журналист А. М. Беневоленский в своей книге «По следам древней тайны», он разгадал тайну египетской мумии, но поставил куда более сложный вопрос о потаенном смысле самой коллекции. «Тайна мумии — это ключ к загадке всей экспозиции» — это, как теперь становится ясным, было гениальным открытием ивановского последователя «мудрости Гермеса Трисмегиста». Тайна жизни и смерти — главная вселенская тайна земной культуры, поэтому мечтания русского воскресителя отцов Н. Ф. Федорова могут рассматриваться как общее ощущение близящейся разгадки «воскрешения бытия» для многих людей той культурной формации, которая пришла в начале XX века не только в Россию. Как же связать невидимыми нитями все предметы бурылинской коллекции, имеющиеся в экспозиции и уже для нее потерянные навсегда и не навсегда?

Однажды с профессором философии И. В. Дмитревской заглянули мы в места её детства — дом сына Бурылина (нынешний Дворец бракосочетания), где располагались в первые годы советской власти ясли-сад.

— *Вот здесь мы играли, вот из этого флигеля после дневного сна приносили горячие, вкусно пахнущие булочки, а вот на том месте рос величавый дуб... Пойдем, посмотрим.*

Действительно, в самом углу, спрятанный стенами ограды и травой, сохранился огромный пенёк «мирового древа», из корня которого растут все великие тайны нашего бытия. Вот так время прорастает в нас — незаметно для нас. Мы и не знаем, что Бурылин где-то совсем рядом, что он уже в нас, с его самозабвенным поиском истин и откровений.

Дмитрий Геннадьевич — тоже философ, но областью его философского мышления были не понятия, а предметы. Сейчас культурологи назвали бы их «артефактами», но на самом деле это именно «пред-меты», т. е. то, что существует «до меты», до слова и смысла, как то, что существует не как «вещь-в-себе», а как «вещь-для-нас», а может, точнее было сказать, уходя от кантовских терминов, «вещь-в-нас». Бурылинский музей — это, в действительности, мир «вещей-в-нас», вещей, которые мы увидели, потрогали, а значит, сделали «абсолютно своими», вещами, с которыми пройдем всю жизнь, погружаясь в «мир вещей и идей» великого прародителя иваново-вознесенской экологической культуры.

Не просто открыть ларец музейных таинств и сразу — вдруг — понять то, что раньше уходило от соития. Как же собрать воедино мир вещей и мир идей музейного собрания Бурылина? Открыть эту тайну — почти разгадать логику и диалектику иваново-вознесенской культуры, глубинные смыслы «место-бытия» (или, как говорят евразийцы, — «местообитания»).

Бурылинская коллекция — универсум культуры, это предпосылка для понимания «евразийских смыслов» и существования «диалога культур», «конфессионального всеединства» и «классового миробытия», «материального достатка и духовного сверхнедостатка». «Весь мир отражается в капле воды» — также и вся культура мира отражается в «музейной капле», которая вот-вот скатится под гору с уводского склона и потеряет свою индивидуальность, слившись с бессмысленностью и глупостью, бедностью ума и духа.

Музей Бурылина уникален не только личностным выбором вещей (любой человек — собиратель и охотник, и поэтому в той или иной мере любой город — это собрание коллекционеров). Это особая культура бытия. Бурылин коллекционер уникальный, он включился в собирательскую работу тогда, когда была еще возможность жить в нетронутым мировыми войнами пространстве. Коллекция — это особое сканирование мира, сканирование иерархии ценностей. Когда человек захочет пожить в той эпохе, взятой как процесс, он придет в музей для того, чтобы погрузиться в совсем ушедшее историческое пространство-время.

Некоторые историки утверждают, что история раскрывает не то, что было, а то, что мы думаем о том, что было. Поэтому мир одной личности — это уникальный экзистенциальный факт, к которому никогда не иссякнет интерес. В наше время обозначился бум публикаций мемуаров, ибо чтение воспоминаний об ушедшей эпохе дает представление об истории жизни конкретной личности, а это — самое захватывающее переживание для любого человека.

«Бурылинский проект» это создание универсума культуры для понимания главных герметических смыслов человеческого бытия, это поиск ответа на вопрос о преобразовании мира на основаниях всечеловеческих раздумий о природе мира и путях его изменения. Жизнь Дмитрия Бурылина — ответ на вопрос «Как несовершенный человек, живущий в несовершенном обществе, может создать совершенный мир?», как подарить соотечественникам сокровенную тайну разумного и духовного (ноосферного) миропостроения. Не исключено, что Музей Бурылина — *музей культурной повседневности* — явление даже не российского, а мирового значения, ибо в нем обнаруживает себя органическая соединенность самых разнообразных коллекций, размещенных в одном специально созданном ландшафтно-архитектурном пространстве. (Задумка создания мира вещей-эйдосов на самом деле предстает как ноосферный музей, как своеобразная платоновская Гиперурания, где собраны идеи-эйдосы как атомы смыслов культуры.)

Иногда говорят, что центр города определяется местом расположения почтамта, в Иваново-Вознесенске реальный центр

культурного приращения — это Бурылинский музей как дом мировой культуры и духовной бесценности.

Время, в которое мы живем, противоречиво и тяжело, особенно сейчас, когда российскому этносу как человеческому активно-деятельностному ресурсу пришлось пережить ужасы «искусственной социальной заморозки». Пример Д. Г. Бурылина показывает, что свободный человек способен на самые фантастические проекты внешнего и внутреннего миропостроения, и думается, что пришло время, когда стало возможным понять те сверхсмыслы, которыми была наполнена деятельность иваново-вознесенского музеевтора и фабриканта. Не исключено, что он сам и не думал о том, что сделанное и собранное им может быть воспринято как одно из самых дерзновенных деяний, направленных на понимание раскрывшегося началом технореволюции планетарного мира единства промышленности и искусства. Музей Бурылина, как пока совершенно не раскрытая сверхсистемность, — прообраз будущего глобального мира, в котором мы живем сейчас, но который пока не воспринимается как единый организм.

В музейном хронотопе соприкоснулись все мировые культуры всех эпох, и это реальный «диалог цивилизаций и культур», взятых в главных смыслах (концептах) своего бытия. Какое же огромное воспитательное значение будет иметь этот воссозданный музей для нашего российского, глобального и вселенского будущего? Он сможет с самого раннего детского возраста закладывать в человеке совершенно иные, нежели сейчас, архетипы и стереотипы восприятия целостности (но и противоречивости) мировой культуры.

Без сомнения, воссозданный Бурылинский музей может стать уникальным образовательным проектом. Когда сегодня мы говорим о качестве образования в контексте дополнительности лево- и правополушарного мышления, обращение к такого рода экспозиции — мощный способ реализации «пайдейя»-концепции. Синкретизм воспитания и образования в музее такого рода позволяет преодолеть «синдром виртуального музея» в компьютере. Контакт с предметом в живой и естественной форме бытия бесконечно более эффективен, нежели самые продвинутые мульти-

медийные проекты. Универсальный научно-учебно-методический комплекс «Усадьба-Музей промышленности и искусства» мог бы стать неотъемлемой частью и самой мощной силой информационно-ноосферного образования не только в Иваново-Вознесенске, но и в ивановском регионе в целом. Разработка системы исторических и культурологических образовательных (учебных и творческих) троп (чтобы не говорить экскурсий) — задача, которая могла бы решаться последовательно с созданием уникального (не имеющего аналога в мировой практике) лично-отно-персоналистического музея-экспозиции, соединившего в единое гармоническое целое результаты труда и разума культурного человечества.

Очевидно, пришло время тщательной выработки концепции воссоздания музея в том виде, о котором Бурьлин говорит в своем Завещании, и как это сейчас с высоты времени представляют себе специалисты-культурологи и музейщики-профессионалы, а также создания книги по истории музея и его богатейшим коллекциям.

Оставшись без храмов, советское Иваново сохранило Бурьлинский храм культуры и он, несмотря на все потери, еще жив, его еще можно восстановить, если современное культурно выросшее общество поймет краеведческим и экономическим сознанием, что возрожденная в своем первоначальном замысле музейная коллекция Д. Г. Бурьлина может стать тем памятником культуры, ради знакомства с которым придут люди со всего света. Придут, чтобы прикоснуться к самым глубинным тайнам велико-открытой русской души, которая, несмотря ни на что, самозабвенно ищет пути человеко-преображения и миропостроения, берущие свое начало в неведомых глубинах вселенской человеческой культуры.

Музей промышленности и искусства Дмитрия Бурьлина — это культурная жемчужина ивановского края, которая своим существованием просветляет и определяет культурно-духовное пространство нашего города, она постоянно напоминает о том, что мы живем уже не в заземленном Иванове, а в прославленном творческим трудом и искренней молитвой Иваново-Вознесенске.

**Д. Г. Бурылин как тип
иваново-вознесенского интеллигента**

Проблемы региональной типологии российской интеллигенции в течение долгого времени находятся в центре внимания интеллигентоведческой науки. Прежде всего это связано со спецификой проявления столичной и провинциальной интеллигенции. Однако, провинциальная интеллигенция также не однородна и многолика в силу географического и социокультурного факторов, естественноисторического и общественно-исторического развития. Иваново-вознесенская интеллигенция прошла значительный путь развития в его эволюционных и революционных формах, и осмысление этого пути представляет собой весьма сложную теоретическую задачу для историков, культурологов, искусствоведов. Очевидно, в силу этого история Иваново-вознесенской интеллигенции еще не написана, хотя существенные шаги в этом направлении уже сделаны не только в тезисах научных конференций, но и в обобщающих трудах ивановских краеведов.

Центральный вопрос формирования российской интеллигенции — истоки и пути ее формирования. Интеллигенция как особый тип духовной жизни не может возникнуть вне контекста избытка общественного или индивидуального материального богатства. Для того чтобы получить хорошее образование, человек должен иметь достаточно средств. Конечно, абстрактная возможность для бедняка «выйти в люди» всегда имела место быть: «Не без добрых душ на свете, кто-нибудь свезет в Москву. Будешь в университете, сон свершится наяву» (Н. А. Некрасов). И все-таки в большинстве случаев формирование мощной культурной биогеохимической энергии было связано с «критической массой» достатка, причем достатка не чрезмерно-безумного (который демонстрировался в загулах, как дворянских отпрысков, так и купеческих и фабрикантских наследников), а «культурного» (оптимального) достатка. Для того, чтобы человек осознал высшие ценности, он очевидно должен не только в онтогенезе (своем индивидуальном развитии), но и филогенезе (наследственной культурно-генетической эволюции черт характера рода) обнаружить

созревание духа из его соматического бытия. Томление тела в предчувствии духовно насыщенного «делания» отчетливо видно в художественных произведениях А. П. Чехова, посвященных угасанию дворянства как культурного феномена, особенно в пьесе «Вишневый сад». Дворянское томление по «несбывшемуся», но столь желанному, проявляется не только в женских, но и мужских образах. То, что сейчас в духе времени выдается за «сексуальное отчаяние», на самом деле должно толковаться не по З. Фрейду, а по К. Юнгу, Э. Фромму и В. Франклу. В этом, может быть, и состоит особенность «русской души», в которой сублимация эроса в добро и красоту предстает как вселенское чувство и вселенское созвучие.

В еще может быть более парадоксальном выражении превращение Венеры в Афродиту и Диониса в Аполлона проявляется в купеческом и «фабрикантском» сословиях, которые характерны для иваново-вознесенской истории. Если дворянин получал свое имение-богатство за службу, т. е. в форме награды за доблесть и мужество (в случайной выборке), то купец и фабрикант, чаще всего, избыток достатка для духовно-интеллектуального труда зарабатывал кропотливым трудом (в точном смысле этого слова, т. е. кровью и потом). Не случайно говорят, что «криминальное» первое поколение обретает новое качество уже в третьем поколении. Вот пример рода Бурьлиных: дальний предок Д. Г. Бурьлина, как следует из легенды, сделал первоначальный капитал на несправедных делах, но уже дед — Диодор Андреевич оказался не только чрезвычайно предприимчивым, но и собирал коллекцию книг, икон и других реликвий, которые положили начало будущему музею его внука, а отец — Геннадий Диодорович — сам погиб от воровской руки.

Иваново-Вознесенская интеллигенция («разночинная интеллигенция») — формировалась на субстрате купечества и заводчиков-фабрикантов, большинство из которых по вере и культурологическим архетипам составляли старообрядцы. Этим во многом и определяется тот «протестантский» дух, который в европейских формах проявлялся в трудолюбии, экономности, скромности. «Капиталистский» крестьянин, естественно вставший в культуру логикой развития рода, — это важный источник буду-

шего «среднего класса интеллигенции», который был в значительной степени характерен не для столичной, а для провинциальной культурной жизни¹⁶⁵.

Феномен ивановского (на самом деле иваново-вознесенского) «богатого интеллигента» ярче всего проявился в фигуре Д. Г. Бурьлина. Этой теме посвящено много публикаций, но до самого последнего времени феномен интеллигента — выходца из сословия фабрикантов — не вписывался в традиционные рамки исторических исследований. Только выход на более широкие философско-культурологические методологические подходы позволяет сделать этот неожиданный вывод о сравнительно нетипичном, но крайне важном явлении — региональных особенностях вызревания интеллигентности как интегративного качества человека.

Д. Г. Бурьлин был сравнительно «бедным» фабрикантом: например, Куваевское товарищество мануфактур имело годовой доход 20 млн рублей, а Бурьлинское товарищество всего 2,5 млн. Оставим причины этого за рамками обсуждения, но отметим, что, старообрядческий дух крестьянско-трудового бурьлинского рода требовал какой-то иной «справедливости», которая предполагала не только использование средств на поддержание и расширение производство, но и на культурное приращение. «Музей — это моя душа, а фабрика — источник средств для жизни и его пополнения», — вот формула, которая в полной мере доказывает принадлежность Д. Г. Бурьлина к классу интеллигенции — людей ярко выраженного духовного производства (может быть следовало даже сказать, что он являлся первым региональным «менеджером культуры и культурного развития»). Уникальность этого феномена в том, что фабрикант задумал найти пропорцию между промышленностью и искусством в формах своего исконно традиционного бытия. Отметим, что смысл термина «промышлен-

---

¹⁶⁵ Впрочем, и православные священники, которые жили в старообрядческом социальном пространстве, вынуждены были в известной степени учитывать эти каноны, т. е. жить по традициям древлеправославного хронотопа. Примером такого рода является семейство Цветаевых. Младший сын Иван Цветаев, получив развитие в этой среде, оказался создателем может быть самого «языческого музея» — нынешнего Музея изящных искусств им. А. С. Пушкина.

ность» в формуле «Музей промышленности и искусства» совсем иной, нежели мы привыкли думать сейчас. Говорят, что термин «промышленность» ввел в оборот В. А. Жуковский, и в этом гуманитарном концепте звучит не только «промысел», но и «мысль» («про-мышление»). Все это богатство смыслов и сакральность местного промысла позднее в условиях пролетарской индустриализации понизилось до простого производства товаров (а позднее и до примата производства средств производства).

Итак, Д. Г. Бурьлин предстает как особый культурно-исторический тип богатого русского интеллигента, обеспечившего себе и своей семье, своей общине и сообществу ближнего круга формы устойчивого культурно-производственного развития. Истоки этого типа интеллигенции — как «богатой культурности» — берут свое начало в старообрядческих представлениях о трудовом смысле человеческого бытия, месте человека в мире и интуитивном осознании своей непосредственной сопричастности Богу и божественному бытию в сакральном пространстве земно-небесного и «иваново-вознесенского». Феномен Бурьлина еще только предстоит освоить в полноте его «коллекционного мировоззрения», он — до настоящего времени закрытая и потайная фигура иваново-вознесенской истории. Д. Г. Бурьлин фактически — прообраз русского миропостроителя, в жизни которого неразрывно сопрягались материальное и духовное, организационное и ценностное, семейное и общинное, личностное и персоналистическое, локальное и глобальное.

Музей Бурьлина — великая культурная ценность не только потому, что это кладезь знания, но и потому, что сам создатель музея — Д. Г. Бурьлин — ярчайший на сегодняшний день пример культурного поведения богатого человека в интенсивно развивающемся и еще очень некультурном обществе, которое плохо понимает смысл духовного богатства и образования для укорененности в творимом человеческим трудом мире, требующем гармоничного соединения противоположностей и культурно-промышленного соразвития. Именно поэтому перед современным поколением представителей власти и бизнеса логикой исторического развития ставится задача восстановления музейной

экспозиции Д. Г. Бурьлина в том виде, в котором она сложилась в дореволюционный период.

Личность Д. Г. Бурьлина эволюционно-исторически формировалась под воздействием многообразной и многоликой иваново-вознесенской культуры, истоки которой в значительной степени определяются древлеправославными и единоверческими *манерами* экономической, социальной, политической, духовной и религиозной жизни. Культурологический и исторический взгляд на эту проблему только сейчас начинает восприниматься как естественное (не идеологизированное) явление. Феномен Д. Г. Бурьлина раскрывается в патриотическом, мировоззренческом, образовательном (воспитательном), просветительском, культурологическом, религиозном, музейном, меценатском и других измерениях.

В биографической книге А. А. Додоновой¹⁶⁶ отмечается, что не только сам Д. Г. Бурьлин, но и все его дети остались в России и не уехали за границу. Этот факт патриотического сознания фабриканта-мецената оказался вне пристального внимания историков, но он весьма много значит для понимания специфики бурьлинской *русскости* и *патриотичности*. В России в эпоху революции остались те, кто в действительности принял революцию как историческую данность и хотел по возможности помогать тем позитивным процессам, которые стали разворачиваться в России. Для того чтобы остаться в революционной стране, необходимо было иметь уверенность в том, что произошедшие события совпадают с представлением Д. Г. Бурьлина о российской исторической динамике. Скоропостижная смерть Д. Г. Бурьлина позволяет думать о том, насколько силен был психологический удар в связи с тем, что Почетный гражданин города был лишен не только дома (о фабриках в данном случае естественно говорить не приходится), но и музея, который он создавал в течение долгого времени. Логика разворачивающихся событий стала непонятна Д. Г. Бурьлину, судя по всему, он не мог предполагать, что народная власть не оценит деятельность фабриканта и мецената и не даст ему возможность работать на благо «народного просвещения». Это тем более значимо, что в возрасте 67 лет Бу-

---

¹⁶⁶ Додонова А. А. Дмитрий Геннадьевич Бурьлин. Иваново, 1997.

рылин начинает посещать занятия в открывшемся Политехническом институте как студент — факт беспрецедентный для бывших «эксплуататорских элементов».

Эти и многие другие факты дают серьезные поводы для конструирования и осмысления *мировоззрения Д. Г. Бурылина* и в том числе его религиозных, философских и социально-политических взглядов, а также его отношения к Великой социальной революции в России.

Вместе с тем следует отметить и понять ту особенность мировоззрения «старой веры», которая *позволяла собирать* произведения искусства (редкости и древности) по всему миру, значительно расширяя культурный кругозор иваново-вознесенского общества, способствовала *служению* своему народу и городу. Форма *культурного служения* в ее одержимости и бескорыстности сравнима с традиционными формами религиозного общественного служения. То, что теперь называют «меценатством» на самом деле в жизни Д. Г. Бурылина предстает как своеобычное следование культурной традиции, выработывавшейся и строго сохранявшейся столетиями. Таким образом, бурылинское наследие в значительной степени следует рассматривать в контексте особого (*общественно-благотворительного*, в известной мере «социалистического») модуса *российской народной* традиции, выросшей из родовой чреды трех-четырех поколений, становившихся все богаче, но не менявших (сохранивших трудовым подвигом) народную манеру жизни. Тем самым, «коллекция деда Диодора» (как *культурное зерно* сохраняемой традиции старой веры) выросла до размеров Бурылинского музея.

«Культура старой веры» в ее разнообразных бытийных этажах — может в настоящее время рассматриваться как почти потерянное региональное достояние, но и, одновременно, как один из самых перспективных культурологических (туристско-экскурсионных) проектов. Иваново-Вознесенск и его ближние и дальние окрестности — это особая территория, *территория старой веры*. Не исключено, что именно *в этом начале* наш город еще может обрести свое федеральное лицо, объяснить специфику советских архетипов народной жизни, этику трудовой деятельности и формы культурной (образовательной) доминантности.

Как и многие староверы, жившие под гнетом *самодержавного православия*, Д. Г. Бурылин надеялся, очевидно, что перераспределение собственности, которое, думается, совпадало с чаяниями староверов о равенстве и справедливости, позволит смотреть на культурно-собираТЕЛЬскую деятельность фабриканта-мецената как на деятельность на ниве народного просвещения. Однако природа пришедшей власти оказалась совершенно иной, нежели мог предполагать Д. Г. Бурылин. Для *пролетарской власти* стали значимыми другие критерии.

Для понимания смысла создания Музея промышленности и искусства важно отметить некоторые сопутствующие обстоятельства его закладки и открытия. Закладка музея происходила 25 августа 1912 года¹⁶⁷. Учитывая, что 26 августа 1812 года началась Бородинская битва, то данное событие (вряд ли его надо понимать только лишь как историческую случайность) может рассматриваться как своеобразный «памятник» 100-летию дня Бородинской битвы. В Москве этому важнейшему патриотическому толчку в истории страны был поставлен Храм Христа Спасителя, Бурылин создал в память русской славы Музей промышленности и искусства. Не менее интересна и дата «торжественного открытия музея»¹⁶⁸. Музей был открыт 26 декабря 1914 года. Учитывая, что 25 декабря — это Рождество Христово (по старому стилю), то можно предположить, что это «открытие» сопровождалось приличествующими событию религиозными ритуалами. Этот скрытый от наших глаз факт показывает, что светское событие неотъемлемо от религиозного мировоззрения Д. Г. Бурылина. Для него сопряжение своей деятельности (и промышленной и художественной) с событиями христианской метаистории абсолютно естественны, что говорит о неразрывности его культурно-музейной деятельности с философией православной веры. В отмеченных особенностях можно увидеть и факт уникальный: языческо-атеистические, инорелигиозные и инокультурные артефакты представлены в контексте древлеправославной традиции и освещены в известной мере этой традицией. До настоящего времени это сторона культурно-мировоззренческого сознания Д. Г. Буры-

---

¹⁶⁷ Там же. С. 90.

¹⁶⁸ Там же.

лина еще не раскрыта, но представляет значительный интерес, особенно в контексте современных поисков форм экуменического бытия российского народа.

Есть еще одна проблема, неразрывно связанная с жизневоплощением Д. Г. Бурылина. На нее обратила внимание А. А. Додонова, предварив единственную на сегодняшний день биографию Д. Г. Бурылина его словами: «Музей — это моя душа, а фабрика — источник средств для жизни и его пополнения...». Как это очень часто бывает, чтение текста зависит от взгляда на текст, от культурного контекста. Эта мысль без сомнения «хорошее оправдание» для исповедующих марксистскую философию, но за этим откровением Д. Г. Бурылина стоит и его «философия хозяйствования», в основе которой лежит философия старой веры, которая запрещала (ограничивала) механизмы эксплуатации. Именно поэтому, думается, что сам Д. Г. Бурылин не рассматривал себя как фабриканта-эксплуататора, а считал свою промышленную деятельность (которая, кстати, была не всегда безоблачной: его фабрики взрывались, горели) способом помощи ближним и выполнением своей культурной миссии.

Все вышесказанное заставляет обратить внимание на архетипы и компоненты старой веры в модернистском сознании Д. Г. Бурылина (оно в духе начала XX века было именно модернистским, ибо отличалось открытостью всему новому, что стало возможным увидеть и созерцать в эпоху начала культурной революции в России). Историческая и культурологическая научно-исследовательская работа по выявлению этапов развития мировоззрения Д. Г. Бурылина, на наш взгляд, находится в самом начале. Потребуется привлечение значительных сил для выявления особенностей культурологического хронотопа, характерного для Иваново-Вознесенска в целом и для Д. Г. Бурылина в частности.

В этой связи обратим внимание на два сюжета. Первый — связан с организацией в 1903 году *первой в Иваново-Вознесенске* выставки бурылинских коллекций, что может быть воспринято как начало традиции выставления личных коллекций жителей города Иванова для обозрения.

Второй сюжет свидетельствует о том, что история Бурылинского музея, по крайней мере, на 10 лет древнее, чем открытие Музея промышленности и искусства 26 декабря 1914 года: в конце 1904 года был «открыт доступ для желающих посетить Бурылинский музей в родовом доме»¹⁶⁹.

Проект «Меценаты меценату» предполагает такое сотрудничество Музея и российских меценатов (в том числе тех, кто в своей родовой памяти сохранил ощущение староверческого образа жизни, что является особым «русским» отношением к Богу, обществу, людям, к своему предназначению в этом мире), когда музей детально разрабатывает частные проекты по воссозданию какой-либо коллекции, или по возвращению какого-либо музейного объекта в лоно Бурылинского музея, или по реставрации, или по атрибуции тех или иных предметов, а бизнесмен-меценат выбирает тот проект, который соответствует его представлениям о значимости или возможности его реализации. Музей может в этом плане учредить Бурылинскую премию (вручаемую ежегодно в день рождения Д. Г. Бурылина — «на следующий день после Сретенья Господня»), которой можно было бы награждать меценатов, внесших большой вклад в развитие Музея, а также, в другой номинации, поощрять создателей лучших личных коллекций, что способствовало бы созданию экспозиции Музея личных коллекций.

Особая проблема — освоение личного Архива Д. Г. Бурылина. В книге А. А. Додоновой нет ссылок на архивные фонды, хотя в биографической книге представлен значительный материал по жизнеописанию Д. Г. Бурылина. Публикация писем, дневниковых записей, воспоминаний — одна из важнейших задач музейного и историко-краеведческого сообщества города, решение которой позволит глубже понять природу такого уникального культурного феномена как Д. Г. Бурылин. Очевидно, что собирание Бурылинского архива потребует установления крепких связей с родственниками Д. Г. Бурылина и выявления условий передачи оставшихся рукописей или предметов, что также может стать сферой меценатской работы.

---

¹⁶⁹ Там же. С. 89.

Думается, что до настоящего времени власть и общественность города не осознали, какого рода гигантское культурное богатство (не материальное, хотя и материальное тоже) осталось в наследство Иваново-Вознесенску. По своему масштабу и пафосу эта Музейная система коллекций может быть сравнима с галереей П. М. Третьякова и собранием И. В. Цветаева и, безо всякого сомнения, имеет не только общероссийское, но и мировое значение.

Музейная культура везде-вечности

В системе музейного цикла наук есть дисциплина, которая является своеобразной его вершиной — это *музеософия*. Когда под одной крышей собираются все музы, то создается особая аура мудрости, глубинного понимания смысла бытия. Истоки такого метамузейного дискурса ведут свое начало с трудов Н. Ф. Федорова, который говорил: «Музей есть не собирание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями»¹⁷⁰.

Планета как музей Вселенского бытия человечества. Современный музей — это глобальное (и может быть даже космическое) явление. В таком своем качестве он может быть представлен как главный образовательный ресурс. В Иваново-Вознесенске таким феноменом является Музей промышленности и искусства (1914), созданный Д. Г. Бурылиным, — музей мирового культурного синтеза начала XX века, в котором слились разнообразные межконфессиональные и поликультурные формы¹⁷¹. Сначала это информационно-культурное пространство было моделью мировоззренческого онтогенеза — формирования сознания одного человека (собирателя музейной коллекции), а затем — стало способом образовательного бытия для целых поколений горо-

---

¹⁷⁰ Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 587.

¹⁷¹ См.: «?Я надеюсь, что это пригодится...» (Д. Г. Бурылин)». Иваново, 2011.

жан — своеобразного культурно-регионального филогенеза. (После выхода в свет «визитницы Д. Г. Бурылина»¹⁷² — можно сказать, что само «творение-музей» Д. Г. Бурылина есть визитная карточка нашего региона.)

В третьем тысячелетии миссия музея заметно изменяется, ибо в информационном обществе пространство между вещью и ее семиотической формой становится почти незаметным, образ-3D фактически делает вещь визуально-материальной в ином — информационно-виртуальном смысле, любая вещь мира оказывается своего рода потенциально музейной вещью. Если раньше человек путешествовал, представляя, что весь мир — музей под открытым небом, то теперь все вещи мира приходят в нему под его домашнюю крышу — так вся планета делается своего рода музеем человеческого бытия, а значит единым универсумом, единым культурно-образовательным пространством (говоря на языке Д. Г. Бурылина — единым музеем промышленности и искусства).

От «здесь-и-сейчас» к «езде-вечности». Современный техногенный человек («постчеловек») живет в бытийном отсеке, который можно было бы обозначить как «здесь-и-сейчас», ибо он выполняет очень жесткий набор функций, обладая конкретным набором компетенций, а также включен в конкретный поток вещества и энергии. В этом смысле — он винтик огромного механизма человеческой техногенной цивилизации: так порождается отчуждение от универсума, от организма Вселенной. Наше время — это время создания планетарной искусственной среды, масштабы которой так обширны, что белых пятен естественной среды обитания становится все меньше (есть страны, где площадь естественной среды обитания не превышает нескольких процентов). Искусственная техно-материальная среда приходит в дисгармонию не только с природной (биосферной) средой, но и с духовно-культурной средой семиотического бытия человечества.

Современное общество постепенно осознает, что социоприродное устойчивое развитие достигается только поиском способов

---

¹⁷² Визитница Дмитрия Геннадьевича Бурылина. Каталог. Иваново, 2012.

гармонизации материального и духовного производства, духовной и материальной культуры. В условиях экологической напряженности особую роль начинают играть материальная и духовная благотворительность — ответственное желание «аксиочеловека» поделиться с *миром людей* добытыми богатствами. Для Д. Г. Бурлылина такого рода *альтруизм* был связан в значительной мере с его религиозно-конфессиональной конституцией, формировавшейся в течение нескольких столетий истории его рода. Самая яркая черта глобальной духовной благотворительности Д. Г. Бурлылина — *благоговение перед жизнью* мировой культуры.

«Экология души». Д. Г. Бурлылин оставил потомкам удивительно точно выраженную мысль о смысле музея: «музей — моя душа». Обычно мы понимаем эту мысль в переносном (редуцированном) смысле, но давайте попробуем понять ее в платоновском смысле, который мог быть весьма близок к религиозному пониманию мира, характерному для старообрядческой модели сознания (той модели, которая в течение веков формировалась как образ рублевской «Троицы») ¹⁷³.

Свое отношение в мировой культуре Д. Г. Бурлылин отразил в лично-персоналистическом отношении к открытой мировой культуре. Музейно-собирательский пафос деда Диодора внук, опираясь на материальное богатство, перевел в музейное мессианство, своего рода сосредоточение всей мировой культуры в пространстве лично-регионального бытия. В музее промышленности и искусства Д. Г. Бурлылина перед нами открываются не только душа собирателя, но также *дух и разум* человечества. Синтез всех этих трех ипостасей и следовало бы понимать как индивидуальное ноосферное сознание Д. Г. Бурлылина ¹⁷⁴.

«Дазайн» (подлинное бытие) для Д. Г. Бурлылина — это неразрывная связь души человека с его музейно-материальной сре-

¹⁷³ П. А. Флоренский, сформулировавший в письме В. И. Вернадскому представление о пневмосфере, вышел за рамки традиционного понимания ноосферы как сферы труда и разума цивилизованного человечества; его пневмосфера — сфера бытия душ, а не только сфера форм культурной наполненности.

¹⁷⁴ Не исключено, что именно эта интенциональность бурлылинского ноосферного сознания дала возможность в истоках, а затем и во всей полноте проявиться ноосферной региональной философии.

дой обитания, с мировой культурой, которая вписывается в систему его корневых космо-географических (языческих) и монотеистических (в данном случае старообрядческих и единоверческих) верований и вер. Синтез мировых культур — один из первых примеров формирования культурно-глобалистского сознания на иваново-вознесенской (до известной степени — Стародубской, архаической) почве, которая, следует признать, дала не только Д. Г. Бурылина, но и сказочника А. Роу, и братьев Весниных, и Бенардоса, и Андрея Тарковского и многих других представителей синтеза сознания «промышленности и искусства».

«Везде-вечность» личности и сознания Д. Г. Бурылина проявляется в том, что все, что им собрано, реально представлено в музейной экспозиции (которая насчитывает 700 тысяч экспонатов) или в виртуальной форме (экспонаты из собрания Д. Г. Бурылина, находящиеся в других музеях, трудами сотрудников музея сфотографированы и могут дать целостное представление о бурылинском музейном Универсуме). Именно так здесь-и-сейчас музейное пребывание превращается в музейную везде-вечность, так соприкасаются микрокосм и макрокосм культурного бытия, Атман и Брахман, Дао и Дэ.

Бытие человека в вещах (артефактах) перерастает в семиотическое бытие человека — бытие в бесконечном знаковом пространстве и времени. В этом смысле «музейный человек» предстает как одна из первых форм «человека ноосферного» — человека, в котором, несмотря на его материальное *пребывание*, высшими оказываются душевные, духовные и разумные императивы. Д. Г. Бурылин очевидно и представляет собой человека, в личности которого *религиозно-конфессиональная организованность* никогда не подчинялась конкретно-историческим условиям государственного или общественного насилия, а музей потому и был своеобразной общечеловеческой миссией, которая может быть названа репрезентацией души. Музей Д. Г. Бурылина — это своеобразная знаково-семиотическая Гиперурания, где живут эйдосы, познакомившись с которыми, человек на всю жизнь оказывается под их обаянием и продолжает аксиологическую традицию человеческого всебытия — присутствия в везде-вечности.

**100 лет глобального сознания:
виртуальная ноосферная история
и музейно-софийное мировоззрение Д. Г. Бурылина**

Одна из важных проблем философии ноосферной истории связана с соотношением и взаимосвязью локального, регионального и глобального: ноосферная история творится и хранится на личностном, групповом (элитарном), стратовом, этно-национальном и планетном уровнях. Ноосферная история как история интеллектуальная возникает там, где совершается образовательный, информационный, ментальный или духовный шаг вперед сначала одного человека, затем нескольких, а в конечном итоге этот процесс передачи знаний затрагивает большинство населения планеты. На первый взгляд, именно пути и формы передачи знаний (семиотического заражения) определяют развитие любого общества, когда эти познавательные-сознаниевые формы перестают быть объективно-истинными или истинно-ценностными, когда они превращаются в превратно-субъективно-детерминируемые, когда за качество и количество информации никто не несет ответственности, то возникающий информационный хаос приносит значительно больше вреда, чем пользы. Так сталкиваются ноосферная и антиноосферная история.

Очень важно в знаниево-информационной среде определять ее ценовые и аксиологические параметры. Ноосферная (знаниево-сознаниевая) среда должна быть маркирована знаками ее значимости и ценности. Для такого рода обозначений используют термины «научная литература», «научно-популярная литература», «художественная литература» и т. д. Однако в мировой культуре есть кладовые, которые хранят абсолютные ценности, которые независимо от их происхождения или природы должны быть маркированы значком высшей ценности. Именно такие универсумные (вещно-знаниево-сознаниевые) формы хранятся в музеях. Перед нами, таким образом, возникают институциональные формы *знакования* духовно-материальных ценностей¹⁷⁵. Любой

---

¹⁷⁵ Смирнов Д. Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново, 2012. С. 31—32.

предмет, созданный человеком, несет следы его культурной биогеохимической энергии (деятельности и сознания), он как бы представляет собой универсум неразрывности и тождественности бытия-деятельности и мышления-сознания. Именно поэтому феномен музея формирует в человеке особый тип сознания, который преодолевает философские вульгаризмы «абсолютной материальности» или «абсолютной идеальности»: универсумный тип культурного сознания представляет собой достаточно высокий уровень интеллектуально-разумного отношения к миру, более того, непосредственного отношения к миру. Человек, сам того не подозревая, включается в естественный когнитивный универсумно-ноосферный образовательный процесс, которого фактически не касается то искусственное навязываемое внешними или внутренними властными факторами образование. Последнее является выражением принятых в данном конкретно-историческом обществе целей и ценностей, не имеющих практически никогда общечеловеческих интенций (эти интенции чаще всего незаметно декорируются национальными, классовыми, групповыми или личными интересами). Таким образом, музей представляет собой особую ноосферную среду (синергичную организованность), в которой на своих местах, в соответствии, быть может, с пока не понимаемым (но интуитивно присутствующим) замыслом автора, размещены артефакты «былых ноосфер» (по образу и подобию с моделями «былых биосфер»).

В это смысле, когда говорят о том, что ноосфера возникла в XX веке (или вообще еще не возникла), то не принимают во внимание тот очень важный культурологический смысл, что человеческая деятельность всегда формирует свой особый (этнический или национальный, народный или элитный) облик конкретно-исторической ноосферы. Современная планетарная ноосфера представляет собой лишь достаточно высокий и развитый ноосферный уровень.

Выше приведенные теоретические размышления были необходимы для того, чтобы на конкретном примере показать, как связаны личностный, региональный и глобальный уровни репрезентации ноосферного развития.

Музей промышленности и искусства, созданный Иваново-вознесенским меценатом Д. Г. Бурылиным (1852—1924)¹⁷⁶, дает уникальную возможность увидеть за развитием личностного, национального, конфессионального и регионального сознания масштабные контуры российского глобального сознания, понять сложные процессы вписывания российской культуры в мировую культуру, что, следует признать, является особенно актуальной философско-культурологической проблемой в эпоху рубежа тысячелетий.

Музейная коллекция Д. Г. Бурылина, представленная как Музей промышленности и искусства, дает образ ноосферного универсума, неотъемлемого от конкретной личности собирателя и его миропостроительного сознания. В собранной «с миру по нитке» коллекции, мы обнаруживаем ткань виртуального образа ноосферной истории, которая создается не только пространственно и хронологически (хотя в действительности она, в силу значительных трансформаций, не выстраивается ни хронологически, ни пространственно, ибо в музейной экспозиции Бурылина представлено единое пространство-время как мозаичная среда человеческого всебытия), но в первую очередь как формула человеческой вездечности: ценности, представленные в музее, имеют метаисторический смысл¹⁷⁷. Музей как бы строит образ человека в мире как если бы этот человек был Адамом, а этот мир был неким Эдемом.

Размышляя о бурылинском музее, надо всегда иметь в виду иваново-вознесенский тип религиозно-старообрядческого (единоверческого) сознания главного хранителя древле-православных ценностей — Д. Г. Бурылина: на особым образом форматированную «материнскую плату» родового бурылинского сознания помещаются виртуальные культурные феномены — артефакты с универсумными смыслами. Так алогически строится музейное виртуальное сознание, так эволюционируют системы ноосферных хронотопов.

---

¹⁷⁶ См.: Сокровища музеев Земли Ивановской. Иваново, 1998.

¹⁷⁷ *Смирнов Г. С.* Музейная культура вездечности: синтез ноосферного сознания Д. Г. Бурылина // Меценаты русской провинции. Иваново, 2012. С. 8—11.

Проблема этапов развития бурыйлинского музейного сознания не является предметом исследования в рамках данной темы, задача не столько в том, чтобы рассмотреть весь субстратный уровень коллекции или понять особенности структурной репрезентации экспонатов-артефактов, сколько попытаться интуитивно, опираясь лишь на отдельные знаковые формы, уловить главный смысл (или исходный концепт, говоря языком системного подхода). Конечно, такое забегание вперед от научной методики работы чревато неполнотой истинности, но это не выходит за рамки философско-культурологического осмысления сверхсложного и еще не полностью изученного бурыйлинского музейного Универсума.

Каков же этот концепт? То, что он имеет прямое отношение к ноосферным репрезентациям, было показано выше. Попробуем обосновать, что перед нами имеет место софийно-ноосферный (философийно-ноосферный) концепт построения экспозиции и одновременно музейного сознания Д. Г. Бурыйлина.

Прежде всего, отметим, что музей дает временноое представление об истории с древнейших времен до начала XX века, велик и пространственный охват планетной истории перед нами не только всевозможные мифо-миры, конфессиональные формы и религиозные формации, но со-единение трех непременных миров бытия и сознания Востока, России и Запада. Принципиально важной является методологическая дополнительность промышленности и искусства как в формате противоположностей (одна из которых касается материально-деятельностного, а другая — духовно-деятельностного), так и непреодолимого единства (техника как мимесис, представленная в музейном пространстве, фактически являет собой подражание природе и искусству). В действительности синтез касается не только единства промышленности и искусства, но также телесного и духовного, природного и культурного.

При этом музейный универсум пронизан не только искусством, промышленностью (наукой) и религией, но и философией как особой мудростью, сопутствующей высокородному человеческому бытию. Музей как греческий Олимп в метаприроде: в конечном итоге он отражает живые формы неживотного бытия

человека, связанные с искусством в двух смыслах — в образности и мастерстве исполнения-воплощения этого эйдоса-образа. В этом проявляется не только ноосферность, но и софийность.

Есть предмет в музейной экспозиции, который вообще может быть иллюстрацией к ноосферному и софийному видению мира. Это щит, сделанный в 1854 году в Санкт-Петербурге мастером Э. Лиазеном: серо-серебряное пространство поверхности щита испещрено ойкуменными, кулонными, медально-сферными телесными и духовными сущностями, а это барельефно-горельефное пространство бытия в свою очередь окаймлено золотой сверкающей каймой метабытия. В центре щита находится образ медузы Горгоны: всемирная история хорошо доказывает, как близко друг от друга находятся сфера сознания и разума и сфера ужаса и безумия.

Еще одна особенность явленности всеобщей софийности связана с тем, что чашу бурьлинского музея переполняет мир человеческой экзистенциальности. Фактически в нем представлена вся культурная опосредованность между природой и человеком, которая собственно и делает человека человеком. Энциклопедия столовой у-тварности (посудности), изумительно красивые и очевидно очень удобные стулья, хранящие человеческое время разнообразными и разносложными часами, паруса балконных верхатур, драгоценные брызги хрустального света от «вселенских» люстр, изысканные хранилища «прохладности» бытия и мышления — складывающиеся вновь и вновь воскресающие веера, гребни, расчесывающие не только волосы, но и мысли. Все это позволяет сказать, что музей это еще и универсальное хранилище цветения тонких и грубых, простых и сложных явленностей всей палитры человеческого бытия.

Нельзя пройти в софийном пространстве музея мимо философско-культурологического понимания жизни и смерти¹⁷⁸. Посмертные маски — не столько свидетельства смерти, сколько вечной жизни. Входит ли эта версия в религиозное видение мира как образ Христа на полотенце (или плащанице) или она намекает на сохранение лика-эйдоса — это второй вопрос, но

---

¹⁷⁸ Беневоленский А. М. По следам древней тайны. Ярославль, 1972.

существенно важно, что в структуре личностного сознания Д. Г. Бурьлина мы имеем корневую доминацию смертности в жизни. Связано ли это с судьбой деда Диодора (начинателя коллекции), или отражает особенности древле-православного трагизма, но сакральная философия египетских саркофагов и мумий заставляет искать некоего сложного соотношения между музеем и мавзолеем. Когда Д. Г. Бурьлин утверждал, что музей — его душа, то, очевидно, именно на этом поприще он видел и чувствовал свою укорененность в вечности и бесконечности. Вспоминая закат судьбы мецената, следует признать, что история жестока, но вечность подает милость, ибо проживание в отсеке жизни и смерти позволяет наиболее точно определить общечеловеческие ценности и формы личностной деятельности во имя так глубоко понимаемого невидимого, но неперменного будущего.

Обратим внимание на гендерный аспект софийности. Весьма интересна в этом плане медаль «Приношение даров королеве. Бельгия». Королеве, в ногах которой распластался лев с трезубцем, приносят вещественные и духовные (природные, технические, религиозные, художественные) дары, фундаментальные ценности, которые определяют целостность и единство человеческой жизни. В правой руке у королевы венок, которым она, очевидно, увенчает лучшие достижения человеческого труда и разума.

В заключение остановимся на организации пространства музея, чтобы понять особенности траектории ноосферной истории. Ее символом можно считать уникальные перила центральной лестницы — модернистская лента перил математически невыразима, ибо особенна в каждой точке: вот подъем, вот торможение постепенности, и снова подъем — при этом нет иллюзии винтовой механистической лестницы (справедливости ради скажем, что такая винтовая лестница ведет к башенным часам на самый верх бурьлинского музея¹⁷⁹), а создается видимость художественной формы трудового и творческого восхождения разума.

---

¹⁷⁹ Орлов Д. Л., Лисенков И. В. История башенных часов Музея промышленности и искусства Д. Г. Бурьлина. Иваново, 2012.

Музей представляет собой важный результат цефализации ноосферы, ибо он показывает открытые и закрытые исторические формы разума в уникальных проявлениях вещно-единичного, которое вбирает в себя и особенное (этническое, национальное) и всеобщее (общечеловеческое). Именно по этой причине можно утверждать, что бурьлинский музей представляет собой виртуальную (эйдосную) ноосферу, и виртуальную ноосферную историю: виртуальную по той причине, что это не собственно сама ноосфера, а преобразенное вещно-эйдосно-образное отображение, выбранное отдельным человеком в соответствии с когнитивными особенностями его мозга-сознания.

Тщательное исследование и изучение музея для каждого человека — посетителя музея — продуктивно и эвристично, но вместе с процедурами саморазвития ему дана и возможность понимания региональных особенностей нарождающегося в XX веке глобального сознания одного из выдающихся людей нашего края.

ПОСТМО-ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МИРОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СИНЕРГИЙНАЯ СУБСТАНЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Интеллигенция в XXI веке предстает как *глобальная синергия*: процессы её самоорганизации выходят за локальные рамки этнонационального (народного в узком смысле) и локусные формы «гения места». Обретая себя в биосфере, социосфере, техносфере, культуросфере и информатосфере, она обнаруживает своё глобальное лицо, лицо, мало узнаваемое и иногда перекошенное гримасами страстей или выражениями безумия. Но, тем не менее, её духовно-телесная организованность «живёт живой жизнью»: все ветра современности дуют одновременно, создавая ощущение «идеального шторма» — brain-storming задаёт главные параметры будущего ноосферного сознания во всём богатстве его проявления.

Тенденция превращения глобального сознания в ноосферное — пока ещё виртуальная возможность, ибо «масса разума» (А. В. Брагин) на планете Земля очень быстро увеличивается и её деструктивные формы «фрейд-энергий» оказываются много сильнее ноосферных энергий культурно-цивилизационного разума. По этой причине так важны тысячелетние интеллектуальные маяки космопланетной (глобальной) интеллигенции. Они светят для всех, но даже если не все еще их видят и тем более ориентируются на них, тем не менее, процессы духовной самоорганизации ментально-фрактальной кристаллизации неостановимо идут на скоростях общепланетарных биогеохимических превращений.

На планетарной кухне готовится пища для телесной субстанции будущего коллективного brain-разума, а современное человечество готовится выйти на уровень Всеединства и в конечном итоге стать ноосферным человечеством.

Интеллигентоведческие фантазии такого рода проистекают из методологии универсального эволюционизма: «...раз началось движение в сторону разума, оно не остановится до тех пор, пока разум не победит» (Вяч. Вс. Иванов). Какие бы сложные метаморфозы он ни претерпевал, какие бы страшные болезни ни сопровождали его развитие, здоровый организм коллективного разума эволюционирует, коэволюционирует и революционирует к точке Омега: трудно осуществить ментально-интеллектуальную когеренцию на планетарно-ноосферном уровне, но этот процесс «самосборки» столь же закономерен, как за миллиарды лет осуществлялся процесс организованности биосферы.

В XX веке мир вошёл в эпоху ноосферной самоорганизации — этот вывод убедительно обосновал В. И. Вернадский, а сейчас рефлексирующее человечество с трудом и невероятными усилиями осваивает эту «золотую жилу» будущего в теоретическом и практическом плане.

Информационная революция обеспечивает ментальные и метаментальные коммуникации между глобальными геополитическими субъектами, окружающими Hartland («Запад» — «Россия» — «Восток», «Север» — «Россия» — «Юг»), между языками глобального сознания (даже не «дванадесатыми», а «шести с половиной тысячами»), а также индивидуально-виртуальными персоно-субъектами (людьми как нейронами «цефалонервной» системы ноосферы).

Ноосферная ткань человечества когда-нибудь примет на себя рисунок «вселенскости» и «везде-вечности», как принимает на себя изысканный узор персидский ковер или павловский платок, но пока перед нами ещё проходящая отбелку на ярком солнце ткань, расстеленная на склонах, покрытых весенним снежным настом. «Основа» этой ткани — бытующая интеллигенция, «уток» — снующие, как челнок, интеллектуалы: неостановимый в своём дальнодействии и быстродействии разум ткёт узоры и

кружева, отражающие архетипические сущности неразрывности человека и Вселенной.

Современный разум отяжелел под несовершенством примитивных компьютерных «программ» и «математических» языков, но его совершенствование идёт такими быстрыми темпами, что он уже скоро превратится в «скорохода» (из рассказа барона Мюнхаузена), снявшего с ног гири, чтобы двигаться по миру в соответствии с необходимой скоростью. Даже вайновский «нооскоп» окажется «детской игрушкой» по сравнению с ноосферной мощностью интеллигенции коллективного биосферно-техносферно-ноосферного разума в его новых — не столько цивилизационных, сколько цефализационных формах.

Философия интеллигенции не должна превращаться в «мифологию интеллигенции», но пространство между этими предметными областями не должно быть пустым. Перефразировав Аристотеля, скажем, что «ноосферная природа не терпит пустоты», учитывая при этом второй, русскоязычный смысл слова «пустота». «Заполнение пустоты субстанцией интеллигенции» — открытая тема, которая лишь в некоторых её частях, очень фрагментарно затрагивается в этой книге.

ПОСТСКРИПТУМ

ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ *als ob* НООСФЕРОЛОГИЯ

Начало нового тысячелетия — новая глава российской истории. Пост-имперская Россия последовательно обнаруживает свое новое мировое и планетное предназначение, по-новому, после добровольной сдачи социалистической крепости на милость победителя, осознает себя как глобальное действующее лицо.

В XX веке, веке русского авангарда и русского коммунизма, последовательно формируются несколько поколений интеллектуальной элиты — носительницы глобального исторического рационализма. За одно столетие завершились циклы развития имперской российской и советской интеллигенции. На излете советской истории отечественная интеллигенция значительно переросла «партийную» элиту, прежде всего, в интеллектуальном плане. В историческом итоге социалистическая (по сути своей исповедующая социальную справедливость и духовный образ жизни) интеллигенция совершила прорыв из общенародного (закрепленного в конституции 1977 года) и общечеловеческого (сформулированного в предперестроечную и перестроечную эпохи) в глобальное (понимаемое как всемирное утверждение социалистического лагеря) и ноосферное (концептуально сформулированное в самый сложный переходный период партийно-геронтологического разложения, социальной стагнации и застойного саморазрушения) пространство бытия.

Актуализация интеллигентоведческих исследований в значительной степени была вызвана выходом русской и советской истории на мировой простор. Общеизвестно, насколько сильное влияние оказала на европейскую и мировую историю русская интеллигенция в послереволюционный период, но не менее важно посмотреть со стороны на достижения советской интеллигенции в XX веке, обнаружить иноипостасность советских социалистических концептов миропостроения.

В действительности за последние двадцать лет произошли разрушения социально-стративных институций интеллектуальной деятельности и духовного производства. В России и количественно и качественно имеет место ползучая деградация духовного

человеческого качества. Старая советская интеллигенция, сохранившая традиционные ценности атеистического и околоравноправного порядка, постепенно исчезает, а возникающее свободное место занимает корпоративно-православное сословие, претендующее на утверждение исконных ценностей. С другой стороны, прочно утверждается евро-позитивистская интеллигенция «петровского типа», выполняющая задачи конституирования предельных для России европейских «гуманистических» инноваций. С третьей стороны, традиционное военно-государственное сознание навязывает российскому постмилитаристскому обществу (а оно действительно становится именно таким) тренды примитивного патриотизма, о несовершенстве которого говорит и президент РФ.

В последнее десятилетие российской истории произошла значительная девальвация российской интеллигенции: она стала не только меньше стоить в финансовом плане, но и потеряла свою былую социальную статусность. Из общественной прослойки между рабочим классом и крестьянством она превратилась в прокладку между властью центральной и властью региональной. В значительной степени интеллигенция вынуждена выполнять функцию транслирования государственно-олигархических интересов в систему «деклассированного» (состоящего из конструируемых страт) общества, обеспечивая внедрение западной модели глобализации в российскую общественную субстанцию.

Что происходит с российским общественным сознанием? Как разрушается старое и создается новое индивидуальное сознание в условиях рыночной атомизации, постперестроечной декolleктивизации и десoциализации? Какие пропорции складываются между глобальными, региональными, локальными, групповыми и личностными интересами? Что представляет собой в содержательном, структурном и концептуальном плане современное глобальное сознание интеллигенции, государственного истеблишмента и в целом российского общества? Это важные проблемы и социальной философии сознания, и собственно интеллигентоведения, которые выходят на первый план в трудные времена поиска национальных целей и ценностей, той русской и

российской идентичности, без выработки которой для страны может не оказаться глобального будущего.

Таким образом, возникает диалектическая коллизия несоответствия современного российского общества предлагаемому властным сообществом императивам. Российское общество интуитивно ощущает, что процесс позитивной духовной динамики лежит за пределами слишком старого и слишком нового. У общенародного и общечеловеческого интеллигентского сознания формируется своя собственная модель духовно-ценностных интенциональностей.

25 лет деятельности НИИ интеллигентоведения в ИвГУ позволяют проследить динамику самоидентификации постсоветской и российской интеллигенции, поиски новых смыслов ее деятельности в российском обществе, в котором происходит усиливающаяся глобализация как экономики, так и других сторон жизни. Этот путь начинался с достаточно абстрактных размышлений о трансформационных возможностях бывшей интеллигентской прослойки бывшего советского общества: считалось, что в обществе, вступившем на свободный капиталистический путь развития, будут активизированы восходящие формы культуры и образования, что обеспечит рост и развитие «интеллектуального класса» страны.

За последнюю четверть века отечественное интеллигентоведение, как показывает изучение материалов научных конференций и коллективных монографий, прошло тернистый путь от преимущественно узко-эмпирических работ к историческим исследованиям интеллигенции широкого спектра, а впоследствии от разноплановых междисциплинарных — к комплексным исследованиям феномена интеллигенции, что обеспечило значительное продвижение в освоении новой и очень перспективной отрасли гуманитарного знания.

В настоящее время к анализу интеллигенции применяются не только исторические методы, но и весь спектр общенаучных и общегуманитарных подходов, среди которых особую роль играют историко-философский, социально-философский, политологический, социологический, антропологический, гуманистический, системный, синергетический, информационный подходы. Чем шире методологическая база исследований интеллиген-

ции, тем более глубокие выводы могут следовать из обрабатываемого материала.

В интеллектуальной истории Иваново-Вознесенского края философское изучение проблем сознания и разностороннее осмысление феномена интеллигенции шло в значительной степени параллельно, как своего рода теоретический и эмпирический уровни в системе духовной жизни региона. Соприкосновение различных сфер гуманитарно-гуманистической проблематики хорошо прослеживается в едином потоке регионального вузовского образования. Создание в Иванове целостной системы образовательных институтов (педагогического, энергетического, медицинского, сельскохозяйственного, текстильного, химикотехнологического) свидетельствует о формировании социально-экономической и культурной дополнителности материального и духовного производства в условиях интенсивного развития области. Связи между учеными региона и научными коллективами (научными школами) обеспечивали эффективное интеллектуальное сотрудничество, что способствовало формированию единого культурного пространства на основе эмерджентности сложившихся intersubъективных коммуникаций. Творческий потенциал научно-образовательного кластера области для вхождения в процессы глобализации до настоящего времени еще в полной мере не осмыслен, хотя сделан значительный шаг в создании его обширной эмпирической базы.

Начиная с перестроечного времени, особенно тесно в системе вузовской гуманитаристики переплетены интеллигентоведческие и ноосферные исследования. История региональной интеллигенции дает представление о существенно важной стороне ноосферной истории Иваново-Вознесенского края. Такого рода взгляд иллюстрирует актуальность проблемы методологической динамики, а значит, и совершенствования научных исследований сообщества, вступившего в фазу информационного развития (этап общества знаний).

Наша задача заключалась в том, чтобы показать, как теоретическое продвижение в сфере философии сознания и ноосферы сделало возможным расширение методологических ресурсов изучения интеллигенции и к каким научным результатам это привело. Логика комплементарности ноосферологических и ин-

теллигентоведческих исследований в конечном итоге способствовала движению от представлений о русской интеллигенции как мировом (всемирном) феномене к выводу о формировании мировой интеллигенции, которая выходит на историческую арену не только глобального, но и ноосферного бытия.

На первый взгляд этот вывод носит не совсем верифицируемый характер, ибо в общественном мнении довольно прочно сложилось мнение о «падении» нынешней российской интеллигенции, о превращении её деятельности в «сферу обслуживания» с превалированием денежных, а не интеллектуально-творческих ориентаций. Целенаправленное разрушение системы жизненных ценностей в среде всех слоев современной российской интеллигенции стало фактом, смысл которого ещё только предстоит понять в грядущие грозные трансформационные годы. Но речь идёт не только и не столько о российском духовном анклаве (в нём происходят обратно-попятные процессы, которые рано или поздно проявят свою лицевую, а не изнаночную сторону). В действительности то, что виделось через призму «русской интеллигенции» в XIX—XX веках, оказалось спроецированным на глобальное развитие. Глобализация, понятая не как сфера интересов узких олигархических элит, а как форма реализации равенства прав всех людей планеты и способ утверждения рациональных норм экологической, экономической, социальной, информационной и другой справедливости, более соответствует той справедливости с большой буквы, о которой писал А. Печчеи в своей книге «Человеческое качество».

Проблема «мировая интеллигенция и глобальное сознание» в том виде, в котором она осмысливается в книге, могла иметь несколько решений-интерпретаций, но в окончательном виде она предстаёт в контексте ноосферной личности и ноосферной истории, что позволяет предельно широко посмотреть на открывающиеся новые горизонты третьего тысячелетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Монографические исследования

Адамов А. К. Основы философии ноосферы. Саратов : Б. и., 1996. 155 с.

Адамов А. К. Ноосферная республика Россия: теория и практика развития. Саратов : Б.и., 2001. 276 с.

Академик Александр Леонидович Яншин: воспоминания, материалы: В 2-х книгах / отв. ред. Б. С. Соколов. М. : Наука, 2005. Книга 1. 351 с.

Алексеев П. В. Русские философы XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Академический проект, 2002. 1152 с.

Андреев Д. Л. Роза мира. М. : Товарищество «Клышников-Комаров и К°», 1992. 282 с.

Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с.

Анти-Вехи / вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2007. 638 с.

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: Социокультурная динамика России. Т. I. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. 804 с.

Баландин Р. К. Русские мыслители. М. : АСТ : АстрельХранитель, 2006. 540 с.

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.

Белов А. В. Культура глазами философов-органицистов. Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 180 с.

Беневоленский А. М. По следам древней тайны. Изд. 2-е, доп. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1972. 96 с.

Бердяев Н. А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии.) М. : Книга, 1991. 446 с.

Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. М.: АСТ; СПб. : Сова, 2007. 383 с.

Бжезинский З. Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке / Transl. by Larissa Gershtein. New York : Liberty, 1989. 242 с.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : Международные отношения, 2005. 256 с.

Биск И. Я. Мой XX век: Записки историка. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 516 с.

Бирюкова Г. М. Диалог: социально-философское измерение. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. 148 с.

В. И. Вернадский: жизнь во благо России. М. : Издательский дом «Ноосфера», 2003. 212 с.

В. И. Вернадский и Тамбовский край. М.: Издательский дом «Ноосфера», 2002. 192 с.

Вейник А. И. Термодинамика реальных процессов. Минск : «Навука і тэхніка», 1991. 576 с.

Вернадский В. И. Дневники: март 1921 — август 1925. М. : Наука, 1998. 214 с.

Вернадский В. И. Дневники: 1926—1934. М. : Наука, 2001. 456 с.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 271 с.

Вернадский В. И. О науке. СПб. : Изд-во РХГИ, 2002. Т. 2. Научная деятельность. Научное образование. 2002. 598 с.

Вернадский В. И. Пережитое и передуманное. М. : Вагриус, 2007. 320 с.

Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской (1889—1992). М. : Наука, 1991. 320 с.

Вернадский В. И. Проблемы биогеохимии. Труды Биогеохимической лаборатории. М. : Наука, 1980. Т. 16. 320 с.

Вернадский В. И. Публицистические статьи. М. : Наука, 1995. 313 с.

Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М. : Наука, 2000. 501 с.

Вернадский Г. В. Русская история. М.: АГРАФ, 1997. 544 с.

Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. 608 с.

Воронов Ю. М. Идеократия. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. 224 с.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-Пресс, 1995. 448 с.

Гиренок Ф. Пато-логия русского ума. Картография дословности. М. : АГРАФ, 1998. 416 с.

Гирусов Э. В. Основы социальной экологии. М. : Изд-во РУДН, 1998. 172 с.

Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / Пер. с англ. и фр. М. : Прогресс, 1990. 495 с.

Гумилев Л. Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. М. : Рольф, 2000. 320 с.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. 496 с.

Джелли Дж. Цирцея. Иваново: Иван. гос. ун-т; Юнона, 2005. 187 с.

Дмитревская И. В. Герменевтика драматургии А. П. Чехова. Иваново : ФГОУ ВПО ИГСХА, 2008. 186 с.

Додонова А. Дмитрий Геннадьевич Бурыйлин. Иваново : «Иваново», 1997. 216 с.

Дробжев М. И. Учение В. И. Вернадского и реалии XXI века. Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2007. 200 с.

Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М. : Академический проект, 2014. 530 с.

Жульков М. В. Ноосферные энергии и глобальное сознание. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2015. 332 с.

Замалеев А. Ф., Овчинникова Е. А. Еретики и ортодоксы: Очерки древнерусской духовности. Л. : Лениздат, 1990. 208 с.

Зеньковский С. Русское старообрядчество. Минск : Белорусский Экзархат, 2007. 544 с.

Иванов Вяч. Вс. Потом и опытом. М. : Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. 352 с.

Иванов Ю. А. Шуйские раскольники. Шуя : Изд-во Шуйского гос. пед. ун-та, 1997. 62 с.

Иванов Ю. А. Уездная Россия: местные власти, церковь и общество во второй половине XIX — начале XX в. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 268 с.

Исаев В. А. Формирование культуры взаимоотношений природы и человечества. Ч. 1. Естественнонаучные грани природолюбия. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 48 с.

Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск : Наука, 2004. 312 с.

Келеман Л. А. Интеллигентность как интегративное качество человека. Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2005. 222 с.

Келеман Л. А. Философия интеллигентности. Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2006. 226 с.

Куманев В. А. 1930-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М. : Наука, 1991. 295 с.

Куракина О. Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М. : Изд-во МФТИ, 1993. 184 с.

Лазарева А. Н. Интеллигенция и религия. К историческому осмыслению проблематики «Вех». М. : ИФ РАН, 1996. 84 с.

Лапшин И. И. Вселенское чувство. СПб.; М. : Изд-во т-ва М. О. Вольф, 1911. 89 с.

Леонова Л. С. «Яне могу уйти в одну науку...». Общественно-политические взгляды В. И. Вернадского. СПб. : Алетейя, 2000. 400 с.

Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М. : РОССПЭН, 2001. 384 с.

Лесков Л. В. Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М.: Экономика, 2004. 440 с.

Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. СПб. : Изд-во СПбГУПМ., 1996. 19 с.

Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М. : Дет. лит., 1985. 207 с.

Лихачев Д. С. Раздумья. М. : Дет. лит., 1991. 318 с.

Лосев А. Ф. Дерзание духа. М. : Политиздат, 1988. 366 с.

Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. 360 с.

Мартынова Е. А. Социософия «Вех». Саранск : Изд-во Морд. гос. ун-та, 2003. 76 с.

Маслеев А. Г. Антропологический смысл русского космизма. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2001. 208 с.

Маслова Н. В. Ноосферное образование: Научные основы, концепция, методология, технология. М. : РАЕН, 2002. 342 с.

Мельников Ф. Е. Что такое старообрядчество (Статьи). Барнаул : АКООХИ «Фонд поддержки строительства храма Покрова...», 2007. 404 с.

Менделеев Д. И. Заветные мысли. Полное издание (впервые после 1905 г.). М. : Мысль, 1995. 413 с.

Моисеев Н. Н. Восхождение к Разуму. Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М. : ИздАТ, 1993. 174 с.

Моисеев Н. Н. Время определять национальные цели М. : Изд-во МНЭПУ, 1997. 256 с.

Моисеев Н. Н. Мировое сообщество и судьба России. М. : Изд-во МНЭПУ, 1997. 272 с.

Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М. : Аграф, 2000. 473 с.

Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М. : МГВП КОКС, 1995. 376 с.

Моисеев Н. Н. Сочинения в 3-х томах. М. : Изд-во МНЭПУ, 1997.

Моисеев Н. Н. Так далеко до завтрашнего дня. Свободные размышления 1917—1993. М. : Изд-во МНЭПУ, 1997. 312 с.

Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М. : Устойчивый мир, 2001. 200 с.

Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М. : Мол. гвардия, 1990. 351 с.

Моисеев Н. Н. Экология человечества глазами математика. М.: Мол. гвардия, 1982. 254 с.

Меньчиков Г. П. Духовная реальность человека: анализ философско-онтологических основ. Казань : Грандан, 1999. 408 с.

Морозов Н. А. История возникновения Апокалипсиса: Откровение в буре и грозе. Репринт. изд. 1907 г. М. : Изд-во АОН, 1991. 304 с.

Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский. 1863—1945 гг. М. : Наука, 1982. 487 с.

Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. М. : Линка-пресс, 1995. 269 с.

Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика — психология — прогнозирование. М. : Мир, 2004. 367 с.

Невостребованные возможности русского духа. М. : ИФ РАН, 1995. 85 с.

Никольский Н. М. История русской церкви. 3-е изд. М. : Политиздат, 1985. 448 с.

Олейник О. Ю., Меметов В. С. Интеллигенция, эмиграция, Отечество: проблема патриотизма в творческом наследии представителей российского зарубежья 20—30-х годов XX века / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1997. 244 с.

Первый Совет рабочих депутатов, 1905, Иваново-Вознесенск: Время. События. Люди. М. : Советская Россия, 1985. 256 с.

Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1980. 302 с.

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М. : Прогресс, 1985. 344 с.

Пришвин М. М. Дневники. М. : Правда, 1990. 480 с.

Раков В. П. Филология и культура. Статьи. Иваново : Изд-во МИК, 2003. 288 с.

Сагатовский В. Н. Русская идея: Продолжим ли прерванный путь? СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1994. 217 с.

Семенова С. Г. Тайны Царствия Небесного. М. : Школа-Пресс, 1994. 415 с.

Сиверц Ван Рейзема Я. В. (Аргутинский-Долгорукий А. И.) Философия планетаризма. Планетарный разум земной цивилизации. М. : Фонд «Новое тысячелетие», 2005. 592 с.

Смирнов А. В. Главный источник нашей силы: Рабочие промышленности СССР, 1945—1970 гг. М. : Мысль, 1984. 200 с.

Смирнов Г. С. Интеллигенция и ноосфера. Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. 128 с.

Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность. Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.

Смирнов Д. Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную философию. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.

Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. 372 с.

Смысл человеческого бытия: Коллективная монография. Владимир : ВГПУ, 2002. 276 с.

Соколов А. В. Поколения русской интеллигенции. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. 664 с.

Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. 701 с.

Соловьев В. С. Философское начало цельного знания. Минск : Харвест, 1999. 912 с.

Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. М. : Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. 303 с.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. : РХГИ, 2000. 1054 с.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб. : Алетейя, 1994. 650 с.

Стёпин В. С. Теоретическое знание. М. : Наука, 2000. 501 с.

Стёпин В. С. Философская антропология и философия науки. М. : Высшая школа, 1992. 191 с.

Субетто А. И. По дороге совместной жизни длиной в пятьдесят лет. Очерк-воспоминание. СПб.; Кострома : Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. 98 с.

Суминова Т. Н. Ноосфера: поиски гармонии. М. : Академический Проект, 2005. 448 с.

Таганов Л. Н. «Ивановский миф» и литература. Иваново : «Иваново», 2006. 338 с.

Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М. : Ренессанс ПС «ИВО-Сид», 1992. 311 с.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.

Тойнби А. Дж. Постигание истории / Пер. с англ. М. : Прогресс, 1994. 736 с.

Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории / Сост., предисл. и прим. М. Б. Смолина. М. : Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2004. 688 с.

Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М.: ИД «Ноосфера», 1998. 500 с.

Усманов С. М. Безысходные мечтания : Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX —

начале XX века / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1998. 184 с.

Усманов С. М. Птица-Тройка. Пути России в озарениях русских мыслителей XIX столетия. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. 160 с.

Федоров Н. Ф. Сочинения / Общ. ред. А. А. Гулыга. М. : Мысль, 1982. 711 с.

Философская антропология и гуманизм: коллективная монография / Под ред. Ф. В. Цанн-кай-си. Владимир : Изд-во Влад. гос. пед. ун-та, 2004. 321 с.

Флоренский П. А. Сочинения. В 2 т. М. : Правда, 1990. Т. 1. 496 с.; Т. 2. 352 с.

Хаксли О. Вечная философия. М. : «Рефл бук», «Ваклер», 1997. 330 с.

Хаксли О. Остров. Врата восприятия. Небеса и Ад / Пер. с англ. Киев: София, 1995. 448 с.

Шимельфениг О. В. Живая Вселенная. Саратов : Научная книга, 2005. 688 с.

Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения. В 2 т. М. : Мысль, 1987—1989. Т. 1. 637 с. Т. 2. 636 с.

Шишин М. Ю. Ноосфера. Культура. Культурный ландшафт. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003. 234 с.

Статьи в рецензируемых научных журналах

Байрауд Д. Интеллигенция и власть : советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 122—135.

Баландин Р. К. Техносфера и ноосфера // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 107—116.

Белов А. А. Информатизация, интеллектуализация, интеллигентизация, экологизация // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 80—86.

Белов А. А. Информатизация, интеллектуализация, интеллигентизация, экологизация // Интеллигенция и мир. 2001. № 2/3. С. 157—165.

Булавка Л. А. Ренессанс и Советская культура // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 35—50.

Вайно А. Э. Капитализация будущего // Вопросы экономики и права. 2012. № 4. С. 42—57.

«Дело» А. А. Богданова (Малиновского) // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 3—20.

Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // Ноосферные исследования. 2002. Вып. 1. 158 с.; Вып. 2. 177 с.

Квакин А. В. Интеллектуальная элита — интеллектуалы / интеллигенция: Еще раз о соотношении понятий // Интеллигенция и мир. 2001. № 2/3. С. 166—169.

Круглый стол журнала «Вопросы философии», посвященный обсуждению книги Н. Н. Моисеева «Быть или не быть... человечеству?» // Вопросы философии. 2000. № 9.

Курган Г. И. Русский раскол, его истоки и исследование в общественной мысли России XIX — XX века // Философия и общество. 2005. № 4. С. 172—188.

Ледяев В. Г. Понятие интеллигенция: проблемы концептуализации // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 12—18.

Меметов В. С. Духовность интеллигенции как фактор устойчивого развития общества: обсуждение проблемы // Интеллигенция и мир. 2001. № 2/3. С. 95—96.

Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации // Безопасность Евразии. Журнал высоких гуманитарных технологий. 2001. № 4. Октябрь—декабрь. С. 498—634.

Смирнов Г. С. Мировая интеллигенция и ноосфера: пространство философского дискурса // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 69—79.

Смирнов Г. С. Парк Майского периода // Наша Родина — Иваново-Вознесенск. 2006. № 2. С. 43—49.

Смирнов Г. С. Зеркало вселенского бытия: музейный мир Дмитрия Бурulina // Наша Родина — Иваново-Вознесенск. 2006. № 1. С. 6—10.

Смирнов Г. С. Ноосферная история человечества: философско-методологический анализ эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 1. С. 3—21.

Смирнов Г. С. Ноосферная история человечества: философско-методологический анализ эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 2. С. 74—92.

Смирнов Г. С. Ноосферное образование: «мыслить глобально, действовать локально» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Вып. 3. С. 88—104.

Струве П. Б. Великая Россия. Интеллигенция и народное хозяйство. Индивидуализм и социализм // Вопросы философии. 1992. № 12.

Тимофеев М. Ю. История формирования семиосферы города Иванова (1871—1991) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2005. Вып. 2. С. 78—94.

Франк С. Культура и религия: (По поводу статьи о «Вехах» С. В. Лурье) // Филос. науки. 1991. № 7. С. 68—82.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1995. № 1. С. 33—48.

Шахназаров О. Л. Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 72—98.

Шемякин О. Л., Шемякина О. Д. Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 98—108.

Элбакян Е. С. Российская интеллигенция как социокультурный феномен // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 82—96.

Статьи в сборниках научных трудов, статей и материалах конференций

Бердяев Н. А. Русская идея // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов / Сост. А. Ф. Замалеев. СПб. : Наука, 1992. С. 37—258.

Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 235—244.

Волков В. П. В. И. Вернадский — общественный деятель и публицист // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 11—25.

Воронов Ю. М. Интеллигенция и муниципальный политический процесс: проблемы социальной сплоченности местного сообщества // Земства, советы, муниципалитеты: исторический опыт и современность. Иваново, 2005. С. 18—21.

Гайденко П. П. «Вехи»: Неуслышанное предостережение // Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 103—122.

Дмитревская И. В. Ноосферный текст: системно-герменевтический анализ // Реалии ноосферного развития. М., 2003. С. 194—205.

Дмитревская И. В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново, 1997. С. 8—27.

Ефремов И. А. Мир в движении // Время искать. М. : Мол. гвардия, 1986. С. 169—172.

Пахомов С. А. Малые сообщества в современной России: проблемы культурной идентичности и самоорганизации // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 2. № 48/49. С. 201—213.

Пушкарева И. М. Итоги и задачи советской исторической науки в изучении Советов 1905—1907 гг. в России // Рабочий класс и советы в революции в 1905—1907 гг. в России. Иваново, 1976. С. 3—17.

Смирнов Г. С. Интеллектуальные искания российской интеллигенции: от «Великой России» к ноосфере (опыт реконструкции) // Проблемы теории и истории изучения интеллигенции: поиск новых подходов. Иваново, 1994. С. 12—20.

Смирнов Г. С. Интеллигенция как фактор разрешения ноосферных конфликтов // Реалии ноосферного развития. М., 2003. С. 206—217.

Смирнов Г. С. Музейная культура везде-вечности: синтез ноосферного сознания Д. Г. Бурulina // Меценаты русской провинции. Иваново, 2012. С. 8—11.

Смирнов Г. С. Ноосферный гуманизм // Философская антропология и гуманизм. Владимир, 2004. С. 178—205.

Смирнов Д. Г. Семиотика ноосферной идентичности // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость. Иваново, 2008. С. 185—188.

Степанов А. В. Первый совет глазами историка XXI века // Земства, советы, муниципалитеты: исторический опыт и современность. Иваново, 2005. С. 59—61.

Федоров В. М. Ноосферная цивилизация // Реалии ноосферного развития. М., 2003. С. 155—162.

Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 575—606.

Шипулина А. В. Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 г. в исторической литературе // Рабочий класс и советы в революции в 1905—1907 гг. в России. Иваново, 1976. С. 64—77.

Якобсон Ю. А. Возникновение и деятельность Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов 1905 г. // Рабочий класс и советы в революции в 1905—1907 гг. в России. Иваново, 1976. С. 47—63.

Якобсон Ю. А. Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 года в буржуазной исторической литературе // Проблемы историографии общественно-политического движения в России в XIX — нач. XX в. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1986. С. 113—122.

Янин А. Л. Учение В. И. Вернадского о биосфере и переходе ее в ноосферу // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 489—502.

Учебные пособия и справочные материалы

Ахлюстина М. А. История российской интеллигенции XX столетия: Учеб. пособие по спецкурсу. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. техн. ун-та, 1996. Ч. 1. 64 с.

Бычков В. В. Эстетика. Учебник. М. : Гардарики, 2002. 556 с.

В. И. Вернадский: pro et contra. Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898—1998). СПб. : Изд-во РХГИ, 2000. 871 с.

Визитница Дмитрия Геннадьевича Бурылина. Каталог / отв. ред.-сост. Д. Л. Орлов и А. А. Полякова. Иваново : Издатель Епишева О. В., 2012. 208 с.

История русской философии: Учебник для вузов / Редкол. М. А. Маслин и др. М. : Республика, 2001. 639 с.

Орлов Д. Л., Лисенков И. В. История башенных часов Музея промышленности и искусства Д. Г. Бурлыгина. Иваново : Изд-во ИГИКМ им. Д. Г. Бурлыгина, 2012. 26 с.

Сокровища музеев Земли Ивановской. Иваново : Полиформ, 1998. 200 с.

Урсул А. Д., Урсул Т. А. Универсальный эволюционизм: концепции, подходы, принципы, перспективы: Учебное пособие. М. : Изд-во РАГС, 2007. 326 с.

Цанн-Кай-си Ф. В. Философия как теоретическое мировоззрение: курс лекций. Владимир : Транзит-ИКС, 2009. 442 с.

Якобсон Ю. А. В зеркале прессы. Нелегальная и легальная печать в России о всеобщей стачке Иваново-вознесенских рабочих летом 1905 года: Учебное пособие / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1989. 72 с.

Газетные и публицистические статьи

Иорданский В. Во власти безмыслия. «Веховская» методология в борьбе с советским строем // Литературная газета. 2009. № 6.

Немцов Б. Пойдешь в град Китеж, придешь в город Глупов // Общая газета. 2000. № 20.

Плеханов Г. В. Политическое завещание // Независимая газета. 1999. 30 ноября.

Салуцкий А. Утерянные смыслы // Литературная газета. 2009. № 16.

Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию // Специальный выпуск. Брошюра к газете «Комсомольская правда». 1990. 18 сентября.

Фролов А., Правосудов С. Альтернативная реальность. «Зеленая» энергетика дорога и неэффективна // Газпром. 2010. № 12.

Фурсов А. Номенклатурные сатурналии // Литературная газета. 2006. № 7—8.

Сборники материалов конференций и научных трудов

Антропологическое измерение глобализационных процессов: Материалы межвуз. науч. конф. «Философско-антропологическая аналитика бытия человека в глобальном мире». Владимир, 7—9 октября 2003 г. Владимир : Изд-во Влад. гос. пед. ун-та, 2003. 197 с.

В. И. Вернадский: ноосферология и образование: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 21—22 мая 2002 г. М. : ИД «Ноосфера», 2002. 464 с.

В. И. Вернадский и современность: Материалы торжеств. заседания, посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В. И. Вернадского. 12 марта 2003 г. М. : ИД «Ноосфера», 2003. 348 с.

Вехи. Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909—1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой; Предисл. В. Шелохаева. М.: Мол. гвардия, 1991. 462 с.

Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. М. : Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. 212 с.

Владимир Соловьев и философия Серебряного века / Сост. П. П. Гайдено. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 472 с.

Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход: Тез. докл. XI Междунар. науч.-теор. конф. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. 20—22 сентября 2000 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2000. 384 с.

Земства и Советы: исторический опыт и современные проблемы местного самоуправления: Материалы республ. науч.-практ. конф. Иваново, 27—28 октября 1995 г. Иваново : Ивановская городская дума, 1995. 161 с.

Земства, советы, муниципалитеты: исторический опыт и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иваново, 27—28 мая 2005 г. Иваново : Иван. гос. ун-т. 2005. 207 с.

Интеллигенция в политической истории XX века: Тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново, 23—24 апреля 1992 г. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1992. 242 с.

Интеллигенция в политической истории XX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново : [б. и.], 1993. 112 с.

Интеллигенция России : уроки истории и современность: Тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново, 20—22 сентября 1994 г. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1994. 335 с.

Интеллигенция России: традиции и новации. Тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново, 25—27 сентября 1997 г. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1997. 447 с.

Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы: Тез. докл. X-й междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 22—24 сентября 1999 г. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1999. 376 с.

Интеллигентоведение: проблемы становления нового вузовского курса: Материалы межгос. заочной науч.-метод. конф. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново : Иван. гос. ун-та, 2000. 88 с.

Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации: Материалы XIV Междунар. науч.-теор. конф. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. 25—27 сентября 2003 г. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2003. 215 с.

Интеллигенция и церковь : прошлое, настоящее, будущее: Материалы XV Междунар. науч.-теор. конф. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново, 23—25 сентября 2004 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. 329 с.

Историческая наука и методология истории в России XX века: Материалы Всерос. науч. конф. / Редкол.: А. В. Малинов (отв. ред.) и др. Санкт-Петербург, 21 апреля 2003 г. СПб. : Издательство «Северная звезда», 2003. 413 с.

Меценаты русской провинции: Сб. материалов II науч.-практ. конф. Иваново, 16 февраля 2012 г. Иваново : Изд-во ИГИКМ им. Д. Г. Бурылина, 2012. 282 с.

Мыслители русского зарубежья / Сост. А. Ф. Замалеев. СПб. : Наука, 1992. 463 с.

На пути к устойчивому развитию России. Навстречу Всемирному Саммиту в г. Йоханнесбурге: Сб. статей. М. : ИД «Ноосфера», 2002. 628 с.

Научное наследие В. И. Вернадского в контексте глобальных проблем современности: Докл. межгос. науч. конф. Крым, 23—25 мая 2001 г. М. : ИД «Ноосфера», 2001. 468 с.

Неуслышанные голоса / Сост. Г. Померанц. М. : ПИК, 2003. 447 с.

Ноосферология: наука, образование, практика: Сб. науч. ст. / Под ред. О. А. Габриеляна. Симферополь, 27—29 мая 2008 г. Симферополь : Предприятие «Феникс», 2008. 464 с.

Ноосферная идея и будущее России: Тезисы Межгос. науч.-практ. конф. / Редкол.: Г. С. Смирнов (отв. ред.) и др. Иваново, 28—29 мая 1998 г. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1998. 181 с.

Ноосферное образование в России: Материалы научной конференции. В 2 т. / Редкол.: Г. С. Смирнов (отв. ред.) и др. Иваново, 3—5 октября 2001 г. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2001. Т. 1. 251 с. Т. 2. 274 с.

Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее будущее: Тез. докл. Междунар. науч.-теор. конф. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново, 23—25 сентября 1998 г. Иваново : Изд-во Иван. гос. ун-та, 1998. 467 с.

Общечеловеческие императивы и этнонациональные ценности интеллигенции: Материалы XVI Междунар. науч.-теор. конф. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново, 22—24 сентября 2005 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 230 с.

Первая глобальная революция: Докл. Рим. Клуба / Сост. А. Кинг, Б. Шнайдер. М. : Прогресс, 1991. 339 с.

Подводя итоги: духовное и идейное развитие России в XX веке: Тез. докл. регион. науч. конф. Иваново, 4 апреля 2001 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2001. 103 с.

Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии: Тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново, 13—15 сентября 1993 г.; / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1993. 461 с.

Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества: Материалы XVII Междунар. науч.-теор. конф. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново, 21—23 сентября 2006 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. 340 с.

Проблемы изучения истории российской интеллигенции и культуры в вузовских исторических курсах: Тез. докл. республ. науч.-метод. конф. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др. Иваново, 24—25 марта 1994 г.; / Иван. гос. ун-та. Иваново, 1994. 168 с.

Проблемы теории и истории изучения интеллигенции: поиск новых подходов: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: В. С. Меметов (отв. ред.) и др.; / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1994. 128 с.

Проблемы формирования общероссийской идентичности: Русскость и российскость: Материалы Междунар. науч. конф. / Под ред. О. В. Рябова. Иваново-Плес, 15—16 мая 2008 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 327 с.

Проблемы историографии общественно-политического движения в России в XIX — начале XX в.: Межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1986. 145 с.

Рабочий класс и советы в революции в 1905—1907 гг. в России : Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: А. В. Шипулина (отв. ред.) и др. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1976. 163 с.

Реалии ноосферного развития: Материалы Межгос. науч.-практ. конф. «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия». Иваново, 21—23 мая 2003 г. М. : ИД «Ноосфера», 2003. 395 с.

Региональное устойчивое развитие: новое видение проблем : Материалы науч.-практ. конф. / Редкол. : Г. С. Смирнов (отв. ред.) и др. Иваново, 11 мая 1999 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2000. 119 с.

Российская интеллигенция и ноосферная динамика: Материалы XII Междунар. науч.-теор. конф. «Духовность интеллигенции как фактор устойчивого развития общества». / Редкол. : Г. С. Смирнов (отв. ред.) и др. Иваново, 20—22 сентября 2001 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2001. 132 с.

Россия на пути к устойчивому развитию. М. : МГИУ Правительства Москвы, Издательский Дом НП, 2003. 412 с.

Сборник «Вехи» в контексте русской культуры. М. : Наука, 2007. 424 с.

Синергетика и учебный процесс: Материалы Круглого стола. М. : Изд-во РАГС, 1999. 300 с.

Синергетика и социальное управление. М. : Изд-во РАГС, 1998. 351 с.

Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 495 с.

Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 583 с.

Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 560 с.

Социальное развитие рабочего класса и крестьянства Ивановской области. Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: А. В. Смирнов (отв. ред.) и др. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1989. 135 с.

Социально-философские аспекты ноосферной динамики России: Материалы Междунар. науч. конф. «Проблемы сознания и ноосферы в отечественной и зарубежной философии XX века». / Редкол.: Г. С. Смирнов (отв. ред.) и др. Иваново, 20—21 декабря 2000 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2000. Ч. 2. 162 с.

Творческий потенциал научной и вузовской интеллигенции: проблемы развития и эффективного использования: Тез. докл. / Редкол.: Л. А. Ширяев (отв. ред.) и др. Уфа, февраль 1995 г. Уфа : [б. и.], 1995. 104 с.

Экология духовности (к 2000-летию Р. Х.): Материалы межвуз. науч. конф. Иваново, 22 декабря 1999 г. Иваново : Изд-во Иван. гос. энергетического ун-та, 2000. 60 с.

«"Я надеюсь, что это пригодится..." (Д. Г. Бурьлин)» / Под общ. ред. Д. Л. Орлова. Иваново : Издатель Епишева О. В., 2011. 176 с.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Автотрофность человечества 173
Аксиолитет 43, 61, 267
Аксиология интеллигенции 111
Амбивалентность сознания 91
Антропокосмическая формула 80
Аттрактор ноосферного развития 105
- Бытие** духовное 42, 47, 361
Бытие интеллигенции 113
Бытие семиотическое 387
- Везде-вечность** 46—47, 352
Вечная интеллигенция 353
Всебытие 151
Вселенское чувство 231, 376, 406
Вузовская интеллигенция 55
- Глобализация 80, 82—86, 141, 400—402
Глобализация евразийская 91
Глобализм 84
Глобалистика 83, 258, 348
Глобальная гуманитаристика 11
Глобальная революция 419
Глобальная синергия 395
Глобальное сознание 4, 329—334, 347, 387, 394, 389, 395—396
Глобальный вызов 174
- Глобальность 52, 81—85, 160, 267, 310, 330, 332—334, 346, 350, 356—357, 363, 368
Глобальный императив 66, 118
- Дух 6, 20, 22, 25, 43
Духовность 5—7, 14—15, 17—18, 23, 44, 48, 58
Духовная жизнь 21—22, 25, 36
Духовная энергия 16, 295
Духовное производство 13, 32, 46, 51, 55—56
Духовные формации 94, 168—171
Духовные ценности 24, 295
Душа 91, 114, 158, 263, 377, 382, 386, 392
- Евразийская идея 88, 94, 330—331
Евразийская глобализация 84
Евразийская идентичность 289
Евразийское сознание 40
Евразийство 40, 65, 332
- Живое разумное вещество** 61, 63, 127, 197, 209
Жизнебытие 126, 168, 205, 214, 225
Жизненные силы 178, 210
Жизнь глобальная 203
Жизнь духовная 14—15, 22—24, 26, 33, 36, 48, 50,

- 57, 65, 69, 71, 113, 128, 153,
171, 191, 266, 287, 295,
296—297, 312, 343, 375
- Идея евразийская** 94
- Идея Вселенности** (универсумности, сверхсистемности) 374
- Идея ноосферы** 265—267
- Идея русская** 37
- Идеократия** 91, 198—201,
243, 404
- Интеллектуал** 394
- Интеллектуальность** 37, 101,
107, 112, 124, 153
- Интеллигент** 16, 22—23, 33,
37, 41, 49, 165, 218, 220,
248, 282, 291, 296, 307,
311—312, 316, 334, 352
- Интеллигентский дискурс** 38,
281—283
- Интеллигентское сознание**
41, 354
- Интеллигентуал** 10
- Интеллигентность** 43, 45, 61,
71, 96, 100, 102, 104—107,
111—112, 165, 406
- Интеллигентоведение** 49
- Интеллигициведение** 48
- Интеллигентосфера** 103, 104
- Интеллигенция «горячая»** 35
- Интеллигенция космополитическая** 46
- Интеллигенция народная** 46
- Интеллигенция национальная**
9, 45, 55, 91, 166
- Интеллигенция ноосферная**
63, 91, 131, 135
- Интеллигенция общественная**
58
- Интеллигенция партийная** 14,
47, 63, 180
- Интеллигенция патриотическая** 55
- Интеллигенция региональная**
55
- Интеллигенция сельская (деревенская)** 45
- Интеллигенция советская** 15,
24, 41, 45, 63, 88, 98, 125,
159, 165—166, 178—181,
191, 308, 353, 399
- Интеллигенция столичная** 46
- Интеллигенция социальная**
46
- Интеллигенция как класс** 13,
22, 35, 38, 64, 72, 89,
91—92, 98, 143, 159, 377
- Интеллигенция как прослойка**
12, 25, 45, 91, 290
- Интеллигенция как система**
- Интеллигенция мировая** 33,
45, 57, 59, 62, 89, 92, 115,
147, 182, 274, 284, 395,
402, 411
- Интеллигенция мировая** 45,
59
- Интеллигенция российская**
15, 34—35, 46, 59, 61,
70—78, 82, 88—90,
92—94, 96, 98, 108, 112,
114, 117—118, 127, 140,
142, 177—178, 180, 256,
274, 292, 353, 412, 419
- Интеллигенция русская**
15—19, 21—23, 29—32,

- 37—38, 40, 114, 124—125,
128, 295—296, 315, 317
- Истина-Добро-Красота 157,
174, 326
- Катастрофизм** Кювье 69
- Качество человека 100
- Космизм русский 91
- Кореволуция 86, 116
- Козволюция 86, 116, 181, 285
- Культурная биогеохимиче-
ская энергия 48, 184
- Либеральное мышление** 361
- Личностная история 238
- Личностное бытие 345, 348
- Личностные качества 244
- Личностное сознание 392
- Личностно-персоналисти-
ческое ноосферное знание
131
- Менталитет** 24, 43, 61, 164,
236, 239, 267
- Миро-глобальность 91
- Миропостроение 57, 107, 269,
279
- Миропостроение внешнее 57,
73, 113, 278, 289
- Миропостроение внутреннее
57, 72—73, 113, 278, 281
- Миропостроение ноосферное
129, 256, 262, 264—265,
269, 274, 284
- Мировоззрение ноосферное
343
- Мудрец 102, 186
- Народная интеллигенция** 36,
45, 143, 177, 193, 201, 293
- Народный разум** 184—185
- Научная интеллигенция** 55,
165
- Научная мысль** 7, 11, 170,
194, 196, 326—328, 404
- Ноосфера как глобальная
система** 200
- Ноосферная геополитика** 87,
95
- Ноосферная идея** 7, 94, 122,
232, 237—238, 260—267,
388
- Ноосферная история** 120, 156,
160—168, 172—173,
181—182, 184, 212, 325,
334, 387—388, 408, 411
- Ноосферная личность** 133
- Ноосферная трибология** 122
- Ноосферная формация** 171
- Ноосферная экология** 88, 114
- Ноосферное сознание** 11, 56,
59, 63, 65, 74, 87, 91,
129—130, 132, 135, 146,
171—172, 196, 264—266,
285, 303, 327, 347, 386,
395, 408, 413
- Ноосферное человечество**
116
- Ноосферные ценности** 319
- Ноосферный гуманизм** 174
- Нооптимизм** 84
- Ноосферный подход** 54, 149
- Нообытие** 131
- Ноософия** 302—303
- Ноосферология** 11, 57, 62, 90,
103, 140, 148, 269, 289,
302—303, 329, 398, 416, 418

- Общечеловеческие ценности
15, 34, 47, 61, 81, 91, 405
- Онтология интеллигенции
109
- Осевое время 9, 97, 137
- Парадигмы осмысления интеллигенции** 52
- Персонализм исторический
323
- Персоналистичность 300
- Пневмосфера 104, 129
- Праксиолитет 43, 61, 236,
239, 267
- Праксиология интеллигенции
112
- Прединтеллигенция 39, 114,
293
- Провинциальная интеллигенция
55, 75, 145, 375
- Психология интеллигенции
91, 109
- Разум** 9—11, 14, 25, 61, 64,
69—72, 80—81, 86, 91,
100, 111, 121, 140—142,
145, 147—148, 152—153,
163, 168, 180, 183—184,
193—195, 244, 263—264,
289, 296, 301, 335, 347,
350, 365, 386, 392—393,
395—397, 403, 407, 408
- Разум государственный 185
- Разум интеллигентский 186
- Разум коллективный 186,
196—197, 277, 288
- Разум мировой (интеллигенция)
142
- Разум народный 184—185
- Разум ноосферный 90, 140,
182, 193
- Разумная Вселенная (Ноосфера)
147
- Реализм 144, 164
- Религиома 185
- Самоорганизация 38, 43, 132,
193, 195—197, 267
- Саиоорганизация ноосферная
198
- Социология интеллигенции
109
- Типология интеллигенции** 91,
163
- Универсология** 181
- Универсум антропо-ноосферный
178
- Универсум Вселенский 79
- Универсум духовный 164
- Универсум информационный
280
- Универсум исторический 168
- Универсум когнитивный 269
- Универсум личностный 154,
199, 361
- Универсум локальный 154
- Универсум материальный
164
- Универсум музейный 391
- Универсум ноосферный
263—265, 390
- Универсум реальный 191
- Феномен глобальности** 422
- Философема 185, 187

- Феномен интеллигенции 101
Философия интеллигенции
101, 108
- Художественная интеллигенция 55, 63, 165, 179
- Ценности интеллигенции 418
Целостность знания 176
- Человек духовный 60
Человек ноосферно-универсумный 180
Человек ноосферный 133, 285
Человек размышляющий 297
Человек родовой 61, 74
Человек-Универсум 61—62, 303
Человек философствующий 270
Человечество 9, 24—25, 32, 42, 86, 88, 95, 111, 141, 172, 276—277, 280, 297, 325—327, 354, 396
- Человек везде-вечный 85
Человек как Творец 25, 75
Человеческая революция 133
Человеческие качества 19, 332, 408
Человеческое качество 81
Чувствилице Вселенной 85
- Экология духовности 420
Экология Души 386
Экология культуры 149, 259, 303
Элита 83, 326, 398
- Язык великорусский 150
Язык вселенский 150
Язык иностранный 166, 331
Язык русский 55, 77, 114, 135, 148—150, 204, 336
Языковая реальность 148
Языковое сознание 282
Языковой детерминизм 148
Языковой билингвизм 280

SUMMARY

The beginning of the third millennium — a new chapter in Russian history. Post-imperial Russia successively reveals its new world and planetary destination. Russia realizes itself in a new way — as the global actor (after the voluntary surrender of the «socialistic fortress» to the favor of conqueror).

XX century — is the century of Russian avantgarde and Russian communism. Several generations of the intellectual elite — carrier of the global historical rationalism — are formed in series in this period. The cycles of imperial Russian and Soviet intelligentsia development were completed in one century. Native Russian intelligentsia considerably overgrew the «party (political)» elite in the end of Soviet history, first of all, in the intellectual plan. Socialistic intelligentsia completed its breakthrough from the public (fixed in Constitution of 1977) and human (formulated in the epoch of Perestrojka) into the global and noosferic space of being.

The updating of intelligentsia studies was caused by the escape of Russian and Soviet history into a world space. Strong effect of Russian intelligentsia on European and world history in the post-revolutionary period is widely-known. It is also important to look from the side at the achievements of Soviet intelligentsia in XX century, to reveal the socialist concepts of world-construction.

In actuality the last twenty years the destruction of social-strat institute of intellectual activity and spiritual production was finished. As a result now we see the quantitatively and qualitatively creeping degradation of spiritual (human) quality in Russia. Old Soviet intelligentsia (preserving traditional values of atheistic and near-orthodox order) gradually disappears, replacing by the corporate-orthodox class, which claims to assert an old values. At the same time «euro-positivistic intelligentsia» (standing for the European «humanistic» innovations) is contended. At once, traditional military-realm consciousness ties the primitive patriotism trends to Russian postmilitarist society.

The significant devaluation of Russian intelligentsia covers the last decade of the native history: its price (in the financial plan) falls, its social status is already gone. Russian intelligentsia had already

wasted its status of the public layer between the working class and the peasantry and almost became some kind of separator between the central and regional authority. Its aim (function) is focused on the translation of the state-oligarchical interests to «declassed» society, providing the invasion of the western model of globalization into the Russian public substance.

What goes on with Russian societal consciousness? How an old consciousness is destroying? How a new individual consciousness is creating under the conditions of market atomization, post-perestrojka decollectivization and desocialization? What proportions between the global, regional, local, group and personal interests are folded and needed? What is the essence of the contemporary global consciousness of intelligentsia, the global consciousness of state establishment and the global consciousness of Russian society as a whole in the meaningful, structural and conceptual plans? These are the key problems of the social philosophy of the consciousnesses as well as intelligentology. They are foregrounded by the search for national purposes and values, Russian identity and provide the attractors of Russian global future.

Thus, the dialectical collision between the contemporary Russian society and the reing imperatives appears. Russian society intuitively perceives that the positive spiritual (inner) dynamics lies beyond the limits of too olden and too modern. Consciousness of intelligentsia forms its own model of the inner-value intentionality.

This book is actually an attempt of correlation of the theoretical advance in the field of the philosophy of consciousness & noosphere and the methodological resources of the intelligentsia studies. This complementarity of noospherology and intelligentology leads from the ideas about the Russian intelligentsia as a world phenomenon to the conclusion about molding of world intelligentsia not only in the global, but also in the noospheric existence.

The problem «world intelligentsia and global consciousness», presented in the book, actually have several solutions (interpretations). But in the final look it discovered in the context of the noospheric personality and the noospheric history, as it makes possible to oversee (predict) a new horizons of the third millenium.

Научное издание

СМИРНОВ Григорий Станиславович

**ОБРАЗОВАНИЕ НООСФЕРЫ:
МИРОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И ГЛОБАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ**

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 21.12.2016 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 24,9.
Уч.-изд. л. 22,0. Тираж 100 экз. Заказ № 49. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ИПК «ПресСто»

✉ 153025 Иваново, ул. Дзержинского, 39